

#11, 2016 część 3

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Warszawa, Polska)

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

#11, 2016 part 3

East European Scientific Journal
(Warsaw, Poland)

The journal is registered and published in Poland. The journal is registered and published in Poland. Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)

Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)

Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)

Kehan Schreiner(Hebrew University)

Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Anthony Maverick(Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)

Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)

Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)

Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

**Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie 85/21,
02-001 Warszawa, Polska»**

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe

**Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa,
Polska**

E-mail: info@eesa-journal.com , <http://eesa-journal.com/>

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)

Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)

Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)

Kehan Schreiner(Hebrew University)

Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Anthony Maverick(Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)

Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)

Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)

Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

**Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-001
Warsaw, Poland»**

East European Scientific Journal

Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland

E-mail: info@eesa-journal.com , <http://eesa-journal.com/>

SPIS TREŚCI

JĘZYKOZNAWSTWO I LITERATUROZNAWSTWO / ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вяльсова А. П. КОНСТРУКЦИИ С ПРИЧАСТИЯМИ И ДЕЕПРИЧАСТИЯМИ, ОБРАЗОВАННЫМИ ОТ ГЛАГОЛОВ ЗВУЧАНИЯ, И ПРОБЛЕМА ТАКСИСА.....	5
Коврак V. A. THE INTECONNECTIONS OF COMPONENTS OF COGNITIVE MODEL OF THE SEMANTIC CONTENT "THE NATIONAL IDEA".....	10
Пелипець М. І. ТЕМАТИКО-ПРОБЛЕМАТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ СУСПІЛЬНО-ПОЛІТИЧНОЇ ПУБЛІЦИСТИКИ СТЕПАНА СМАЛЬ-СТОЦЬКОГО.....	13
Сухомлинова М. А. ВЛИЯНИЕ КЛАССИЧЕСКИХ (МЁРТВЫХ) И СОВРЕМЕННЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.....	17
Трофимова Л. В. СЕКРЕТЫ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ БАРБАРЫ ФРИШМУТ.....	23
Хоменко О. А. ІСТОРИЧНІ ПЕРЕДУМОВИ СТАНОВЛЕННЯ АНАЛІТИЧНОЇ КОНЦЕПЦІЇ ОСМИСЛЕННЯ ХУДОЖНЬОЇ СЛОВЕСНОСТІ В УКРАЇНОЗНАВСТВІ.....	25

KULTUROZNAWSTWO / КУЛЬТУРОЛОГИЯ НАУКИ

Zeynalova Leyla Mikayil AZƏRBAYCANDA ƏNƏNƏVİ TOY MƏRASİMLƏRİ VƏ ONA HAZIRLIĞIN MƏRHƏLƏLƏRİNİN KULTUROLOJİ TƏHLİLİ ("KITABI-DƏDƏ QORQUD" EPOSU ƏSASINDA).....	32
Дейнегіна Т. О. ВИКОНАВСЬКА ПАРАДИГМА ТЕЛЕВЕДУЧОГО В КОНТЕКСТІ ЕФІРУ ХХІ СТОРІЧЧЯ.....	36
Ерошенко Ю. В. ТРАДИЦИИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ.....	46
Парфьонова О. І. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ИСКУССТВА КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ В ЗЕРКАЛЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ.....	52
Чуйко В. О., Чуйко С. І. МАСОВІ СВЯТА ПРИДНІПРОВ'Я В КОНТЕКСТІ СОЦІАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ПРОЦЕСУ В КРАЇНІ У ПЕРШІЙ ПОЛОВИНІ ХХСТ.....	55

BIOLOGIA / БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бобрецов В. Е., Канева Л. А., Козлова Ю. А. ИНТЕРЬЕРНЫЕ ПРИЗНАКИ ЛАКТИРУЮЩИХ ОВЦЕМАТОК В УСЛОВИЯХ КОРМОВОГО СТРЕССА.....	60
Дмухальська Є. Б. ВПЛИВ ПЕПТИДУ ЦИСТЕІЛ-ГІСТИДИЛ-ТИРОЗИЛ-ГІСТИДИЛ-ІЗОЛЕЙЦИН НА СТРУКТУРНІ ЗМІНИ ПЕЧІНКИ В ЩУРІВ УРАЖЕНИХ СОЛЯМИ ВАЖКИХ МЕТАЛІВ ТА ФОСФОРОРГАНІЧНИМИ ПЕСТИЦИДАМИ.....	66
Зданович В. В. БИОПРОДУКЦИОННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ МОЛОДИ РАДУЖНОЙ ФОРЕЛИ ONCORHYNCHUS MYKISS ПРИ ПОСТОЯННОЙ ТЕМПЕРАТУРЕ И В ТЕРМОГРАДИЕНТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРИ РАЗНОЙ СТЕПЕНИ ПИЩЕВОГО НАСЫЩЕНИЯ.....	71
Кашулин П. А., Калачёва Н. В. SPACE CYCLICITY AND SYNCHRONOUS PHOTOSYNTHETIC TIME-COURSE OF DECIDUOUS TREES FOLEAGE IN KOLA SUBARCTIC НАСЫЩЕНИЯ.....	77

Капельянец Л. В., Трезуб Н. С.

СЕЛЕНОБОГАЩЕННЫЕ БИОЛОГИЧЕСКИ АКТИВНЫЕ ДОБАВКИ.....82

POLITOLOGIA / ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Грабська Анна

DEUTSCHE WELLE (DW) В СИСТЕМІ НІМЕЦЬКОЇ ПУБЛІЧНОЇ ДИПЛОМАТІЇ..... 88

Мельничук Л. М.

ДІАГНОСТИКА СОЦІАЛЬНОГО РОЗВИТКУ РЕГІОНІВ У ПРОЦЕСІ ПРИЙНЯТТЯ ДЕРЖАВНО-УПРАВЛІНСЬКИХ РІШЕНЬ: УКРАЇНСЬКИЙ ДОСВІД..... 91

Самара С. Г.

СУТНІСТЬ ТА ХАРАКТЕРНІ ОСОБЛИВОСТІ ВЗАЄМОДІЇ КАБІНЕТУ МІНІСТРІВ УКРАЇНИ З МІСЦЕВИМИ ДЕРЖАВНИМИ АДМІНІСТРАЦІЯМИ..... 93

PSYCHOLOGIA / ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Алонцева А. И.

ОТНОШЕНИЕ К БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ.....98

Борисюк О. М.

ОСОБЛИВОСТІ ФОРМУВАННЯ САМОРЕГУЛЯЦІЇ У ДІЮЧИХ ТА МАЙБУТНІХ ОФІЦЕРІВ ОРГАНІВ ВНУТРІШНІХ СПРАВ.....101

Лабунская В. А., Бзезян А. А.

ОСОБЕННОСТИ «APPEARANCE» СТЕРЕОТИПОВ ЭТНО-КУЛЬТУРНЫХ ГРУПП С РАЗЛИЧНЫМИ ТИПАМИ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА.....106

NAUKI ROLNICZE / СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ

Dyussembayev K. A., Kulataeva M. S., Alikulov Z.

XANTHINE OXIDASE OF CAMEL MILK HARBORS NITRATE AND NITRITE REDUCING ACTIVITIES.....114

Лавриненко Ю. А., Балашова Г. С., Юзюк С. Н.

ВЫРАЩИВАНИЕ КАРТОФЕЛЯ В УСЛОВИЯХ ЮГА УКРАИНЫ.....116

Мухачев И. С.

ДИНАМИКА ОЗЁРНОГО РЫБОВОДСТВА В ЗАУРАЛЬЕ РОССИИ.....120

SOCJOLOGIA / СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Жильцов В. А.

«NUDGE» – ТЕОРИЯ «МЯГКОГО ПОДТАЛКИВАНИЯ».....129

Замараева З. П.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА» В УСЛОВИЯХ ВУЗОВСКОЙ СИСТЕМЫ.....138

Мельников М. В., Лоренгель М. В.

ПУБЛИЧНОСТЬ ИНТИМНОГО В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ.....142

JEZYKOZNAWSTWO I LITERATUROZNAWSTWO / ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

КОНСТРУКЦИИ С ПРИЧАСТИЯМИ И ДЕЕПРИЧАСТИЯМИ, ОБРАЗОВАННЫМИ ОТ ГЛАГОЛОВ ЗВУЧАНИЯ, И ПРОБЛЕМА ТАКСИСА

Вяльсова А.П.

кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

Конструкции с причастиями и деепричастиями, образованными от глаголов звучания, представляют собой особый тип таксисных отношений, при котором главным показателем выступает не временная связь, но семантическое и модусное соотношение предикатов. Одна денотативная ситуация описана с точки зрения двух разных каналов восприятия: один предикат описывает общеперцептивное действие, а второй - частноперцептивное, звуковое. Как правило, причастия выражают факт, в то время как деепричастия часто отражают звуковую сторону действия.

Ключевые слова: действительное причастие, деепричастие, глаголы звучания, таксис, перцептивный аспект действия.

CONSTRUCTIONS WITH PARTICIPLES AND ADVERBIAL PARTICIPLES, DERIVED FROM THE SOUND VERBS, AND THE PROBLEB OF TAXIS

Vialsova A.P.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Modern Russian Language,
St. Tikhon's Orthodox University

There is a special type of taxis relation of participles and adverbial participles, derived from the sound verbs, in which the main indicator is not the time, but semantic and modus relationships between the predicates. The whole situation is described from two different canals of perception: one predicate describes the common action and the other - with the meaning of sound - shows only sound part of the whole action. Active participle usually expresses the factual action, whereas adverbial participle is often perceptual.

Key words: active participle, adverbial participle, sound verbs, taxis, perceptual aspect of action.

Объектом рассмотрения в данной статье являются конструкции с деепричастием и причастием типа Машина идет тяжело, хрипя и кашляя (Виктор Некрасов); Оставив экипаж у дома, Петр Елисеич зашагал к рудничному корпусу, где хрипела работавшая штанговая машина (Д.Н. Мамин-Сибиряк), которые исследовались в научной литературе на разных основаниях и в разных аспектах. В настоящей статье предпринята попытка объяснить данные конструкции как особый тип таксисной связи.

Прежде чем приступить к детальному рассмотрению материала следует пояснить некоторые базовые понятия, связанные с категорией таксиса. За последние 40 лет с момента публикации статьи Р.О. Якобсона «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол» [10, с. 101], в которой был введен термин таксис, категория таксиса получила достаточное освещение в грамматике описательной. Цель описательного подхода к грамматическому явлению – соотнесение категории и объектов, что в теории таксиса подразумевает распределение языковых единиц между таксисом и нетаксисными отношениями. Такой подход – от объекта к категории – представлен, в частности, научным направлением ТФГ, где сохраняется традиция Р.О. Якобсона и, соответственно, категориально-морфологический подход к категории таксиса. Центром поля таксиса в ТФГ становятся деепричастие и однородные сказуемые, грамматические свойства которых предопределяют для данного направления сущность категории таксиса. С одной стороны, таксис сводится к идее относительного времени, выражаемой в русском языке видом:

несовершенный вид – одновременность, совершенный вид – разновременность, с другой стороны, свойства грамматической связи деепричастия с основным предикатом стали рассматриваться как основное свойство таксисной связи, что в ТФГ названо «единый временной план» [9, с. 234-241].

Начало новому, объяснительному, этапу в исследовании таксиса было положено в работах Г.А. Золотовой и последователей ее научной школы. С именем Г.А. Золотовой связано широкое, семантико-синтаксическое, понимание категории таксиса, как «межпредикативного взаимодействия двух предикатов по трем предикативным категориям – модальности, времени и лицу» [4, с. 101]. Такая трактовка таксиса соединяет проблематику таксиса с понятием полупредикативности, что позволяет значительно расширить круг рассматриваемых единиц и исследовать все таксисные (полупредикативные, вторичные) предикаты на единых основаниях. Данная трактовка таксиса используется и в настоящей статье.

Конструкции, рассматриваемые в настоящей статье, никогда не становились отдельным предметом лингвистического исследования, однако неоднократно привлекали к себе внимание ученых в связи с другими явлениями в языке. Так, В.В. Виноградов в работе 1947 года, рассматривая временные значения деепричастий, обнаружил деепричастные конструкции, в которых «деепричастие совершенного вида обозначает побочное одновременное действие, сплетенное с действием глагола-сказуемого, включенное в него как его составная часть или образующее вместе с ним один

сложный акт... Сухо чмокнув, лопнула тонкая леса (Шолохов) [2, с. 323].

Близкие по типу конструкции стали предметом исследования И.А. Мельчука, который в статье, посвященной глаголам, замыкающим прямую речь, рассматривает возможность передачи русских предложений типа «Оставьте меня! – испугался буфетчик» английскими конструкциями с причастием II: «Leave me alone!» – said the bartender, frightened. Он задается вопросом, как интерпретировать данные конструкции: в лексическом аспекте – расширять круг глаголов, которые могут вводить прямую речь, или в синтаксическом аспекте – рассматривать конструкцию целиком, учитывая и более общий глагол речи. Если принять первый тезис, то тогда речевым глаголом следует признать любой глагол, даже не связанный семантически с оформлением речи, например, потирать руки, схватиться за голову и др. И.А. Мельчук признает единственно возможным решением синтаксический путь: фрагмент с прямой речью относится не к глаголу эмоционального состояния, а ко всей конструкции [5, с. 228]. Изложив в общих чертах взгляды И.А. Мельчука на данную конструкцию, отметим то, что автор статьи констатировал, но не объяснил. В данных конструкциях употребляются преимущественно те глаголы эмоционального состояния, семантика которых может включать наблюдаемые действия, положения, состояния: возмутился, испугался, встревожился, но не глаголы, выражающие внутреннее (зуальное) состояние: уважать, презирать, любить, симпатизировать. Это объясняется тем, что глаголы наблюдаемых состояний позволяют на протяжении всей конструкции удерживать единую точку зрения – один субъект модуса.

В ТФГ данные конструкции рассматриваются на предмет отнесенности/неотнесенности к таксисной связи. Для объекта исследования данный подход важен тем, что в работах по таксису регулярно обнаруживается рассматриваемый тип отношений как в деепричастных, так и в причастных конструкциях. Так как таксис в ТФГ понимается как хронологические отношения, то конструкции, в которых как таковых временных отношений нет, создают противоречие внутри теории. Во-первых, если признавать в данных конструкциях одновременность, то возникает вопрос, как отделить данные конструкции от стандартной одновременности. З.И. Годизова вслед за ТФГ характеризует таксисное значение этих конструкций как псевдоодновременность, а к таксису относит только те из них, в которых сочетаются действия разных субъектов: Когда Виктор Ипполитович ударом ножа раскроил надвое звонко хряснувшее, темно-зеленое, круглое диво с ледяной, сахаристой сердцевинкой, у Лары захватило дух от страха, но она не посмела отказаться (Б.Л. Пастернак) [3, с. 12-13]. Однако термин «псевдоодновременность» не объясняет механизм соотношения между двумя предикатами. Во-вторых, если не учитывать временного соотношения между предикатами, то необходимо выработать основания отнесения данных конструкций к таксису. В ТФГ обнаруживаются несколько решений данной проблемы. Первое решение предусматривает особые языковые условия: сочетание двух логически неоднородных действий (общего и частного), и на этом основании данные конструкции к таксису не относятся [см. 6, 7]. По мнению А.В. Бондарко, наоборот, таксисная связь с отношениями конкретизации, характеристики и оценки удерживается благодаря отнесенности действий к единому временному плану [9, с. 263-266].

В данной статье предлагается другое решение этой проблемы. Ш. Балли предложил выделять в предикативной единице уровень диктума – содержание высказывания – и уровень модуса – отношение говорящего к содержанию предложения [см. 1]. При анализе таксисной связи обычно учитывается только диктумная сторона соотношения предикатов. На основе предложенного Г.А. Золотовой широкого понимания термина «таксис» в настоящей статье выявляются несколько типов таксисных отношений, причем учитываются как отношения по линии диктума, так и связь с модусом. Основанием объединения двух предикатов в таксисную пару является не временное единство диктума (как в ТФГ), а односубъектность модуса: две диктумные единицы соединяются в таксисную пару тогда, когда владельцем двух модусов предикатов является один субъект сознания.

Различные комбинации отношений по диктуму и по модусу создают несколько типов таксисной связи:

(1) одноплановая связь, при которой два действия смежны в пространственно-временном отношении в сознании субъекта речи. Одноплановость характеризуется отношениями по линии диктума, в то время как тип модуса – конкретность/неконкретность действий – остается неизменным. Такой тип связи характерен для деепричастия. Например, Тяжело ворочая колесами, пароход стал отодвигаться от пристани (В. Крапивин) – оба предиката обусловлены точкой зрения наблюдателя; а в предложении В юности он писал песни, подражая Дельвигу и Кольцову (И.А. Бунин) деепричастие и основной предикат сообщают известную информацию.

(2) разноплановая связь, которая характеризуется сменной типа модуса в рамках одного субъекта сознания. Один предикат может выражать наблюдаемое действие, а другой то, что известно говорящему. Разноплановая таксисная связь в большей степени характерна для причастия. Например: Вскоре явился к Владимиру Андреевичу старый кучер Антон, некогда водивший его по конюшне и смотревший за его маленькой лошадкой (Пушкин). Основной предикат явился выражает сюжетное действие, которое находится в поле зрения субъекта речи-автора, а причастные предикаты выражают внесюжетную информацию, известную автору, но логически не связанную с основным предикатом. В ТФГ такие конструкции рассматривают как нетаксисные.

(3) связь двух предикатов, формирующих одну денотативную ситуацию, через единый модус сознания. Одно событие может быть представлено как переключение каналов восприятия в сфере одного субъекта-модуса: ср.: Осторожно нажал щеколду, дверь, скрипнув, отворилась (Шолохов) – один факт и два способа его восприятия: деепричастие – слух, а глагол – зрение. Это тип таксисной связи может поддерживать и изменение типа модуса в рамках одного субъекта сознания: ср.: Дэзи застеснялась и немного скокетничала, медленно поднимая опущенные глаза (А. Грин) – фактическое действие обозначено деепричастной конструкцией поднимая опущенные глаза, а интерпретация, оценка выражена глаголом скокетничала, который отражает точку зрения стороннего наблюдателя на действия главного действующего лица.

В настоящей статье будет рассмотрена таксисная связь по модусу с переключением каналов восприятия в рамках единого субъекта сознания на материале глаголов звучания. Данный тип таксисных отношений связан с явлением перцептивизации. «Перцептивизация – усиление, акцентирование, обогащение изобразительного плана путем замены

общеперцептивного выражения на частноперцептивное (ср. Он вышел из гостиной и Мышлаевский...зашлепал шпорами из гостиной – Булгаков)» [4, с. 415-416]. Это значит, что в предложениях с данным типом таксисной связи два предиката (общеперцептивный и частноперцептивный) представляют одну денотативную ситуацию. Например, Внизу, за спиной, звеня и сверкая, пробежали красноглазые трамваи (В.В. Вересаев). Тестом на то, что перед нами единая денотативная ситуация, описанная с двух ракурсов, а не два отдельных действия, является возможность опустить один из предикатов без существенного изменения смысла предложения. Можно опустить общеперцептивный предикат, оставив только частноперцептивный: Внизу, за спиной звенели и сверкали красноглазые трамваи. При этом создается эффект зрительно-слухового присутствия. В данном примере, однако, элемент за спиной позволяет предположить, что субъект речи слышит звон, а свет и цвет трамваев представляет на основе своего зрительного опыта, то есть, как видно, эффект присутствия в большей степени создается не предикатом со значением зрительного восприятия, а предикатом, выраженным звуковым глаголом. Но мы можем опустить и частноперцептивные предикаты, оставив только предикат с общим значением: Внизу, за спиной, пробежали красноглазые трамваи. Как видно из этого эксперимента, фрагмент теряет изобразительность, а прилагательное красноглазые само по себе не создает ситуации наблюдения.

Общеперцептивный предикат, как правило, связан со зрением, но, как было показано в предыдущем примере, зрительное восприятие не всегда создает эффект присутствия, поэтому для создания более живого изобразительного текста авторы прибегают к использованию других способов восприятия: слуху, осязанию, обонянию. Поэтому в одну денотативную ситуацию могут объединяться через единый воспринимающий модус предикаты со значением различных каналов восприятия:

- 1) зрение и слух: Два помощника писали на столах, скрипя перьями (Л.Н. Толстой);
- 2) зрение и обоняние: Легкий, сухой ветерок, разнося сладкий запах сжатого хлеба, веял с востока... (А.И. Эртель);
- 3) зрение и тактильные ощущения: На воле дул стывлый ветер, обжигая лицо после тепла и затишки (Борис Екимов); Маленькая, тёплая рука прикоснулась нерешительно к шершавой голове и, словно это было знаком неотразимой власти, свободно и смело забегала по всему шерстистому телу, тормоша, лаская и щекоча (Л. Андреев).
- 4) различные комбинации предикатов восприятия: Осветив черепицу на крыше и согрев древесину сосны, поднимается выше и выше запоздалое солнце весны (Н. Заболоцкий).

Таксисная связь глаголов звучания по модусу, как правило, образуется в паре с глаголом движения или деформации. Связь звука и движения проявляется в том, что «целый ряд глаголов, в своих основных значениях описывающих движение, в производных значениях описывает перемещение звука» [8, с. 45]. В структуре лексического значения этих глаголов содержится сема звука, которая может выражаться с помощью рядоположенной нефинитной формы глагола или употребляться вместо глагола движения. По сути, перед нами лексикализованный таксис – результат разложения значения глагола по семам. При таком типе таксисных отношений связь осуществляется по модусу и на

уровне семантики. Связь на уровне семантики предполагает использование глаголов движения или деформации в качестве общеперцептивного предиката. Если звуковой глагол не содержит сему движения или деформации, то такие действия не объединяются в одно событие, а представляют собой другой тип таксисных отношений, предполагающих одновременность двух действий. Например, в предложении Через две минуты все было в порядке, и тигры один за другим, рыча, шли по коридору вон с арены (Б.С. Житков) наличие предикатов со значением разных каналов восприятия (идти – зрительный канал, а рычать – звуковой) не создает одной денотативной ситуации. Глагол рычать не содержит сему движения или деформации, и поэтому не может описывать одно наблюдаемое событие. В этом случае общеперцептивный глагол нельзя опустить: *тигры рычали по коридору. Однако данный тип отношений прекрасно заменяется на однородные сказуемые, представляющие таксисное значение одновременности двух действий: и тигры один за другим, рыча, шли по коридору – тигры шли по коридору и рычали. Если конструкцию с причастием и деепричастием можно заменить однородными сказуемыми, то значит перед нами более одной денотативной ситуации.

Другая особенность описываемых конструкций связана с категорией субъекта и понятием точки зрения. Действие, выраженное вторичным предикатом, может принадлежать личному субъекту (1) Внезапно кто-то проходит мимо окон, скрипя по снегу (Д.В. Григорович) или предметному субъекту (2) Немного подальше шел, скрипя колесами, неуклюжий обоз с хлопчатой бумагой, и на таком количестве лошадей, что как будто бы и конца ему не было (А.Ф. Писемский). Для конструкций с личным субъектом, помимо наличия общей семантики движения и деформации у одного из предикатов, важным условием является наличие воспринимающего субъекта, отличного от субъекта, который совершает действия, выраженные предикатами. В примере (1) действие, представленное двумя каналами восприятия (проходить и скрипеть), совершает неопределенно-личный субъект. Субъектом сознания, который объединяет эти два действия в одну денотативную ситуацию, является воспринимающий субъект, находящийся за окнами. Присутствие сторонней точки зрения обуславливает тот факт, что описываемые конструкции, как правило, принадлежат к Он-субъектным конструкциям, то есть относятся к субъекту 3-го лица, и данный субъект совершает действие, выраженное звуковым предикатом, неосознанно.

Существует несколько способов представления денотативной ситуации с помощью глаголов звучания:

- 1) деепричастие и основной предикат: Телега свернула с дороги и покатила под гору, прямо по целине, тархтя и подпрыгивая (В. Шукшин);
- 2) причастие и основной предикат: Где-то недалеко натужно ревел совершающий посадку самолет (Л. Кудрявцев);
- 3) личная форма глагола с частноперцептивным значением, если имеется в виду движение или деформация: Зазвенел недалеко трамвай, и она пошла на его привычную музыку (Л. Улицкая).

4) личные формы общеперцептивного и частноперцептивного глаголов, соотносящиеся на уровне текста: Профессор Выбегалло кушал... При этом он хрустел, чмокал, хрюкал, всхрапывал, склонял голову набок и жмурился, словно от огромного наслаждения (Братья Стругацкие). Это тип представления события возможен тогда, когда глаголы

звучания не соотносятся с глаголом движения или деформации и требуют поясняющего предиката. При этом невозможно опустить предикат с общим обозначением, так как будет неясно, какое действие сопровождают описываемые звуки, но заменить фрагмент с финитными глаголами конструкцией с деепричастием возможно. Ср.: * Профессор Выбегалло хрустел, чмокал, хрюкал, всхрапывал... и Профессор Выбегалло кушал, хрустя, чмокая, хрюкая, всхрапывая...

Как видно из приведенных примеров, таксисная связь по модусу у причастия и деепричастия устанавливается по-разному.

В предложениях с деепричастиями средством перцептивизации, как правило, является деепричастная форма, а сказуемое оформляется глаголом с общеперцептивным значением: Существует несколько условий для создания эффекта перцептивизации с деепричастием.

Деепричастие, употребленное при глаголе движения/деформации и семантически связанное со значением основного глагола, выражает действие, производимое механизмом или предметом. В этом случае основной предикат с общеперцептивным значением может быть опущен, а глагол звучания будет удерживать всю смысловую нагрузку фрагмента. Например, По улице, звеня, прошла утренняя конка (Роман Гуль) – Ср. По улице прозвенела утренняя конка. Особенность этих конструкций состоит в том, в качестве субъекта используется предмет с функционально обусловленным предикатом. Г.А. Золотова в своей семантической классификации глаголов относит глаголы данной семантики к фнктивным. Она пишет: «Некоторые акциональные глаголы, сочетаясь с именами предметных субъектов, утрачивают значение действия, поскольку неживые предметы действовать не могут, и становятся глаголами фнктивного или экзистенциального значения, то есть сообщают о наблюдаемом из известном говорящему исправном/неисправном функционировании предметов, артефактов, механических устройств» [4, с. 62]. Наличие субъекта фнктива создает условия для усиления перцептивного элемента и возможности употребления двух частноперцептивных глаголов: По дороге, дребезжа, будто вот-вот рассыпется, пылила старенькая «Нива» (А. Житков). Все сказанное относится и к звуковым глаголам с семантикой звуков, издаваемых животными, так как в этом случае звуки являются основными идентификаторами субъекта действия Ср.: Мышь иной раз шелестела в сухой траве (Г.П. Данилевский), и к тем явлениям природы, в которых «звук не отторгается от своих источников» [11, с. 14] – вода, ветер и т.п. Ср.: Было тихо; только вода все говорила о чем-то, журча и звеня – два звуковых деепричастия заменяют глагол текла. Деепричастие, будучи грамматически подчинено основному предикату, семантически становится более значимым.

Деепричастие может употребляться и при полнозначном глаголе, если выражает перцептивно важную информацию или при описании события отсутствует зрительное восприятие. В этом случае семантическая связь между предикатами устанавливается средствами контекста и, как правило, с помощью имени существительного выражается каузатор звука, для которого звуковой глагол является фнктивом. Например, Денщик, тяжело ступая тяжелыми мужицкими сапогами, вошел зажечь лампу, и пока он возился у стола, звеня стеклом и чиркая спичками, Зарудин и Волошин молчали, и при разгорающемся свете лампы

видны были только их блестящие глаза и нервно вспыхивающие огоньки папирос (М. Арцыбашев); Рядом мыла и вытирала стаканы, проворно скрипя тряпкой девушка в клетчатом платье... (В. Набоков). Имена предметов являются необходимыми, так как без них ситуация становится неясной: * денщик возился у стола, звеня и чиркая или мыла и вытирала, скрипя. В данных примерах создается полисубъектная ситуация: в каждом примере имеется субъект восприятия, который объединяет действия в одно событие, кроме того, субъект действия (возился, мыла) и неодушевленный субъект звукового предиката – стекло, спички, тряпка. Если считать, что стеклом, спичками, тряпкой употреблены в функции инструмента, тогда субъекты действия – денщик, девушка – будут издавать звук намеренно с помощью указанных предметов, но ситуация перцептивизации создается именно тогда, когда присутствует сторонний наблюдатель, а субъект основного действия создает звук случайно. Субъект-каузатор звука может быть выражен и предложно-падежной формой: Бульжники мостовой звенели под каблуками Иуды Гросмана, и эта музыка создавала легкое, праздничное настроение. (Давид Маркиш). В данном примере мы видим сочетание нескольких субъектов: субъект восприятия и субъект движения – Иуда Гросман, субъект-каузатор – каблуки, а субъект предложения – бульжники. При трансформации данных конструкций с деепричастиями в конструкции с одним частноперцептивным предикатом и наоборот следует учитывать синтаксическое взаимодействие Именительного и Творительного падежей. В случае пропуска общеперцептивного глагола, контекстуально связанный с ним частноперцептивный глагол также требует каузатора звука Ср.: Перед домом расстился густозеленый луг, на коем паслись швейцарские коровы, звеня своими колокольчиками (А.С. Пушкин) - Перед домом расстился густозеленый луг, на коем швейцарские коровы, звенели своими колокольчиками - Перед домом расстился густозеленый луг, на коем звенели колокольчики швейцарских коров.

В отличие от деепричастных конструкций в предложениях с причастием средством перцептивизации является сказуемое, а причастие выполняет функцию объяснения, конкретизации. Оставив экипаж у дома, Петр Елисеич зашагал к рудничному корпусу, где хрипела работавшая штанговая машина (Д.Н. Мамин-Сибиряк); Чавкал под ногами жирный озерный ил, шелестел подминаемый камыш и жесткие хвощи шуршали по резиновой насечке, но Стекольщик с Витьком продирались всё дальше, пока не зашли в воду по колено (Еремей Парнов); В это время охнул причаливший лифт (О. Славникова). В этих примерах два предиката относятся к одной и той же денотативной ситуации, но на уровне модуса соединяются наблюдение и вывод. Отличие от деепричастной конструкции заключается в том, что причастие употребляется как необходимый элемент конструкции, включающей глагол звучания, обозначающий неочевидное перцептивное свойство предмета. Пропуск причастия создает туманный контекст, предполагающий множественность толкований: Охнул лифт – сломался, открылся? Хрипела машина – обычный звук или звук поломки? Шелестел камыш – на ветру?

Для причастия характерно сочетание субъекта действия с субъектом-каузатором: Из длинного старого штрека тянуло пощипывающей горло гарью, тихо шелестел всасываемый мощным вентилятором воздух (И. Ефремов) – воздух

создает шум, а вентилятор является причиной этого шума. В конструкциях со страдательным причастием, которое выражает действие, совершаемое лицом, личный субъект может быть опущен или дан в другом фрагменте: Чавкал под ногами жирный озерный ил, шелестел подминаемый камыш и жесткие хвощи шуршали по резиновой насечке, но Стекольщик с Витьком продирались всё дальше, пока не зашли в воду по колено (Еремей Парнов). Субъектом-каузаторм звука являются Стекольщик с Витьком, но они делают это ненамеренно, поэтому одновременно являются и субъектом действия описываемой ситуации – подминают камыш, который, в свою очередь, является субъектом звукового действия.

При синонимической взаимозамене конструкций с причастием и деепричастием следует учитывать, что деепричастие тяготеет к частноперецептивной, а причастие – к общеперецептивной информации, поэтому необходимо менять местами сказуемое и вторичный предикат: В раскрытую форточку слышно было, как шуршал о ледяной воздух падающий снег (Марк Зайчик) – слышно было, как падал снег, шурша о ледяной воздух. Использование деепричастия с общеперецептивным значением при частноперецептивном

глаголе создает эффект персонификации и приближения ситуации к источнику наблюдения: Повернул вентиль, газ зашипел, вырываясь из отверстия (Троицкий). В конструкциях с причастием персонификация действия снижается, так как причастие поясняет образование звука:...на плите пронзительно свистел выкипавший чайник (Петр Проскурин). Деепричастие приближает к наблюдаемому объекту чайник выкипал свистя, а причастие удерживает воспринимающий субъект и держит наблюдаемое событие немного на отдалении.

Наблюдения над конструкциями с глаголами звучания позволяют сделать вывод о семантико-синтаксической природе таксисной связи по модусу. При «отключении» всех таксисных категорий – модальности, времени и лица, при единстве воспринимающего модуса отношения между предикатами устанавливаются на лексико-семантическом уровне. А это, с одной стороны, предполагает связь пары слов, а с другой стороны, пары смыслов, которые могут выходить за рамки предложения. Поэтому следующий шаг в исследовании категории таксиса должна сделать грамматика объяснительная, задача которой показать как «работает» в языке категория таксиса на текстовом уровне.

Литература

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. М.: Изд-во: УРСС, 2001 – 416 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А. Золотовой. – 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. – 720 с.
3. Годизова З.И. Видовременные значения причастий совершенного вида: автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Санкт-Петербург. гос. ун-т Санкт-Петербург, 1991 - 14 с.
4. Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / под общ. ред. Г.А. Золотовой. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – 524 с.
5. И. А. Мельчук. On a class of Russian verbs that can introduce direct speech: lexical polisemy or semantic syntax? (constructions of type "ostavte menja! – ispuǰalsja bufetčik) // Русский язык в модели «Смысл – Текст». Москва-Вена: Школа «Языки русской культуры», 1995. – С. 215-231.
6. Козинцева Н.А. Таксисные функции, передаваемые причастиями и причастными оборотами в русском языке // Проблемы функциональной грамматики: семантическая инвариантность/вариативность. СПб.: Изд-во Наука, 2003. – С. 175-189.
7. Лисина Н.М. Функциональная характеристика действительных причастий в современном русском языке. Автореферат дис...канд. филол. наук. М., 1987. – 16 с.
8. Розина Р.И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол. М., Издательский центр «Азбуковник», 2005. – 302 с.
9. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / [Ред. А.В. Бондарко (отв. ред.) и др.]. – 2. изд., стер. М.: УРСС, 2001 – 347 с.
10. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. – С. 95-113.
11. Rubinstein G. О звуковых именах в русском языке [Электронный ресурс] // Glossos. Issue 4: Summer 2003. – 31 с.

THE INTECONNECTIONS OF COMPONENTS OF COGNITIVE MODEL OF THE SEMANTIC CONTENT "THE NATIONAL IDEA"

Kovpak V.A.,

Classic Private University, Zaporizhzhya, PhD in social communications, docent, Institute of Journalism and Mass Communication

The interconnection of components of the cognitive model of the semantic content "the national idea". The article analyses the functional principles of cooperation, but rather the nature of mutual cognitive model of the semantic content of the idea of the nation state (meso level), which consists of target tops around the centre - social (social and cultural) meaning (core of ideas of the nation), mass media, ideology, social mythology (world view), public administration.

Keywords: cognitive model, meaning, semantic content, national idea, the idea of the nation, mass communication, social mythology, ideology, public administration.

Formulation of the problem. Theoretical description of cognitive model of the semantic content of the idea of the nation state (meso), which consists of target tops around the centre - social (social and cultural) meaning (core ideas of the nation), mass media, ideology, social mythology (world view), public administration, extremely relevant in the context of the definition of strategies to generate social and cultural meanings as nation identification practice.

Analysis of recent research and publications. Vladimir Kovalevsky stressed about the importance of defining the strategy of information in the context of a breakthrough Ukrainian realities and prospects in its exploration "unbiased analysis is able to detect not only the key aspects of information work done in our country, but also the hidden meanings that are implemented through various sub of objects and institutions" [1, 237].

The author emphasizes the absence of a general information line, that is to blur the basic messages are coming to the end user, which means that the media and mass media tools perform functions in respect of a particular purpose, which should be clearly articulated. "If you have a goal (for example, a country with European values or more specifically - to save the country), the media should operate in a single system to an end" [1, 238]. A current situation in the country scientist describes as "a war of interpretations" conceptual war, the basis of which - "creating provisions that can be interpreted in different ways. Similar to sign trio nature - it is within the triangle "message - content - interpretation" [1, 242]. As a result, there is a category of "correct interpretation", defined traditionally in the history of the formation of many of the great powers of the world strategy of the state from the perspective of pragmatics and efficiency. The author defines as personal intellectual acquisition by his methodology, which outlines the strategy as a breakthrough technology with certain elements: the basic current and potential themes that can then "spin"; formation of themes and counter themes, messages and counter messages, when the main attention is paid to legending of unique competitive advantage that is the coordination that is, that has to be; "Promotion" themes of open communication (television, written press, radio, the Internet, all other available communication tools); the work of informal communication, which has developed more confidence; creation of information events, which are then used actively at all levels (state and through local media and mass media and through direct information in areas including informal communication); of operational countermeasures - constant readiness for correction of tactics or even strategy transient dynamic conditions in specific areas and bases counteract possible provocations and

hostile acupressure.

This technology requires teamwork of all subjects, especially, media and communication in cooperation with state institutions.

We support scientific and practical significance of the strategy declared by Vladimir Kovalevsky that information break, but the development of strategies to generate social and cultural meanings as national identification practice in our format will depend on the cognitive model semantic content of the idea of the nation. The theoretical aspect of its construction we saw in the previous exploration [2].

The formulation of article's purposes. The purpose of this article is to analyse the components (interconnection) cognitive model semantic content of the idea of the nation, the interconnection between them, to implement state building process. Socio-cultural dimension of the matrix idea of nation that includes two binary positions to be built based on scenarios of national identification practices.

The main material research. Thus, the centre around which circulate (cooperate) formation of the content factors have meanings. Among the state-meaning ideas of the nation, in our opinion, we should provide the following: freedom, national character, national elites (intellectuals, ethical intellectuals), historical way, national pride, national faith (concept of God), national identification. Historical and political discourse of Ukrainian nation, state dictated another meaning antagonist "Russian imperialism", creating a dichotomous pair with each of the above defined meanings, levelling them as orients in the state-term. By the way, Vladimir Kovalevsky provides a valuable reference meanings that are generalized to represent the unique competitive advantages in the following areas: "1) the history and culture of our nation, state, territory (need not only to popularize these aspects, but the search and possibly even creating some key events that have significant symbolic meaning for the development of identity and unity of the country); 2) popular and informational support (Ukrainian must promote the values, benefits, working hours, not only domestically, but also abroad); 3) "islands of success" (effective technology not only to improve the ranking of political power, but also concrete manifestations of uniqueness and dynamism of the Ukrainian state and way of life); 4) themed projects (anything in the various areas and levels that can be used to create internal and external image of Ukraine) [1, 245-246].

Before we analyse the interconnection between the components of cognitive models, we should clarify its detailed elements (see. Table. 1):

Table 1.

The interconnection between the components of cognitive models (author's interpretation)

Component	Implementation at the text level	Element of the dominant top	Nature of the influence	Interaction with another component or element of a dominant top
Ideology NGOs shared	Ideological term	Ideological lines; Parties, Social organisation	Mutual	Political will; Mass communication; nation world view
Public administration	Laws Bills Directive reports, manifests, demonstrations	Political will; political consciousness; political experience; the possibility of political choice	Mutual	Worldview of nation; mass communication; deology
Worldview of nation (Social mythology)	Metaphorical models, often involving stereotypes; symbols; myths; etc.	Stereotypes archetypes; symbols; myths; archetypes, metaphorical construction	Mutual	The political choice; mass communication; ideology
Mass communication	Mass-media; archives;museums; library;conferences; fictional and documentary films;publishing of Ukrainian Studies of Science and Education,companies.	Media texts of the mass media	Mutual	Political will, political consciousness, political choices; ideology; world view nation (social mythology)

We emphasize that the interaction of these components has a hierarchical nature, evidenced in the impact mutual, so the proposed cognitive model with these components is horizontal in nature, where all the elements are not just interact but mutually influence each other.

Thus, the problem of interaction between the media and the state is particularly relevant in the context of understanding the changing ideologies and values that they bear a new paradigm of social life. Understanding the ideology and cultural values in today's information society is closely connected with the study of the socio-political and cultural role of the media. In Soviet ideological function of journalism the journalism was interpreted from the position of party control, that ideology was understood as the scope of the class struggle. Therefore further expanded paradigm of neo-Marxist understanding of the role of ideology in culture, therefore, the representatives of the Frankfurt School T. Adorno and M. Horkheimer, culture industry has become an ideological system that performed under the innocuous name of the media and expression was unheard of concentration of political and economic power [3].

To confirm that this practice component model as seen only in the interaction, as said N. Zrazhevskaya: methodological paradigms meanings matter two problems of ideology analysis for critical importance: a study of internal mechanisms ideologies and ideological practices research communication practices with other social formation, politics, economy. "Scientists [S. Hall] believe that there are three ways in which ideas from time to time celebrating impact on society. The three ways it relates to the analysis Webber's "rationalization of Western society." First way is this idea at the least autonomous, such as when they serve a new understanding of life. The second way is this is when the

idea of affecting history, paving the way in which the action occurs. Finally, the third way is the idea that power should the creation of new societies, the power to unite people. If you follow the process of creating a new social paradigm, as noted, N. Zrazhevskaya, we can say with certainty that it formed ideas. And perhaps in the future will be even more visible gap between life and culture, which increasingly offer new characters, ideas and values "[op. 4, 143].

In the context sociocognitive approach Van Dyke would take a value foundation ideology of group mentality (the underlying worldview of the nation), because they define the basic principles of group "thoughts." Most ideologies also set circuit design identities. In postmodern culture deidealization just involves changing understanding of ideology on the classic structural semiotic [5, 229].

"Development of new ideologies in modern society occurs at the same time with democratic pluralism and, as its consequence, feminism, environmentalism, populism, globalism, consumerism, operating in close connection with the activity of mass media. Under these conditions, there media construction of social reality "[6].

We agree with N. Zrazhevskaya that the fact that with the advent of more powerful means of communication increases the impact of ideology on the spiritual world, the social and individual consciousness, since the media provide contact between the individual and the social environment, and the latter acts as a passive user information messages. Media provide ideological support of public life, structuring hierarchy of needs and values imposed certain behaviours, lifestyle, mental constructions. Media is certain weapons superstructure individual consciousness to social needs, needs of mass society.

"The problem is not only with the access to information but also in recognition of "simulacra", pseudo reality, pseudo ideology which formed by means of mass communication" [6].

E. From defines ideology as "ideology is ready to "thought-products", extending the press, speakers, ideologies in order to manipulate masses of people for purposes which are nothing to do with ideology have, and often diametrically opposed to it. .. "[7, 332]. Thus, the scientist emphasizes a static ideas propagating media this supports K. Mannheim [8, 13], according to which ideology necessarily contains a utopian dimension and criterion of the truth of the ideas that underlie a particular ideology is the experience of social and political practice. Instead, a modern scholar M. Nedyuha still sees the prospect processuality ideology, methodology, regulated governance, "structural ideology consists of three elements: the image of reality (of what is happening in a particular society and beyond); axiological system (hierarchy of values); practical guidance (of methodology for changing or maintaining the existing state of affairs). The functions of the socio-political doctrine is to determine the policy, strategy, tactics, parties and, to some extent, electoral behaviour of citizens "[9, 46].

But static or dynamics prevailing ideology are there in science unanimous. Thus, in a post [10] we have already addressed the allegations of A. Chanturia that modern social myth as an element of world view, not providing communicative interaction, there is a set of metaphors that this interaction makes it difficult, and in the forefront of its symbolic compensatory opportunities. The researcher stresses that to ensure the development and integrity of society as its ideology has become a set of guidelines that define concrete historical value choice, not a social mythology that turns ideological discourse static system "world view" and leaves people opportunities to consciously influence the social reality [11, 7]. So she calls in the context national identify practices not identify world view(the system of "worldview") as static paradigm of ideology as a process system guidelines. Although the system of social mythology element such as a character, a lively character with interpretation variability. In scientific exploration find academic positions in support of social mythology as formulation of meaning component models: "In the first case, the myth has the character of a holistic vision, in the second he loses constant role in reality, in general, has a discrete character and serves as a secondary method of individual fragments of reality. Mythological texts, functioning in a culture, keep in constant "tension" between different interpretations of reality. Any myth affects the process of sense in all semiotic system "[11, 16].

Therefore, the following thesis follows maxim that social myth (in the sense of an ideal image, the idea of saving) "Ukraine" should become the basis for our formulation in the context of the model influence the ideology as a set of guidelines, value choice in a particular historical situation; the political will, political choice as government mechanism; the means of mass

communication, which, in fact, reach the same ordering system media effect character stereotypes in mass consciousness, which, in turn, (the effect of "the circle") leads to a certain world view.

The very interesting fact is that it is important to consider the impact of two components that interact with each other, such stereotypes the media management enables the implementation of ideological practices (by M. Butyrin [12]).

Overall, the contribution of each factor in this process is obviously different for different people to a certain percentage, but the general historical trends outline clear priorities. Thus, the functional role of the state as the nucleus of society in the former Soviet Union, by A. Chanturia changes as a result of political change. "If in the Soviet period ideological code as the strongest, served as a" filter "that translates messages from other semiotic reality for public awareness, but now it has lost its meaning" [11, 14]. In modern Ukrainian society there is benefit existing emotional and volitional regulators because life is seen as a transition from one to another myth. But in Soviet times "as a stereotype effect is functionality, or if it was activated in the mass consciousness as a result of organized media practice" [12, 11]. Scientific claims that stereotype is dysfunctional when it appeared contrary to the objectives media policy formed spontaneously or through conformity action communicators and media policy also is a direct consequence of the general political will of the state. It follows that "the provisions on coordination of meanings and messages affecting the basic principles of information space - or a full open or censorship in its purest form. To state that adheres to the values of freedom and democracy should be a balance between these elements, but the making of this state fluctuations in one direction or another is natural. Fully open space is possible for a sustainable political culture and strong political traditions. Ukraine should regulate this space in terms of the development strategy of our country "[1, 246]. In this context it is worth mentioning the many scientific studies, which describe the coming era of "mediaocracy" or "media policy" government media, which not only reflect and interpret reality and construct its discretion. On the concept of P. Bourdieu, "the press is directly involved both in production and in the dissemination of ideas, that it does not represent, and create public opinion, it does not reflect the way people thought about the world and themselves forming these concepts, and thus and their worldview ... Production of artefact is called public opinion, is very important "ruling" feature media" [op. 13].

Conclusions. In the age of post-modern society depends on media forms of knowledge, ready formulas perception and evaluation of reality, due to stereotyping and de stereotyping mass consciousness, and depending on how these phenomena "work" under the state implement the strategy it will depend on their level of functional vectoriness. A promising direction is to study scenarios of semantic meaning of idea of the nation as a result of processing the cognitive modelling.

Sources

1. Kovalevskiy V. Strategiya InformatsIynogo prorivu: ukraiinski realiyi ta perspektivi / V. Kovalevskiy // Naukovi zapiski Institutu politichnih i etnonatsionalnih doslidzhen im. I.F. Kurasa NAN Ukraini. – 2014. – Vyp. 6 (74). – S. 236–247.
2. Kovpak V. Smisloviy zmist ideii natsii: teoretichniy aspekt kognitivnogo modelyuvannya / V. Kovpak // Sharing the Results of Research towards Closer Global Cooperation among Scientists: Results of the 7 International Conference: Collection of Research Papers (March 17, 2016) / Responsible editors: M. Prykhodko, S. Tonkykh, A. Mintz. – Montreal, Canada : Published by Accent Graphics Communications, 2016. – S. 27–31.
3. Horkhaymer M. Dialektika prosvescheniya. Filosofskie fragmentyi / M. Horkhaymer, T. Adorno. – M. : S.Pb. : Medium ; Yuventa, 1997. – 312 s.

4. Kovpak V. Informatsiyana doba: politichni proyavi ideologii / V. Kovpak // Dialog: Media-studii : zbirnik naukovih prats / red. kol. O. Aleksandrov (vIdp. red.) [ta in.]. – O. : Astroprint, 2012. – Vyp. 15. – S. 137–146.
5. Teun, A. van Dijk. Opinions and Ideologies in the Press / Ed. by Allan Bell and Peter Garret // Approach to Media Discours. – Blackwell Publishers Ltd., 1998. – 320 s.
6. Zrazhevskaya N. Ideologichni ta tsinnisni konteksti media v teoriyah komunikatsii [Elektronniy resurs] / N. Zrazhevskaya – Rezhim dostupu : <http://journalib.univ.kiev.ua/index.php?act=article&article=2407>. – Nazva z ekranu.
7. Fromm E. Psihoanaliz i etika / E. Fromm. – M. : Respublika, 1993. – 416 s.
8. Nechiporenko V. Sotsiologichna teoriya formuvannya idey v «Ideologii ta utopii» Karla Mangayma / V. Nechiporenko / Mangaym K. Ideologiya ta utopia / Per. z nim. – K. : DUH I LITERA, 2008. – S. 9.
9. Nedyuha M., Mihaylich O. Ideologiya yak kriteriy klasifikatsii politichnih partiy / M. Nedyuha, O. Mihaylich // Politichniy menedzhment. – 2006. – № 2 (17). – S. 45–53.
10. Kovpak V. Ukrainiyskiy emygratsiyniy mediadiskurs: strukturniy pidhid do komunikativnoyi efekтивности / V. Kovpak // Derzhava ta regiony. – 2012. – № 4. – С. 93–101.
11. Chanturiya A. Semiotichni aspekti doslidzhennya sotsialnoyi realnosti : Avtoref. dis... kand. filosof. nauk: 09.00.03 / A. Chanturiya ; In-t filos. im. G.S. Skovorodi NAN Ukrainy. – K., 2006. – 20 s.
12. Butirina M. Mas-media yak seredovische stvorenniya ta funktsionuvannya stereotipiv masovoyi svldomosti : avtoref. dis. ... d-ra nauk iz sots. komunikatsiy nauk : spets. 27.00.01 / M. Butirina. – K., 2009. – 30 s.
13. Razuvaeva O. Modeli vplivu zasobiv masovoyi informatsii na masovu politichnu svidomist [Elektronniy resurs] / O. Razuvaeva. – Rezhim dostupu : <http://journalib.univ.kiev.ua/index.php?act=article&article=1659>. – Nazva z ekranu.

ТЕМАТИКО-ПРОБЛЕМАТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ СУСПІЛЬНО-ПОЛІТИЧНОЇ ПУБЛІЦИСТИКИ СТЕПАНА СМАЛЬ-СТОЦЬКОГО

Пелипець Мар'яна Іванівна

аспірантка Української академії друкарства (Львів, Україна)

Проаналізовано тематико-проблематичні особливості суспільно-політичної публіцистики С. Смаль-Стоцького. Простежено та охарактеризовано її наявність у масиві часописів кінця XIX – початку XX століття. Розглянуто актуальні мовознавчі, політичні, економічні проблеми у текстах публікацій, які обговорював автор. Визначено роль С. Смаль-Стоцького-публіциста в історії української журналістики.

Ключові слова: Степан Смаль-Стоцький, Буковина, преса, стаття, суспільно-політична публіцистика, національна ідея.

THEMATIC AND PROBLEMATIC CHARACTERISTICS OF STEPAN SMAL-STOTSKY'S SOCIO-POLITICAL JOURNALISM

Pelypets M. I.

postgraduate of Ukrainian Academy of Printing (Lviv, Ukraine)

Thematic and problematic characteristics of Stepan Smal-Stotsky's socio-political journalism have been analyzed in the present research paper. Its presence in periodicals of late XIX - early XX century has been explored and described. Actual linguistic, political and economic problems discussed by the author in his publications have been examined. The role of S. Smal-Stotsky as a publicist in the history of Ukrainian journalism has been determined.

Key words: Stepan Smal-Stotsky, Bukovina, periodical, article, socio-political journalism, national idea.

Темою наукової розвідки є аналіз та характеристика суспільно-політичної публіцистики С. Смаль-Стоцького та визначення її тематико-проблематичної специфіки. Об'єкт вивчення – масив його опублікованих публіцистичних матеріалів суспільно-політичної тематики. Предмет дослідження – особливості висвітлення суспільно-політичної проблематики публікацій С. Смаль-Стоцького в контенті вітчизняних і закордонних пресових органів. Мета наукової статті – дослідити генезу суспільно-політичних публікацій С. Смаль-Стоцького, з'ясувати їх специфіку у тодішній політичній реальності та простежити еволюцію поглядів провідного діяча Буковини, продемонструвавши особливості впровадження його суспільно-політичних маневрів у веремію історичних подій кінця XIX – середини XX століття.

Актуальність наукової статті зумовлена відсутністю ґрунтовних досліджень стосовного публіцистики С.

Смаль-Стоцького. Зазначимо, що окремої розвідки на цю тему не було здійснено. Лише частково науковці торкалися даного питання, взявши за мету повернути у незалежну державу з радянської безпам'яті несправедливо названого «буржуазним націоналістом» С. Смаль-Стоцького. Серед них виокремимо, зокрема: В. Даниленка та О. Добржанського [4], О. Горбатюка [2], В. Ботушанського [1] та ін.

Раціонально підходячи до вивчення постаті С. Смаль-Стоцького, варто ознайомитись з матеріалами конференцій, зокрема: «На пошану сторіччя народин Степана Смаль-Стоцького» [7], «Педагогічні ідеї С. Смаль-Стоцького в контексті розвитку національної освіти й виховання» [11], «Постать Степана Смаль-Стоцького в національно-культурному житті Буковини кінця XIX – початку XX ст. і сучасна рецепція його доби» [12], «Miejsce Stefana Smal-Stockiego w slawistyce europejskie» [23].

Новизна наукової статті полягає у постановці та опрацюванні актуальної теми, яка не отримала відповідного висвітлення в українській теорії та історії журналістики.

Роль С. Смаль-Стоцького в суспільно-політичному житті бездержавної країни досить яскраво репрезентує вагомий масив його публікацій на злободенну тему тодішньої реальності. Як політик, засновник культурно-просвітніх, економічних товариств, він вбачав потребу контакту між громадськістю і провідними владними структурами Буковини. У цій ділянці була істотно помічною його журналістська діяльність.

Формування світогляду та суспільно-політичних переконань С. Смаль-Стоцького розпочалося ще в Другій львівській німецькій гімназії (вересень 1876 – червень 1878 рр.), де він доклав чимало зусиль до випуску збірки «І. Онишкевича Руська Бібліотека». С. Смаль-Стоцький відіграв активну участь у підготовці до друку видання, показавши успішні видавничі вміння при цьому. Видання «Бібліотеки», за словами С. Смаль-Стоцького, виявило «нашу спільність народу з Україною...» через що «зродилася любов до рідної мови народньої, зродилося почуття окремішності тої мови від мови «твердоруської» і від мови російської» [16].

Авторитетну суспільно-політичну діяльність С. Смаль-Стоцький почав здійснювати на Буковині із вступом на філософський факультет Чернівецького університету, керівництвом студентського товариства «Союз», «Літературно-історичного гуртка», згодом «Руської Школи», «Руської Бесіди», історичного товариства, депутатством у Буковинському сеймі та Австрійському парламенті. Окрім цього, він організував друкарню товариства «Руська Рада», видавав періодичні органи, зокрема: «Буковину», «Руську школу», «Руську Рад», «Народний голос», редагував газету «Хлібороб» та публікувався на шпальтах провідних національно-демократичних часописів.

21 травня 1880 р. газета «Діло» опублікувала першу статтю С. Смаль-Стоцького [17]. Тематика публікації – суспільно-політична. Автор акцентував на важливості введення популяризації української культури особливо, серед буковинської інтелігенції. Через «нашестья» румунського права та традицій у побутових сферах життя буковинців, рівень національної ідентичності послабився. Це можна було простежити на прикладі шкіл, семінарій, церков, де основною мовою послуговування була німецька. Адже як писав С. Смаль-Стоцький: «И якже може молодой чоловікъ полюбити свою народность свій языкъ, если онъ его майже цѣлком не знае...». [17, с. 2]. Вихід із цього становища він вбачав у зміні переконань професорів, священиків, урядовців, які повинні були посилятись на історичний характер перипетій буковинського краю.

С. Смаль-Стоцький був впевнений, що ідея формування світогляду молодого покоління реалізуватиметься через сприйняття кожною родиною своєї приналежності до національного середовища. При цьому, безсумнівно, підрастаюче покоління «привитало вь дома сердечно свій родный рускій языкъ» [17, с. 2].

З матеріалу статті можна простежити, що С. Смаль-Стоцький дбав в інтересах відстоювання української мови, зокрема, апробував ініціативу про правописне питання. С. Смаль-Стоцький добився визнання та подальшого користування фонетичним правописом в заміну етимологічному, та активно популяризував його використання в українських школах та урядових колах Буковини.

Вперше С. Смаль-Стоцький маніфестував свій інтерес до фонетичного правопису у 1886 р. в оголошенні про конкурс збирачів етнографічного матеріалу на Буковині. За рекомендаціями С. Смаль-Стоцького та О. Поповича, вести записи планувалось фонетичним правописом, який «один в силі відбити кожен звук» [5, с. 48-49.].

Зазначимо, що більше п'яти років точилося протиріччя між народовцями та мовкофілами стосовно введення фонетичного правопису. Та все ж із сприяння мовознавця Т. Гартнера та дипломата О. Барвінського, модераторства С. Смаль-Стоцького у просуванні ідеї «пиши, як чуєш» та афішування нарративного характеру публікацій у пресі прихильниками фонетичного письма – дало змогу отримати успішну розв'язку у правописному питанні. 1892 р. Міністерство віросповідань та освіти Австро-Угорщини видало розпорядження, за яким із наступного року в усіх школах Галичини та Буковини з українською мовою навчання передбачалося введення фонетичного правопису. [5, с. 72.]. Тоді ж С. Смаль-Стоцький приступив до підготовки видань руської (української) граматики у співавторстві з Т. Гартнером (1893 р., 1907 р., 1914 р., 1928 р.), які в подальшому стали настільними підручниками при вивченні української мови.

Правописне питання стало не стільки філологічним, як політичним інтересом. Затягування справи викликало у С. Смаль-Стоцького низку несхвальних міркувань та у все більшому прояві популяризації правопису, що можна простежити у його публікаціях: «Über die Wirkungen der Analogie in der Declination des Kleinrussischen / «Про впливи аналогії у відмінюванні в малооруській мові» (Archiv für slavische Philologie. – 1885. – В. 7. – S. 194 – 246), «Руський нарід – руська мова» (Буковина. – 1888. – Ч. 29. – с. 1 ; Буковина. – 1889. – Ч. 1-2. – с. 1), «Про плян науки руської мови в гімназіях» («Руська Школа». – 1891. – Вип. 2. – С. 37 – 44), «В обороні правди» (Зоря. – 1892. – Чис. 3. – С. 58) та ін.

Власне, тема розвитку української мови стала однією з головних проблем його подальших суспільно-політичних публікацій, зокрема: «Заводім свою мову!» (Народна справа. – 1908. – Ч. 9. – С. 9), «Нехтування прав української мови» (Земля і воля – 1922. – Ч. 13. – С. 4), «Розвиток поглядів про сею словянських мов і їх взаємне споріднення» (Записки Наукового товариства ім. Шевченка. – 1925. – Т. 161-163. – С. 1 – 42), «Уваги до проекту українського правопису» (Україна. – 1927. – Кн. 1 – 2. – С. 230 – 239), «Найближчі завдання славістики і україністики» (Ювілейний збірник на пошану академіка М. Грушевського. – 1928. – С. 117 – 124), «ГраMATика в школі» (Літературно-науковий вісник. – 1929. – Т. 100. – С. 815 – 822), «Найближчі завдання славістики» (Збірник праць Першого з'їзду слов'янських філологів у Празі. – 1932. – С. 708-712), «Українська мова. Її початки, розвиток та характеристичні її прикмети» (Дзвони. – 1933. – Чис. 4. – С. 180 – 185), «Чи мова це безліч говірок? (Назустріч. – 1934. – Ч. 22. – С. 1,3).

Це лише низка публікацій С. Смаль-Стоцького даної тематики. Є усі підстави вважати, що він отримав статус визначного мовознавця протягом життя, адже його зусиллями було реалізовано чимало проектів на розвиток української мови.

Автор під криптонімом Д. у статті «Еще о «заслугах» Стоцького» писав, що «Іезуиты и поляки наслали намь Стоцького» аби він зліквідував «стародавнє письмо» [3]. Та попри такого роду закидів, С. Смаль-Стоцький зумів здійснити

рушійний прогрес у питанні існування української мови на Буковині, звичайно, цьому посприяла його публіцистична діяльність.

С. Смаль-Стоцький-публіцист обрав одним з передових завдань до виконання -- активізувати буковинських українців у становленні національного самоствердження. Він вважав, що при громадах повинні бути свідомі соратники, тим самим їх слід було допустити до управління, але при цьому змінити параграфи конституції. С. Смаль-Стоцький був впевнений, що лише громада із стійкою ідеєю може формувати політичну систему. Але не слід забувати про союзників, які «бувають дуже змінчиві, сьогодні ся, завтра знов інша політична партія може з нами в союзі...» [18].

Подібне міркування можна простежити на сторінках американської газети «Свобода», де було опубліковано інтерв'ю з С. Смаль-Стоцьким. Зокрема, він акцентував на тому, що недолік у визвольній боротьбі України як у внутрішній, так і міжнародній арені є фактор сподівання на чужу допомогу [14]. Та чи могла молода українська держава вистояти в ХХ столітті між Східним та Західним агресором самостійно? Це питання залишається для істориків актуальним і сьогодні.

Та повернемось до суспільно-політичної публіцистики С. Смаль-Стоцького. 1896 р. було опубліковано серію концептуальних статей «Політика реальна» (усього їх 21) у газеті «Буковина». Основні теми, які порушив у статтях С. Смаль-Стоцький: єдність у діяльності народоців (Буковина. -- 1896. -- Чис. 53. -- С. 1), поступ національної ідеї, а не лише використання гучних патріотичних гасел (Буковина. -- 1896. -- Чис. 53. -- С. 2), розвиток української інтелігенції (Буковина. -- 1896. -- Чис. 54. -- С. 1 - 2), недоцільне провадження опозиційної політики (Буковина. -- 1896. -- Чис. 56. -- С. 1 - 2 ; Буковина. -- 1896. -- Чис. 60. -- С. 1), аналіз тогочасної політичної діяльності (Буковина. -- 1896. -- Чис. 61. -- С. 1 - 2), характеристика польської національної засади (Буковина. -- 1896. -- Чис. 63. -- С. 1), шкідливий вплив москвофільського руху на розвиток краю (Буковина. -- 1896. -- Чис. 80. -- С. 1), введення правильної зовнішньої політики, бо «Вона мусить про се дбати, аби тогді відносини до держави і до сусідів так якось уладнати, щоб народови при тім було якнайліпше, щоб він якнайліпше мав ся і міг розвиватися» (Буковина. -- 1896. -- Чис. 85. -- С. 2).

Однією з головних умов програми ведення «політики реальної» фігурувала, звичайно, єдність громади та вміння провадити економічну та культурну практику окремо від «високої політики». За словами С. Смаль-Стоцького, потрібно відкинути патріотичні гасла та ретельно працювати задля організації народного життя. Він підкреслював, що «Нічого нас скорше, нічого нас ліпше не зорганізує в одну сильну громаду, не поставить на власні ноги як організація через каси, спілки і т. п.!» [19].

Реакція на появу «Політики реальної» була передбачена: москвофіли сприйняли її негативно. Опозиціонер до «нової ери» Ю. Романчук та періодичний орган його Української Національно-Демократичної Партії -- газета «Діло» -- ніби проігнорували появу статей С. Смаль-Стоцького. Першим хто відгукнувся на «Політику реальну» був І. Франко. Політична та громадська позиція С. Смаль-Стоцького зазнала нищівного розгромлення; його ж «національні засади» І. Франко розглядав через призму некваліфікованого оперування ним термінами [22].

«Політику реальну» С. Смаль-Стоцького слід вважати головною політичною програмою народоців на західно-українських землях від початку 90-х років ХІХ століття до початку Першої світової війни. Та авторству С. Смаль-Стоцького належать чимало публікацій даної тематики, зокрема: «В чім наша сила» (Буковина. -- 1893. -- Ч. 3. -- С. 2), «Бесіда депутата д-ра Стоцького в соймі краєвім за зміну закона виборчого» (Руска Рада. -- 1903. -- Ч. 39. -- С. 305 - 311), «Промова д-ра Стоцького в дебати над зміною § 17-го регуляміну соймового» (Буковина. -- 1902. -- Ч. 91. -- С. 1-2), «Промова др. Смаль-Стоцького в австрійській делегації» (Нова Буковина. -- 1912. -- Чис. 108. -- С. 2 - 3), «Промова буковинсько-руського делегата Д-ра Смаля Стоцького» (Руслан. -- 1912. -- Чис. 242. -- С. 2-3), «Державна рада. Палата послів» (Буковина. -- 1917. -- Ч. 11. -- С. 1), «Одна ясна думка, одна мета» (Тризуб. -- 1937. -- Чис. 1-2. -- С. 26 - 27 ; Український тиждень. -- 1937. -- Чис. 3. -- С. 1) та ін.

Підкреслимо, що С. Смаль-Стоцький-політик брав участь в розробці законодавчих документів Буковини. На сторінках «Вістника законів і розпоряджень для воєводства Буковини», яке інформувало громадськість про закони і розпорядження буковинського крайового уряду та міністерств, було опубліковано чимало його резолюцій. Зокрема, про перенесення розмітки перехрестя доріг [9], статут громадських шпиталів [8], оподаткування населення [10] та ін.

Той факт, що С. Смаль-Стоцький у суспільно-політичній діяльності відкрито боровся з москвофільським рухом можна простежити і у його публіцистичних матеріалах. Зокрема, у розвідці «Граф Бобринський і австрійські русини» він проаналізував роль ворожого руху та прямо критикував австрійські урядові органи за те, що вони склали руки стосовно російської агітації в краї [15].

Москвофіли довго не вагались з відповідями на заклики С. Смаль-Стоцького. Свій авторитет серед буковинської громадськості здобували, у певній мірі, публікаціями брехливого та несправедливого характеру. Для прикладу, «...закоренилась у нас шарлатанська політика національного самоубійства, політика служби чужимь, боротьби брата сь братомь, допровадивша до той безвыходности, що сподня изь сего табора, котрорый тїшится покровительствомь самого правительства роздаются голоса роспуки и майже революційни голосы: не полагайтесь ни на цїсаря, ни на правительство, ни на никого, но прибїгати кь крайной самопомочи, нищити пановь и проганяти не-рускихь священниковь» [20]. І ці гасла, за міркуваннями опонентів, належать С. Смаль-Стоцькому.

Та всупереч закидам москвофілів та поширеної ними дезінформації (як приклад, вище поданий матеріал), репутація суспільно-політичного діяча зростала. Адже ще перед Першою світовою війною ширилася така думка, що «Буковинська Русь і професор С. Смаль-Стоцький -- одне ціле» [4].

Ще за довго до появи «Політики реальної» І. Франко писав, що політика введена С. Смаль-Стоцьким демонструє його не з кращої сторони [21]. Та всупереч його словам, С. Смаль-Стоцький зумів підняти на вищій щабель буковинську політику, його комунікаційний зв'язок з громадськістю сприяв популярності сприйняття його ідей широким загалом. С. Смаль-Стоцький постав як «промовець хороший... видає газети і книжки, провадить організаційні виїзди, навчає в університеті, закони складає та дбає про селянський

добробут...», діяльність якого, за словами В. Доманицького, зумовила поштовх Буковини у політичному аспекті до рівня Галичини [6].

Як суспільно-політичний діяч, С. Смаль-Стоцький не міг не втрутитися до економічного розвитку буковинського краю. У 1893 р. він виступив з промовою у буковинському сеймі, у якій приділив увагу створенню кредиту для селян. С. Смаль-Стоцький обґрунтував доконечність започаткувати мережу позичкових кас за системою Райфайзена.

1903 р., володіючи знаннями про тогочасні теоретичні основи кооперації, С. Смаль-Стоцький заснував союз хліборобських спілок «Селянська Каса», періодичним органом якого був часопис «Народне багатство». С. Смаль-Стоцькому висували закиди, що він -- «гайдамака», не дбає про народну справу, лише зазіхає на гроші громади [13]. Проте своїми діями він доказував протилежне.

Багатотемна суспільно-політична публіцистика С. Смаль-Стоцького була підпорядкована низці програмних завдань, які виконувала «Селянська Каса». Для прикладу кілька з них: «До рускої інтелігенції на Буковині» (Буковина. -- 1903. -- Ч. 40. -- С. 1.), «В справі заснованя союзу усіх руских кас райфайзенських» (Руска Рада. -- 1903. -- Ч. 13. -- С. 97 – 980), «Перші загальні збори руских спілок хліборобських «Селянська Каса» (Руска Рада. -- 1903. -- Ч. 16. -- С. 127), «Замкнене рахунків товариства «Руська каса для ощадности і пожичок». Товаришешня зареєстрованого з обмеженою порукою в Чернівцях за час від 1 січня до 31 вересня 1903.», у якій він звітував стосовно даних функціонування «Рускої Каси» у прямих кредитних відносинах з товариством «Дністер», та співпрацею з «Краєвим Союзом Кредитним» у Львові і «Селянською Касою» в Чернівцях. (Руска Рада. -- 1903. -- Ч. 43. -- С. 342 – 343), «Не забувайте!» (Рідний край. -- 1929. -- Ч. 15. -- С. 2 – 3) та ін.

С. Смаль-Стоцький домагався покращення економічного становища селян у виправленні кадастру ґрунтів буковинського краю. Цьому питанню він приділив публікації: «І ще дещо про ревізію кадастру ґрунтового» (Буковина. -- 1896. -- Ч. 140. -- С. 1-2), «Промова д-ра Ст. Стоцького

котрою він мотивував свій внесок в справі книг ґрунтових» (Буковина. -- 1901. -- Ч. 89, 91, 92). Окрім цього наявні публікації С. Смаль-Стоцького сентеційного характеру для введення сільського господарства: «Як закладати і продавати крамницю?» (Ілюстрований буковинський православний календар на рік переступний 1896. -- 1895. -- С. 13 – 25), «Нова устава про годівлю худоби» (Ілюстрований буковинський православний календар на рік переступний 1896. -- 1895. -- С. 5-12), «Реклямації від служби войскової. Наука на пожиток хліборобам» (Ілюстрований буковинський православний календар на рік переступний 1900. -- 1899. -- С. 3-10), «Як дбають про науку господарства в інших краях» (Хлібороб. -- 1906. -- Ч. 7 – 9, 11) та ін.

Характерною особливістю текстів суспільно-політичних публікацій С. Смаль-Стоцького була повчально-пропагандистська форма подання інформації. Основним завданням для автора було виокремити та пояснити тогочасні актуальні питання в проаналізованому нами масиві опублікованих матеріалів. С. Смаль-Стоцький висвітлював у проблемних статтях суспільно-політичні моменти в мовознавчій справі (вводив фонетичний правопис у користування, сприяв організації українських шкіл на Буковині та вчительській практиці у них, відстоював хибність теорії праруської мови), політичній (боровся з москвофільським рухом, лобював інтереси громади в Буковинському сеймі й Австрійському парламенті, заснував політичні партії та товариства, дбав про розвиток буковинсько-галицьких відносин), економічній (гуртував своєю ідеєю селянські осередки до створення кредитних установ та давав поради введення господарства на прикладі закордонних досягнень).

Суспільно-політичній пресі кінця XIX -- початку XX століття був притаманний суб'єктивний спосіб відображення дійсності. Незаперечним є той факт, що провідні діячі використовували пресу у поширенні своїх ідей до мас, що в свою чергу, було дієвим та популярним шляхом передачі інформації. Очевидним є те, що С. Смаль-Стоцький зумів створити якісний публіцистичний продукт, присвячений суспільно-політичній проблематиці.

Список літератури:

1. Ботушанський В. Степан Смаль-Стоцький -- видатний діяч Буковини : штрихи до портрета / Володимир Ботушанський. -- Чернівці : Яворський Н. С., 2010. -- 68 с.
2. Горбатюк О. Степан Смаль-Стоцький як літературознавець : статті та явища нової української літератури : автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / Олег Васильович Горбатюк ; Львівський національний університет ім. Івана Франка. -- Львів, 2009. -- 20 с.
3. Д. «Еще о «заслугах» Стоцького // Руская правда. -- 1911. -- № 16. -- С. 4 – 5.
4. Д-р Степан Смаль Стоцький // Діло. -- 1938. -- Ч. 162. -- С. 1.
5. Даниленко В. М., Добржанський. Академік Степан Смаль-Стоцький : Життя і діяльність / Віктор Даниленко, Олександр Добржанський -- Київ-Чернівці, 1996. -- 207 с.
6. Доманицький В. Про Буковину / Василь Доманицький -- Київ, 1910. -- С. 32, 52.
7. Записки Наукового Товариства ім. Шевченка (На пошану сторіччя народин Степана Смаль-Стоцького) / ред. Кость Кисілевський. -- Т. 172. -- Нью-Йорк, 1960. -- 103 с.
8. Оповістка 14 (про устав для публичних загальних шпиталів у воєводстві Буковині) // Вістник законів і розпоряджень для воєводства Буковини. -- 1907. -- Вип. 12. -- С. 33 – 46.
9. Оповістка 33 (про пересене рогатки... на повітій дорозі) // Вістник законів і розпоряджень для воєводства Буковини. -- 1906. -- Вип. 33. -- С. 91.
10. Оповістка 34 (про краєвий додаток оподаткування) // Вістник законів і розпоряджень для воєводства Буковини. -- 1909. -- Вип. 29. -- С. 137.
11. Педагогічні ідеї С. Смаль-Стоцького в контексті розвитку національної освіти й виховання: матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції, 24-26 лютого 1999 р. / відповідальний за випуск і упорядник: Д. І. Пенішкевич, В. С. Филипчук. -- Чернівці, 1999. -- 256 с.

12. Постать Степана Смаль-Стоцького в національно-культурному житті Буковини кінця XIX -- початку XX ст. і сучасна рецепція його доби: тези доповіді Міжнародної наукової конференції, присвяченої 150-річчю від дня народження видатного українського філолога, культурного і громадського діяча, 19-21 лютого 2009 р. -- Чернівці : Місто, 2009. -- 131 с.
13. Промова посла Єротея Пігуляка про зміну виборчого закону // Руска Рада. -- 1903. -- Ч. 42. -- С. 329 – 334.
14. Радянин. З далеких берегів (Розмови з видатнішими українськими діячами в Європі спеціально для «Свободи» / Радянин // Свобода. -- 1922. -- Чис. 49. -- С. 2.
15. Смаль-Стоцький С. Граф Бобринський і австрійські русини // Österreichische Rundschau. -- 1912. -- № 15. -- С. 4
16. Смаль-Стоцький С. «И. Онышкевича Руска Библиотека» (1877 – 1927) / Д-р Степан Смаль-Стоцький // Літературно-науковий вісник. -- 1927. -- Т. 94. -- С. 61.
17. Смаль-Стоцький С. Листы з Буковини // Діло. -- 1880. -- Ч. 39. -- С. 1–2.
18. Смаль-Стоцький С. На переломі. /Степан Смаль-Стоцький //Буковина. -- 1905. -- Чис. 45 – 46. -- С. 1.
19. Смаль-Стоцький С. Політика реальна /Степан Смаль-Стоцький // Буковина. -- 1896. -- Ч. 53. -- С. 1-2.
20. Съ нами братья! // Буковински вѣдомости. -- 1898. -- Чис. 23. -- С. 1 – 2.
21. Франко І. Лист до М. П. Драгоманова. Львів, 7 грудня 1890 р. / Іван Франко // Франко І. Збір. Творів у 50 т. -- Т. 49. Листи (1886 – 1894). -- Київ: Наукова думка, 1986. -- С. 264.
22. Франко І. Реалісти чи кар'єристи / Іван Франко // Жите і Слово. -- 1896. -- Кн. 2. -- С. 73-92.
23. Miejsce Stefana Smal-Stockiego w slawistyce europejskiej / pod redakcją Wiktorii Hojsak, Agaty Skurzewskiej. -- Kraków : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2012. -- 157 с.

ВЛИЯНИЕ КЛАССИЧЕСКИХ (МЁРТВЫХ) И СОВРЕМЕННЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Сухомлинова Марина Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент, Южный федеральный университет

Статья посвящена решению вопроса о том, какие языки оказали существенное влияние на современное состояние языка международного академического общения. Сопоставляется роль классических и современных языков в данном процессе. Выявлено, что в основном пополнение лексического фонда академического дискурса происходит за счёт процессов заимствования и транстерминологизации. Современный англоязычный академический дискурс характеризуется наличием общеобразовательной университетской лексики, узкоспециальной терминологии и общенаучной терминологии. В англоязычном академическом дискурсе наблюдается высокая репрезентативность латинского и греческого лексических компонентов. При соотношении роли мёртвых классических языков и современных европейских языков приходим к выводу, что на современный англоязычный академический дискурс гораздо большее влияние оказывают классические мёртвые языки (в частности латынь), чем современные. Этот факт свидетельствует об изначальной функциональной консервативности англоязычного академического дискурса.

Ключевые слова: англоязычный академический дискурс, заимствование, классические языки науки, научно-техническая терминология, транстерминологизация.

THE INFLUENCE OF CLASSICAL (DEAD) AND MODERN EUROPEAN LANGUAGES ON THE FORMATION OF THE ENGLISH ACADEMIC DISCOURSE

Sukhomlinova M.A.

PhD in Philology, associate professor, Southern Federal University

The article discusses the issue of the influence of different languages on the modern state of the language of international academic communication. The role of the classical and some modern languages in this process has been considered. The article analyses the fact that the increase in the lexis constituting the academic discourse takes place due to the processes of borrowing and transterminology. Modern English-speaking academic discourse is constituted by academic university lexis, specialised terminology and general scientific terminology. The discourse under consideration has a great number of Latin and Greek lexical components. The comparison of the role of the classical (or dead) languages and some modern European languages we come to the conclusion, that modern academic discourse is under a much greater influence by the classical than modern languages. This fact indicates the conservatism of the English-speaking academic discourse.

Key words: English-speaking academic discourse, borrowing, classical languages of science, scientific and technical terminology, transterminology.

Постановка проблеми. Академічний дискурс в національних комунікативних культурах привертає все більше увагу дослідників. Фрагментарному вивченню піддалися русько-, англо-, німецько-, іспаноязичний і ряд інших академічних дискурсів. Вслід за Л.В. Кулико-

вой, под академічним дискурсом будемо розуміти «нормативно організоване мовне взаємодія, що володіє як лінгвістичним, так і екстралінгвістичним планами, використовуюче визначену систему професійно-орієнтованих знаків, що враховує статус-

но-ролевые характеристики участников общения (учёных как исследователей и / или преподавателей, а также студентов в сфере университетского образования), интерпретируемое как культурно маркированная система коммуникации» [1, с. 297].

В настоящее время английскому языку отводится особая роль языка международной коммуникации, что естественным образом распространяется и на академическую коммуникацию. В этой связи представляется особенно важным углублённое исследование специфики англоязычного академического дискурса на разных уровнях (грамматическом, семантическом и прагматическом), а также на разных этапах его развития. Помимо прочего, предстоит выявить степень влияния других языков на формирование подязыка международной академической коммуникации. При этом необходимо отметить, что исследования по происхождению лексики в различных типах дискурса на примере разных языков, а также изучение подязыков и терминосистем разных сфер в плане их становления, проводится достаточно активно (например, О.А. Сёмина и др. Лексические заимствования в терминологии архитектуры английского языка, 2007; Т.Г. Голощапова, Т.Н. Дьяконова. Латинизмы в официальном юридическом дискурсе, 2014; Е.В. Ларцева. Проблема межвариантного заимствования в свете общей теории заимствования, 2014).

Цель настоящего исследования заключается в определении влияния классических языков науки и современных языков на формировании подязыка международной академической коммуникации. Это предполагает решение следующих задач:

1) выяснить, какие языки и каким образом повлияли на современное состояние англоязычного академического дискурса;

2) сопоставить роль классических мёртвых и западноевропейских языков в формировании современного англоязычного академического дискурса.

Переходим к изложению основного материала исследования. Англоязычный академический дискурс имеет многовековую историю развития, основы которого были заложены к концу XVII в. Как известно, изначально в Западной Европе образование в университетах велось исключительно на латыни. Латинский и греческий языки являются признанными классическими языками науки, которые имеют непосредственное отношение к формированию и современному состоянию англоязычного академического дискурса. Необходимо отметить ведущую роль латинского языка в университетском образовании в частности и академическом дискурсе в целом. Именно латинский язык являлся формой получения и накопления научных знаний. Разнородные и разнонаправленные ассоциации между понятиями «латынь» и «наука» были настолько тесными, что до Нового времени в коллективном англоязычном языковом сознании эти понятия не разделялись. Так, Ю.К. Воробьёв отмечает, что своей рациональной стороной и «универсальной правильностью» латинский язык гарантировал постижение истины. Новые национальные («вульгарные») языки заведомо считались нерациональными, а значит неспособными обслуживать науку [2].

Как отмечает В.Г. Хартвакян, будучи языком высоко развитой цивилизации, языком, обладающим чрезвычайно мощным ореолом культуры, латынь выступает сегодня в качестве универсального кода в мировом коммуникативном

пространстве. Значение латинского языка проявляется на всех системных уровнях современного английского языка, во всех функциональных стилях современной английской речи. Значимым также представляется присутствие латинского компонента в английском дискурсе – во всех без исключения разновидностях институционального дискурса. Причиной этому являются как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. Латинские вхождения, важнейшие для коммуникативных языковых уровней, отражают специфику англо-латинских языковых контактов в исторической ретроспективе [3, с. 3].

На латинском языке были заложены основы научной терминологии практически всех дисциплин. До конца XVII в. этот язык являлся единственным орудием научной мысли, учёной переписки, дипломатических отношений и образования. При этом научные трактаты в большинстве случаев писались на латинском языке, а английские переводы этих трактатов изобиловали латинизмами, чтобы сохранить научный стиль изложения, установившийся в латинской традиции. Часто латинское слово было строго ограничено в смысле, поэтому идеально подходило для термина. Термины, как правило, используются в научной речи для создания точности высказывания. Устойчивый приток латинизмов обеспечивался долгосрочным использованием латинского языка церковью и образовательными учреждениями.

Особый интерес представляет жанровая система академической латыни, которая являлась фактом научного сознания и инструментом научного описания действительности. В эту систему входили следующие нормированные жанровые формы, часть которых применяется в современном академическом дискурсе в модифицированном виде: диссертация, публичная лекция, учебная лекция, хвалебная речь, учебный диалог, диспут и некоторые другие. В научной среде был представлен эпистолярный жанр (письменный аналог учебного разговора). На латыни обсуждались научные и околонаучные вопросы. Академическая латынь приучала к терминологическому единообразию, строгой логике научного мышления. Латынь способствовала распространению естественнонаучного мировоззрения, формированию светского мироощущения и рационального мышления [2].

Латинский язык представлен во всех сферах вербальной коммуникации. Наиболее интенсивно он используется на графическом и лексическом уровнях, менее интенсивно на грамматическом уровне со значительным преобладанием морфологии над синтаксисом. Латинское значение проявляется следующим образом: а) непосредственно заимствования из латинского языка либо лексемы, пришедшие в английский язык через французское посредничество; б) заимствования из французского или англо-норманнского языков, имеющих исходную латинскую форму; в) заимствования из древнегреческого или других древних языков через латинское посредство [3, с. 6-7].

Латинский язык представляет собой для европейских языков некий коммуникативный «культурный образец», поэтому использование базы латинского языка для образования новых слов широко распространено во многих современных европейских языках, особенно в сфере научной терминологии. На грамматическом уровне первостепенная роль отводится морфологии, в частности, словообразованию. Современные европейские языки активно оперируют латинскими словообразовательными элементами. Наиболее интенсивный период заимствования морфем из латинско-

го языка относится к XIII – XV векам в виду значительно-го притока латинских слов в этот период. К числу наиболее распространённых морфем относятся префиксы *ad-*, *com-* (*com-*), *de-*, *dis-*, *ex-*, *in-*, *ob-*, *per-*, суффиксы *-anus*, *-iare*, *-itare*, *-tor*, *-or* и др. [3, с. 10]. Одновременно с этим следует отметить, что влияние латинского синтаксиса на германские языки незначительно. Так, в современной лингвистике предпринимались попытки исследовать абсолютную конструкцию, с целью выявления её происхождения: является ли абсолютная конструкция исконно английским образованием или она появилась в английском языке в результате калькирования латинской конструкции *Ablativus Absolutus*. Западные исследователи (Ч. Росс, О. Есперсен и др.), изучавшие английский синтаксис, придерживались мнения о привнесении абсолютной конструкции в английский язык «извне», доказывая это тем, что данная конструкция появилась и стала активно развиваться в английском языке только во второй половине XVII века благодаря буквальным переводам с латыни. Однако, с этой позицией не согласен отечественный лингвист Я.И. Рецкер, который сделал вывод о том, что уже в конце XIV – начале XV в. эта конструкция была достаточно самостоятельной и не испытывала на себе влияния переводов с латыни [4, с. 104].

Современные языки Европы на этапе их формирования (с V в. н.э.) заимствовали из латинского языка элементы практически всех языковых уровней, и носители данных языков стали использовать эти элементы в качестве готовых языковых моделей, естественным образом привнося в свой менталитет элементы римского национального сознания. В средние века языковые модели, выработанные в латыни, стали приспособляться в европейских языках к всё увеличивающемуся количеству изобретений в механике, промышленности, торговле, к схоластической и научной мысли [5, с. 85].

В рамках научного стиля английской речи латинские элементы выполняют стилиобразующую функцию. Для этого существует ряд причин, к важнейшей из которых относятся: 1) с начала своего формирования в XVI в. и до конца XVII в. научные сочинения в Англии создавались на латинском языке; 2) при переводе научных трудов с латинского языка на английский в текст перевода закономерно переносилось значительное количество лексических и синтаксических элементов; 3) научная терминология, связанная со многими сферами знаний, в английском языке преимущественно позаимствована из латыни [3, с. 14-15].

Греческий язык был также языком науки, и сама латынь много заимствовала из него. Фактически латинский алфавит является видоизменением греческого. Многие греческие заимствования пришли в английский язык через французский (например, *enthusiasm*, *metaphor*) и через латинский (например, *phenomenon*, *rhapsody*) [6, с. 129].

Расширение словарного запаса английского языка посредством греческих и латинских понятий происходило в Эпоху Возрождения и всё последующее время. Это были не только слова, в большом количестве заимствованные напрямую из книг. Бесчисленное множество новых лексем было создано на основе элементов из классических языков. Фактически практика использования греческого и латыни в качестве базы для новых научных терминов существует до сих пор [6, с. 127].

Таким образом, значительная часть научной терминологии в современном английском языке создана из латин-

ских и греческих корней. Основной приток латинских слов в англоязычную академическую речь приходится на эпоху Возрождения. В основном это были научные термины, которые проникали в язык и письменным путём через научную литературу, сочинения учёных, что способствовало максимальному сохранению латинской формы слова. К словам латинского происхождения в англоязычном академическом дискурсе относятся: *datum* – данная величина, *formula* – формула, *medium* – средство, способ, *phenomenon* – явление, *research* – исследование, *knowledge* – знание, *truth* – истина и многие другие. Слова греческого происхождения следующие: *analysis* – анализ, *hypothesis* – гипотеза, *thesis* – тезис, положение, диссертация, *physics* – физика, *zoology* – зоология, *atomic* – и многие другие. Более того, ряд латинских заимствований в английском языке имеют греческое происхождение. Эти слова были заимствованы латинским языком из греческого, а затем в латинизированной форме проникли в словарный состав английского языка (например, лексема *idea*).

Необходимо отметить, что многие термины латинского и греческого происхождения в научно-технической литературе принадлежат к так называемой интернациональной лексике, т.е. повторяются в языках многих народов, объединённых между собой общими чертами культурного и общественного развития. Единство, которое прослеживается в основе современной терминологии целого ряда наук, существенно облегчает коммуникацию учёных из разных стран, носителей и не носителей английского языка.

По мнению И.Н. Кошелевой, академический дискурс богат лексемами латинского и греческого происхождения по целому ряду причин. Основным является исторический фактор, согласно которому после 1500 г. английский язык начал использоваться учёными в англоязычных странах, где ранее для этих целей служил латинский. К 1500-м гг. в английском языке начинается новый этап развития, это время считается результатом интеллектуального движения. Это эпоха Возрождения, отмеченная стремительным развитием наук, возобновлением интереса к греческой и римской классике, ростом национального самосознания и такими событиями, как Протестантская реформация при Генрихе VIII, начало книгопечатания в Англии в 1477 году и открытие Нового Света [6, с. 126-127].

Ряд понятий в языке академического общения имеют параллельные основы в латинском и греческом языках: латинские *lumen-*, *luc-* / греческое *photo* (*light*); латинское *aqua-* / греческое *hydro* (*water*); латинские *am(a)-*, *amat-* / греческое *phil(o)* (*love*); латинские *fort-*, *forc-* / греческое *dynamo-*, (*power*, *strong*) и другие. Кроме того, в латинском и греческом языках существуют параллельные префиксы: латинские *circu-*, *circum-* / греческое *peri-* (*around*); латинское *multi-* / греческое *poly-* (*many*); латинские *contra-*, *contro-*, *counter-* / греческий *anti-* (*against*) и др. Латинизмы и гречизмы по-прежнему обладают текстообразующей потенцией в разных типах академических текстов. Кроме того, слова латинского происхождения в англоязычном академическом дискурсе способны оказывать эмоциональное воздействие на собеседника, подчёркивая исторические корни университетского образования, его фундаментальность и связь времён. В этом раскрывается прагматический аспект влияния латинизмов на исследуемый дискурс.

Постепенно влияние латинского языка стало ослабевать, и латынь была вытеснена из разговорной речи новыми язы-

ками – романскими. Письменный язык, значительно более консервативный и опирающийся на тысячелетнюю традицию, изменялся значительно медленнее. Огромную роль в сохранении латинской традиции в это время играла католическая церковь, принявшая латинский язык еще в IV в. При этом обучение было одной из функций церкви и одним из способов воздействия религии на людей. В частности, к сфере обучения относятся такие слова, как *school, master, verse, meter, gloss, notary (scribe)*.

XVIII в. явился эпохой гармоничного симбиоза латинского языка как международного и национальных языков как его равноценных приемников. Вместе с тем уже в XVIII в., а ещё более быстрыми темпами в XIX и XX вв. под влиянием роста национальных движений происходит вытеснение латинского языка национальными, что причиняет очевидный ущерб интенсивности научного общения и научной работы в целом [7]. Однако этим фактом объясняется появление в XVIII в. первых научных журналов на английском языке (например, *The Philosophical Transactions, 1665, 1666; The Science, 1880; The English Historical Review (EHR), 1886*). Но даже после того как национальные языки постепенно вытеснили латинский язык из научной литературы, он ещё долго использовался в качестве основного в отдельных отраслях знаний.

Помимо классических, большое влияние на современный международный язык академического общения оказывают европейские языки, принадлежащие германской и романской языковым группам и появившиеся в английском языке в разные периоды его развития. К ним относятся, в частности, немецкий, французский, итальянский, испанский и др. При этом способы влияния одного языка на другой варьируются. Самым весомым является экстралингвистический способ, который выражается в виде заимствований.

Под термином «заимствование» в отечественной лингвистике традиционно понимается процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой, а также элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесённый из одного языка в другой в результате языковых контактов.

В зарубежной лингвистике заимствование (*borrowing*) определяется как адаптация лингвистического выражения из одного языка в другой, обычно, когда в последнем отсутствует термин для названия нового предмета, понятия или состояния дел. При этом причинами такого кросс-культурного влияния можно назвать различные политические, культурные, социальные или экономические события [8, с. 139].

Иноязычные слова проходят лексико-семантическую адаптацию в языке-реципиенте, что связано с развитием семантической структуры лексических единиц, пришедших из языка-оригинала. В большинстве случаев семантическая структура иноязычной неассимилированной лексики подвергается значительному, ощутимому при компаративном анализе сдвигу семантической структуры этого же слова в исходном языке, приобретая свою собственную систему значений и включая в своё содержание такие элементы, которых не существовало в нём в родном языке [9]. Те же самые процессы характерны для развития семантической структуры языка академического общения.

Необходимо отметить, что наличие заимствований в английском академическом дискурсе является результатом

интенсивных контактов в сфере академической коммуникации. Заимствования влияют на лексико-грамматическую систему языка, на национально-языковую картину мира и в целом на культуру. Таким образом, любое заимствование является точкой соприкосновения разных языковых картин мира [3, с. 11].

Современный англоязычный академический дискурс представлен следующими основными группами лексем: 1) общеобразовательная университетская лексика; 2) узкоспециальная терминология; 3) межнаучная, или общенаучная терминология. При этом необходимо отметить, что в количественном соотношении узкоспециальная лексика значительно превосходит общеобразовательную за счёт того факта, что каждая предметная дисциплина отражает специфические научные знания и обладает своей терминологией. Этот факт вполне логичен, ведь общеобразовательная лексика обслуживает все сферы университетской деятельности и однотипна, т.е. унифицирована для всех дисциплин. Однако мы считаем, что в рамках исследуемого дискурса именно общеобразовательная лексика, употребляемая в стенах университета, играет более значимую роль.

Подробно проанализируем каждую из трёх вышеупомянутых лексических групп. Лексемы общеобразовательного характера, заимствованные английским языком из немецкого, составляют определённый семантический пласт, в рамках которого выделяются лексемы, номинирующие профессорско-преподавательский состав, например, *Professoriat* (совокупность всех профессоров университета, *Privatdozent* (лектор без учёного звания профессора); для описания человека, который отлично разбирается в одной области знаний, но совершенно не разбирается в других областях используется лексема *Fachidiot* / 'subject idiot'. Также заимствуется лексика, описывающая учебный процесс в университете. Например, в 1827 г. в английский язык из немецкого вошло слово латинского происхождения *semester*, обозначающее курс, состоящий из шести месяцев. В англоязычный академический дискурс эта лексема была заимствована в значении «полугодовой курс в университете». В 1887 г. также из немецкого языка в английский пришла лексема *seminar* в значении «особое учебное занятие для продвинутых студентов», в то время как в немецком слово *seminar* означало группу студентов, которая занимается с профессором. В свою очередь, в немецкий язык данная лексема попала из латинского, в котором употреблялось в значении «питомник / рассадник». При этом в английском языке лексема *seminar* приобрела значение «встреча с целью обсуждения какого-либо предмета» в 1944 г. [10]. Появление лексем *semester* и *seminar* явилось отражением инноваций, произошедших в немецкой системе высшего образования.

Французскому языку принадлежит особая роль в становлении академического английского подязыка в силу исторических причин. Французские слова в составе англоязычного академического дискурса представляют собой довольно многочисленный пласт общеобразовательной университетской лексики, который чётко подразделяется на следующие основные лексические группы: а) наименования высших учебных заведений и их производные: *university, college, academy, academic*; б) наименования руководящего состава университета: *president, vice-president, dean*; в) наименования профессорско-преподавательского состава: *professor, councillor, tutor*; г) наименования студенческого

сообщества: student, bachelor, bachelorrete; д) наименования структурных подразделений: faculty, department, chair, council; е) наименования присваиваемых степеней: master's degree;

ё) наименования видов учебной деятельности, методов обучения и контроля: lesson, lection, tuition, brainstorming, examination; ж) наименования периодов обучения: term, trimester.

Проследим по словарю Online Etymology Dictionary автора D. Harper этимологию некоторых приведённых выше лексем. Необходимо отметить, что значительная часть лексического корпуса, составляющего основу академического дискурса, пришла в английский язык из французского через латинский. Так, лексема university пришла в английский язык из древнефранцузского (Old French universite) и приобрела значения «учреждение высшего образования» и «совокупность людей, составляющих университет» в 1300 г. В свою очередь, во французский язык данная лексема попала из средневекового латинского (universitas). В академическом смысле лексема university означала «сообщество магистров или учителей и учёных».

Лексема dean появилась в английском языке в начале XIV века, а значение, связанное с колледжем, возникло только с 1570 г. (в латинском языке слово приобрело это же значение в конце XIII века). В древнефранцузский лексема пришла из позднего латинского в значении «глава группы в монастыре, состоящей из 10 монахов». В свою очередь, в латинский язык данная лексема была заимствована от греческого dekanos от deka в значении «десять».

Лексемы professor и tutor появляются в английском языке из древнефранцузского практически в одно и то же время, в конце XIV века. Professor – это человек, который преподаёт определённую область знаний. Во французский язык это слово было заимствовано напрямую из латинского в значении «человек, который заявляет о себе как об эксперте в определённой гуманитарной или точной науке; преподаватель высшего звена». Титул профессора стал употребляться с 1706 г., а сокращённое наименование prof – с 1838 г.

Слово tutor пришло в английский язык в значении «хранитель, опекун, попечитель» из французского, в котором имело значение «опекун, частный учитель». В 1860-х гг. лексема tutor приобрела специфическое значение «старший мальчик, назначенный помогать младшему в учёбе».

Представляет интерес лексика, номинирующая состав студентов. Так, лексема bachelor впервые зафиксирована в английском языке в 1300 г. в значении «молодой человек», а также «юный рыцарь, новичок в использовании оружия». В древнефранцузском, из которого это слово пришло в английский, лексема bachelor обозначала «молодого рыцаря» и «неженатого мужчину». Окончательно не установлено, по какой именно причине данное слово стало употребляться в значении университетского звания. Однако известно, что в конце XIV века лексема bachelor расширила значение и стала обозначать человека, который получил низшую степень в университете. Примечательно, что в 1935 г. в американском варианте английского языка от слова bachelor, означающее лицо мужского пола, при помощи суффикса -ette было образовано слово bachelorette для обозначения лица женского пола, получившую низшую университетскую степень. Новая лексема заменила существующую с 1935 г. лексему bachelor-girl.

Из лингвистических характеристик тех лексем, которые номинируют виды учебной деятельности и контроля, наибольший интерес представляет этимология слов tuition и examination. Лексема tuition возникла в английском языке в начале XV века в значении «защита, забота, опека». Данная лексема была заимствована от древнефранцузского tuicion, в котором означала «опекунство, попечительство». Во французский язык это слово попало из латинского, от tuitionem в значении «приглядывание за кем-то, защита, опека». Значение лексемы tuition «работа по обучению учащихся» впервые зафиксировано в 1580 г. Второе значение, а именно «плата за обучение» появилось спустя почти 300 лет, в 1828 г., предположительно это сокращённый вариант словосочетания tuition fees.

Лексема examination пополнила английский язык в конце XIV века в значении «проведение тестирования / проверки или оценивания; судебный запрос». Источником заимствования явилось слово examinacion из древнефранцузского, в который попало из латинского от examinationem. Значение «оценивание знаний» лексема examination приобрела в 1610 г. В 1848 г. зафиксировано употребление сокращённого варианта лексемы – exam, которое считалось студенческим сленгом.

Среди рассмотренных лексем явно выделяется лексика, перекликающаяся с религиозным, или клерикальным дискурсом. Это объясняется историей развития университетов из монастырских школ. Например, лексема lesson, вошедшая в английский язык из древнефранцузского в начале XIII века, имела два значения: 1) чтение Библии вслух; 2) что-то, что должно быть выучено студентом наизусть. Во французский язык это слово пришло из латинского, в котором обозначала «чтение». В 1580-х гг. лексема приобрела следующее значение: «урок, который необходимо вынести из какой-то ситуации».

Другой пример представляет лексема lector (конец XIV века), которое обозначало «духовное лицо одного из низших религиозных орденов». Данная лексема была заимствована из латинского языка позднего периода, в котором имело значение «читатель» [10].

Второй крупный лексический пласт составляет узкоспециальная терминология. Сюда относятся термины, заимствованные в английский академический подязык из французского, которые используются в разнообразных научных областях, в частности, в медицине: tablet (от франц. tablette), depression (от франц. depression). Источником пополнения английского языка узкоспециальными научными терминами в области физики, химии, биологии, геологии, минералогии, горного дела и т.д. также является немецкий язык. Так, во второй половине XVIII века из немецкого языка были заимствованы следующие лексемы, относящиеся к области геологии, минералогии и горного дела: iceberg (айсберг), wolfram (вольфрам), nickel (никель), gletscher (ледник). Эта сфера заимствований значительно расширяется в XIX веке, когда в англоязычном академическом дискурсе появляются термины из области химии: zinc (цинк), геологии: cobalt (кобальт), психологии: gestalt (гештальт). Среди лингвистических терминов также можно встретить заимствования из немецкого языка: ablaut (аблаут), umlaut (умлаут), urtext (оригинальный текст). Некоторые из этих заимствований представляют собой кальки или являются интернациональными словами, например, лексемы из области общей лингвистики: vowel shift (Lauterverschiebung –

сдвиг гласных), loanword (Lehnwort – заимствование).

Третий крупный пласт – общенаучная лексика – в рамках англоязычного академического дискурса наряду со словами латинского и греческого происхождения представлена словами из французского языка, заимствованными в среднеанглийский период (1100-1500 гг.). Например, к ним относятся: question, regard, special, а также большое количество слов с суффиксами -age, -ance / -ence, -ant / -ent, -ity, -ment, -tion и с префиксами: con-, de-, pre-. Кроме французского языка, определённое влияние снова оказал немецкий язык, который явился источником общенаучных лексем, например, Festschrift (книга, подготовленная коллегами к юбилею учёного), Gedenkschrift (публикация в память об учёном). Наряду с этими языками, определённую роль в формировании современного языка академической коммуникации оказал итальянский язык. Так, в XVI веке в английском языке появляется общенаучная лексема model, которая пришла из итальянского языка и в несколько модифицированном значении активно употребляется в современном англоязычном академическом дискурсе.

Подытоживая вышесказанное, приходим к следующим выводам:

1. В англоязычном академическом дискурсе наблюдается высокая репрезентативность латинского и греческого лексических компонентов, что свидетельствует о том, что латинский и греческий языки оказали существенное влияние на формирование английского языка как языка академического общения на всех стадиях его развития и до сих пор используются для создания терминов в рамках исследуемого дискурса.

2. Отличительной чертой современного англоязычного академического дискурса является наличие общеобразовательной университетской лексики; узкоспециальной терминологии, составляющей базу любой науки, как гуманитарной, так и естественной; общенаучной терминологии. При этом по количеству лексем первая группа значительно уступает второй и третьей, но по значимости является наиболее важной. Кроме того, в новейшее время в англоязычном академическом дискурсе значительно вырос интернациональный лексический элемент, в частности, представленный научно-техническими терминами. Наличие большого количества заимствований из немецкого, французского, испанского, итальянского и ряда других языков в англоязычном академическом дискурсе свидетельствует об активном взаимодействии этих языков, об определённом их влиянии друг на друга и о соприкосновении культур их народов.

3. С учётом заимствованной лексики англоязычный академический дискурс распадается на целый ряд тематических групп, среди которых выделяются следующие: наименования высших учебных заведений; наименования руководящего состава университета; наименования профессорско-преподавательского состава; наименования студенческого сообщества и др.

4. При соотношении роли мёртвых классических языков и современных европейских языков приходим к выводу, что на современный англоязычный академический дискурс гораздо большее влияние оказывают классические мёртвые языки (в частности латынь), чем современные. При этом влияние латыни является как непосредственным, так и опосредованным.

Список литературы:

- Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2006. 392 с.
- Воробьёв Ю.К. Латинский язык и отражение греко-римской мифологии в русской культуре XVIII века. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/latinskii-yazyk-i-otrazhenie-greko-rimskoi-mifologii-v-russkoi-kulture-xviii-veka#ixzz3ZN5IzgwA> (дата обращения: 05.05.2015).
- Хартавакян В.Г. Латинские вхождения в современном англоязычном институциональном дискурсе: Автореф. ... канд. дисс., Ростов н/Д, 2012. 26 с.
- Рецкер Я.И. Стилистико-грамматическое значение абсолютных конструкций в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГПИИЯ, 1953. 346 с.
- Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Зарубежная лингвистика I. «Новое в лингвистике». М., 1999. С. 58 – 92.
- Кошелева И.Н. Внутренний контекст греческих и латинских слов как одна из основ построения академического вокабуляра // Филологические науки в МГИМО: Сборник научных трудов. М.: МГИМО-Университет, 2014. № 53. С. 125 – 134.
- Боровский Я.М. Латинский язык как международный язык науки (к истории вопроса) // Проблемы международного вспомогательного языка. М., 1991. С. 70 – 76. Русский филологический портал Philology.ru. Режим доступа: www.philology.ru/linguistics3/borovsky-91.htm (дата обращения: 25.08.2014).
- Bussmann H. Routledge Dictionary of Language and Linguistics / translated and edited by Gregory Trauth and Kerstin Kazzazi. London and New York, 2006. – 1304 p.
- Кошкарова Н.Н. Структурно-семантические особенности и степень адаптации англоязычной частично ассимилированной лексики в русском компьютерном подязыке: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 232 с. Режим доступа: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/93149.html> (дата обращения: 5.11.2015).
- Harper D. Online Etymology Dictionary. Режим доступа: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=master (дата обращения: 10.12.2015).

СЕКРЕТЫ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ БАРБАРЫ ФРИШМУТ

Людмила Трофимова,

Елабужский институт Казанского Федерального университета, старший преподаватель, кафедра немецкой филологии

Барбара Фришмут – одна из выдающихся писательниц современной австрийской литературы, обладательница многочисленных премий и наград, в арсенале которой романы, повести, стихи, переводы, сценарии и т.д. Часто с ее именем связывают темы отношений Востока и Запада, роль женщин в современном мире, фантастические элементы повествования, при этом написанное для детской аудитории незаслуженно уходит на задний план. Автор статьи дает обобщенную характеристику жанра детской литературы и рассматривает произведения Фришмут в данном контексте

Ключевые слова: детская литература, детские произведения, Б.Фришмут, австрийская литература.

THE SECRETS OF CHILDREN'S LITERATURE BARBARA FRISHMUTH

Liudmila Vladimirovna Trofimova

Kazan Federal University, the city of Yelabuga. Senior lecturer in German Philology

Barbara Frishmuth – one of the outstanding writers of the modern Austrian literature, winner of numerous prizes and awards in the Arsenal which novels, poems, translations, scripts etc. Often her name is associated with the theme of relations between East and West, the role of women in today's world, the fantasy elements of the story, while written for an audience of children unfairly takes a back seat. The author gives a generalized characteristic of the genre of children's literature and examines the works of Frishmuth in this context.

Key words: children's literature, children's works, B. Frishmuth, Austrian literature.

Книги написанные для детей и читаемые детьми принято называть детской литературой. Понятие «детская литература» («die Kinderliteratur»), как пишет Кристина Нёстлингер, возникло во второй половине XX века [1].

До этого момента существовало два термина «das gute Buch» (строгая, подлинно художественная литература) и «der Schund» (бульварная, массовая) [1]. В первом случае это были «добрые книги», которые должны были побуждать детей к прилежанию, служить примером. При этом девочкам и мальчикам предлагались разные «хорошие книги», чтобы, исходя из гендерной принадлежности, обеспечить во взрослой жизни правильное распределение ролей.

С появлением детской литературы возникла необходимость разграничения двух понятий - массового и литературного. И писатели, и читатели справлялись с данной задачей довольно легко. Детский автор, ориентированный на массовую литературу, должен удовлетворять потребности всех детей (городских и деревенских, малышей и подростков и т.д.). У этой категории читателей практически отсутствует опыт литературного познания. Как известно, литература способна повлиять на формирование сознания ребенка, как с положительной, так и с отрицательной стороны.

Барбара Фришмут является признанным автором, как у себя на родине, так и за ее пределами. В произведениях Фришмут ощущается оригинальность ее мастерства, которое заключается в умении, прибегая к вымыслу, точно передать реальность, сочетать лиризм с иронией и юмором. Многие произведения для детей Фришмут практически незнакомы российскому читателю.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы привлечь внимание к Барбаре Фришмут, к ее «детской литературе», которая не менее полезна для взрослых.

В настоящее время творчество австрийской писательницы Барбары Фришмут вызывает интерес литературоведов, но при этом ее детские книги остаются без должного внимания. В России творчество Фришмут практически не исследовано. Лишь одна диссертация О.С.Кравчук посвящена романам австрийской писательницы 70-х годов, в одной из своих статей исследовательница затронула тему детской литературы Б.Фришмут [4].

Ульрике Киндл считает, что отсутствие интереса к детским книгам не всегда поддается объяснению, и что детские книги Фришмут представляют собой первую ступень для восприятия литературы «взрослой» [2, с. 99].

Детские книги Фришмут можно разделить на несколько блоков, объединенных общей тематикой: языковые эксперименты и игра с языком повествования; фантастика, которая отражена в мире фей и сказочных существ. Особое внимание автор статьи уделяет третьему блоку, состоящему из книг, объединённых общей тематикой – каникулы, отдых: „Ida und Ob“ (1972), „Die Ferienfamilie“ (1981) und „Sommersee“ (1991).

Действие во всех историях происходит в летние месяцы, когда дети свободны от школьных приключений и предоставлены сами себе, а венцом данных приключений служит начало нового учебного года. Фришмут рассказывает о каникулах, наполняя материал элементами автобиографии. Для ребенка, чье детство протекало в интернате, самые положительные эмоции связаны с каникулами, потому что именно в это время начинается настоящая жизнь „Dass es bei mir so oft Feriengeschichten werden [...], das hat wohl damit zu tun, dass ich selber im Internat war, und immer noch den Eindruck habe, dass sich das Leben in den Ferien abspielt“ [3].

Традиционный способ повествования в данном блоке сводится к взаимосвязям между данными произведениями и известными трилогиями Фришмут, которые может обнаружить лишь внимательный читатель. Сходство коснулось и образов главных героев, так к примеру черты Амариллис Лугоцвет можно наблюдать в Лило, докторе Розенщёне. Перекрестные связи заметны и в речевом материале произведений „Ida und Ob“ и „Herrin der Tiere“.

Одну из своих книг «Ида и Об» Фришмут охарактеризовала как «желанный ребенок», но правильнее было бы отнести эту реплику ко всем произведениям [5]. Барбара Фришмут «не вкрадывается» в доверие к читателю, не допускает нравочучений, не преподносит готовый ответ на всем известный вопрос, что такое хорошо, а что нет. У нее нет дидактического концепта, который так ценен у педагогов [3].

«Ида и Об» – история девочки, которая проводит каникулы на конном заводе дяди не по своей воле и стремится

всеми возможными средствами вернуться домой. Эту историю писала Фришмут под топот копыт в помещении, находившемся над конюшней, на старой пишущей машинке, которую брала в поездки. Фришмут удалось создать дружелюбную атмосферу повествования. Р. Виннер считает, что напряжение в повествовании возникает из-за защитной позиции Иды, которая превращается в дружескую и искреннюю симпатию к людям и животным в этой конюшне [2, с.102].

Эта история становления городской девочки, ее превращение из строптивой девушки в дружелюбную, чувство одиночества которой помогла преодолеть дружба с конюхом Мишкой – бывшим циркачом. Героиня пережила забываемые приключения в сопровождении друзей. Воспринимать ребенка всерьез, его чувства и поступки, попытка Фришмут, которую она предпринимает не только в детских книгах [2, с.102].

Создавая данное произведение, Фришмут не преследовала целей изобразить только приключения, а прежде всего ставила перед собой задачу донести до читателя переживания Иды, изменяющие ее отношение к людям и животным.

Название произведения «Семейные каникулы» предполагает повествование о семейном счастье, однако все герои – дети из неполных семей, в каком-то смысле сироты [6]. При этом Фришмут избегает излишней «педагогизации», ее книги лишены нравочений, в них практически отсутствует упоминание педагогического подхода в воспитании подрастающего поколения.

Итак, Нора и ее маленький сын Пу захотели провести лето в сельской местности, вскоре к ним присоединяются племянники Норы Фенек и Лая. Семейные отношения в истории не так просты. Именно в это каникулярное время возникает новая семья, во главе которой стоит Нора. В детях она видит маленьких взрослых, берущих ответственность в силу их возраста за совершенные поступки. Определяющую роль в произведении играет разговор Норы и Фенека о родственных отношениях и о смысле семейной жизни. Словно взрослый мужчина Фенек подошел к рассмотрению данного вопроса и воспринял свою собеседницу как верного товарища.

Можно подумать, пишет Рики Виннер, что Фришмут рассказывает в этой книге историю женщины, жертвующей собой, чтобы облегчить душевную боль бедных, покинутых детей [2, с.103]. Автор рассказывает историю от лица матери – одиночки, состоявшейся профессионально, которая оказывается в различных жизненных ситуациях и при этом всегда старается понять детей как равноценных собеседников. Вся история наполнена различными переживаниями и приключениями, которые оголяют чувства и желания детей.

Фришмут рассказывает, прежде всего, о том, что у детей этого поколения или следующего нет уверенности в отношениях родители – дети. И дети, и взрослые должны понять и принять изменяющиеся жизненные обстоятельства и объяснить их. Для этого необходимо мужество и терпение. Нужно сказать, что это не педагогический учебник, а всё

же роман, который и развлекает, и заставляет задуматься. Фришмут пытается с помощью романа представить новые жизненные модели.

Барбара Фришмут выросла в Зальцкаммергут в семье владельца отеля. В «Летнем озере» действие происходит также в этой живописной местности, в пансионе, в котором Манфред и близнецы Гунди и Гертти отдыхали с родителями. Кроме этих детей в этом пансионе жили еще Пишо (сын владельца отеля) и Лило-Фея [7].

Манфред с рождения страдает пороком сердца, и именно поэтому не может себе позволить многое, что делают обычные дети. Незадолго до начала каникул его прооперировали, и именно в этой сельской местности для него начинается жизнь здорового ребенка со всеми шалостями и приключениями. Сюжет больного ребенка, который приезжает отдыхать в деревню можно также проследить и в книге «Ида и Об», когда Ида заболела коклюшем и лечилась у деда. Также как и Ида, Манфред поначалу скептически относился к предстоящему отдыху. Только после знакомства с Лило он обрел спокойствие. Необычная девочка Лило убеждена, что понимает животных, ко всему прочему, внешне она напоминает ведьмочку. Всё это сроднит ее с Амариллис Лугоцвет, героиней «Штернвизовской трилогии».

За короткое время повествования Фришмут знакомит героев и погружает их в такие приключения, о которых многие дети могут только мечтать и читать в книгах. Прежде всего, детишки из отеля организуют сами свой досуг, не посвящая взрослых в свои планы. И только дед Лило был удостоен чести знать все их секреты. Схожий персонаж – циркач Мишка, которому Ида доверяла сокровенное. Именно эти герои-взрослые не препятствуют детям воспринимать окружающий мир с его самых восхитительных сторон. Юмористический тон, порой с сатирическими элементами, наводит на мысль, что для Б. Фришмут детская литература не должна быть «слишком серьезной», не должна быть перегружена проблемами, но в то же время не быть только развлекающей. Повествование о любимой поре детворы – летних каникулах помогает в полной мере раскрыть сущность маленьких героев, их мечты и увлечения, о которых родители не имеют представления. Фришмут логично подводит к необходимости знакомства «взрослого читателя» с миром ее маленьких героев.

Характерной особенностью для творчества австрийской писательницы является стирание четко выраженных границ между книгами для разных поколений. Во взрослых книгах Фришмут можно встретить и фей, и духов лесов, лугов и водяных, а ее детские книги нацелены не только на пробуждение ребенка в нас, но и взрослого в детях. Детский мир Фришмут лишен чрезмерной сентиментальности, в нем нет места «заигрыванию» с ребенком, напротив, все истории адресованы взрослым с намеком, что учиться можно всему вместе с детьми, и, конечно же, многому от них. Таким образом, остается надежда, что именно эти произведения способны подтолкнуть мир к изменениям.

Ссылки

1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.literature.at/viewer.alo?objid=108&page=3&viewmode=fullscreen&rotate=&scale=1.43> (дата обращения 5.02.2016)
2. Bartsch, K. Barbara Frischmuth. DOSSIER 4. Wien: Literaturverl. Droschl, 1992. – 224S.
3. Baumhauer E. M. „... irgendwann war halt der Wunsch da, selber für Kinder zu arbeiten“ Barbara Frischmuth als Kinderbuchautorin. [Электронный ресурс]. URL: <http://othes.univie.ac.at/16531/> (дата обращения 5.02.2016)

4. Кравчук, О. С. Романы Барбары Фришмут 1970-х годов.: автореф. дисс... кан-та филолог. наук. – С. – Петербург, 1998. – 18 с.
5. Frischmuth, B. Ida — und Ob. Bertelsmann. 1972. –144S.
6. Frischmuth, B. Die Ferienfamilie. Aufbau Taschenbuch. Auflage: 2. 2001. – 102S.
7. Frischmuth, B. Sommersee. Thienemann-Esslinger. Auflage: 2. 1991. – 200 S.

ІСТОРИЧНІ ПЕРЕДУМОВИ СТАНОВЛЕННЯ АНАЛІТИЧНОЇ КОНЦЕПЦІЇ ОСМИСЛЕННЯ ХУДОЖНЬОЇ СЛОВЕСНОСТІ В УКРАЇНОЗНАВСТВІ

Хоменко Олександр Анатолійович,

науковий співробітник відділу української філології, Науково-дослідний інститут українознавства,
м.Київ

У статті аналізується історико-культурний контекст формування концепції словесності в українознавстві. Підкреслюється, що найбільше на цей процес вплинула інтелектуальна традиція Козацької Держави. Саме світоглядні домінанти епохи «військових канцеляристів» визначили контекст перших спроб аналізу словесності. Особлива роль тут належить фольклору, який не підпорядковувався імперському дискурсу, виконуючи роль «паралельної» історії України.

Ключові слова: українознавство, імперський дискурс, словесність, «козацькі канцеляристи», ідентичність.

HISTORICAL BACKGROUND FORMATION OF ANALYTICAL CONCEPTS COMPREHENSION ART LITERATURE IN UKRAINIAN

Khomenko O. A.,

Researcher Department of Ukrainian Philology, Research Institute of Ukrainian Studies

The article examines the historical and cultural context of the concept of literature in Ukrainian Studies. It is emphasized that most influenced this process intellectual tradition Cossack State. It is the dominant ideological era "military clerks" defined the context of the first attempts to analyze literature. A special role here belongs to folklore, is not subordinate to the imperial discourse, acting as a "parallel" history of Ukraine.

Keywords: Ukrainian Studies, imperial discourse, literature, "Cossack clerk", identity.

Постановка проблеми. Перша під цим оглядом проблема, що її належить вирішити дослідникові – існування хронологічної межі, починаючи від якої маємо підстави говорити не стільки про передумови становлення, скільки про власне науково-аналітичну концепцію дослідження бутності художнього слова в українознавстві. Чи можемо, отже, визначати якусь працю в цій царині як рубіжну (на кшталт того, як вихід «Енеїди» І.Котляревського – то помежів'я між давнім та новим періодами розвитку українського письменства), після якої наука про розвиток словесності здобувається вже на повносилу дискурсивність сформованої категоріальності? При цьому слід усвідомлювати, що така концепція не могла з очевидних причин постати перед тим, як виникло саме українознавство – і то не фрагментарні його складові, а українознавство як цілокупний розмисел над феноменом України (звичайно, оприявнений у духово-екзистенційній «тональності» конкретної історичної доби), тобто, раніше кінця XVIII ст., часу, коли в середовищі освіченого загалу колишньої Гетьманщини чим далі, тим більше пробуджувався інтерес до історичної бутності та вицвітів духової творчості народу. «Початки наукового дослідження української історії, етнографії, мови, письменства, – те, що ми зevamo українознавством, припадають на самий кінець XVIII століття. Ці початки тісно зв'язані з українським національним відродженням» [1, 26], – наголошує під цим оглядом Д. Дорошенко в студії «Розвиток науки українознавства у XIX – на початку XX ст. та її досягнення».

На нашу думку, відповідаючи на це питання, варто відійти від максималізму однозначних констатацій. З одного боку, безсумнівно обґрунтованим та аргументаційно важеним бачиться погляд М. Грушевського [2, 27-37], який

виходом у 1827 р. «Малороссийских песен» М.Максимовича знакував початок української наукової праці – праці, яка мала вже не спорадичний, а системний характер, опертий на спільні методологічні засади та верифіковані критерії сформованої наукової школи. З іншого, саме поч. XIX ст. підноситься як та межа, після якої в українському інтелектуальному просторі виразно простежується як розгортання якісно нових дослідницьких практик збирання та аналітичного осмислення нашої словесності (З. Доленга-Ходаковський), так і поява вкрай важливих під цим оглядом друкованих праць (граматика О. Павловського, збірник М. Цертелева: те, що ці видання не стали точкою відліку у формуванні нової наукової парадигми, не заперечує їхньої значущості). Найголовніше ж полягає у тому, що саме починаючи з поч. XIX ст. в світоглядному контексті українознавства починає утверджуватися як визначальний дискурс гердерівського романизму, найрозкішнішим вицвітом якого на нашому ґрунті і постали «Малороссийские песни».

Аналіз останніх досліджень та публікацій. Аналіз історіографії передумов становлення аналітичної концепції вивчення словесності в українознавстві переконливо свідчить, що ця проблематика нерозривно пов'язана з інтелектуальною історією України, особливо ж – з трансформацією ментальних структур українства у добу Гетьманщини. Починаючи з класичних під цим оглядом праць – студії М. Грушевського «Развитие украинских изучений в XIX в и раскрытие в них основных вопросов украиноведения» та роботи Д. Дорошенка «Розвиток науки українознавства у XIX – на початку XX ст. та її досягнення» – аксіоматичною окреслилась теза, згідно з якою дослідження формовивів усного та писемного слова визначається модальностями

дискурсивного «горизонту» конкретної епохи з притаманними йому рецептивними практиками та стратегіями «конструювання ідентичності». Саме в такій системі координат осмислювали посутньо важливі аспекти зазначеної проблематики І. Лисяк-Рудницький, В. Міяковський, О. Оглоблин, Ю. Шевельов, П. Одарченко, Ю. Луцький.

Надзвичайно продуктивним під цим оглядом постає доробок О. Прицака. У низці його праць, серед яких особливо слід виокремити присвячені осмисленню українського інтелектуального ландшафту другої пол. XVIII – поч. XIX ст. дослідження «The Ukraine and the Dialectic of Nation-Building» та «Доба військових канцеляристів», вчений ґрунтовно аналізує специфіку становлення в межах ранньомодерного світогляду козацьких інтелектуалів елементів нової, вже не станової, а націоцентричної ідентичності, які згодом розгорнуться у дослідження живої народної мови та створених на її основі культурних артефактів.

Саме в річищі осмислення діалектики протистояння концептосфери «старого» (сфокусованого на лояльності імперським структурам) та «нового» (зорієнтованого на імперативність україноцентричного самопізнання) розглядає важливі моменти формування передумов дослідження словесності в українознавстві Р. Шпорлюк у книзі «Формування модерних націй: Україна – Росія – Польща». Фактологію цієї проблеми наświetлено в дослідженні Р. Кирчіва «Донауковий зацікавлення українським фольклором та етнографією»

Метою статті є контекстуальний аналіз історичних передумов становлення науково-аналітичної концепції дослідження художньої словесності в українознавстві.

Виклад основного матеріалу. З огляду на цілий комплекс причин світоглядно-історіософського та культурологічного характеру, умотивованим важаємо саме помежів'ям XVIII-XIX ст. розпочинати етап наукового вивчення художньої словесності. Що ж стосується питання про те, якою історичною добою окреслювати початки становлення її донуковського періоду, то тут спектр думок і суджень достатньо широкий: дискусійність пов'язана головню із намаганням «відсунути» їх якомога далі у глибину віків, заледве чи не з дослов'янських часів починаючи. Звичайно, це перебільшення: обґрунтованою бачиться позиція тих, хто відносить першопочатки осмислення історико-естетичної природи нашої художньої словесності до з'яви перших писемних фіксацій українського слова, тобто – до часу, в якому постали давньоукраїнські літописи: «Особливо багатими і цінними джерелами відомостей про давню усну словесність нашого народу є літописні пам'ятки XI – XIII ст. (Початковий літопис – «Повість минулих літ», Київський літопис, Галицько-Волинський літопис). У давньоруських літописних текстах зустрічаємося не тільки зі згадками про різні жанри усної словесності наших предків, але й з використанням цих відомостей для характеристики їх життя, побуту, звичаїв, етнокультурних традицій протоукраїнських племен» [3, 40] – пошлемося наразі на авторитетне свідчення Р. Кирчіва. Певна річ, не випадає вести мову за витворення в киеворуський період теоретичних моделей структурованої і завершеної історії розвитку художньої словесності, яка не здобулася вона на дискурсивну концептуалізацію і в епохи лагиномовного ренесансного гуманізму та Бароко (з причин об'єктивних: то були суспільства до-модерні або ранньомодерні, які характеризувалися зовсім іншим, ніж у XIX ст., типом соціальної комунікації). Попри це, важливі концепти, які в розвитку своєму згодом розгорнуться в ма-

триці українознавчого осмислення цілокупного феномена художнього слова, продовжували уреальнюватися у формах, відповідних «духовій ситуації часу». Прикметно, що, як і в часи киеворуські, визначальними тут проявлювалися спроби рефлексії саме над пластами народно-пісенної бутності. Промовисте свідчення цьому – ренесансна за світоглядними напрямними «Грамматика чеська» (1571) Яна Благослава, який, подаючи лінгвістично-психологічний огляд слов'янських мов та ілюструючи свій виклад найдавнішим записом повного тексту української народної пісні (баладою «Дунаю, Дунаю, чом смутен течеш?»), застановляється водночас на типологічних характеристиках як української мови, так і української словесності: «Є в тій мові пісень і віршів або рим дуже багато» [4, 19], – тут маємо першу в європейській гуманітаристиці спробу осмислити автентичний панліризм як домінуючу напрямну розгортання модальностей українського слова. І це – далеко не поодинокий факт. Знаний польський історик ранньомодерного періоду С. Сарніцький у книзі «Аннали, або про походження поляків і литовців» (1587) наводить першу з відомих натепер згадок про українські думи («Того самого часу (1506 р.) два Струсі, молоді брати і хоробрі войовники, погибли в битві з волохами. Про них іще й досі співають жалібні пісні, що в русинів зуться думами й співаються тягливим голосом при рухах співаків, що, хитаючися по оба боки вправо та вліво чи взад та вперед, виражають те, що співають. Селянська юрба висловлює се також грою на фуярах, якою тут і там наслідують плачливі мелодії пісень» [4, 456]), про українську фольклорно-епічну традицію прихильно згадує один із фундаторів національного польського письменства М. Рей – приклади такого кшталту вільно множити й множити (докладніше вони проаналізовані у ґрунтовній студії Г.Нудьги «Дума в писемних джерелах XVI-XVIII століть» [5, 135-162]).

Проте в контексті нашого аналізу важливий не стільки ужинок «з чужого поля», тобто іноетнічні рецепції мелосу української словесності, скільки вияскравлення плину її буття в українській інтелектуальній традиції – вияскравлення, що воно у більшості випадків не вбиралося ще в шати концептуалізованого аналітичного розмислу, а безпосередньо розгорталося в естетичному просторі художнього тексту – у відповідності з практиками внутрішньо-діалогічного барокового консепізму. Концептуально-місткими у цьому контексті постають наснажений фольклорно-пісенними мотивами високий маєстат плачу Матері-Церкви над своїми покатоличеними синами, нащадками князівських родів старожитньої Русі, у славнозвісному «Треносі» (1610) М.Смотрицького, широке використання звичаєво-народної топіки К. Зиновіївим, потужні пласти естетики «низового бароко», актуалізовані в інтермедіях до драм М. Довгалевського та Г. Кониського.

На особливу під цим оглядом увагу заслуговує бадьора вітальність героїчного козацького мелосу, розлита в тональності «Милості Божої» (1728) – першого барокового драматичного твору, де на кін було виведено постать творця Гетьманщин Богдана Хмельницького: «Відаєм, яко всім нам Україна-мати, / Кто ж не похочет руку помощи подати / Погибающей матці, був би той твердіший / Над камень, над льва був би таковой лютіший!» [5, 310-311], – у монолозі Кошового, яким той відповідає на заклик Хмельницького до повстання, уреальнюється лунка народно-поетична акустика, тональність якої саме в цій усно-словесній іпостасі виявлялася суголосною настроєм та сподіванням і глядачів,

і драматурга. І те, що ці настрої, та ще й підсилювані інтенціями фольклорно-пісенної героїки, були далекими від промосковського роялізму (хоча в репрезентативній риторичі автор всіляко підносить Росію, вихваляє Петра I, який порівнюється з міцним каменем, не який може спертися козацький край) підтверджує хоча б те, що край козаків автор «Милості Божої» називає Україною – вже симптоматично, бо іде він тут саме за думою та історичною піснею (в її і усному, і в наближеному до фольклору книжно-писемному варіанті «третьої літератури»: докладніше цю проблему ще у 20-х рр. минулого століття простудіював Я. Гординський [6, 1-32]), а не за традицією адміністраторів, канцеляристів, та істориків Гетьманщини які послідовно поіменовували козацький терен Малою Росією. Варто застановитися і над тим, що Україну матір'ю – і то послідовно – називає у «Думі ілі пісні» анатемований імперією, але живий у пам'яті людей того часу І. Мазепа (гетьман Д. Апостол, що йому присвячено драму – один із найактивніших свого часу мазепинців). Варто порівняти наведені повищи слова Кошового з такими рядками Мазепино архітвору «Єден живе із погани, / Кличе: «Сюда, Атамани! / Ідм Матки ратувати, / Не даймо ей погибати!» // Другий Ляхом за грош служить, / По Вкраїні і той тужить: / «Мати моя старенькая! / Чом ти вели слабенъкая? / Розно тебе розшарпали, / Гди аж по Дніпр Туркам дали» [7, 28], аби умотивовано припустити, що автор «Милості Божої» або знав створену в річці народної фольклорно-поетичної образності «Думу...» І. Мазепа, або спілкувався із середовищем старшинських автономістів, де вона, вочевидь, активно побутувала. Зрештою, згадуваний вже Я. Гординський зауважував, що прикінцеві рядки промови Хмельницького до запорожців – «Только ви всі в един гуж зо мною тягните, / А отчизни, і віри своєї не надіте / Православной до конца от них пропадати / І козацької навіки слави ізчезати» [5, 310] – то дещо переінакшені «слова пісні Мазепа» [6, 9]. Важливо пам'ятати, що в 1728 р., коли київські спудеї тишили глядача закровоною на фольклорному підложжі «Милістю Божою», в Європі продовжувала свою діяльність очолювана П. Орликом «мазепинська» політична еміграція, репрезентанти якої всіма цими аргументами про потоптані вольності обґрунтовували потребу створення європейської анти-російської коаліції, з огляду на що такого кшталту висловлювання барокового драматурга набували принаймні двозначного, якщо не відверто антиурядового характеру.

У діалектиці розгортання такої засадничої амбівалентності (поміж лояльністю до імперії – часом щирою, спричиненою бажанням зберегти автономний status quo і на прийнятних умовах домовитися із петербурзькою бюрократією, а в переважній більшості – вимушеною) формувалася «образ світу» в епоху, яка визначила конфігурацію цілої української інтелектуальної історії XVIII ст. О. Прицак назвав її «добою військових канцеляристів [8, 62]», підкресливши, що охоплювала вона часовий відтинок у майже ціле сторіччя – від 1708 р., коли Глухів став столицею тогочасної Гетьманщини (з відповідними адміністративними інституціями: Генеральною Військовою канцелярією – «кузнею української адміністративної еліти» [8, 62], судами, державним архівом) і до початку XIX ст., коли традиція старшинського автономізму була ще живою і дієвою. І саме цим новим «образом світу» обумовлюється специфіка стадіального розмислу над українською словесністю: її семантико-дискурсивний статус у цей час здобувається на нову парадигмальну якість,

здобувається попри те, що, як і в попередні періоди, у часи, умовно кажучи, від І. Скоропадського появи «Истории Русов», не з'являлося спеціальних студій, присвячених її історичному розвитку та естетичній своєрідності. Натомість прикметним окреслилось інше: словесність (переважно усна, але також і демократично-писемна, приналежна до спільного континуума «низової» народної традиції) починає впевнено виступати своєрідним корелятом невідконтрольних офіційній імперській ідеології синтагм та дискурсивних компонентів тогочасної української свідомості. Іншими словами, чим масштабніше, інтенсивніше той чи інший діяч «глухівського періоду» наближав «горизонт» свого твору до світоглядно-метафоричного етосу усної словесності, тим виразніше проявлювалася в його писаннях настанова на опозиційність до офіційного дискурсу. Звичайно, не йдеться про те, що «козацькі канцеляристи» свідомо стилізували оповідь за усно-поетичними взірцями (час на це настане пізніше, коли постануть «харківська» та «київська» школи романтиків першої пол. XIX ст.), як не були вони і самостійниками кшталту пізніших «кирило-мефодіївців» (максимум – радикальними автономістами), але багато хто з них вже свідомо враховував як беззаперечну інтелектуальну константу ті узагальнено-світоглядні доміанти протистояння Московщині, що вони оприявнювалися в думі, у пісні, у цілому ладі українського народно-звичаєвого мелосу.

Під цим оглядом необхідні певні пояснення: тогочасна система ідеологічних координат центрується довкола реґістрів базової для історичного контексту новочасної Європи опозиції «теоцентричне-національне». Невдала спроба мазепинців визволити Гетьманщину змусила репрезентантів автономістично налаштованої старшинської верстви по-новому поглянути найперше на вітчизняну історіографію яка окреслювалася репрезентативним виявом українського автономізму впродовж цілого XVIII ст. Потреба в такому перегляді була доконечна: концептосфера Росії як імперії у розгортанні утилітарної системи своїх ідеологічних домінант цілковито позбавляла «козацький народ» окремішньої історичної традиції. За найактивнішого сприяння інтелектуалів Могилянської академії виготовляється конструкт т. зв. «российской истории», в якому для України ні князівської, ні литовсько-руської, ні козацько-гетьманської місця не лишалось. Натомість на козацьких теренах за узагальнюючу працю з україно-руської минувшини править «Синопис» – компендіум І. Гізеля, яка витримав чимало перевидань – і то не лише в Україні. Написаний церковним ієрархом більш ніж за два десятиліття після початку війн Б. Хмельницького, цей компілятивний твір залишає цілком поза увагою звичайну боротьбу козацтва (нового «політичного народу в соціальній структурі Гетьманщини) з Польщею, утверджуючи натомість як домінанту ідею конфесійної єдності з Московщиною. При цьому автором «Синопису», який у цьому випадку виступав репрезентантом поглядів широких кіл церковних ієрархів, повсякчас підкреслюються безперечні династичні права московського царя на володіння Києвом та українськими землями. «Богоспасаемый и преславный и первоначальный всея России Царственный град Киев, по многих переменах своих, изрядно милостию Божиею аки на первое бытие возвращаясь, от древнего достояния Царского паки в достояние Царское прииде... яко природное Царское его присвоение» [9, 214], – це все, що спромігся його автор сказати про криваву веремію і героїчний маєстат 1648-1654 рр. Немає тут і слова «Україна» – у світоглядній

системі автора його і не могло бути, існувало тільки єдине «высокодержавное Царское православного Самодержца достояние» [9, 213].

Зрозуміло, що «православна ідеологія» в новому контексті «єдиновірного» Московського царства, а згодом – Російської імперії виконувати роль об'єднуючого чинника була не спроможна. Не конфесія, а нація (зрозуміла річ, нація ранньомодерна) – ось що мало постати новою консолідаційною базою українства. З'являються «козацькі літописи» – не описово-фактографічні компедіуми, а наснажені виразною патріотичною тональністю твори Самовидця, Г. Граб'янки, С. Величка. В епіцентрі розмислу тут – Хмельниччина, і то не як підрядний епізод у процесі прирощення «православного Самодержца достояния», а як історична і правова підстава особливого статусу Козацької держави. У суті речі, йдеться про створення альтернативної «Синописису» концепції української минувшини, яка, аби не бути просто множиною розрізнених фактів, потребувала для свого розгортання певного спільного знаменника. І концепція Хмельниччини як центральної події та парадигмальної модальності козацької історії, і настанова на правниче пошанування козацької вольностей, і нехіть чи й відверта ворожість до Москви – усі ці інтенції, базові в масивах козацького літописання, для свого побутування у суспільному просторі, ні одна з інституційних модальностей якого бутність цих інтенцій не підтримувала (бо й насправду: усі бодай трохи опозиційні до урядової політики, не кажучи вже про царський двір, мислєформи у XVIII ст. – віці імперських тріумфів Росії – відразу ж втрачали статус легальних, і то не лише в Петербурзі, а і в цілком підконтрольній йому Гетьманщині), потребували опертя на тривку і міцну константність чогось, що було б засадничо супротивним декретованій Петербургом офіційній ідеології. Висловлюючись у категоріях Ж. Лакана, однозначно необхідним був «великий Інший», який би позначав радикальну інакшість, іншість, «яка перевершує ілюзорну іншість уявного, оскільки її неможливо асимілювати завдяки ідентифікації» [10]. Усно-пісенна словесність, той, за І. Франком, істино лицарським духом перейнятий «новий героїчний епос, який... між 1569 і 1648 р. виростає в запорозьких степах» [11, 355] і став наріжним каменем формування тогочасного українського «великого Іншого». У козацьких історичних віршах та піснях (багато з них потрапило і до писемних джерел – згадаємо хоча б за виписаний І. Срезневський у Варшаві із «Сотеной книги козаков после Зборовского мира» пречудовий історичний вірш «Висипавсь хміль із міха і наробив ляхам лиха» [12, 98]), у таких народних думках, як «Корсунська битва», «Похід на Молдавію», «Повстання після Білоцерківського миру», що вони в часи, коли писали свої твори С. Величка та Г. Граб'янка, були не просто поширеними, а стали частиною звичаєвої культури українців, концептуалізувалася й здобувалася на іншу ідентичність, не офіційно-визнану, а достоту народну, та візія української минувшини, що її справді вже неможливо було асимілювати завдяки ідентифікації зі «спільним православ'ям. У цій візії не було місця ні «природним Царским присвоєнням», ні присягам на вірність московському царю – більшовики як продовжувачі імперіальних традицій царату настільки переймалися цією для них серйозною проблемою, що, починаючи з 40-х рр. почали друкувати у збірниках сфальсифіковані псевдо-народні думи на кшталт «Непорушна дружба (Дума про возз'єднання України з Росією)» [13,70-72] – тут всевладно панує голос тієї народ-

ної, звичаєво-усвідомленої правди (знову пошлемося на Ж. Лакана: великий Інший – це місце, де утворюється мовлення), відлуння якої і доносили до читача з вищих, привілейованих станів «козацькі літописці».

Прикметно, що там, де «військові канцеляристи» лишалися осторонь актуалізації цієї усно-фольклорної «Іншості», вони неминуче змішували світоглядні напрямні своїх писань в бік орієнтації не на національну, а саме на вузькостанову ідентичність. «Розговор Воликороссии с Малороссиею» – віршований діалог, у якому викладено узагальнену систему аргументації малоросійської старшини часів К. Розумовського (його написав «генеральной канцелярии переводчик» С. Дівович у вересні 1762 р. – за кілька років до остаточної ліквідації Гетьманщини) править за виразне тому підтвердження. Р. Шпорлюк спеціально підкреслює [14, 410], що висловлена тут позиція засадничо має природу не українську, а підкреслено малоросійську: її автора не цікавить нічого з того, що відбувається на українських етнічних теренах поза Лівобережжям (бо владу і статус старшина мала тільки в Гетьманщині), він одноманітно й наполегливо переконує читача у повсякчасній відданості Малоросії російському престолу (вона «Российского государя пред всеми почла,/ Ему добровольно себя вечно предала» [15, 384]). С.Дівович – безперечний автономіст, і наголошує він неодноразово, що Малоросія – це адміністративне утворення, відмінний від Великої Росії, хоча й перебувають вони під десницею спільного монарха («Так мы с тобою равны в одно составляем,/ Одному, не двум государям присягаем» [15, 395]), проте підстави його автономізму мають характер підкреслено прагматичний: йому залежало насамперед на збереженні «малоросійських чинів», тобто шляхетського статусу старшинської верстви, тому С. Дівович понад усе прагне переконати читача, що ці чини законно мають свої відповідники в ієрархічній номенклатурі російського чиновництва («С кем сравнивали малороссийских депутат?/ Не с генералами ль велено было сверстать?» [15, 397]). Чи й потрібно зайвий раз підкреслювати, що для усної народної словесності проблеми «чинів» та інших маркерів соціального панування просто не існувало, а титул «генерал» викликав не пошану і захоплення, а ненависть та зневагу («Пойдем Хану служити:/ А неж ми маєм Князям, Генералам/ Вашим груби топити» [16, 38], – відповідають у народній пісні запорожці цариці на її заклик послужити їй).

З поч. 80-х рр. XVIII ст. розпочинає свій відлік той період, що його О. Прицак та Д. Решетар [17, 249] називають новгород-сіверським етапом українського національного руху (Новгород-Сіверський у 1781-1796 рр. був центром однойменно намісництва, у межі якого, як підкреслює О. Оглоблин [18, 37], входили дві колишні столиці Гетьманщини з сильними місцевими інтелектуально-автономістськими традиціями – Глухів і Батурин): власне, саме починаючи з цього часу маємо підстави констатувати початки процесу безперервної тяглості розгортання системної науки про Україну та український світ. Важливо відзначити, що переважаючий масив українознавчих досліджень у цей час – праці з історії: інкорпорація Гетьманщини в усій її гостроті поставила перед оборонцями старшинського автономізму проблематику співвіднесення й концепційного осмислення «свого» і «чужого», де підставами для обстоювання «звичаєвого ладу» узвичаєно вважалися обумовлені героїкою малоросійської минувшини «давні вольності», свого часу «даровані» козакам (конкретніше – тій верстві,

яка претендувала стати шляхтою Малоросії) польськими королями. Певна річ, ідеться не за загальноукраїнську у сучасному сенсі цього поняття історію, бо тогочасні книжники – за вкрай нечисленними винятками – не мислили в таких категоріях, а за історію переважно лівобережної України, однак у порівнянні з попередніми десятиліттями не можна не відзначити суттєвого збільшення кількості таких робіт, багато з яких не лишаються в рукописах, а виходять друком, окреслюючись чинниками публічного дискурсу. Ширшим, панорамнішим стає погляд їхніх авторів на українську минувшину (у системі координат того часу – минувшину малоросійську) змінюється система аргументації наших істориків, у якій починають актуалізуватися ідеологеми просвітницькі і навіть перед-романтичні.

Поряд з історичними з'являються праці юридично-правового, географічного, економічного характеру. Пробуджується певний – спочатку, обережний ще – інтерес до української етнографії: 1777 р. у Петербурзі армійський офіцер Г. Калиновський видає першу в цій ділянці працю – «Описание свадебных украинских простонародных обрядов, в Малой России и в Слободской Украинской губернии, також и в великороссийских слободах, населенных малороссиянами, употребляемых». Звичайно, це ще зовсім не був початок того офірно-ідеалістичного етнографічного руху, що його знакували своїми студіями М. Максимович та М. Костомаров («Все багатство й своєрідність народного побуту, поетичність народних звичаїв, обрядів і духової творчості здавалися їм [старшинським колам Малоросії – Авт.] нікому непотрібним провінціалізмом, невартим уваги освіченої людини. Коли вони згадували часом про них, то хіба як про якийсь курйоз» [19, 272], – характеризує домінуюча в інтелектуальному дискурсі на схилку XVIII ст. тенденція Д. Дорошенко), та все ж саме тоді концептуалізуються ті перші напрямні системи координат оцінювання явищ і тенденцій художньої словесності, що її можна вже назвати справді українознавчою.

Знаковою під цим оглядом бачиться постать О. Любасевича – одного з лідерів Новгород-Сіверського патріотичного гуртка, літератора, перу якого належать «Вєргілієві Пастухи... в малороссийский кобеняк переодетые» – традиційна для пізньобарокової доби бурлескно-травестійна переробка античного взірця. О. Любасевич був близьким до К. Розумовського, разом із ним подорожував країнами Європи, був переконаним автономістом – і підкреслено лояльним до імперії дворянином. У контексті становлення перед-наукового етапу вивчення словесності в українознавстві постать О. Любасевича важлива з огляду на лист, який 1794 р. він пише до моголівського єпископа Г. Кониського. У листі – прохання надіслати йому написані не книжною, а живою українською народною мовою інтерлюдії до драми-мораліте цього ж автора «Воскресеніє мертвих» (Любасевич мав відповідні видавничі плани). Надзвичайно цікавою під пером новгород-сіверського автономіста (а висловлював він – це зрозуміло із загальної тональності нарративу – не лише власну точку зору) постає спроба віднайти точку відліку в соціальній легалізації живомовної практики українського письменства: «Как во всяком покрое платьев, так во всяком наречи языков есть своя красота; а к тому, когда и дым отечества сладок, то сия воня блахоухания [аромат пахоців – О.Х.] мислей отечественных есть наусладчайшая. Для чести нации, матери нашей, всегда у себя природою и ученостию великих людей имевшей, сколько светов выпустившей, для

любителей своего отечества, для знающих под корою просторечия находить драгоценности мыслей, прошу Ващего Преосвященства велико одолжить меня – интерлюдии... по почте мне в С. Петербург доставить, да даст величие отечеству своему наш Плавт, наш Мольер, ежели что не боле» [18, 60-61]. Високі слова про красу мови, «отечество» і «честь нации, матери нашей», певність у тому, що твори, які постають вицвітом живої мовної бутності українського люду, можуть зрівнятися з античними взірцями (і виразний погук ідеалізму в такій поставі, адже «кора просторечия» ототожнювалася найперше з мовою покріпаченого селянства) – все це елементи нового типу світогляду, який витворював можливість так само по-новому поглянути на українську народну словесність вже не як на явище підрядне, яке в панівній тоді класицистичній моделі художнього формовияву засадничо посідало місце вторинне (в іманентному абсолютистським моделям дискурсивному полі європейського Класицизму використання народної мови в писемній літературі у принципі допускалося, однак такі твори вважалися не співмірними із «високими взірцями»), а як на той сховок, кажучи Шевченковими словами, «великий льох», де можна і потрібно віднаходити «драгоценности мыслей».

За 4 роки по писаному в Петербурзі листі О. Любасевича у цьому ж місті з'явиться твір, автор якого, синтезувавши пласти усно-народного та книжного потоків словесності, саме під цією «корою» шукатиме неглітні сліди героїчного мелосу козацької історії – «Енеїда» І. Котляревського. Розпочнеться новий етап у розвитку не лише письменства, а й цілої української інтелектуальної традиції, і розпочнеться він новим поглядом на роль і місце мови у соціальних практиках самоусвідомлення загалу. «Любителям малороссийского слова усерднейше посвящается» – ця присвята, яка з волі видавця М. Парпури передує тексту поеми, дуже симптоматична, як симптоматичним окреслюється і додане ним до «Енеїди» «Собрание Малороссийских слов, содержащихся в Энеиде, и сверх того еще весьма многих иных, издревле вошедших в Малороссийское наречие с других языков...». Р. Шпорлюк підставово припускає, що такий словник зорієнтований був насправді не на російського (зауважимо, що, не володіючи українською, росіянин навіть і з допомогою такого словника мало що втямив би в поемі), а саме на освіченого українського читача: «З історичної перспективи цілком правильно видається думка, що створення словника... урівнювало, бодай теоретично, статус української та російської мов, так само, як чесько-німецький словник утверджував статус чеської як європейської мови, рівної з німецькою. Такий словник пасує до «Енеїди», де українців згадано як імпліцитно рівних до росіян, поляків, італійців та інших. Утім, враховуючи українські реалії кінця XVIII – початку XIX ст., логічним видається припущення, що першими користувачами словника стали самі українці, які вирости, читаючи або тогочасною російською, або українським варіантом церковнослов'янської. Їх слід було переконати, що мова, якою вони розмовляють, не є діалектом іншої мови (передовсім російської)» [14, 410].

Цим же роком, що й «Енеїда» І. Котляревського, в імперській столиці побачила світ наукова праця, яка стоїть на помежах і двох періодів духової історії України: з одного боку, її цілком підставово можна вважати своєрідним вицвітом, інтелектуальним підсумком доби «військових канцеляриств», з іншого – і вона має особливе значення тому, що, за Д. Дорошенком, «відкриває собою довгу низку видань, при-

свячених українській історії й етнографії, видань, які одно за одним появляються в перших десятиліттях 19 віку» [19, 272]. М. Грушевський називає її «свого рода енциклопедией Гетманщины» [20, 7], а В. Кравченко зазначає, що «твір цей своїм науковим рівнем, патріотичним пафосом і літературним стилем був явищем винятковим у тогочасній історіографії України» [21, 353]. Йдеться про «Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях» Я. Марковича – одного з найосвіченіших діячів свого часу, знавця іноземних мов (важлива деталь: автор «Записок...» був онуком генерального підскарб'я Я. Марковича – прихильника П. Полуботка, завзятого автономіста, перу якого належить відомий «Діаріуш»). Твір цей, запланований як багатотомна енциклопедія (з огляду на передчасну смерть автора світ побачив лише перша книга), важливий своїм комплексно-українознавчим підходом (на належності цієї праці до українознавчого дискурсу наполягає Д. Дорошенко [1, 27]). Окрім огляду української історії до ХІ ст. (продовження мало бути в наступних томах: киеворуський період при цьому він беззаперечно ототожнює лише з «Малороссией»), Я. Маркович в окремих розділах аналізує адміністративний устрій України, її географію (фізичну та економічну), дає узагальнено-системну характеристику етнографії побуту та ментальності українців. У контексті нашого аналізу ця фундаментальна праця прикметний і повнотою охоплення джерел, якими користувався автор (симптоматично, що серед них – «Ідеї до філософії історії» Й.-Г. Гердера [22, 359]: маємо тут чи не перше документальне свідчення впливу гердерівської філософії на український інтелектуальний процес), і з огляду на той особливий пієтет до світу звичаєвої Гетьманщини, який відчував його автор. «До сих пор Малороссия не описана никем подробно. Я осмелился изобразить ее не кистью Историки или Физики, но как юный сын, посвящающий первый опыт своих познаний и чувствований мать-стране своей» [23, V], – пише він у присвяті Д. Трощинському, що нею розпочинається книга.

Власне, саме це патріотичне замилювання мистецькою розкішшю і духовим багатством українського життя спричинило до того, що у розділі «Характеристика малороссиан» він першим в науковій українознавчій літературі трактує усну словесність не як другорядно-дадаткову або допоміжну подробицю, а як атрибутивну прикмету національної ментальності свого народу: «Возьмем в пример Малороссийские песни: в них помещены прекрасные подобиа и картины Природы, простое, но пыльное изъяснение любви – и голоса их всегда соответствуют мыслям. Если содержание их трогательно, если представляет оно разлуку с милым или с мать-страною, то с разительною гармониею тонов изливается вместе самая сила чувств и выражений. Наученная одною Природою певича заставляет и горевать с собою

Природу. Она рассказывает свое несчастье всем окружающим ее предметам, просит летящих птичек донести известие о ней в милую ее родину, и Музыка в устах ее бывает живою картиною всех томных движений гороющей души. По врожденной склонности Малороссиан к Музыке страна их в России то же, что в Европе Италия» [23, 58-59]. Звичайно, під оглядом, кажучи словами М. Шлемкевича, «шевченківської людини» [24, 21] з її розвиненою національною свідомістю, із засадничим усвідомленням невіддільності українського світу імперіальним впливом, багато чого можна закинути цьому екзерсису Я. Марковича – від ототожнення України з «російською Італією» (згодом, у 20-30-х рр. ХІХ ст., це поняття часто вживалося в консервативній російській журналістиці для підкреслення зверхньо-поблажливого ставлення до України, мовляв, у мистецькому плані достатньо цікавої, однак в політичному аспекті приреченої на небуття) до відвертого нехтування героїчними доміантами усної словесності і зведення цілого українського пісенного мелосу тільки до лірико-сентиментальних його модульностей, однак спільноті потрібно було здолати ще довгий шлях, аби ця шевченківська людина могла постати з мороку імерського небуття. І Я. Маркович, трагічної долі «юный сын» (у ніч на 30 січня 1804 р. він вистрілив у себе, поповнивши довгий шерг українських мучеників Петербурга), присвячуючи «мать-стране своей» найповнішу у свій час українознавчу енциклопедію, на сторінках якої мовою науки і гарячим почуттям патріота підносив українську пісню до маєстатичної висоти клейноду національного самоусвідомлення, одним з перших запаливав свічу, аби на цьому шляху хоч трохи розвиднілося.

Висновки. Таким чином, можемо ствердити:

а) у послідовому розгортанні стадіальних етапів донаукового вивчення художньої словесності вияскравилися важливі в теоретико-методологічному аспекті дискурсивні практики, які уможливили постановня початкових стратегій аналітичного розмислу над специфікою побутування усних та писемних формовиявів українського слова;

б) сформовані духово-історичною традицією України-Русі та Гетьманщини станово-демократичні доміанти ідеології «військових канцеляристів» стимулювали зацікавлення українською словесністю, найперше – народним мелосом і в його героїко-епічних, і в лірично-особистісних реєстрах;

в) виникнення наприкінці ХVІІІ ст. українознавства як цілокупного комплексу наукових напрямних пізнання України та українського світу дозволило розпочати концептуалізацію цієї системи світоглядних, аналітичних та естетичних координат, у просторі якої феномен художньої словесності здобувався на перспективу свого адекватного осмислення.

Література

1. Дорошенко Дмитро. Розвиток науки українознавства у ХІХ – на початку ХХ ст. та її досягнення / Дмитро Дорошенко // Українська культура. Лекції за редакцією Дмитра Антоновича – К. : Либідь, 1993. – С. 26-39.
2. Грушевський Михайло. «Малоросійські пісні» Михайла Максимовича і їх роль в розвитку українознавства / Михайло Грушевський // Народна творчість та етнографія – К.: 1996. – №5-6. – С27-37.
3. Кирчів Роман. Донаукові зацікавлення українським фольклором та етнографією / Роман Кирчів // Народна творчість та етнографія. – К.: 2005. – №1. – С. 40-48.
4. Франко Іван. Стефан-воєвода / Іван Франко // Франко Іван. Збір. Праць: У 50 т. – К.: Наукова думка, 1984. – Т.42. – С. 17-32.
5. Милость Божія, Україну от неудоносимих обид лядських чрез Богдана Зіновія Хмельницького, преславного Войска Запорожских гетьмана, свободившая... // Українська література ХVІІІ ст. Поетичні твори. Драматичні твори. Прозові

твори.[Вступ. стаття, упоряд і прим. О.В. Мишанича] – К.: Наукова думка, 1983. – С.306-324.

6. Гординський Ярослав. «Милість Божія» українська драма з 1728 р. Студія (частина II) /Ярослав Гординський // Записки НТШ. – Л.: 1927. – Т.146. – С.1-32.
7. Мазепа Іван. Писання/ Іван Мазепа // Гетьман Іван Мазепа. Писання [Редак. і вступ. стаття Є.Ю. Пеленського] – Краків: «Українське Видавництва», 1943. – 59 с.
8. Прицак Омелян. Доба військових канцеляристів / Омелян Прицак // Київська старовина – К.: 1993. – №4. – С.62-66.
9. Мечта о русском единстве. Киевский Синопис (1674). – М.: Издательство «Европа», 2006. – С.243.
10. Інший (великий Інший). Лаканіана // Сайт «ПРОВІД». – Режим доступу: <http://provid.org/lacaniana/inshyj-velykyj-inshyj/>
11. Франко Іван. Характеристика руської літератури XVI-XVIII століть / Іван Франко // Європейське Відродження та українська література XIV-XVIII ст. – К.: Наукова думка, 1993. – С.342-372.
12. «Висипавсь хміль із міха...» // Українська поезія: Середина XVII ст. [Упоряд. В.І. Крекотень, М.М. Сулима] – К.: Наукова думка, 1992. – С. 98.
13. Непорушна дружба (Дума про возз'єднання України з Росією // Думи та пісні про Богдана Хмельницького. – К.: Музична Україна, 1970. – С.70-72.
14. Шпорлюк Роман. Видавай або пропадай: тексти та народи / Роман Шпорлюк // Шпорлюк Роман. Формування модерних націй: Україна – Росія – Польща. – К.: Дух і літера, 2013. – С.405-427.
15. Дівович Семен. Разговор Великороссии с Малороссиєю / Семен Дівович // Українська література XVIII ст. Поетичні твори. Драматичні твори. Прозові твори.[Вступ. стаття, упоряд і прим. О.В. Мишанича] – К.: Наукова думка, 1983. – С.384-414.
16. [Лукашевич П.] Малорусские и червонорусские народные думы и песни / Платон Лукашевич – Спб, 1836. – 170 с.
17. Pritsak O., Reshetar J. The Ukraine and the Dialectic of Nation-Building // Slavic Review. – 1963. – Vol.22, no.2. – pp. 224-255.
18. Оглоблин Олександр Опанас Любасевич: 1732-1805 / Олександр Оглоблин – Мюнхен-Нью-Йорк, Видавництво «ДНІПРОВА ХВИЛЯ», 1966. – 100 с.
19. Дорошенко Дмитро. Нарис історії України. Том II (від половини XVII століття). – Мюнхен: Видавництво «ДНІПРОВА ХВИЛЯ», 1966. – 349 с.
20. Грушевський М. Развитие украинских изучений в XIX в и раскрытие в них основных вопросов украиноведения / Михаил Грушевский // Украинский народ в его прошлом и настоящем. – СПб.: Общественная польза, 1914. – Т.1. – С.1-37.
21. Кравченко Володимир. «Словник малоруської старовини» 1808 р. та його автор /Володимир Кравченко – // Кравченко Володимир. Україна, Імперія, Росія. Вибрані статті з модерної історії та історіографії. – К.: Критика, 2011. – С. 339-354.
22. Лазаревский Александр. Прежние изыскатели малорусской старины (Яков Михайлович Маркович) / Александр Лазаревский // Киевская старина. – К.: 1894. №12. –С.349 – 387.
23. [Маркович Яков]. Записки о Малороссиии, ея жителейх и произведениях. Часть первая / Яков Маркович – Спб: При Губернском правлении, 1798. – Х+102 с.
24. Шлемкевич Микола. Загублена українська людина. /Микола Шлемкевич. – Нью-Йорк:Життя і мислі, 1954. – 158 с.

KULTUROZNAWSTWO / КУЛЬТУРОЛОГИЯ НАУКИ**AZƏRBAYCANDA ƏNƏNƏVİ TOY MƏRASİMLƏRİ VƏ ONA HAZIRLIĞIN
MƏRHƏLƏLƏRİNİN KULTUROLOJİ TƏHLİLİ (“KITABI-DƏDƏ QORQUD” EPOSU
ƏSASINDA)****Zeynalova Leyla Mikayıl***Azərbaycan Dövlət Mədəniyyət və İncəsənət Universitetinin doktorantı*

Məqalədə Azərbaycan türklərinin adət-ənənələrini özündə əks etdirən toy mərasimləri araşdırılır. Ənənəvi toy mərasimləri “Kitabi-Dədə Qorqud” eposuna istinadən öyrənilir. Toy mərasimlərinin müxtəlif mərhələlərinə kulturoloji təhlil verilir. Toy mərasiminin ayrı-ayrı elementlərinə diqqət yetirilir.

Açar sözlər: ənənə, mərasim, toy, mərhələ, epos.

**AZERBAIJAN TRADITIONAL WEDDING CEREMONIES AND PREPAREDNESS STAGES
OF THE CULTURAL ANALYSIS (“THE BOOK OF DEDE KORKUT” EPOS BASED)****Zeynalova L.M.***PhD student of the Azerbaijan State Culture and Art University*

Wedding ceremonies, that reflect customs and traditions of Azerbaijanian Turks, were investigated in this article. The traditional wedding ceremonies are analyzed on the ground of “Kitabi – Dede Korkud” epos. It has been made a culturological analysis upon different stages of wedding solemnities. The particular attention was given to special elements of wedding ceremonies.

Key words: tradition, ceremony, wedding, stages, epos.

Türk xalqlarının adət-ənənəsində, folklorunda, etnoqrafik həyatında və birgəyaşayış mədəniyyətində özünə möhkəm yer tutmuş toy mərasimlərinin tədqiqi və bu tarixi-mədəni irsin çağdaş kulturoloji dəyərlərlə müqayisəli təhlili, fikrimizcə müasir Azərbaycan cəmiyyətindəki mədəniyyət quruculuğunun inşası baxımından əhəmiyyətlidir. Tarixən Azərbaycan toy ənənəsi özündə evlənmə mərasiminin bütün mərhələlərini – qızbəyənmə, elçilik, nişan, toy şənlikləri və gənc ailənin toydan sonrakı həyatının bəzi məqamlarını əhatə edir. Toy çoxsaylı adət-ənənələrlə zəngin olan – qızbəyənmədən başlamış gəlinin ər evində üzə çıxmasınadək davam edən mürəkkəb bir mərasimdir.

Toy zamanı həyata keçirilən mərasimlər, adət və ənənələr ictimai-sosial mahiyyətə daşmışdır. Toy şənlikləri zamanı hazırlanan xörəklər, çalınan musiqi, oxunan nəğmələr, oynanılan rəqslər və keçirilən idman yarışlarında xalqın bütün təbəqələri yaxından iştirak etmişlər [3, s.13]. Adətən Azərbaycan dilində toy kəlməsi “evlənmə mərasimi, habelə həmin mərasimlə əlaqədar düzəldilən şənlik, şadlıq məclisi” kimi izah edilir [2, s.193-194]. Yəni, evlənmə münasibətilə şənlik düzəltmək. Xalq arasında “toy” dedikdə müasir evlənmə prosesinin son mərhələsi, qonaqlıqla başa çatan şənlik, çalib oynamaq mərasimi başa düşülür ki, bu təsadüfi deyildir. Çünki, ulularımızın “toy” anlayışında şənlik məclisi, qonaqlıq, yeyib-icmək, çalib-oynamaq özünə möhkəm yer etmişdir. Bu mənada qədim oğuz cəmiyyətindəki ənənəvi toy mərasimlərinin “Kitabi-Dədə Qorqud” eposu əsasında öyrənilməsi bizə daha tutarlı faktlar əldə etməyə imkan verir.

El arasında çox işlədilən “Filankəs şadyanalıq edib toy çaldırdı” fikri “Kitabi-Dədə Qorqud” dastanında da öz təsdiqini tapır: “Xanlar xanı Bayındır ildə bir kərə toy edib Oğuz bəylərin qonaqlardı” [5, s.16]. Bu mənada toy-bayram dedikdə, həm də şənlik, şadlıq, bayram, şənlik məclisi, təntənə, toy-düyün,

toy, toy-büsat başa düşülür [2, s.194]. Evlənmə prosesinin son mərhələsində icra olunan qonaqlıq – şənlik məclisi isə “Kitabi-Dədə Qorqud”da “toy-düyün” adlandırılır: “Qırx gün, qırx gecə toy-düyün edərdilər” [5, s.68]. Odur ki, bütövlükdə evlənmə prosesi üçün sosial hadisə, etnoqrafik anlayış kimi “toy-düyün” ifadəsinin işlədilməsi daha məqsədəuyğundur və gerçəkliyi daha dolğun əks etdirdiyinə görə elmidir.

“Kitabi-Dədə Qorqud” eposunun adət-ənənə, ritual və mərasim dünyası arxasında türkün daha böyük mənəvi-əxlaqi və kulturoloji dəyər funksiyasında çıxış edən bayram və toy düşüncəsi də vardır. Belə kulturoloji dəyərləri tədqiqatçılar bəzən adət, ənənə, bəzən də elə öz adı ilə bayram – toy adlandırmış, onların cəmiyyət həyatının öyrənilməsindəki rolunu yüksək qiymətləndirmişlər. M.H.Təhmasib məsələdən bəhs edərkən göstərirdi: “Xalqın ruhunu, mənliyini, mənəviyyatını yaxşı başa düşmək və başa salmaq üçün belə qədim adətlər çox zaman ən gözəl vasitə rolu oynayır. Toy mərasimləri eyni zamanda xalqın dünyagörüşünü, müxtəlif məsələlərə münasibətini, əxlaqi keyfiyyətlərini başa düşmək üçün də ən yaxşı vasitə rolu oynayır” [11, s.386] və epik yaddaşın meyarına çevrilir.

Toy “Kitabi-Dədə Qorqud” eposunda diqqəti cəlb edən və oğuz qəbilə-tayfa həyatı üçün səciyyəvi olan, cəmiyyətin geniş dairəsini əhatə edən mühüm kulturoloji dəyərdir. Türk məişətində toy fərəh, sevinc mənbəyi, adət-ənənə və rituallar rəmzidir. “Kitabi-Dədə Qorqud”da toyun mənəvi çaları geniş olduğu kimi, məzmun və ritual çevrəsi də əhatəlidir. “Qız arxasınca getmə”, “Şərtlə qız alıb gətirmə” dəyərləri üzərində formalaşan türk toyunun tarixi mürəkkəb və ziddiyyətlidir. Bir onu demək lazımdır ki, “Götürüb qaçma”, “Başqa eldən şərtlə qız alma”, “Döyüş meydanında cəngavəri öldürüb (yaxud aldadıb) qızı götürüb qaçma”, beşikkərtmə və s. kimi ənənələrin acısını dadmış türklər uzun faciələrdən sonra elçi gedib qız almaqla

toy etmək ənənəsini formalaşdırmışlar [8, s.615].

“Kitabi-Dədə Qorqud”da adları çəkilən formalarla yanaşı, elçi gedib qız almaq ənənəsi güclü olub sonradan islam dəyərlərinə uyğun olaraq yenidən işlənmişdir. O dövrdən etibarən Azərbaycanda evlənməyin ənənəvi yolu qızı elçilik vasitəsilə ilə nişanlayıb toy etməkdir. Bu mənada evlənmək prosesi bir neçə mərhələdən ibarət olmuşdur: qız bəyənmə, elçilik, nişan və toy şənliyi. Toy-düyün, hər şeydən öncə, qız bəyənmədən başlayırdı. Qız seçərkən bir sıra şərtlər nəzərə alınır. Qız seçərkən anasının kimliyinə xüsusi fikir verilirdi. Bununla əlaqədar el arasında geniş yayılmış zərb-məsəl vardı: “Qırağına bax bezini al, anasına bax qızını al”. Qızın özünün gözəlliyi, qənd-qaməti, sadəliyi, evdarlığı, işgüzarlığı, ağılı, mərifəti və başqa keyfiyyətləri də nəzərə alınır [3, s.375]. Evlənərkən qızların hansı keyfiyyətlərinə fikir verməsinin ən yaxşı nümunəsi “Kitabi-Dədə Qorqud” dastanında verilmişdir. Oğuz elinin bilicisi Dədə Qorqud qadınları dörd qismə böldürdü:

“Qarılar dörd dürlüdür:

Birisi solduran soydur.

Birisi dolduran toydur.

Birisi evin dayağıdır

Birisi necə söylərsən bayağıdır” [5, s.14].

Eposda toy türk qövmündə bayramdan kiçik, mərasimdən böyük, qəbilə və ya tayfa həyatının əsasən bütün zümrələrinin iştirak etdiyi və ya ən azı xəbərdar olduğu ümumxalq mərasimidir. Oğuz toyu tək iki fərdin şənliyi, məclisi yox, bütün oğuz elinin iştirak etdiyi ümumxalq dəyəridir. Toy cəmiyyətin etnik-psixoloji durumunun, oğuz elinin daxili mənəvi-əxlaqi dünyasının aynasıdır. “Eposda toy – ailə qurmanın, ev düzəltmənin, ailədaxili nikahın pozulmasından sonrakı dövrün islama qədərki və islam dövrü mərhələlərini əhatə edir. Belə ki, qız görmə, qız seçmədən sonra gələn elçilik toyun çoxmərhələli silsiləsini yaratmış və bütövlükdə o, cəmiyyətin geniş diqqət mərkəzində dayanan el şənliyi modelini formalaşdırmışdır” [9, s.27].

“Kitabi-Dədə Qorqud”da toy düşüncəsi epik yaddaşdakı bütün çevrəsi ilə əks olunur. Bu motiv həm “Qanturalı”, həm də “Qambörənin oğlu Bamsı Beyrək boyunu bəyan edər, xanım, hey!” boyunda özünü göstərir. “Toyun bir çox məqamlarda övlad əldə etmə, beşikkərtmə, övlad tərbiyə etmə motivləri ilə bağlılığı nəzərə çarpır ki, bu məsələlər tədqiqatçıların diqqətində olmuş və onlarla bağlı bir çox maraqlı mülahizələr irəli sürülmüşdür. Boyda diqqəti cəlb edən elə məsələlər öndədir ki, onların türk cəmiyyətində özünəməxsus yeri, mövqeyi vardır” [8, s.614].

Türk toyunun strukturu, onun mərhələləri oğuz qəbilə və tayfa həyatını əks etdirmək baxımından önəmlidir ki, bu da eposda öz əksini tapmışdır [7, s.127-179]. Tədqiqatçı Ülkər Nəbiyeva yazır ki, “ozan repertuarında gedən dəyişikliklər tayfa həyatına məxsus göstəricilərin eposda əksini də sinxronlaşdırmışdır. Bu, ozana tayfanı bütün özəllikləri ilə əks etdirməklə Beyrək süjetinin böyük və kiçik toydan başlayan ənənəvi arxiotipini qoruyub saxlamağa da imkan vermişdir. Onlar qəhrəmanın doğulması, evlənməsi, dustaqlığı və ölümüdür. Beyrəyin bu faciəvi həyatı fonunda oğuz elinin tayfa gerçəklikləri geniş, hadisələrin boydakı sıra düzümü ənənəvi, repertuarda əksi real və ardıcıldır” [8, s.617]. “Kitabi-Dədə Qorqud” türk düşüncəsində qəhrəmanın həyatının mühüm inkişaf və yüksəliş çevrəsini bayram və toy modellərində cəmləşdirmişdir ki, bu da türk eposunun yüksək sənətkarlıq dəyəri kimi diqqəti cəlb edir.

Son dövrlərə qədər Azərbaycanda, adətən qız ələ verilərkən rəyi soruşulmazdı. Bu, adət şəklini aldığı üçün qızdan rəy soruşulanda da o: “atam-anam bilər”, – deyər cavab verərdi. Kübar ailələrdə isə qızın rəyi soruşular və vaxt əsas götürülərdi. Azərbaycanda kübar dairələrdə keçmişdə “qız görmə”, “qız bəyənmə” adəti ilə yanaşı qız tərəfindən “oğlan görmə”, “oğlan bəyənmə” adəti də olmuşdur. Qədim türk ailə quruculuğunda belə bir adət də olub ki, qız ailə quracağı oğlanın igidliyini, cəsurluğunu yoxlarmış. Əgər meydanda qarşılaşmalı olsaydılar, o zaman qız yalnız məğlub olduğuna ələ gedərmiş. “Kitabi-Dədə Qorqud” dastanında Bamsı Beyrəklə Banıçığəyin qarşılaşması səhnəsi aşkarca həmin adətə işarə edir. Deməli, çox təbii olaraq, qız evi də öz növbəsində layiqli bir ailə ilə, dəyanətli bir oğlanla qohum olmağı arzulamışdır. “Oğlan görmə” adəti də onu imtahanı çəkmə adəti ilə bağlı idi. Azərbaycanda bəzi hallarda qız evi oğlanı imtahana çəkmək üçün ona kötük yardırar, keçənin ucunu buraxmamaq şərti ilə biz ilə çarığ tikdirər və s. işlər gördürərdilər. Oğlanın qız evi tərəfindən imtahana çəkilməsinin klassik nümunələrindən biri də “Kitabi-Dədə Qorqud” dastanında Trabzon hakiminin qızı Selcanı Qanturalıya verməmişdən öncə onu ağır sınağa çəkməsidir. Qanturalı vəhşi buğa, aslan və buğra (erkək dəvə) ilə vuruşub onları öldürdükdən sonra qızın atasının rəğbətini qazanır. Bu, həm də qız üçün “oğlan görmə” səhnəsi olur. Qanturalı heyvanlarla döyüşmək üçün meydana girərək, niqabını çıxardanda köşkdən baxan Selcan onu görüb bir könlükdən min könlüə aşıq olur [5, s.96-100].

Azərbaycanda bəzən “qız bəyənmə” və “oğlan görmə” adətlərinə ehtiyac olmurdu. Bu, xalq arasında “beşikkərtmə” (“beşikkəsmə”) və ya “göbəkəsmə” adlanan adətin icrası ilə bağlı olurdu. Adətə görə, oğlanın və qızın valideynləri övladlarını hələ beşikdə ikən adaxlayırdılar. Bir çox hallarda övlad həsrəti çəkən kişilər, arzuları yerinə yetərsə, övladlarını bir-biri ilə evləndirməyi əhd edərdilər. “Beşikkəsmə”, həqiqi mənada kəbin olmasa da, bir növ rəmzi nikah idi. Valideynlərlə bərabər bütün qohum-əqrəba bilirdi ki, “beşikkəsmə” olan uşaqlar böyüdükdə evlənib ailə quracaqlar [3, s.381].

“Beşikkəsmə” adəti ilə, “Kitabi-Dədə Qorqud” dastanında deyildiyi kimi, bir-birinə “yavuqlu” elan edilən körpələr böyüdükdən sonra el arasında onları “deyikli” adlandırırıdılar. Adətə görə, deyikli qıza bütün bayramlarda nişanlı qız kimi “bayramlıq” apararıdılar. Deyiklilər nikah yaşına çatdıqda rəsmi “elçilik” vasitəsilə əhdi təzələyib toy-düyün mərasimlərinə başlamaq olardı. Bu adətə oxşar hadisə “Kitabi-Dədə Qorqud” dastanında da təsvir edilir. Beyrək və Banı-çığək görüşdükdən sonra Beyrək barmağındakı qızıl üzüyü çıxarıb Banıçığəyin barmağına taxır və deyir ki, qoy bu aramızda nişan olsun [5, s.48].

“Qız bəyənmə” adətindən sonra gələn elçilik mərhələsi azərbaycanlıların ailə məişətində xüsusi diqqət mərkəzində dayanan hadisə hesab edilir və ona böyük əhəmiyyət verilirdi. Adət-ənənəyə görə, elçilər qızın ailəsi tərəfindən hörmət və izzətlə qarşılanırdılar. Elçiliyə gələn qadınları isə başqa bir otağa ötürərdilər. Elçilərə münasibət müsbət olarsa, qızın anası hörmət əlaməti olaraq oğlanın anasının boyunun qucaqlayıb üzündən öpərdi. Qonaqlara süfrə açılarsa da oğlan adamları “həri” cavabını alma-yınca süfrəyə əl uzatmazdılar. Qızın “hərisi” verildiyi gündən oğlan və qız bir-birinə “deyikli” hesab edilirdi. Elçilərə rədd cavabı verildikdə də çox ədəb-ərkanla, elə tərzdə deyirdilər ki, oğlan tərəfi bundan inciməz və düşməne çevrilməzdi [3, s.384].

Azərbaycanın əksər bölgələrində nişan və şirni bir yerdə olardı. Bəzi bölgələrdə bu mərasimə “ağsaqqal plov” da deyilirdi. Nişanda qız üçün üzük və şal aparıldığına görə bu mərasimə Bakı, Lənkəran, Təbriz kimi bölgələrdə “şal-üzük” aparma da deyilirdi. “Kitabi-Dədə Qorqud” dastanında nişan aparmaq və şirni içmək mərasimi “kiçik dügün” adlandırılmışdır. Dastanda deyilir: “yalançı oğlu yalancıq qızı alır oldu, kiçik düyünü elədi, ulu düyünə vədə qoydu” [5, s.54].

“Deyikli” qız və oğlan artıq nişandan sonra rəsmi olaraq “nişanlı” və ya “adaxlı” hesab edilirdilər. Azərbaycanda nişanlı qızın qədim zamanlardan bəri “nişanlı” və ya “adaxlı” adlanması “Kitabi-Dədə Qorqud” dastanında da öz əksini tapmışdır. Dastanda deyilir: “...Bu otaq (...) Baniçiçək otağıymış ki, Beyrəyin beşikkərtmə nişanlısı, adaxlısıydı” [5, s.46].

Nişandan sonra oğlan evi böyük toya hazırlaşmağa başlardı. Gəlin üçün paltar və zinət əşyaları alınır, toy tədarükü görülürdü. Bu müddətdə də qız evi cehiz tədarükünə başlardı. İmkanlı və ehtiyatlı ailələrdə qızları üçün cehizi lap kiçik yaşlarından hazırlardılar. Gəlinin köçməsinə az qalmış qohum və qonşular qız evinə yığışar, gəlini yorğan-döşəyinin sırıyar, cehizlərini qaydaya salardılar. El adətinə görə, toy-düyün şənliklərindən əvvəl, gəlin köçən qız qohum-əqrəba tərəfindən qonaq çağırılardı. Qonaqlıqların sonunda qohum-qardaş gəlin köçəcək qıza yorğan, döşək, yastıq, xalça, nalça, nazbalı, mis qazan və qab-qacaq və s. hədiyyə edərdi. Həmin hədiyyələr gəlinin cehizinə əlavə olunurdu.

Ənənəyə görə oğlan və ya qız evi axund və el ağsaqqalları ilə məsləhətləşdikdən sonra razılaşıb toy şənliklərinin gününü müəyyən edirdi. Öncə qız evində toy şənlikləri olardı. Adətə görə qız evindəki toy xərcini oğlan evi çəkərdi. Oğlan evindən boynuna qırmızı parça bağlanmış və ya başına qırmızı rəng vurulmuş bir neçə qoç və ərzaq məhsulları göndərilərdi. Qız evində təşkil olunan toy şənlik-lərindən biri “paltarkəsdı” adlanırdı. Şirvan bölgəsində ona həm də “bazarlıq” deyilirdi.

“Paltarkəsdı” günü çalğıcıların iştirakı ilə oğlan evindən başlayaraq çalib-oynayrdılar. Günorta üstü gəlin üçün alınmış pal-paltarı sandığa, şirni-xuşkəbər və ərzaq məhsullarını isə zənbillərə yığıb musiqi sədaları altında qız evinə aparardılar. Şeyləri qız evinə gətirən kişilər çalib-oynayanlara tamaşa etdikdən sonra bir stəkan çay içərək gedərdilər. Qadınlar isə ürəkləri istədikləri qədər rəqs edər, şənlenərdilər. Sonra isə oğlanın anası “başibütöv”, yəni əri, oğlu və qızı olan bir qadınla otaqların birindən paltarları çıxarıb xonçalara yığardı.

Oğlanın qohumlarından bir neçə qadın xonçaları başlarına qoyub oynaya-oynaya məclisə gətirər və ortada yerə qoyardılar. “Başibütöv” qadın xonçaların yanında oturaraq şeyləri bir-bir götürər, ayaq üstə durmuş başqa bir qadına verərdi. Öncə gəlinin baş örpəyi verilərdi. Ayaq üstə durmuş qadın da baş örpəyini məclisdəkilərə göstərər deyər: “Bu gəlinin baş örpəyi! Allah mübarək eləsin, görənlər görüb, gör-məyənlər də görsün!” [3, s.388]. Beləliklə, gəlin üçün gətirilmiş bütün şeylər nü-mayış etdirilər və sonra yenidən xonçalara yığılardı. Sonra oğlanın və qızın anası paltarların üstünə pul atardı. Məclisin sonuna qızın anası ən yaxın adamlarından on-on beş nəfərə “paltarkəsdı” qalmağı təklif edərdi. Oğlanın anası da qabaqcadan bir o qədər qadının vədəsini alardı [3, s.391].

“Paltarkəsdı”dən sonra toy-düyünün son mərhələsi olan böyük toy başlayardı. Qaynaqlarda Azərbaycanda qədim toyun 40 gün 40 gecə edilməsi haqqında məlumat vardır. XIX-XX əsrlərdə isə böyük toy varlı ailələrdə 7 gün 7 gecə, orta təbəqəli və yaxud yoxsul ailələrdə 3 gün, çox vaxtı isə bir gün davam edirdi. Toy şənliyinə 2-3 gün qalmış “çağırışçı”, bəzi

bölgələrdə “salaçı” və ya “xəlfə” adlanan bir nəfərə müəyyən qədər noğul verib adamları toya dəvət etməyə göndərərdilər. Çağırışçı evləri gəzib noğulu paylar və adamları toya dəvət edərdi. Dəvət olunanlar “mübarək olsun”, – deyib nəlbəkiddə şirni, yumurta, meyvə və yaxud xırda pul qoyardılar.

Toya gələnlər təzə və təmiz paltarlarını geyər, bəzənərdilər. Toy kənd əhalisinin ümumi şənliyinə çevrilərdi. Azərbaycanda ailə-məişətə bağlı adət-ənənələrin incisi toy-düyün idisə, toy şənliklərini bəzəyi musiqi idi. Toya varlı ailələr xanəndə, sazandalar və aşıqlardan ibarət bir neçə musiqiçi dəstəsi dəvət edərdilər. Yoxsul ailələrin toyunda isə musiqiçilər zurnabalaban və nağara-qaval çalanlardan ibarət olardı. Toyu ailənin sosial mənsubiyyətindən və maddi durumundan asılı olmayaraq Azərbaycanın Qarabağ bölgəsində xanəndəsiz, Şirvan və Qərb bölgələrində aşıqsız təsəvvür etmək olmazdı.

Toyda ustad aşıqlar dastan söyləyən zaman kənd əhli, böyüklü-kiçikli onları dinləməyə gələrdi. Ozan-aşıqlar qədimdə də Azərbaycan toylarının yaraşığı olmuşlar. Bütün oğuz toylarında ozan başda oturardı. Oğuz toy şənliklərindən bəhs edən “Kitabi Dədə Qorqud” dastanında musiqi alətlərindən “sırna (zurna) və nağaranın, rəqslərdən “yellətmə”nin (yallının) adları çəkilməklə yanaşı, “qopuz çalıb boy boylayan, soy-soylayan” ozan-aşiq yaradıcılığından da geniş bəhs edilir. Toylarda xalq mahnılarının ifası da geniş yer tutmuş, musiqi ilə rəqs qədim zamanlardan əkiz olmuşdur. Cavanlar “Yallı”, “Cəngi”. “Qaytağı”, “Uzundərə”, “Tərəkəmə”, “İnnabi”, “Turacı”, “Ceyrani”, “Mirzəyi”, “Köçəri”, “Əsgəri”, “Qazağı” və s. oyun havalarını rəqs etməkdən yorulmazdılar. Toya çağırılan musiqiçilərə, müğənnilərə, xanəndələrə və aşıqlara xələt, hədiyyə və pul vermək qədim zamanlardan el adəti olmuşdur. Azərbaycan xalq dastanlarında deyilir ki, aşıq xalq dolandırar. “Kitabi Dədə Qorqud” dastanında bacılarının yanına ozan qiyafəsində gələn Beyrək deyir: “Köhnə qaftanınız varsa geyəyin, düyündə əlim qaftan girərsə geri qaftanınızı verəyin” [5, s.60].

Azərbaycan taylarını idarə edən, onun aparıcısı “toybəyi” adlanırdı. Bəzi bölgələrdə ona “toy babası”, “toybaşı”, “toyağası”, yaxud “şah” deyilirdi. Toybəyinin sözü toy iştirakçıları üçün qanun sayılırdı; hamı onun dediklərini əməl etməli idi. O, toyda istədiyi adamı oynamağa məcbur edər və ya cərimələyər. Toybəyi şənlik məclisini öz köməkçisi vasitəsilə idarə edər.

Kənd yerlərində toy-düyün zamanı müxtəlif idman yarışları, oyun və əyləncələr təşkil edilərdi. Kəndin gəncləri özlərinin at çapmaq məharətlərini cıdır yarışında nümayiş etdirərdilər. Azərbaycan toylarında at çapmaq yarışları və bəy oğlanın üzüyünü nişan alıb ox atmaq yarışları “Kitabi-Dədə Qorqud” dastanında da təsvir olunmuşdur: “Məyər göykünün üzüyünə nişan atarlardı. Beyrək bir oxla üzüyü vurdu, paraladı” [5, s.62].

Toy şənliklərindən biri də oğlan toyundan bir gün qabaq qız evində keçirilən şənlik mərasimi idi. Qız evində olan bu sonuncu toy şənliyi Azərbaycanın əksər bölgələrində “xınayaxdı”, bəzi bölgələrində “xına toy”, Bakı, Lənkəran və Şəki bölgəsində həm də “qız toyu”, Qazax bölgəsində “qız başı”, Quba bölgəsində “xına gecəsi”, Təbriz bölgəsində isə “yegəl” adlanırdı. “Xınayaxdı” gecəsindən başlayaraq nişanlı qıza “gəlin qız”, adaxlı oğlana “bəy oğlan” deyilirdi.

Toy-düyün prosesinin adət-ənənələrlə zəngin mərhələlərindən biri də gəlin qızın köçürülməsidir. Kəbin kəsildikdən sonra qızın cehizi oğlan evinə daşınar və gəlin otağı döşənib bəzənərdi. Həmin gün axşam bəy oğlan sağdış-soldış və tay-tuşları ilə birlikdə “bəylik hamamına” gedərdi. Qız evindən bəy hamamı üçün xüsusi “bəy xonçası” gələrdi.

Xonçada ipək köynək, araqçınlar, corablar, ipək yaylıqlar və s. hədiyyələr olurdu. Hamamdan sonra bəy oğlan qızın hədiyyəsi olan ipək köynəyi və corabın bir cütünü geyər, araqçınlardan birinin başına, yaylıqlardan birini cibinə qoyar, qalanlarını sağdış və soldışa verərdi. Azərbaycanda qız tərəfindən bəy oğlana hədiyyə köynək göndərilməsi adəti qədimdə də mövcud olmuşdur. “Kitabi-Dədə Qorqud” dastanında deyilir: “Adaxlısından ərğənlik bir qırmızı qaftan gəldi. Beyrək qaftanı geydi” [5, s.52].

Gəlinin atası evindən çıxması və ər evinə qədəm qoyması zamanı ayrı-ayrı bölgələrdə müxtəlif adət və ayinlər icra olunurdu. Ata evindən çıxmasına yaxın gəlin ağ duvaq altında otağın ortasında “bəxt güzgüsü” ilə üz bəüz durardı. Gəlini aparmağa gələnlər onun üzünü görməməli idilər. Gəlinin duvağı yalnız ər evində gərdəkdə bəy oğlan qaldırmağı idi [1, s.89]. Qızın atası və belini bağlayan qaynı gəlinin qollarından tutub çırağın ətrafında üç dəfə dolandırardılar. Gəlin otaqdan çıxanda qapı ağzında döşəməyə üzüqoylu atılmış şüşə və ya saxsı boşqabı sındırıb keçməli idi ki, ər evinə “bədbəxtlik” aparmasın. Gəlini qapıdan çıxarkən müqəddəs “Quran”ın altından keçirərdilər. Atası və ya əmisi, yaxud dayısı qapının ağzında gəlini dayandırardı. Oğlan adamı burada kəbin kağızını saxlamaq üçün qızın anasına təqdim etməli idi. El adətinə görə, oğlan adamı kəbin kağızı ilə birlikdə qızın anasına “süd pulu” – “halallıq” pulu da verməli idi.

Gəlin bəy evinə yaxınlaşanda eyvanda durmuş bəyin anası və ya bacısı onun başına noğul, konfet və xırda pul səpərdi. Uşaqlar isə həmin şeyləri yerdən yığıb sevinərdilər. Çox vaxt gəlin həyəət girəndə ayağı altında qoç da kəsərdilər. Bəzi bölgələrdə gəlin evin qapısına yaxınlaşan zaman ayaqları altına maşa, nal, şiş və s. dəmir əşya atardılar ki, ər evində onun yeri dəmir kimi möhkəm olsun. Gəlin otağa daxil olduqdan sonra qız və ya gəlin onu dövrəyə alıb, “xoş gəldin” – deyərək qucaq-ılayıb öpər və otağın yuxarı başında divar boyu döşənmiş döşəkçələrin yanına apara-raq bir müddət ayaq üstə saxlayardılar. Adətə görə, qayınata və qayınana gəlib gəlinə “dizdayağı” qiymətli hədiyyə vəd etməli və oturmasına icazə verməli idi. Gəlin dö-şəkçə üstünə oturuqdan sonra qucağına 3-5 yaşında bir oğlan uşağı otuzdurub “oğullu-qızlı olsun” deyərdilər. Gəlin həmin oğlan uşağının başına bir araqçın qoy-malı idi. Sonra gəlinin başına toplaşmış qız və gəlinlər çalib-oynar, oxuyar, şənlik edərdilər. Qızlar gəlinin yanından çəkildikdən sonra yengə onun gərdəyini qurardı. Gəlinin gərdəyi arakəsmə pərdədən ibarət olurdu. Azərbaycanın Şirvan, Mil-Qarabağ və Muğan düzlərinin maldar əhalisi bəy üçün “gərdək” olaraq alaçıq qurardılar və ya qarğıdan “qom” adlı müvəqqəti otaq tikərdilər [1, s.89]. Qədimdə Azərbaycan oğuzlarında da bəy oğlan üçün xüsusi “gərdək” tikilməsi adəti olmuşdur. Oğuz igidləri evlənəndə ox atardılar və ox hara düşərdisə o yerdə gərdək (çadır) tikərdilər. Məsələn, Beyrək oxun atır və dibinə də gərdəyin tikir. “Kitabi-Dədə Qorqud”da adı çəkilən gərdək həmin dövrün mərasim mədəniyyətini nümayiş etdirən tarixi faktlardandır: “Oğuz zamanında bir yigir ki, evlənsə ox atardı. Oxu nə yerdə düşsə onda gərdək tikərdi” [5, s.52].

Bəy toyun əvvəlki günlərində mağarda oturmazdı. O, başqa evdə (əmisigildə, dayısıgildə, sağdışgildə və ya qonşuda) yoldaşları ilə birlikdə kiçik bir məclis qurar, yeyib-içər əylənərdi. Bəyin məclisini idarə etmək üçün bir nəfər “xan” seçilərdi. “Xan” böyük səlahiyyətə malik idi və bəydən başqa məclisin bütün iştirakçılarını cərimə edə bilirdi. Toyun sonuncu axşamı, gəlin gətirildikdən sonra, bəy musiqi sədaları altında mağara gətirilər, toy şənliyi daha da canlanardı. Bəy,

mağarın başında, xüsusi düzəldilmiş yerdə öz sağdışı və soldışı ilə birlikdə oturardı. Onun qarşısındakı mizin üstə meyvə, çərəz və şirniyyatla dolu xonça qoyulardı. Qazax bölgəsində bəyin sağdışı onun üçün “şax” bəzəyərdi. “Şax” ağac budağından düzəldilirdi və onun kiçik budaqlarından meyvələr və konfetlər asırdı. Gəncə bölgəsində “şax” ağacı xüsusi olaraq düzəldilər, üzərinə xırda mıxlar vurular, onlardan isə corab, konfet, yaylıq, meyvə və s. asırdı. “Şax” bəyin masasının qarşısında yerə qoyulardı. Toyun sonunda bəy tərifi olardı. Bəy tərifi adəti Azərbaycanın müxtəlif bölgələrində “bəy durma”, “bəy oturma” və “bəy başı” da adlanmışdır. Bəy tərifi adəti bəy oğlanın anası, bacı-qardaş və bütün qohum əqrəbası onun başına toplaşaraq bir qədər oynadıqdan sonra təbrik edib dağılırdılar. Bəy oğlanın sağdış və soldışı isə onu mağardan çıxarıb gərdək otağına qədər ötürərdilər. Toyun bu sonuncu gecəsi “zıfaf gecəsi” adlanırdı. Gərdəkdə oturmağın üçüncü günü keçirilən “üz çıxdı” mərasimində oğlanın anası xörək hazırlayar və yaxın qohum və qonşuları “gəlin gördü”yə dəvət edərdi. Qonaqlar toplaşdıqdan sonra qayınana gəlini çağırırdı. Yengə təzə gəlini geyindirib qonaqların üzünə çıxarırdı. Gəlin hamıya salam verib bir tərəfdə dayanardı. Qonaqlar gəlinə “Xoş qədəm olasan, ayağın düşərli olsun, ulduzlarınız barışsın” – deyərdilər. Sonra qayınanası gəlinə yer göstərib onu oturdardı. Gəlini görməyə gələnlər ona hədiyyə verərdilər.

“Üz çıxdı”nın səhəri günü gəlin afta-fələni götürüb qayınata, qayınana və qayınlarının əlinə su tökməklə yeni ailəsinin həyatına qoşulardı. Gəlin ərinin valideynlərinə “qayınata” deyil, adətən ərinin dili ilə “ata” və “ana”, qayınlarına və baldızlarına isə “qardaş”, “bacı” ifadəsi əlavə etməklə adları ilə müraciət edərdi. Gəlin qırx gün öz həyətlərindən bayıra və camaat arasına çıxmazdı, hətta anasigilə də gedə bilməzdi. Bu müddətdə onun “çillə”yə düşməsindən ehtiyat edərdilər. Qırx gündən sonra baldız və qayınanası gəlini camaat arasına çıxarar, özləri ilə bulaq başına aparardılar. Gəlinin ata-anası da qızlarını yalnız qırx gündən sonra qonaq çağırırdı. Gəlinin atası evinə qonaq çağırılması “ayaq açdı” adlanırdı. “Ayaq açdı” zamanı gəlinin atası qızına xalça, sağmal heyvan və qiymətli bir hədiyyə verərdi.

Xalqımızın yazılı yaddaşı da adlandırma biləcəyimiz “Kitabi-Dədə Qorqud” kitabında oğuz türklərinə xas olan bütün keyfiyyətlər, ən ülvi dəyərlər yer almışdır. Qeyd edək ki, Azərbaycan ərazisində yaşayan xalqların hər birinin özünəməxsus xüsusiyyətləri olsa da, onlarla oğuz türklərinin toy mərasimlərini yaxınlaşdırın orta adət-ənənələr daha çoxdur. Məsələn, hazırda Qəbələ rayonu ərazisində məskunlaşmış udilərdə də yeni toy edib ailə quran zaman həyata keçirilən silsilə mərasimlər əsasən aşağıdakı mərhələlərə bölünür: “qız seçmək, ad eləmək, kiçik nişan, böyük nişan, nəhayət toy. Bu silsilə adətlər bir neçə ay, çox zaman isə bir ilədək davam edir. Başqa hər hansı səbəb olduqda, daha uzun çəkir və ya sürətləndirilə bilər. Bəzən isə qeyd edilən mərhələlərdən məsələn, kiçik və ya böyük nişan ixtisara salınır” [4, s.10].

İstinad etdiyimiz mənbələr də təsdiqləyir ki, “Kitabi-Dədə Qorqud”da oğuz elinin adət-ənənələri çox incəliklə təsvir olunmuşdur. Bu dastan özündə türk xalqlarının müxtəlif tarixi dövrlərdəki ədəbi-bədii, ictimai-fəlsəfi düşüncəsinin bir sıra cəhətlərini əks etdirir. Bəşər mədəniyyətinin nadir incilərindən biri kimi qəbul edilən “Kitabi-Dədə Qorqud” dastanı oğuz türklərinin şifahi söz xəzinəsinin ayrılmaz tərkib hissəsidir. Çünki “Kitabi-Dədə Qorqud” dastanlarında xalqın gündəlik məişəti və həyat tərzini, təsəvvürləri, cəmiyyəti

бачишларі, milli adət-ənənələrі, psixoloji-mənəvi keyfiyyətləri, məşğuliyəti və həyatda apardığı mübarizənin təsviri mühüm yer tutur” [10]. Elə bu səbəbdəndir ki, dastanları xoşbəxt həyat uğrunda aparılan mübarizəsiz, o cümlədən nəslin davamlılığına vəsilə olan toy mərasimləri olmadan təsəvvür etmək çətinidir. Milli adət-ənənələrin, əxlaq normalarının və davranış qaydalarının mühüm yer tutduğu bu dastanlarda toy mərasimlərinin təsvirinə də əhəmiyyət verilmişdir.

“Kitabi-Dədə Qorqud” həm də Azərbaycan xalqının tarixidir, onun ictimai-siyasi varlığının poetik inikasıdır. Oğuz cəmiyyətində hökm sürən adət-ənənə normaları, davranış qaydaları, hər şeydən əvvəl, mənəvi-əxlaqi köklərə bağlı olmuşdur. Azərbaycan türklərinin yaradıcı düşüncə və təfəkkürünün dəyərli abidələrindən biri olan bu dastanlar ənənəvi toy mərasimlərinin transformasiyasında və mədəni irsimizin zənginləşməsində də mühüm tarixi rol oynamışdır.

Ədəbiyyat

1. Aslanov Elçin. Azərbaycan toyu. Bakı, Tutu, 2003, 240 s.
2. Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti. 4 cildə, IV cild. Bakı: Elm, 1987, 544 s.
3. Azərbaycan etnoqrafiyası. Üç cildə. II cild. Bakı, “Şərq-Qərb”, 2007, 384 s.
4. Georgi Keçaari. Udilərdə ənənəvi toy mərasimləri. Gəncə: Ağah, 2003, 100 s.
5. Kitabi-Dədə Qorqud. Bakı, Azərneşr, 1962, 216 s.
6. “Kitabi-Dədə Qorqud” (tərtib, transkripsiya, sadələşdirilmiş variant və müqəddimə F.Zeynalov və S.Əlizadəninidir). Bakı, Qızıl Şərq, 1988, 316 s.
7. Koroğlu X.H. Oğuz qəhrəmanlıq eposu. Bakı, Yurd, 1999, 244 s.
8. Nebiyeva Ülker. Eski Türklərdə Bayram və Toy Mərasimləri. Değişim Sosyolojisi. Dünyada ve Türkiyede Toplumsal Değişme. İstanbul, Kitabevi, 2011, s.613-618.
9. Nəbiyeva Ü. Türk epik düşüncəsində “Kitabi-Dədə Qorqud”. “Dədə Qorqud” elmi ədəbi toplu. B., 2006, № 3 (20).
10. Ömərov Vahid. Azərbaycançılığın qaynaqları: “Kitabi Dədə Qorqud” dastanı və azərbaycançılıq ideyası. “Səs” qəz., 1 mart 2012-ci il.
11. Təhmasib M.H. Azərbaycan xalq dastanları (Orta əsrlər). Bakı, Elm, 1972, 400 s.

ВИКОНАВСЬКА ПАРАДИГМА ТЕЛЕВЕДУЧОГО В КОНТЕКСТІ ЕФІРУ ХХІ СТОРІЧЧЯ

Дейнегіна Тетяна Олександрівна

заслужений журналіст України, доцент кафедри тележурналістики, дикторів та ведучих телепрограм факультету кіно і телебачення Київського національного університету культури і мистецтв

У видовищному мистецтві – телебаченні, просто у видовищі, як загалом у житті, поняття «виконавець» не обмежується лише виконанням особливого, специфічного, якогось «професійного» завдання. Поведінка як така є його квінтесенцією і визначальним фактором професійної діяльності телеведучого, його виконавської парадигми. Досліджено теоретичні і практичні аспекти виконавської парадигми телеведучого в контексті ефіру ХХІ сторіччя. Проаналізовано принципову фахову різницю поміж «тележурналістом» і «ведучим телепередачі» або їх взаємозв'язок.

Ключові слова: виконавська парадигма, телеведучий, екранні професії на телебаченні.

PERFORMING THE PARADIGM OF THE PRESENTER IN THE CONTEXT OF THE BROADCAST OF THE XXI CENTURY

Deinegina T.O.

honored journalist of Ukraine, associate Professor of journalism, broadcasters and leading television programs of the faculty of cinema and television of Kyiv national University of culture and arts

The spectacular art – the television, just in sight, as in life in General, the term "contractor" is not limited only to performing specific, what "professional" tasks. Behavior as such is quintessential and a defining factor of professional activity of a broadcaster, performing his paradigm. Theoretical and practical aspects of performing the paradigm of the presenter in the context of the broadcast of the XXI century. Analyzed fundamental vocational difference between "journalist" and "a leading TV program" or their relationship.

Key words: performance paradigm, broadcaster, screen profession on television.

На порозі третього тисячоліття вже недостатньо вичерпним представляються визначення феномену телебачення як «засіб масової інформації» або «засіб масової комунікації». Йому давно тісно в канонічних рамках цих понять. На певному етапі телевізійного родоvodu з'явилися трактування, що зобов'язали до якісно нових тенденцій осмислення його призначення.

Служителі «електронної Музи» все частіше нагадують «телетехнологів», що намагаються виловити перли в каламутній воді екранного хаосу і всюдозволеності. Боротьба за горезвісний «рейтинг» без визначення правил гри, і шкали

цінностей в цій боротьбі часом ігнорує всякі поняття про честь і совість, в інтенсивних битвах «за свого глядача» в хід йдуть найвитонченіші прийоми і рекламні трюки, «психологічні бомби» або смакування недоліків. Раптом стало «ознакою поганого тону» розповідати про хороше, показувати нормальні людські стосунки, думати про піднесення... Телебачення «віддзеркалює» реалії нашого життя. Але чи означає це, що ми безповоротно потрапили у телевізійну пастку? Як залежить сьогодення і майбутнє країни, стан «нервової системи суспільства» взагалі і життєві реалії кожного громадянина країни від людей «екранної професії»?

Вони, за хрестоматійним висловом В. Саппака, «приходять до нас без стуку» [11, 5], але залишають непередбачені наслідки.

Телевізійна комунікація трансформувалась у новий спосіб взаємодії людей, завдяки чому спілкування на просторово-часовій відстані відображає структуру суспільства і виконує єднальну функцію. З іншої точки зору, телебачення створює другу реальність, яка необхідна індивідові, аби зберігати рівновагу на реальному світі. Воно допомагає людині миттєво перенестися в будь-яку точку земної кулі, дає більшу свободу вибору інформації, ніж газети, журнали, надає людині можливість переживати емоції і враження, яких вона позбавлена в житті.

З'являються нові, опосередковані (через мови культури, ідеології, масової культури) стосунки «творця» «другої реальності» і її споживача. Будь-яка людина в отриманій інформації шукає сенс не окремо від того, що сказано, а корегуючи повідомлення ставленням до особи, що говорить (для глядача є важливішим не «ЩО» сказано, а «ХТО» сказав). Інформація сприймається персоніфіковано: на сучасному етапі телевізійна епоха роль визначальних, знакових особистостей, без перебільшення, надала людям «екранної професії». Свою специфіку накладають особливості редагування на телебаченні й радіо: «Адже треба, опрацьовуючи текст, зважати на те, щоб його можна було легко сприймати на слух. А «безтекстовий запис», «прямий» ефір узагалі породжують зовсім інші проблеми, які має вирішити редактор» [8, 16].

До ролі екранної людини, канонів і специфіки її творчості у контексті багатожанрового розмаїття і в умовах особливо розквіту телевізійної публіцистики у другій половині минулого століття й перших десятиліть ХХІ-го століття зверталися відомі російські та українські теоретики і практики (В. С. Саппак, Е. Г. Багіров, Р. А. Борецький, В. Г. Горпенко, Л. С. Гуревич, З. Є. Дмитровський, В. Й. Здоровега, В. В. Різун, В. Б. Кісін, Г. В. Кузнецов, М. М. Лукина, І. Г. Мащенко, І. Л. Михайлін, С. О. Муратов, В. С. Саппак, М. І. Скуленко, Г. В. Фере, О. Я. Юровський та інші). Їх теоретичні напрацювання та великий телевізійний досвід роки і десятиліття по тому залишаються не тільки актуальними і цікавими, але і корисними дороговказами на нелегких шляхах телевізійних духовно-моральних та професійних лабіринтів, оскільки апробовані теорією і практикою системи поглядів, базових понять, структурування стандартів або типових прийомів, інструментарію, рекомендацій, вимог, правил можна дорівнювати до азбучних телевізійних істин.

Визначення виконавської парадигми телеведучого в контексті ефіру ХХІ сторіччя має відбутися на загальнодержавному рівні як сформування моральної, громадянської, професійної відповідальності тележурналістів, інтерв'юерів, ведучих телепередач, коментаторів, кореспондентів, дикторів, телерепортерів, шоу-менів, стрингерів, модераторів та інших представників екранної професії на телебаченні перед суспільством, в чому й полягає мета даної статті.

«Телебачення давно стало всеосяжним суспільним магмом. Можливості його впливу на соціум в цілому і на людину зокрема практично безмежні, – підкреслює професор, доктор мистецтвознавства В. Г. Горпенко. – У ньому точиться безперервна боротьба, відбуваються зміни, тривають пошуки, відкриваються перспективи. І, не зважаючи на багатоприродність цього феномена, вирішальним фактором його буття була, є і буде людина – творець» [5, 3].

Виконавська парадигма телеведучого набуває визначального значення у формуванні екранного іміджу телеведучого, який, в свою чергу, безпосередньо впливає на рейтингові показники каналу. Питання взаємозв'язку між іміджем каналу та іміджем телеведучого і, відповідно, його виконавською парадигмою є майже недоторканою дослідниками темою взаємовпливу цих феноменів у контексті теорії та практики сучасного ефіру. Наявна відсутність досліджень з даного питання дозволяє зробити висновок, що теоретичні напрацювання суттєво відстають від практичного розв'язання складного зв'язку цих іміджевих моделей та їх взаємозалежності. Але не потребує доказів те, що «майбутній імідж телеканалу закладається вже в модель іміджу телеведучого, визначаючи жанрові особливості та манеру, характер ведення програми ведучим. Імідж телеканалу залежить від особистості телеведучого. Дуже часто, щоб забезпечити безпрограшний, високий рейтинг програми, запрошують вже «розкручених» телеведучих, які своєю популярністю забезпечують імідж програми, та імідж каналу в цілому» [1, 14].

Щодо іміджу каналу – тут не може бути «дрібниць»: кожен кадр, вибір плану, ракурсу, графічних складових, комп'ютерних технологій, візуальне оформлення, яке привертає увагу глядача, тощо мають важливе значення. Написи, титри, субтитри, ілюстрації, діаграми, заставки, малюнки – це важливі компоненти зорового ряду телепрограми, що починають та завершують програму і тим самим «відрекомендовують» глядачеві телеведучого: «Художник за допомогою комп'ютерних технологій створює в кадрі яскраві сучасні, несподівані образи, які повинні відповідати задуму і стилістиці програми та манері й характеру роботи телеведучого» [1, 14].

Звертаючись до телевізійної комунікації як нового способу взаємодії людей, стикаємось з парадоксом, неприйнятним «класичним» наукам (фізика, електроніка, космічна галузь тощо). Теорія роботи людини в кадрі й за кадром, виконавська парадигма телеведучого, як показала практика, будується на постулатах, напрацьованих у практичній роботі, спирається на досвід, продиктований життям.

«Практично не використовується в сучасній ефірній роботі виразне читання чужих текстів від безособового імені, яке тривалий час становило специфіку роботи диктора. Прийшла пора авторства – особливого феномену репрезентації явищ життя за допомогою їхнього показу-переказу особистістю» [3, 4]. – Але з великою повагою і вдячністю згадуючи вагомий внесок дикторів у становлення і розвиток електронних засобів масової інформації України, В. Г. Горпенко, підкреслює: «Визначаючи специфіку дикторської роботи як виразне читання від безособового імені, зазначимо, що при цьому аж ніяк не йдеться про відсутність особистісних рис в дикторів минулої епохи. Серед них у більшості — неординарні особи зі своїм характером, світоглядом, життєвим досвідом, манерами...» [3, 4].

Під час ефіру на перший план відповідальної почесності виходить саме телеведучий. Ця людина може і не бути професійним журналістом. Відповідно, і не кожен журналіст чи то автор програм, навіть з додатком «теле», має виходити на екран (поява автора в кадрі ще не є ознакою «авторського телебачення» і якнайчастіше вже «хрестоматійна автономізація» — «автор і ведучий телепрограми» — перетворилась у хибну ознаку майже усіх місцевих чи регіональних телестудій.

Нечасто (навіть телевізійникам-професіоналам) спадає на думку, що телеведучий має бути адекватним обраному жанру — в більшій мірі виконавцем («актор» — в даному випадку вже не є правильним визначенням, хоча виконавська спеціалізація на телеекрані передбачає опанування елементами акторської майстерності), шоумен (чи шоуумен) і тільки потім журналіст тощо. Його місія асоціюється з роботою відомого радіолюбителям улаштування, яке перемікається то на «прийом», то на «передачу». При цьому йдеться не тільки про вербальне спілкування — працює усе: контакт очей, почуття, міміка, жести і т. і. Отримані від учасників передачі біоіони своєрідно трансформуються у флюїди, що через телекамеру прямують до глядача. Саме про це «випромінювання», як і про «усотування» під час роботи з партнером казав К. С. Станіславський у своїй найбільш широковідомій і загребуваній праці «Робота актора над собою». Тобто без деяких елементів акторської майстерності телеведучому просто не обійтися. Але виникає інша загроза — перетворення екранного дійства у театральне або радійне, а це вже не є телебаченням...

ТБ перебрало на себе багато жанрів радійних. Деякі телепрограми — типу «сам на сам» — це не телевізійні програми. Дивитися там немає чого, видовище взагалі відсутнє, якщо не впроваджувати туди якісь сюжети, не працювати з камерами по-справжньому... Це радіотезаурус — жанри з картинкою і все. Можна згадати чимало типових програм, автор яких відверто нехтуючи законами телевізійної специфіки, діють за схемою: «телефонний дзвінок» і відповіді на запитання. Або відверте телефонне спілкування з глядачами, де немає і натяку на драматургію екранної розмови чи видовищність екранної дії. Це теж абсолютно радійний жанр. Аналогічне «заповнення» телевізійного простору нетелевізійними програмами не є випадковістю і на більшості закордонних телеканалів — можливо, саме це сприйнялося своєрідною перепусткою для перенесення на телеекран нетелевізійної продукції.

Починаючи писати свою першу книгу, присвячену роботі диктора на телебаченні, Брус Льюїс підкреслював, що люди, які приходять на телебачення, якнайчастіше працюють, не маючи елементарної спеціальної підготовки. Вони діють на свій страх і ризик, тому «плавають» на очах у глядачів. Це продовження ролі «винахідника велосипеда» на екрані ми зустрічаємо, на жаль, і півсторіччя по тому. І хоча на певному етапі історії телебачення на дикторів (навіть високопрофесійних) почали дивитися зверхньо і незабаром вони просто зникли з телеекранів, є сенс згадати і взяти на озброєння сьогодишнім початківцям телеекранної професії неабиякі напрацювання, досвід, відкриття колишніх майстрів дикторського цеху, що були фаховою предтечею телеведучих. Тим більше, як підкреслює В. Г. Горпенко, «робота журналіста в кадрі, як певний вид професійної діяльності, становить сьогодні актуальну, але практично недосліджену проблему» [3, 3].

Начебто пішла в небуття епоха телевізійних дикторів, втім дослідження виконавської парадигми сучасних телеведучих неможливе без звернення до практичного досвіду, напрацювань й помилок, радощів й розчарувань, якими торували шлях до нової професії телеекранні особистості, «першими з яких на колишньому радянському телебаченні були Ольга Чепурова та Ніна Кондратова, до яких пізніше приєдналися Валентина Леонтьєва, Анна Шилова, Людмила Соколова та Ігор Кирилов» [3, 3].

На думку Ігоря Леонідовича Кирилова, одного з перших дикторів радянського телебачення, що став з часом керівником Школи дикторів, диктор — це не просто особа, що читає текст у мікрофона, а особа, яка прагне впливати на глядача розумною довірчою розмовою. Диктор повинен не механічно зачитувати той або інший текст, а доносити головний зміст, закладений в переданій інформації. Для цього йому потрібно багато знати, глибоко розумітися в політиці, економіці, науковому і культурному житті суспільства, бути гідним громадянином своєї країни. За великим рахунком — бути неабиякою особою, що має моральне право звертатися і спілкуватися з мільйонами телеглядачів.

Особливе значення надавалося людським і професійним якостям диктора, його здатності викликати повну довіру і пошану у глядачів. Багато хто з основоположників дикторської професії відрізнявся не-повторною творчою індивідуальністю, своєю особливою манерою виступу в «масштабі кадру», умінням вести довірчу розмову з глядачами. Їх знала вся країна, їх любили, їх вважали «обраними». Валентина Михайлівна Леонтьєва писала, що «в ті роки при відборі кандидатури для виступу в «масштабі кадру» менше всього малася на увазі «телегенічність», тобто здатність виглядати «красиво» в кадрі. У одній з книг тих років написано: «Телепередача — не парад модних моделей і не конкурс краси, її успіх або неуспіх залежить в першу чергу від знань, професійної підготовки, таланту й індивідуальності, внутрішніх людських якостей промовця в кадрі» [10, 19].

А щодо першого «виходу в ефір» Валентини Михайлівни... — головною «рецензією» на її теледебют були слова директора телерадіокомітету на Шаболовці: «Щоби більше її в ефірі не було!» — Відеозапису, монтажу і т. і. на той час не було, тому про те, «як це було» можна дізнатися тільки із спогадів «свідків».

«Іраклій Луарсабович Андроников бачив цю передачу. Ось його відгук: "Це було жахливе видовище. В ефірі з'явилася молода перелякана жінка, очі якої були звернені всередину. Вона читала рядки на екрані свого мозку, нічого не розуміючи з того, що вона говорить. Вигляд у неї був, немов її вели на ешафот!" [10, 20]. — Висновки, які зробила тоді для себе молода телевізійниця, не буде зайвим взяти на озброєння сьогодишнім початківцям: «Знаю, що провалювалися навіть великі актори. Згодом вони із задоволенням розповідали про свій провал, навіть гордилися таким фактом своєї біографії. Ймовірно, це своєрідне кокетування, а може бути, і сатисфакція — помста екзаменаторам: мовляв, не зумів розгледіти. Але я сатисфакції не вимагаю. Голова радіокомітету був правий — не можна показувати в ефірі диктора, що йде на ешафот» [10, 20].

Кожен з початківців ефірної професії колись відчуває на собі описану ситуацію. Але і «звички» до мікрофону, до студії з'явитися не може. Звичка у творчості — згуба. Людина, яка працює в кадрі, навіть на рівні підсвідомості напрацьовує це магічне «відчуття ока телекамери, відчуття мікрофона, яке не просто «дисциплінує» або «примушує» — робить природним у побуті, в буденному житті так чи інакше «залишатися в кадрі». А це не тільки зовнішні ознаки, висока культура мови і поведінки, це і висока самодисципліна і висока духовна культура. Тут не може бути подвійних стандартів — на екрані я високоморальна людина, а поза екраном — як заманеться...

«На українському телебаченні цю професійну (диктор-

ську) когорту відкрили імена справжніх подвижників — Новелли Серпіонової та Ольги Даниленко» [3, 4]. Почесною відповідальністю для людей, які уособлювали позивні «Говорить і показує Україна!» було виконання своїх святих обов'язків — бути для мільйонів людей взірцем, еталоном мовлення. Саме телебачення і радіо суттєво впливали на мовну ситуацію в країні, допомагаючи засвоїти літературні норми вимови і дотримуватися їх, що набагато складніше, ніж навчитися писати.

«Тележурналіст» і «ведучий телепередачі» – принципово функціонально й професійно концептуально не одне й те ж. Сучасні журналістикознавчі дослідження аналізують екранні професії на ТБ під різними кутами зору, розглядають окремі характеристики, нормативи, критерії, необхідні для творчого і фахового становлення майбутніх спеціалістів професії, представникам якої на сучасному етапі телевізійна епоха надала роль визначальних, знакових особистостей. Надання же статусу профільуючої дисципліни «Майстерності телеведучого» (спеціалізація кіно-, телемистецтва Інститутів культури і мистецтв) вимагає принципово методологічно і концептуально нового підходу: формування і становлення теоретико-практичної фахової парадигми щодо спеціальності «Диктор і ведучий телепрограм» передбачає опанування механізмами і технологіями виконавської дії, які відповідно означеній цілі, жанру і стилю передачі, конкретним завданням і т. і., обумовлюють імідж, відчуття жанру, специфіку і професійний інструментарій та безліч інших творчих (виконавських) складових, які перетворюються у вивчену, відпрацьовану, усвідомлену систему екранних координат для людини, що працює в кадрі і за кадром.

Чимало професіоналів радіо і телебачення України початку ХХІ століття свого часу робили свої перші кроки служіння Електронній Музи, отримуючи незабутні уроки Майстерності, уроки творчості і людяності, уроки телевізійного професіоналізму і громадянської духовної величності Телевізійників і Педагогів В. Г. Горпенка, В. Б. Кісіна, І. Г. Мащенко, О. С. Одинця, В. Л. Чубасова, Т. В. Щербатюк, долі яких належали Українському телебаченню майже з перших кроків його державної ходи.

Саме ці першопрохідці екранного простору України своїм досвідом і теоретичними дослідженнями розпочали висвітлення й вивчення виконавської парадигми телеведучого, що передували розробці методології та методики підготовки спеціалістів екранної професії й потребують подальшого глибокого дослідження й вдосконалення.

Поява авторського телебачення, коли журналісти наприкінці вісімдесятих років минулого сторіччя взяли на себе виконавську роботу в кадрі і на зміну «безособистісним» зверненням до глядача ведучих-дикторів чи ведучих-акторів прийшли персоніфіковані журналістські повідомлення, думки, висловлення тощо, і змодельовало не сегмент поліпрофесії «телевізійний журналіст», як іноді доводиться чути, а принципово нову фахову екранну субстанцію – «телевізійний ведучий».

На межі століть і тисячоліть у статті «Телебачення – засіб масової дебілізації?» Т. О. Дейнегіна стверджувала, що існує реальна «загроза перетворення найвидатнішого винаходу людства у зброю масового знищення не тільки наших душ, інтелекту, спілкування, але й фізичного здоров'я»; «...на тлі сучасної глобалізації інформаційного простору, яка відкриває широкі можливості для громадської дискусії і плюралізму думок, проблем легітимності, правових гарантій,

психологічних змін тощо, загрозливою пересторогою «ходять» поміж людей (і «телевізійники» тут не є виключенням) рядок, що його винесено у назву цієї статті-повіді. Хочеться сподіватися, що попри все, ніколи в цьому реченні не зміниться на крапку знак питання. А втім, навіть взяти у лапки (тобто надати символічного, абстрактного підтексту) в даному випадку – не маємо морального права» [6, 41].

Перш ніж обрати для себе екранну професію, кожна молода людина має зрозуміти і розглядіти, перш за все, саму себе – об'єктивно, не поблажливо, але й не обминаючи власні достоїнства. І замислитися: «Чому не кожна людина, навіть найвихованіша і інтелігентна, не кожен оратор, політик, педагог чи навіть талановитий журналіст може відбутися як телевізійний ведучий? Які загальні риси мають бути притаманні людям, що створюють телепродукцію? Якою має бути людина, що працює «в кадрі?» – Чесні відповіді на ці та деякі інші запитання, може бути, життєдайно відгукнуться, щоби правильно обрана професія відбулася Долею. Щасливою Долею.

Професія диктора та ведучого телепрограм передбачає створення специфічного видовища з усіма особливостями його компонентів, своєрідною синтетичною і варіативною природою. Перш за все – створення сценарної основи телепередачі чи фільму (хоча є чимало випадків, коли ведучий працює як виконавець у колективному проекті, за створеним іншим автором сценарієм) з подальшим журналістським та режисерським втіленням у конкретну «продукцію» (телепрограму, «ток-шоу», відеофільм тощо). А це вимагає не тільки неабиякого діапазону знань, техніки виконання, але й неординарних організаторських здібностей, небадужості, любові до своєї справи, численних особистих якостей, які дозволяють працювати «в кадрі й за кадром», а також (з режисерського боку) – з тими, хто працюватиме «в кадрі й за кадром».

Телевізійний диктор, ведучий телепрограми – творчо-виробнича професія, яка носить багатофункціональний характер і є однією з складових колективного процесу творення кінцевого „продукту“. Від найпростішого повідомлення про сьогоденний факт, подію суспільного життя в їх швидкоплинності до філософсько-етичних узагальнень та метафорично-образної неповторності, від найстислішої замітки до циклової програми – діапазон тематичний, видовий, жанровий, стилістичний – просто неосяжний при всій своїй конкретиці.

Все це обумовлює методологічні засади підготовки фахівця цієї складної та відповідальної професії «Майстерність телеведучого». У шістдесяті роки ХХ сторіччя будь-якого журналіста, що працював у кадрі, називали «коментатор». З часом, точніше визначились основні «амплуа», в яких журналіст з'являється перед телеглядачами. Кожному з видів екранної діяльності (редактор, диктор, ведучий, репортер, інтерв'юер, оглядач, коментатор, модератор, конференсьє, шоумен, стрингер, інвейстиґейтер, телепродюсер, фрілансер і т. і.) властиві особлива методика роботи, особливі правила, що відповідають його спеціалізації; змішувати їх було б непрофесійно.

Телерепортер (кореспондент), коментатор, оглядач, інтерв'юер (майстер великих інтерв'ю, аналітик або «портретист»), ведучий (дискусії або іншої передачі; за кордоном називається модератор), ведучий ток-шоу, ведучий інформаційної програми (у США існує термін «анкормен», що означає «людина-якір», або словосполучення «нююз презен-

тер» – «представляє новини»; інколи використовується образне вираження «людина, що робить погоду», але завжди рішуче відділяють даного фахівця від коментатора, репортера і т. п.).

Звичайно, до названих у двох списках типів діяльності людини у необмеженій обмеженості площини координат «телеекран – журналіст» кожний телеглядач (а тим більше – телевізійник-практик) додасть щось своє. Хтось згадає про конференсьє або навіть блазнів, лекторів чи екскурсоводів... Хтось зауважить, що «інтерв'ю» може бути жанром, а може – методом...

Але чим принципово відрізняється сутність діяльності представників останнього і двох попередніх «списків», і чому у телевізійних кулуарах іноді використовують назви, перш за все, останніх (безперечно, шановних на своєму місці) професій, коли «рецензують» чиїсь телеекранні «досягнення»? – Відповіді на ці запитання допоможуть майбутнім телевізійникам обминути фахові недоліки своїх попередників, визначити принципову різницю, скажімо, між телеведучим і конференсьє, який оголошує номери програми під час естрадної вистави, концерту тощо й розважає присутніх між номерами, екскурсоводом чи лектором.

Невипадково з появою телебачення на великих сценах, на урочистих заходах роль ведучих знакових подій надається екранним особистостям телебачення. Головним чинником – не тільки їх відоме ім'я або знайоме обличчя, а, перш за все, вміння вести подію, а не просто називати прізвища чи назву концертних номерів, вміння діяти словом, а не просто розмовляти – впливати, навіювати довіру, дарувати піднесення і т. д., створювати образи (показувати словом) героїв заходу, а не себе демонструвати, вміння відчувати мізансцену, відчуття телевізійних камер (а це приходить з певним досвідом), вміння працювати з аудиторією тощо.

Сучасна телевізійна практика майже не дає можливості телеглядачеві бачити якусь з названих екранних спеціалізацій у «стерильному», класичному первісному вигляді. Аналогічно, внаслідок інтерференції хвиль жанрових ознак у складних за формою, багатокомпонентних за структурою передачах, тележурналіст цілком логічно предстає на екрані то в одній, то в іншій ролі, а іноді – у кількох водночас: скажімо, деякі ведучі міських телеканалів виконують обов'язки інтерв'юєра, коментатора, деколи модератора, не кажучи про їх неодмінну редакторську участь у відборі і компоновці матеріалу. Але важливо, щоби в кожен з моментів передачі витримувалися закони жанру, наприклад, інтерв'ювання не змішувалося б з коментуванням (наприклад, трапляється, що інтерв'юєр говорить значно більше, ніж його співбесідник, вважає себе зобов'язаним висловитися по кожному поводу, розповісти про себе і висловити свої думки, що не є припустимим).

У екранних спеціалізацій багато спільного. Тому і відбувається «міграція» вдала, наприклад, з інтерв'юєрів у шоумени і навпаки. А інколи не дуже вдала: є приклади, коли професійний випускаючий редактор новин, раптом стала ведучою ток-шоу, цей досвід був невдалим. Вочевидь, ампула людини, що працює безпосередньо в кадрі на телевізійному екрані, визначається, як у актора, його психофізіологічними даними. Як у актора, має значення тренування і розвиток того, що дано природою.

Дослідники екранних професій на телебаченні, звичайно ж, зверталися і до фахових здобутків служителів Муз, що передували електронній. У виборі сценічного ам-

пула театралові вже недостатньо опору на зовнішні дані та психофізіологічні особливості актора. Теоретики театру підкреслюють важливість синтезу фізичних, моральних, інтелектуальних і соціальних рис. Не менший вплив має інтегрування наведених складових у екранній діяльності. Можна навести безліч прикладів, коли телеведучий відбувся екранним «улюбленцем публіки» завдяки портретним, світським, камерно-інтимним інтерв'ю чи бесідам з діячами культури та мистецтва, педагогами тощо, але зазнає фіаско, коли використовує свій «специфічний» досвід, усталені для нього екранні інструментарії, методи, підходи у спілкуванні з політичними діячами, бізнесменами, а блискучий ведучий «інформаційних» виглядає смішним у ролі коментатора-аналітика або неспритним як модератор.

Продовжуючи вже наведені ствердження, треба ще раз підкреслити: телеведучий може і не бути журналістом. Отже, в одному випадку телеведучий є своєрідним виконавцем створеної для нього екранної ролі, яка може передбачати елементи імпровізації чи навіть повну творчу свободу і т. і. Інша ситуація, коли телеведучий водночас є автором журналістського проекту чи сценарного матеріалу, створеного «під себе» (персональна, авторська програма). У третьому варіанті телеведучим тематично означеної програми (на медичні, педагогічні, філософські, мистецькі і т. і. теми) виступає фахівець з відповідної сфери життя і т. і. При цьому, одне екранне ампула вимагає від телеведучого в більшій мірі здібностей актора, шоумена (або шоу-вумен) і тільки потім журналіста, інше виводить майже на перший план суто журналістські можливості та навички і т. д.

Коментувати змагання і матчі, вести спортивні передачі можуть не лише журналісти, але і колишні спортсмени. У тематичних авторських програм своя «історія». Але в усіх названих і неназваних випадках сучасний телеведучий повинен унеможливити рівень «самодіяльності», безграмотності, невігластва, низькопробності і усвідомлювати принципову фахову різницю поміж «тележурналістом» і «телеведучим» або їх взаємозв'язок.

Якщо тележурналіст презентує чужі тексти лише в неординарних або нестандартних чи екстремальних ситуаціях, то вже усталеним сприймається феномен екранної людини, яка презентує себе ведучим телепередачі або телефільму. При цьому, якщо ведучий не є автором даного екранного твору або текстів, які йому надається озвучити, виконавець має показати глядачеві задум автора, хоча авторська і виконавська діяльність в мистецтві дуже часто збігаються. Сучасні ток-шоу, постановочні, ігрові, конкурсні тощо телепрограми в пошуках власного обличчя обминали традиційні донедавна звернення до популярних акторів: «телевізійний ведучий – особлива сфера творчої діяльності, яка носить імпровізаційний характері може бути побудована на різних засадах» [3, 15].

В залежності від того, яку задачу перед ведучим ставить творчий колектив (авторсько-редакційний, режисерський, звукорежисерський і т. п. погляд, вимоги тощо), ведучий виступає виконавцем і має керуватися певними принципами творення, отже, володіти відповідними професійними навичками організації (самоорганізації) власної поведінки. Чималий вплив на можливості екранного виконавця в даному випадку мають не тільки фізичні дані, але й, перш за все, рівень компетентності, обізнаності, вихованості, інтелігентності і т. д., бо під час роботи в кадрі він має справу з різними учасниками програми, отже має знати їхні викона-

вські «можливості», має бути готовим до імпровізації (якщо це передбачено авторською концепцією), до роботи в непередбачених або навіть в екстремальних ситуаціях.

Телевізійний ведучий не обмежений тільки створенням власного екранного образу, «він виступає автором-організатором дійства, яке розгортається безпосередньо перед глядачем» [3, 15], втілюючи на екрані задум автора, реалізуючи сценарний хід, створюючи напругу, витримуючи паузу, тримаючи інтригу, формуючи ставлення до того чи іншого учасника екранної дії, психологічних зламів сюжету, здійснення «раптових» спровокованих ситуацій, ретроспективних інтроспекцій і тому подібного.

Виконавці-телеведучі (Олексій Суханов, Україна; Софі Тернер, Англія; Мажена Рогальська, Польща; Андрій Малахов, Росія; Опра Уінфрі, США) поділяються на типи «за двома основними принципами:

- а) професійний чи непрофесійний виконавець;
- б) актор чи неактор».

Яскравий приклад виконавської тележурналістської майстерності залишив на незабутий телеглядачеві Світу майстер екранної професії Уолтер Кронкайт, який закінчив Техаський університет, працював військовим кореспондентом, висвітлював засідання Нюрнберзького трибуналу. Саме він заклав більшість основ сучасного формату інформаційного телемовлення. Саме від Кронкайта, відомого як «дядько Уолтер», середній американець дізнавався про найважливіші події, такі як кубинська криза (1962), вбивство Президента Кеннеді (1963; Це був єдиний випадок, коли Кронкайт зрадив своєму принципу безсторонності — вся Америка під час телерепортажу бачила сльози на його очах), висадка на Місяць (1969), Уотергейтський скандал (1972) і т. і.

Деякі американці вважають, що саме Уолтер Кронкайт зупинив війну у В'єтнамі: він особисто побував там і висловив свою особисту думку в ефірі. На в'єтнамську війну Кронкайт відправився її прибічником, а повернувся переконаним противником. Він зняв фільм про В'єтнам, в якому з'явився у кадрі, стоячи до пояса у воді, в якій плавали трупи. Цей виступ шокував американців і остаточно перетягнув ваги громадської думки на користь припинення в'єтнамської війни. «В'єтнамська кампанія зайшла у безвихідь», — сказав тоді Кронкайт. У січні 1968 року він оголосив війну безвиході і закликав уряд США вступити в переговори з Ханоем. Незабаром війська були виведені з В'єтнаму. Завдяки телевізійному виступу Уолтера Кронкайта, політика продовження війни втратила підтримку американців, а Президент Джонсон вирішив відмовитися від висунення своєї кандидатури на другий президентський термін. За свідченням очевидців, Джонсон сказав: «Втративши Кронкайта, я втратив [голоси] середніх американців». Це одна з найвищих оцінок, якій будь-коли удостоювалася робота журналіста. Уолтер Кронкайт – один з тих, хто зробив пресу «четвертою владою».

Кронкайт був ентузіастом освоєння космосу. Він вів прямий репортаж про першу експедицію на Місяць і вважав його одним з найважливіших сюжетів своєї професійної кар'єри. Проводячи корабель фразою: «Давай, маля, давай!», 20 липня 1969 року Кронкайт залишався в ефірі 27 годин, поки астронавти Армстронг і Олдрін не закінчили свою місію на поверхні Місяця.

Кронкайт був удостоєний престижних журналістських премій. Його професійні методи викладалися студентам-журналістам в багатьох країнах світу, в тому числі в

СРСР, хоча точки зору нинішніх канонів телевізійної краси Кронкайт абсолютно не личив на роль телеведучого, тим більше найважливішої телепрограми відомого каналу. Але це була людина, «якій довіряли». Його ім'я назавжди вписане в історію тележурналістики, відзначає Talks.su, а студенти журфаків вивчають його біографію в числі життєписів інших творців історії сучасного ТБ, а виконавську парадигму легендарного телеведучого вважають за взірць екранної професійності. У 1950-му Кронкайт змінив амплуа — він став ведучим телекомпанії CBS і саме в цій якості досяг всеамериканської популярності. Він фактично створив цю професію, яка англійською називається «host», — «господар шоу». «Так йдуть справи», — цією фразою він незмінно закінчував свою програму впродовж 20 років.

«Він був обличчям CBS з 1962 по 1981 рік <...> Своєю спокійною і зваженою манерою подачі новин Кронкайт заслужив статус "людини, якій більше всіх довіряють американці". Його знаменита мова із швидкістю 124 слова в хвилину (для порівняння середньостатистичний американець говорить 156 слів в хвилину) була улюблена і легко сприймалася глядачами. Кронкайта багато американців жартома називали "дядько Уолтер"» [5, 135].

У гіркі дні прощання з Уолтером Кронкайтом Президент США Барак Обама заявив, що «країна втратила доброго друга» і нагадав про безмежну довіру людей до Кронкайта, якого багато хто сприймав «як члена сім'ї». «Уолтер завжди був більш, ніж просто телеведучий, — заявив Президент США Барак Обама з нагоди кончини журналіста. — Він був тим, кому ми могли довіряти, коли він вів нас через найважливіші питання дня. Він запрошував нас повірити в нього і ніколи не обманював наших сподівань», — Обама відзначив, що Кронкайт був "голосом упевненості в світі невизначеності"» [12].

Ставка на молодих ведучих у США не виправдала себе: американці схильні більше довіряти в політичному аналізі й відборі новин чоловікам середнього віку. Роздумуючи про своїх наступників, Кронкайт з деякою гіркотою писав: «Багато молодих людей з тих, хто раніше йшли на сцену або знімалися в кіно, тепер приходять на телебачення. Це красиві люди, які хочуть бути "зірками", але вони мало зацікавлені в журналістиці. Їх значно більше цікавлять гроші, слава, популярність. Вони проходять навчання у «комюнікейшн скула», яке не приносить особливої користі, оскільки ніхто не вчить там молодих людей, як треба писати. А без цього неможливо стати хорошим журналістом» [12].

Теоретичні напрацювання й практичний досвід майстрів телеекрану дає підґрунтя стверджувати: «Поняття "виконавець" у видовищному мистецтві чи просто у видовищі, як загалом у житті, вбирає в себе не лише виконання особливого, специфічного, так би мовити "професійного" якогось завдання. Його квінтесенцією є поведінка як така.

Тому дозволимо собі більш розширено тлумачити цей термін. Це, на наш погляд, дає можливість водночас більш конкретно використовувати його й у вузько професійній діяльності по створенню видовища.

Виконавство – це особливий поведінковий акт, спрямований на реалізацію певної функції» [3, 9].

Поява телебачення принесла і новий тип мовлення — «телевізійний»: це стосується вже не тільки технічної сторони процесу. «На відміну від ораторських функцій роль диктора не є егоцентричною: він говорить не собі — слухачам, — підкреслює Брус Льюїс, — і він не підсилює свій голос, як це

робить актор, який має бути упевнений, що кожен звук буде почутим в задніх рядах. Телевізійний диктор говорить просто, стремляно і довірливо. Проте, завдяки електронному диву, як це не парадоксально, він може за один вечір зібрати більше глядачів, ніж переповнений великий театр» [2, 11].

Природно, що поява в такій ситуації оратора з властивою йому традиційною манерою спілкуватися, нічого крім обурення або сарказму вже не викликало б. Чи можна уявити, що, прийшовши до когось в гості, в затишність квартири, ми голосом трибуна або речника, суто офіційними фразами вітатимемо тих, у чюю атмосферу ми увійшли без стуку і запрошення?.. Тим більше, що одним з найперших завдань і людських бажань кожної екранної людини було і залишається прагнення, аби, прийшовши в чийсь квартири гостем, якого сюди не запрошували, стати бажаним, звичним, своїм. Тому дуже важливо, аби спілкування з телевізійною аудиторією мало такий характер, щоби, не дивлячись на те, що в цей час біля телеекранів може бути мільйони людей, кожен телеглядач сприймав те, що відбувається, кожен жест, кожну фразу, посмішку, погляд очей так, немов усе це звернено саме до нього, тільки до нього.

З іншого боку, «все ж не особисте бачення світу підлягало оприлюдненню у процесі здійснення виконавської роботи, яка називалася дикторською [3, 4]. – Але найголовніше, що поєднує професії диктора телебачення і телеведучого — звичайно, вихід на екран, який майже автоматично переносить більшість вимог, адресованих дикторові, і на фахові ознаки його «послідовника». А якщо згадати, що є аксима-тичним не вважати слово «диктор» архаїчним, майбутні лицарі телефіру мають не вважати зайвим «примірити» на себе вимоги телеекрана, сформульовані свого часу Брусом Льюїсом («Bi-Bi-Ci»).

Р. Н. Ширман підкреслює, що на теренах екранного простору недалекого минулого голос диктора сприймався лише як «голос влади»: «У фільмах 1940 – 1950 років, що особливо відзначалися офіціозом, диктор звучав урочисто та піднесено. Марно було шукати в його голосі, інтонаціях та й в самому тексті чогось яскраво-особистого, неповторного» [14, 171]. А втім, може і не «марно», бо не бува правил без винятку і по-справжньому талановита людина матиме неповторне «обличчя», навіть в умовах суцільної «безлико-сті». Дійсно, дикторська професія «прийшла» на телебачення з радіо, де людина «без обличчя, очей, жестів, міміки» була лише виконавцем. Але нікому не спало б на думку, свого часу, не вважати цілком закономірним, що Юрію Левітанові було присвоєно почесне звання народного артиста СРСР.

Таким же чином просто неможливо назвати тільки диктором Вадима Синявського, який увійшов до нашого життя як «першопроходець» спортивного радіофіру і залишився невід'ємною частиною долі країни. Саме він, 22-річний коментатор Вадим Синявський, у 1929 році, вперше починаючи футбольний радіорепортаж, виголосив: «Увага! Говорить Москва...» – «А до футболу, про що вже мало хто пам'ятає, – згадує Наум Димарський, – Синявський вів на радіо уроки гімнастики, і його колегою в цій популярній передачі на радіостанції Комінтерну була Ольга Сергіївна Висоцька, згодом знаменитий диктор Всесоюзного радіо, народна артистка СРСР, під керівництвом якої починали творче життя всі наші відомі диктори радіо і телебачення» [7].

Вадим Синявський захоплено і талановито розповідав про перипетії на футбольному полі, що людям здавалося, ніби вони знаходяться на переповнених трибунах стадіо-

ну. Визначального значення в репортерській манері родо-начальника спортивного коментара набували інтонації та чарівливий голос: «Це воістину велика гідність майстра, професія якого — слово. Мова Синявського зачаровувала, в ній була логіка, абсолютна точність, помножені на імпровізацію. То хіба не диво, що він утримував слухачів біля радіоприймачів по півтори години!» – і навіть ті, хто жодного разу в житті не зустрівся з Вадимом Святославичем своїми очима, без вагань називали його художником — «художником -імпровізатором», в якого постійно, без пауз, працювала думка, на ходу народжуючи незвичайні образи. Наум Димарський, його учень, а пізніше – колега і керівник спортивної редакції Держтелерадіо, захоплено писав: «Пам'ятаю, це було в Лужниках, вже під кінець його журналістської кар'єри. Під нудним осіннім дощем ЦСКА грав з якоюсь другосортною командою. Матч був нудним, але Синявський створював в аудиторії враження яскравого видовища. Нарешті приголомшлива фраза: "Так, ось це удар. Як говорять у нас, ударив ніби рублем обдарував... А бив-то Копійкин!"» [7]. – Ось вам і зовнішня знеособленість – напевно, кожен слухач в цей час і жести, і міміку диктора «побачив», і неповторні емоції особи (хоч кожен і «побачив» його по-своєму!) і так далі.

Окрім його емоційно-художніх репортажів з шахів, футболу, що збереглися у фондах Держтелерадіо колишнього СРСР, ще не одне десятиліття звучатиме широковідомий футбольний марш під час виходу на поле і відходу з нього спортивних команд (вже мало хто пам'ятає, що цей марш був написаний Матвієм Блантером завдяки ідеї Вадима Синявського). Втім, в кожному репортажі, у кожному виході в ефір – ха-ра-ктер, здібності, сила волі, доля. Чи варто розжовувати і коментувати сказане, переконуючи – обравши професію, про яку йдеться, зрадити їй вже просто неможливо?!

І хоча на телебаченні все було набагато складнішим, ті, хто сприймалися як «обличчя» не тільки обласної чи республіканської студії телебачення, але й цілої області, країни, або усїєї своєї епохи, на жаль, сьогодні нечасто згадуються. Прикро усвідомлювати, що, створюючи телевізійний літопис країни, телевізійники України і більшості її областей не зафіксували, як годиться, сходинки власної біографії. Бо саме диктори відкривали телеепоху в телевізійному просторі, саме диктори були передвісниками телевізійних ведучих (ще під час формування в Радянському Союзі нової синтетичної професії диктори телебачення активно виступали в ролі журналістів, коли вели інтерв'ю, репортажі з елементами імпровізації), писали тексти до випусків новин чи кінонарисів, багато хто з дикторів брав на себе журналістські функції, «ділив» з редакторами складну роботу з підготовки текстів, по волі все більше професійних журналістів з'являлося на телеекрані не тільки із своїми текстами, але й з тими, що були підготовлені їх колегами для «вставок», «зв'язок», коротких інформацій і т. і. Дуже суттєва деталь: диктори радіо майже завжди мали акторську освіту, а серед дикторів телебачення зустрічалося дуже багато журналістів, філологів, педагогів, які виступали в ефірі і як диктори-виконавці, і як журналісти-імпровізатори.

Саме дикторська професія стала предтечею «Майстерності телеведучого» — дисципліни, яку нерідко навіть екранні спеціалісти невиправдано ототожнюють з іншим напрямком «акторська майстерність», а це принципово — не одне й те ж. Бо необхідні елементи «акторських здібностей» на телебаченні мають нетеатральну специфіку і мак-

симально наближають телевізійне дійство до реального життя, коли треба вміти бути (а не здаватися) «своїм» серед представників інтелігенції і шахтарів, багатодітних матерів і металургів тощо. І хоча виконавська місія дикторів на телебаченні була наближена до акторської, екран вимагав враховувати, що артикуляційні навички, як і відсутність «показу» на радіо чи віддаленість сцени від глядача у театрі маскували, на телебаченні були одним з показників мовної культури – на ТБ мову не тільки слухали, але й «дивились».

У роздумах про плідний феномен телевізійного диктора Валентини Леонтьєвої журналіст і вчений Володимир Саптак підкреслює, що, на жаль, ми рідко звертаємо увагу на зовсім звичайні речі, які лежать поряд з нами. Саме з цих позицій він розглядає роботу молодшої на той час телевізійниці, яка відгадала, відчула (а може, тут правильніше використати поняття «інтуїція», або підкреслити — «душа вела»?) і в якійсь мірі раніше за інших зрозуміла, як, за якими, написаними поки що, законами треба поводити себе на знімальному майданчику. Тому несподівано пропонував він своїм сучасникам: «Уявіть собі, завтра з'явиться на нашому екрані новий диктор (а ми, глядачі, завжди дуже жваво реагуємо на такі "події"), і диктор цей щонайперша красуня: ясноока, довкола голови туга коса, ну, немов би тільки що зійшла з картини Венеціанова. Сидить красуня в сучасному кріслі на ніжках-сірниках і повільно, грудним своїм голосом читає "Останні вісті"... Ні, скажете ви, сталася помилка, нам не потрібна краса цієї жінки, вона нам заважає, вона неприродна, недоречна, надмірно декоративна, чи що...» [11, 47].

Ще не було «телевізійних» інститутів, ще не було підручників з майстерності телеведучого (немає і півстоліття відтоді, як писав першу книгу про творчість на телебаченні Володимир Саптак) і телекритиків. Зараз важко відповісти, чи підказав хто Валентині Михайлівні, коректував чи ні, але не підлягає сумніву, що саме «...сучасний характер образу — ось, мабуть, те перше, що робить Леонтьєву настільки органічною на екрані», — вважає Володимир Саптак і підкреслює, що коли диктор читає, наприклад, «рекламу парфумної фірми», тобто дещо безособистісне, там де не має значення твоє людське ставлення, то від нього не вимагається нічого складнішого, ніж формальне донесення інформації, від нього ми внутрішньо не вимагаємо нічого. Але тоді, на світанку радянського телебачення не просто відчула, що вона на екрані має поводити себе так, як людина, що завітала в гості до чийої оселі, а приходила до людей з порожньою душею, порожніми очима — неприпустимо. А тим більше, коли у тебе є співбесідник (хіба не проводила на телебаченні Валентина Леонтьєва якщо не ток-шоу у повному сучасному значенні цього жанру, то передачі з елементами ток-шоу?)

«Леонтьєва говорить не в порожній об'єктив. Вона відчуває не лише жанр передачі, але як би сам "настрій глядача". В той же час Леонтьєва, більш ніж хто-небудь, завжди залишається в рамках професійних завдань. Лише у посмішці немов би починається душевна завіса, все "офіційне" відлітає, настає секунда внутрішнього, ліричного контакту екрана і глядача.

Якщо небагато пофантазувати, можна досить точно уявити і того уявного співбесідника, до якого звертається з екрана Валентина Леонтьєва.

Її співбесідник чоловік розумний і легкий, він наділений почуттям гумору (Валентина Леонтьєва і сама ледве іронічна) і, як людина сповна сучасна, цінує такі якості, як неза-

лежність думок, уміння у всіх випадках залишатися самою собою» [11, 48].

Чимало змін у розуміння екранної професії на телебаченні, цілі і напрямки фахової діяльності вносять ознаки часу. Все частіше і педагоги телевізійних інституцій висловлюють думку про те, що сучасні початківці телебачення бажать (і небезпідставно!), щоби їх вчили діяти, а не думати. І навіть вважають, що на телебаченні вміти писати зовсім необов'язково — «головне вміти говорити» (тому часто і з'являються літературні матеріали за принципом, як чую, так і пишу, а говорю так як написав би).

Соціально-економічні катаклізми кінця ХХ сторіччя, зміна політичних структур, корпоративні інтереси певних кіл суспільства і т. д. спричинили незатребуваність і подальший відхід від телебачення справжніх професіоналів, хибні гасла типу «телебачення — справа молоді», появу на екранах України людей не тільки професійно не підготовлених, але й професійно неспроможних, випадкових, амбіційних, здатних до відвертої руйнації і перекреслювання створеного на телебаченні їх попередниками.

Отже, в одному випадку сучасний телеведучий є своєрідним виконавцем створеної для нього екранної ролі, яка може передбачати елементи імпровізації чи навіть повну творчу свободу і т. і. Інша ситуація, коли телеведучий водночас є автором журналістського проекту чи сценарного матеріалу, створеного «під себе» (персональна, авторська програма). У третьому варіанті телеведучим тематично означеної програми (на медичні, педагогічні, філософські, мистецькі і т. і. теми) виступає фахівець з відповідної сфери життя і т. і. При цьому, одне екранне амплуа вимагає від телеведучого в більшій мірі здібностей актора, шоумена (або шоу-вумен) і тільки потім журналіста, інше виводить майже на перший план суто журналістські можливості та навички і т. д.

Коментувати змагання і матчі, вести спортивні передачі можуть не лише журналісти, але і колишні спортсмени (Микола Озеров, Марія Кисельова, Ольга Богословська, Володимир Маслаченко, Микола Пісарев та ін.). У тематичних авторських програм своя «історія». Тут зазвичай працюють суперпрофесіонали – неважливо, в якій області. Володимира Познера у 1986 році запросили вести телеміст, тому що ніхто краще за нього не знався на російсько-американських стосунках. Олександр Ільїн, автор «Армійського магазину», був офіцером для особливих доручень в секретаріаті головнокомандуючого військами Західного напрямку. Микола Дроздов («В світі тварин») — автор 20 книг і двох сотень статей про живу природу і один з п'ятнадцяти консультантів Генерального секретаря ООН з екології.

Якщо автори друкованих публікацій діляться на три категорії: яких можна читати, яких можна не читати і яких не можна не читати, то неможливо закрити вуха і очі телеглядачеві, якому будь-який екранний текст повинен допомогти почути і побачити те, про що йдеться.

Літературна техніка, яка робить процес писання плідним, на екрані трансформується у вільну, добре організовану, позбавлену неохайності чи прорахунків, мову речника, яка буде сприйматися природним продовженням екранного видовища, а не нагадувати звукові милиці, які викликають роздратованість і бажання перемкнути телеканал на інший.

В контексті історії становлення телебачення, як і в процесі творчо-технічної реалізації поставлених задач дикторське «амплуа» усталено «крокує» одразу після редак-

торського. І не тільки тому, що на телебаченні обидва вони з'явилися разом з народженням Електронної Музи. В сучасному побуті ще доводиться чути, як телеведучого називають дик-тором. І не можна вважати це вже дуже великою помилкою, і не варто в повному обсязі списувати в минуле це слово.

В контексті проблеми, що розглядається, є цілком правильним замість синонімічного ряду типу «передвісник», «попередник» ужити старовинне багатозначне слово «предтеча». Бо, дійсно, це вже як причетність до конфесії: «диктор» — не просто професія, а явище, подія, що підготувала ґрунт, умови для настання як явища, як феномену — «телеведучого», без якого вже немає «авторського телебачення».

Отже, сьогодні телеведучий з'являється в кадрі і «кого веде?» — перш за все, «передає інформацію широкому колу людей». Майже таке ж завдання виконувала колись, наприклад, печерна людина, яка залазила на високу скелю й про щось «інформувала» (або попереджала, закликала і т. і.) своїх одноплемінників. Перші спроби виробити артикуляційно правильну мову, безумовно, привели до появи великих ораторів Греції (вони виступали з промовами перед Народними зборами Афин).

«Людська мова розвивалася століттями і оратори завжди відігравали чималу роль: проповідника, міського глашатая чи політичного діяча; кожний щось повідомляв і передавав новини. Дехто хотів, щоби юрба ними захоплювалася і навіть поклонялася їм.

Ці люди виділялися зі свого середовища вмінням говорити перед аудиторією. Слухаючи їх, люди сміялись і плакали, сердились і раділи; а траплялось і так, що їх вплив спонукав цілі народи вже не до почуття, а до дії» [2, 11]. Ці люди вже не належали до юрби, поступово вони набували особливого статусу. Більшість людей розмовляє без ораторських прийомів, для них мова — утилітарний засіб передачі думок і настроїв один одному. Лише для незначної меншості мова стає знаряддям, ціль якого — інформувати чи впливати на оточуючих.

Так було до появи ЗМІ, РМ, ТБ, тобто можна вважати диктора безпосереднім нащадком, скажімо, міського глашатая, як стверджує Брус Льюїс. Але чи завжди професійний оратор, з його поставленим голосом, красномовством, ерудицією, образною мовою і т. д., вдало виступить перед мільйонами телеглядачів? На жаль, однозначної відповіді немає. На разі, поки що. Скільки людей бажає спробувати себе на екрані і пробує, але чомусь «одному дано Господом або природою (або батьком з матір'ю)», іншому...

Не треба доводити, що людина, яку ви добре знаєте, який щиро симпатизуєте, з телеекрану може викликати зовсім інші почуття — і абрис фігури (телебачення «робить» людину «товстішою», про це треба пам'ятати) не такий, і риси обличчя в чомусь можуть здатися неприємними (чимало залежить тут і від освітлення, і від ракурсу, і від ставлення до своєї роботи тих, хто показує, тощо), а міміка, жести і щось інше, на що ви ніколи не звертали уваги, раптом відкриє вам набагато більше, ніж безпосередня промова того, хто виступає в кадрі.

Давня народна мудрість про те, що краще раз побачити, аніж десять раз почути, в контексті екранної специфіки трансформується в хрестоматійний постулат, і звертає увагу на те, що при всій привабливості гострих політичних «розмовних» передач (особливо на крутих поворотах історії), при всій пошані до літературної праці і до необхідності «на

відмінно» користуватися словом, — призначення телевізора таке ж, як чарівного дзеркала в стародавній казці: показувати, що відбувається. Адже: люди мріяли саме бачити на відстані. Бачити, а не лише чути мову про те, «хто на світі всіх миліше». Зрозуміло, «краще одного разу побачити...». — І дарма ми намагатимемося відшукати у казках народів будь-якої національності щось подібне радіоприймачу, бо казка — це, перш за все, образ. І якщо в літературі завдяки слову створюється образ, словом «вимальовується» видовище, то на екрані «слово поступається картинці» в достовірності.

Під час телевізійної бесіди якнайчастіше на глядача переконливіше впливають манера телеведучого триматися, його привабливість, міміка, жести і т. і., тобто складові невербального спілкування, а потім вже безпосередня смислова наповненість промови (сприйняття на почуттєво-емоційному рівні превалює над сприйняттям інформації). — Усе це пояснює, чому «деякі політики і журналісти, успішно виступаючи по радіо, терплять провал на ТБ. Існує навіть думка, що Гітлер не прийшов би до влади, якби в будинках німців на початку тридцятих років ХХ сторіччя стояли телевізори, і не радіо, а безжалісний екран дозволив би їм поз-найомитися ближче зі своїм кандидатом у фіюери.

На відміну від інших китів американського ефіру — Пітера Дженінгса, Дена Разера, Теда Коппела — Ларрі Кінг ніколи не любив атмосфери великої політики. Він віддавав перевагу приватній, душевній розмові, в якій завжди залишається місце для інтимних дурниць, необов'язкових тем і невибагливих жартів. Він створював в студії відповідну затишну, майже домашню, атмосферу, усвідомлено використовував хрестоматійні закони театральної мізансцени, переносячи їх на студійне оформлення.

Знаючи, що ніщо нас так не обеззброює, як вміння бути хорошим слухачем, Кінг активно використовував прийоми контакту очей, ретроспективної інтроспекції, спровокованої ситуації тощо. Можна побачити деяку браваду, або навіть лукавство у ствердженні Ларрі Кінга про те, що він «не готувався до передачі» — у цьому переконує глибокий «настрій» на співбесідника (про це свідчать відео-, аудіоархіви, розшифровки передач і т. і.), звичка не задавати питання, а ставити. Коли він лестить гостю — то не банальним підслодженням компліментом, а інтенсивною увагою до будь-якої, навіть прохідної фрази. При цьому Ларрі Кінга цікавить не думка гостя, а його досвід, не думка, а при-страсть, не слово, а жест. Він прагне показати глядачам усю людину, а не лише ту раціональну частину нашого Я, якою всі ми раді поділитися.

Ольга Герасим'юк і Костянтин Стогній, Андрій Цапленко і Алла Мазур, Віталій Гайдукевич, Андрій Куликов, Наталія Мосійчук, Олексій Лихман, Володимир Зеленський та Наталія Влащенко, Олег Панюта та Ольга Кошеленко, Володимир Ар'єв, Дмитро Анопченко та інші екранні особистості — «люди, которые входят без стука», за висловом Володимира Сапача «Телевидение и мы», першої праці, присвяченій роботі «в кадрі й за кадром». Роботі, яка (підкреслимо ще раз!) «як певний вид професійної діяльності становить сьогодні актуальну, але практично не досліджену проблему» [3, с. 3]. — Це ствердження, написане в перші роки ХХІ століття, не перетворилося в архаїзм: на теренах сучасного українського й міжнародного освітнього простору практично тільки починається розробка методології та методики підготовки спеціалістів екранної професії, фор-

мулювання виконавської парадигми телеведучого, представникам якої на сучасному етапі телевізійна епоха надала роль визначальних, знакових особистостей. Безумовно, звернення до аспектів діяльності телевізійних особистостей в контексті українського телепростору є сенс поширити до

масштабів міжнародних: співставлення і аналіз напрацювань щодо виконавської парадигми телеведучого на міжнародному рівні матиме не тільки актуальне, але і неабияке корисне теоретико-практичне значення.

Список літератури:

1. Асютіна Т. В. Взаємозв'язок між іміджем каналу та іміджем телеведучого / Т. В. Асютіна // Вісник кафедри культурології та кіно-, телемистецтва. Збірка наукових праць. – Луганськ, 2009. – 124 с.
2. Брус Льюис. Диктор телевидения / Льюис Брус [Пер. с англ. В. Ткаченко. Послел. и примеч. Л. Золотаревского]. – М.: Искусство, 1973. – 200 с.
3. Горпенко В. Г. Методика роботи журналіста в кадрі: Нариси / В. Г. Горпенко. – Київ, КиМУ. – 2003. – 91 с.
4. Гоян О. Я., Гоян В. В. Журналістська телерадіоосвіта: сучасні тенденції // Електронний сайт Інституту журналістики Київського національного університету імені Тараса Шевченка – [http : // www.journ.univ.ru](http://www.journ.univ.ru)
5. Дейнегіна Т. О. Майстерність телеведучого: вступ до спеціальності / Т. О. Дейнегіна // Навчальний посібник // Передмова В. Г. Горпенка. – Луганськ: ТОВ «Віртуальна реальність», 2010. – 332 с.
6. Дейнегіна Т. О. Телебачення – засіб масової дебілізації? – ДУХОВНІСТЬ ОСОБИСТОСТІ: методологія, теорія і практика. Збірник наукових праць за матеріалами II Міжнародної наукової конференції «Духовний розвиток особистості: методологія, теорія і практика». Випуск 3 (9). – Луганськ, 2005. – 220 с.
7. Дымарский Наум. Репортаж вел Вадим Синявский / Наум Дымарский // «Российская газета» – Неделя № 4141 от 11 августа 2006 г.
8. Капелюшний А. О. Редагування в засобах масової інформації. Навчальний посібник / А. О. Капелюшний. – Львів: ПАІС, 2005. – 204 с.
9. Кузнецов Г. В. Так работают журналисты ТВ/ Г. В. Кузнецов // Учебное пособие. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 224 с.
10. Леонтьева В. М. Объяснение в любви: Записки диктора Центрального телевидения / В. М. Леонтьева. – М. : Молодая гвардия, 1986. – 240 с.
11. Сапак Вл. Телевидение и мы: Четыре беседы / Вл. Сапак. — 3-е изд. – М. : Искусство, 1968. – 168 с.
12. Сидорук А. Золотий стандарт Уолтера Кронкайта / А. Сидорук: К., — Телекритика, № 9 (67) вересень 2009.
13. Ширман Р. Н. Телевізійна режисура. Майстер-клас / Р. Н. Ширман. – К. : ЗАТ «Телерадіокур'єр», 2004. – 200 с.
14. [Електронний ресурс]. – Доступ до джерела: <http://www.meta.kz/175269-korol-v-otstavke.html>

ТРАДИЦИИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ

Ерошенко Юлия Владимировна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры изобразительного искусства,
Воронежский государственный педагогический университет

Развитие народной художественной культуры Воронежского Края, его специфика, традиции. Процесс и результаты народного декоративно-прикладного искусства, связь с представлениями народа о мире, с особенностями его национального характера и творческих устремлений. Роль народного декоративно-прикладного искусства в усилении влияния гуманистических идей и престиж государства, духовных ценностей.

Ключевые слова: Декоративно-прикладное искусство, духовные ценности, художественная культура, национально-культурные традиции, народные художественные промыслы, народный мастер, этническая история.

THE TRADITIONS OF RUSSIAN FOLK ART CULTURE VORONEZH EDGE

Eroshenko Iyliya,

Candidate of pedagogical sciences, Associate professor of the Fine Arts Chair, Voronezh State Pedagogical University

The development of national arts and crafts, its specific character and traditions. The process and results of the national arts and crafts, the submission of the people of the world, with the features of its national character and creative aspirations. The role of the national arts and crafts in enhancing the intellectual potential of the state, increase the influence of humanistic ideas and the prestige of the state and spiritual values.

Key words: Arts and crafts, spiritual values, art and culture, national and cultural traditions, folk arts and crafts, folk artist, ethnic history.

Русская народная художественная культура является важной частью художественной культуры общества. Ее развитие происходит под влиянием принятых и утвердившихся в России художественных норм, ценностей и идеалов. Спецификой народной художественной культуры является то, что она воплощает в себе устойчивые формы жизни народа, отражающие особенности его национального характера и национальных образов мира.

Значительный вклад в теорию народного искусства внесли работы В.С. Воронова, И.Я. Богуславской, Г.К. Вагнер, В.М. Василенко, М.А. Ильина, М.А. Некрасовой, Т.М. Разиной, А.Б. Салтыкова, Т.Я. Семеновы и других ученых. В Воронежской области изучением народного художественного творчества занимались: Е.Н. Губанова, А.В. Калинин, М.С. Шмойлов. Изучение народного искусства позволило исследователям определить его место в современной культуре общества.

Народная художественная культура - древнейший пласт отечественного культурного наследия. Ее корни уходят в традиции и обычаи восточнославянских племен, проживавших на территории нашей страны. Главной частью этой культуры являются произведения народного художественного творчества (песни, сказки, танцы, художественные изделия и т.д.).

Народная художественная культура складывалась на Руси как культура быта, развивалась во всех слоях общества, имея много общего в крестьянской, купеческой, боярской и княжеской среде

Народное художественное творчество включает в себя совокупность художественных произведений различных видов и жанров, созданных народом на основе его самобытных традиций, а также своеобразные формы и способы художественно-творческой деятельности. Одной из главных проблем современности является сохранение и развитие национально-культурных традиций, художественных промыслов и обычаев.

Процесс и результаты народного художественного творчества неразрывно связаны с представлениями того или иного народа о мире, с особенностями его национального характера и творческих устремлений.

Таким образом, народная художественная культура - сложное и многогранное явление, не ограниченное крестьянским фольклором. Помимо традиционных для того или иного народа видов и форм художественной деятельности и ее результатов, народная художественная культура включает систему воплощенных в художественных образах базовых духовно-нравственных ценностей и идеалов того или иного народа, отражает его мировоззрение и миропонимание.

Разнообразный жанрово-видовой состав народного декоративно-прикладного искусства (НДПИ) включает в себя различные виды художественного творчества и различные формы его организации. Полифункциональность НДПИ заключается в его неразрывной связи с мировоззрением и нравственно эстетическими нормами различных социальных слоев населения. В народном декоративно-прикладном искусстве можно обнаружить наличие общечеловеческих и национальных проявлений. Развитие НДПИ осуществляется на основе принципов общности и преемственности традиций [7].

Традиции оказывают большое влияние на психологию людей, они являются средством воспитания, развития личностных качеств. Особенности традиции - это преемственность и повторяемость. Преемственность позволяет передавать знания и умения новым поколениям, избавляя людей от необходимости достигать то, что уже достигнуто. Повторяемость дает возможность традиции стать потребностью, привычкой определенного количества людей, социальных групп, народностей.

Познание культурного наследия региона, являющегося составной частью окружающего мира и отражающего историческое развитие общества, помогает также понять

значимость прошлого для настоящего и будущего, что способствует становлению исторического сознания, представляющего собой систему знаний, взглядов, представлений, эмоций, чувств, традиций, обрядов, художественных образов, идей, теорий, концепций, в которых индивиды, социальные группы, классы, народы и нации, человечество осознает свое прошлое, воспроизводит движение в пространстве и времени.

В произведениях народного искусства отражается духовно-ценностное постижение мира, в них всегда первичен образ, духовная функция. Познавая бесценность кладезя народной художественной культуры, подрастающее поколение постигнет традиции, являющиеся неотъемлемой частью этнического сознания, его коллективной исторической памятью. Такой памятью выступают, прежде всего, духовные, материальные ценности этноса, устные, письменные произведения народного творчества, декоративно-прикладное искусство.

На определенном этапе исторического развития (в процессе разложения натурального хозяйства и зарождения товарного уклада) за крестьянскими ремеслами закрепляется термин «промысел», т.е. занятие, ремесло, производство, дело, дающее пропитание и доход.

Именно в этом значении понятие промысел связывается с крестьянскими ремеслами, поскольку их роль была определена необходимостью дополнительного заработка, а основным занятием было сельское хозяйство.

Н.Н. Мамонтова считает, что «учитывая все аспекты применения термина «промысел», все же необходимо опираться в основном на базовый термин «ремесло», имеющий достаточно строгое научное содержание - как историко-культурное, так и социально-экономическое. Практически во всех «художественных промыслах» мы имеем дело с ремеслом – мелким индивидуальным ручным производством изделий на основе личного мастерства с применением простых орудий труда». Домашнее ремесленное производство было прочной стороной земледелия, и вся последующая история развития ремесел и промыслов – это история их выделения из сельского хозяйства и превращений в самостоятельный вид деятельности.

К моменту создания славянского государства – Киевской Руси, художественные ремесла достигли высокого уровня развития. К ним относились различные виды резьбы по кости, дереву, художественная обработка металла, гончарное дело и ткачество. Уже в 10–11 веках у восточных славян возникали мастерские, поселки ремесленников, создавались товарищества – «братчины», объединявшие людей, занимавшихся одним видом ремесла.

Переход в 16 веке от домашнего ремесла к товарному производству привел к выделению целых областей, городов, занимающихся одним видом ремесла. Связь с источником сырья определила возникновение всех видов народных промыслов в Воронежской области. Помимо сел и городов крупными центрами художественных ремесел становились монастыри, при которых создавались производственные и учебные мастерские.

Крестьянские ремесла и промыслы рано сложились в важную отрасль экономики, отвечавшую потребностям страны. Они представляли собой сложную разветвленную структуру, концентрировавшую традиционные ремесленные навыки этико-эстетические взгляды народа художественный опыт в изготовлении определенного вида из-

делий. Передача этого художественного опыта, трудовых умений и мастерства, воспитательное воздействие являлись важным и решающим для сохранения и дальнейшего развития любого вида народного творчества.

Труд в Воронежской губернии был связан, прежде всего, с работой на земле, животноводством, садоводством, народными промыслами. Все нравственные каноны, моральные представления, даже художественные вкусы целых эпох обусловлены отношением человека к «матери – сырой земле». Нелёгкий труд земледельца и животновода, отношение к хлебу как святыне, всё это воспитывало у детей чувство любви к труду и людям труда. Народ не только прославляет труд как бесценный дар природы человеку, но в какой-то мере идеализирует его вдохновенный характер: «Труд – всему отец».

Народ всегда заботился о том, чтобы молодое поколение овладевало рядом профессий, каждый становился «мастером на все руки». У всех народов существует единое мнение: «Лишнее мастерство голову не кружит», «Молодому мало и семидесяти ремёсел». История сохранила для нас бесценный опыт вооружения молодого поколения разнообразными трудовыми умениями и навыками. Народ ясно представлял себе, что овладение трудовыми навыками требует времени и усилий, поскольку «есть такие вещи, которые не сделаешь, пока не выучишься, но есть и такие вещи, которые надо сделать, чтобы выучиться» [3].

В Воронежской области бытовали различные ремесла и художественные промыслы. Так, до революции, в селе Касторное, была организована ковроткацкая школа, куда ежегодно принималось 10–15 способных девочек, преимущественно из детских приютов. В Рамони княгиня Ольденбургская, которая сама занималась живописью, также имела две ковроткацкие мастерские, где обучались художественному ткачеству и вязанию кружев молодые девушки. Ковры из ее мастерских получали медали на международных выставках.

Продукция этих мастерских в основном шла богатым людям, часть ее увозили английские купцы. Выделяли ковры для внутренних и внешних рынков, помимо уже упоминавшихся мастерских и пунктов, на фабриках князя А. А. Щербакова в селе Михайловка Павловского уезда и подполковницы Елены Яновой в Богучарском уезде, в мастерской помещицы Пановой в Боброве, в Деревне Лиски, у монахини села Таволжанка Новохоперского уезда, у великой княгини Ольги Александровны в селе Старо-Животиное, у помещицы Чеколевой в селе Горожанка Задонского уезда.

Так, в 1909 году в пригородной слободе г. Острогжска Лушниковке была организована учебная ткацкая мастерская как отделение Московского Строгановского училища.

В наше время в некоторых районах существуют Дома ремесел. Некоторые пытаются возрождать утраченные знания. К таким Домам ремесел относятся Воробьевский, Борисоглебский, Острогжский.

Основная работа коллектива «Борисоглебского Дома ремесел» – это бесплатное обучение всех желающих разным видам промыслов. Самыми популярными и наиболее посещаемыми являются занятия по резьбе по дереву. Сюда приходят заниматься не только подростки, но и мужчины в летах, а иногда даже девушки. Во время обучения можно получить все необходимые навыки работы с деревом, различным техникам резьбы, начиная с простейших и переходя к более сложным.

При рассмотрении отдельных изделий народных мастеров нас поражает необычайная пластика формы, ясность узора, образность, гармоничное сочетание цветов, красота пропорций, ритмов, которые сформировались в результате творческой деятельности. Художественное совершенство предметов народного искусства – это результат понимания творцом пластических и художественных свойств материалов. Удивительно выверенная композиция орнаментов и узоров в вышивке, ткачестве, керамике, домовой резьбе говорит о высоком художественном вкусе и эмоциональном отношении мастеров к миру. Но красота предметов не только в украшении, сама форма, даже самая простая, которая хорошо отвечает своему практическому назначению, имеет свое художественное содержание. Изделия, которые использовались в праздничных обрядах и для подарков, конечно, особенно отличались нарядностью и красочностью, в них проявлялась фантазия и ум, вкус, изобретательность и наблюдательность мастеров. Работы народных мастеров всегда несут радость, пожелание благополучия и радость людям. «Жизнеутверждающие идеи раскрываются и в символических образах народного искусства. Постоянный мотив традиционного русского орнамента – это изображение солнца (круг, розетка), несущего свет и тепло всему живому на земле. Растительные мотивы передают красоту природы, ее щедрость. Красный или оранжевый цвет, излюбленный почти в каждом виде традиционного русского народного искусства, – цвет солнца, здоровья и красоты, утверждения самой жизни» [6, С.5].

«Говоря о глубокой традиционности народного искусства, – пишет Т.М. Разина, – мы имеем в виду, что многие его идеи, образы, сюжеты, орнамент, технические приемы и формы предметов возникли в очень отдаленные эпохи и устойчиво сохраняются в творчестве народа, иногда вплоть до нашего времени» [8, С.66].

Орнамент присутствует во всех видах народного художественного творчества. В Воронежской губернии наиболее развито искусство орнамента в вышивке, ткачестве, ковровом промысле, вязании. Строгим цензором, следящим за выполнением норм традиций, выступал коллектив того или иного района или деревни. Строгие рамки норм и стиля позволяют знатокам народного искусства и местному населению легко установить, в какой местности создано это произведение. Вместе с тем одновременно со строгим следованием нормам традиции одним из типичных и основных признаков всех видов народного искусства является импровизация их творцов-исполнителей. [1, С.393].

Искусство ручного узорного ткачества Воронежской области ярко проявилось как в народной одежде, так и в других предметах крестьянского обихода: полотенцах, скатертях, коврах. Широко была распространена во второй половине девятнадцатого, да и в двадцатом веке выделка безворсовых ковровых изделий: попонок, постилок, тропинок, покрывал и т. д.

Прядение и ткачество были исконно женскими занятиями. Ткали обычно ранней весной во время Великого поста. У каждой женщины была своя прялка, а ткацкий стан был общесемейным. Все художественные ткани и ковры в основном выполнялись на простом горизонтальном ручном стане. На нем ткали также холсты, сукна, разная пестрядная ткань, сарафанина, паневина, кушаки, редника, покрывала, дерюжки, столешники, утирки и многое другое.

Различными приемами мастерства владели многие жители сельской местности, но среди них всегда выделялись особо одаренные и талантливые мастера, которые не только повторяли или варьировали типичные для той или иной местности традиционные изделия, но и более активно проявляли свои творческие способности. Такие мастера выступали с новыми предложениями, которые затем осваивались и становились нормой для других мастеров.

Цветовая гамма ковров и художественных тканей глубоко традиционна. Строилась она на сопоставлении чистых, ярких контрастных цветов: малинового и красного с зеленым, синего с желтым, оранжевого с фиолетовым. Земля – так назывался фон ковра или особой нарядной ткани – в большинстве случаев ставилась черной. А по черной земле уже разбрасывались яркие краски в виде чудесных сплетенных орнаментальных форм. Это символ всего растущего на черноземе и питающегося его соками. Ковры были иногда с каймой (так называемые рамочные), но чаще всего – без нее, со свободными композициями, не закованными в раму. Орнамент был, как правило, геометрический символического характера, частично доставшийся нам от предков-язычников.

Воронежские ковры отличаются яркостью и многокрасочностью. Подобные коврики в село Елань-Колено встречаются в домах жителей и в настоящее время. От матери к дочери, из поколения в поколение передавались секреты крашения пряжи, узоры, приемы работы. Коврики имели черный фон – символ земли, квадраты с лучами малинового, розового и красного цвета, стилизованные цветы и колосья – преимущественно зеленого цвета.

Особое значение имел цвет и его использование в составлении орнаментов, окрашивании изделий, выборе готовых тканей. Белый цвет с древних времен символизирует душевную чистоту, непорочность. Белый цвет полотенца символизировал трудолюбие, память. Черный цвет в Воронежской губернии был самым главным и символизировал черноземную землю, нашу матушку – кормилицу, красный – душевное богатство, красоту и веселье, смелость, здоровье. Зеленый цвет символизирует умиротворение, начало жизни – приход весны, омоложение и возрождение жизни на земле, малиновый и розовый – закат и восход солнца, благую весть. Желтый цвет символизировал разлуку, увядание природы, осеннее золотое свечение Солнца – Ярилы, синий – материальное и духовное богатство, благородство, покой; коричневый – болезнь, мрачность и никогда не использовался в орнаментах.

После революции в начале 1930-х годов в Воронежской области были организованы две ткацкие артели, одна из них – в 1932 году в селе Елань-Колено Новохоперского района; другая – в 1934 году в расположенном недалеко от Елань-Колена поселке Таловая, где также начали заниматься ткачеством. Коллектив местного комбината бытового обслуживания и художественных промыслов стремился сохранить искусство ковроткачества, созданное поколениями

По старым образцам мастера создавали великолепные вещи. Елань-Коленовская фабрика выпускала ковры, изготовленные в старых традициях, со сложным орнаментом и богатой расцветкой. В одном случае переплетения прямоугольников, линий, полос, светлых пятен создают красочные узоры, в другом случае орнамент ковра состоит из уступчатых ромбов, густо заполняющих центральное поле, в третьем – только из полос.

В суровые годы Великой Отечественной войны обе артели ткали мешковину, бортовку, полотна, которые шли на полотенца и другие изделия домашнего обихода. Небольшое количество шерстяной пряжи, поступавшее в распоряжение артелей, использовалось для вязания варежек и носков для нужд фронта.

Серьезные поиски ассортимента и художественной направленности воронежских ткацких предприятий были начаты уже после Великой Отечественной войны, в конце 1940-х годов. В создании первых изделий, их вариантов, в деле обучения мастериц большое участие приняли потомственные ткачихи А.П. Маленькая и М.Ф. Рогачева. Выполненные ими пледы красивы и радостны по цветовым сочетаниям, интересны по ритму чередования полос, пропорциям клеток.

Таким образом, в конце 1940-х – начале 1950-х годов появились тканые изделия, созданные на основе местных традиций и нашедшие место в современном жилом интерьере. Они определили дальнейшее направление творческих поисков и развития воронежского художественного ткачества.

Особенности Воронежского традиционного костюма обусловили развитие ткачества. Практически вся одежда шилась из домотканых тканей. В каждой семье пряжу изготавливали сами из льна, шерсти и конопли. Для окрашивания использовали растительные красители. Только в 19 веке начали использовать фабричные ткани.

Ручное узорное ткачество – один из древних видов русского народного искусства. В нем отражены такие свойственные всему народному творчеству черты, как высокое мастерство, богатство орнамента, колорита, жизнеутверждающий строй образов.

Большим своеобразием искусство воронежского узорного ткачества проявилось тип традиционных поясов – обязательного элемента нарядной, праздничной одежды. Женский пояс – покроя – ткался из тонкой черной шерсти саржевым переплетением и представлял собой длинную полосу (длиной около 3 метров, шириной – 4 см), которую несколько раз обертывали вокруг талии. Его основным декоративным акцентом были концы в виде расширяющихся книзу лопастей, иногда квадратной или прямоугольной формы, выполненных в технике многоцветного узорного ткачества. По краям лопасти обшивались крупным белым бисером, наборными бисерными розетками, длинной бахромой с бисером на концах. Ритм и цветовая гамма узора лопастей пояса подобраны столь гармонично, что издали, напоминают тончайший инкрустированный узор. Таких тканых, реже – плетеных поясов было в Воронежской губернии бесконечное множество разнообразных по размерам и расцветке.

Верность русскому фольклору, песням, танцу, русскому духу во всем призывала мастериц-художниц мыслить, разрабатывать рисунок в любом жанре искусства глубоко национально. Например, узор персидского огурца, варьируемый у нас в декоративно-прикладном искусстве и поныне, используется мастерицами только как сильно измененный контур, в который они мастерски вписывают русские мотивы, черпая их из окружающего растительного и животного мира, подвергнутого различной степени обобщения, элементы славянского орнамента языческого происхождения.

Изготовлением вязаных платков занимались в Русановском, Поворинском, Борисоглебском и Терновском районах. Искусство вязания платков всегда передавалось из поколе-

ния в поколение. Вязание одного платка занимает от пяти дней до месяца. Обработка пуха очень трудоемка: в период линьки в феврале-марте, пух вычесывают с коз специальным гребнем, руками выбирают сор, просушивают, рыхлят и неоднократно прочесывают специальными двухрядными гребнями – «ческами», отделяя длинный волокнистый пух от «охлопков» и правильно укладывая волокна, затем прядут вручную на пряхках и сматывают пряжу в клубок. Только после этого можно приступить к вязанию.

Платки вяжут на двух стальных спицах двухизнаночной гладью. Такая вязка так и называется – «платковая». Готовые белые «паутинки» стирают (чищают) в мыльном растворе, отбеливают и натягивают на раму (пяльцы). Серые платки обычно сбрызгивают водой и пушат, а иногда тоже натягивают на раму. Каждая мастерица знает множество орнаментальных элементов и их комбинаций.

Производство керамических изделий было распространено во многих местах Воронежской губернии. Этому способствовали богатейшие залежи на территории нашего края гончарных и огнеупорных глин (красного, белого и зелено-ваго-серого жгущихся сортов). Производством керамики занимались обычно на окраинах селений – по берегам рек, ближе к воде и залежам глины.

В Воронежской области изготовление керамических изделий появилось еще до монголо-татарского ига, только тогда не использовали гончарный круг, а лепили горшки руками. Во времена феодальной раздробленности территория Воронежской области входила в Рязанское княжество, и именно в это время начала активно заселяться. Переселенцы привезли древние приемы изготовления керамических изделий, гончарный круг и элементы традиционного русского орнамента. С тех пор на Воронежской земле древнерусское народное наследие искусства керамики стало развиваться самостоятельно. В течение нескольких веков формировалась самобытность и традиции, где и сегодня присутствуют и символика, и мифология древних славян. В 16 веке в Воронеже появилась гончарная слободка, где мелкие гончарные мастерские развивались и передавали свое мастерство «от деда к отцу, от отца к сыну».

Много интересных сведений об этом можно найти в упоминаемом выше статистико-экономическом словаре, изданным Воронежским губсовнархозом. Оказывается, «изделия воронежцев (кувшины-водоносы, посуда, трубки и пр.) славились в 17 веке далеко за пределами губернии и были предметами вывоза на юг». Узнаем мы из этого словаря о мастерах Карачуна, Кривоборья, Оськино, Коротояка, Среднего и Нижнего Карачана, Калача, Клеповки, Гвазды, Пузево, Белогорья и других мест.

В Карачуне, помимо посуды, женщины и дети-подростки делали замечательные по своим художественным качествам игрушки, расписанные яркими глазурями, свистушки, которые изображали причудливых птиц скачущих коней, всадников, фигурки различных домашних и диких животных. Яркие краски для керамики привозили из Германии. В селе Клеповке формовали декоративные фигурки барынь, также квасники, лампы и много другой разной посуды.

В Воронеже, на Гушиновке работал керамический завод Попова на котором кроме кафеля вырабатывались цветные изразцы для печей, карнизы и рельефы. Несколько изразцов хранится в Воронежском краеведческом музее.

В наше время гончарный промысел существует в поселке Рамонь, где в 1960 году была открыта керамическая фа-

брика. Фабрика вошла в число ведущих майоликовых художественных промысловых центров нашей страны. За время существования фабрики в ассортимент входило более 300 наименований изделий: чайные и кофейные сервизы, столовые и коньячные наборы, миски, квасники, кружки и кувшины, декоративные вазы, кашпо, подсвечники и многое другое. В орнамент вводились новые современные элементы, но сохранялись древние символы и в своем длительном историческом бытии не раз служили тематической основой, которая легко воспринималась.

В Воронежской губернии широко была развита художественная обработка дерева. С давних времен дерево было одним из наиболее любимых в нашем народе материалов. Лесные богатства Воронежского края делали его легко доступным.

Большую художественную значимость имела домовая резьба, которая достойна занять важное место в истории отечественной культуры. Она всегда сопутствовала русской деревянной архитектуре и получила наибольшее распространение там, где были соответствующие условия – доступность материала, наличие умелых мастеров, богатые традиции.

Огромное распространение и развитие домовая резьба получила на востоке Воронежской области в небольшом провинциальном городке Борисоглебске, который до своего основания (в 1698 году) назывался Павловской крепостью. Строительство кораблей для Азовской флотилии способствовало привлечению сюда населения для хозяйственного освоения местности. В связи с этим появились и корабельные мастера, не только из разных уголков России, но также и из-за границы. Всем известно, что корабли раньше строились из дерева, богато украшались резьбой. Мастера перенесли этот вид резьбы «с воды на берег» и таким образом стали украшать свои жилища. В это время активно строились дома, как усадьбы зажиточных крестьян, купцов, государственных деятелей, так и жилища простого люда. Большое количество построек тех времен дошло до наших дней.

В селе Петино, Хохольского района, изготавливали плетеные изделия из лозы. Этим ремеслом владели почти в каждом доме и плели не только корзины, но и столы, стулья, абажуры и другие изделия. В Задонском районе, деревне Даньшиной также был развит корзиночный промысел. В Павловске жили и творили мастера резных и расписных блюд, шкатулок, сундуков, резных форм для куличей.

На воронежской земле пряники повсеместно на протяжении сотен лет были излюбленным лакомством для людей всех возрастов. Нашим воронежским пряникам не уступали даже прославленным тульским. У воронежских пряников богаче разнообразие форм. Дело в том, что воронежские пряники готовились ручным способом. Это давало возможность мастерицам проявить все богатство художественной фантазии. Воронежские пряники были очень яркими, чаще всего малиновыми. Эти маленькие художественные произведения народные мастера, жившие в разных селах Воронежской губернии, создавали настолько своеобразные по форме и цвету, что по манере исполнения нетрудно отличить пряник, сделанный, к примеру, в Бутурлиновке, от пряника, сделанного в Новохоперске или Клеповке. «Жаворонки», «салдохрести» и другие вылепливали из теста вручную без применения формы. [4].

Сочетание строгой, графически четкой черной вышивки на рубахе и в переднике с живописной, многоцветной,

построенной на цветовых контрастах поневои, можно встретить только в Воронежской области в Коротоякском и Острогожском районах. А в Павловском и Бутурлиновском районах противоположное решение: сравнительно скупо украшенная но подолу понева и строгий черный косоклинный сарафан как бы успокаивают и уравнивают буйство красок узорной полихромной поверхности рубахи. Пристрастие к тому или другому цвету в народном искусстве, можно объяснить его смысловой нагрузкой, уходящей корнями в глубокую древность, но, как правило, утратившей в дальнейшем свое значение, но продолжающей жить в качестве декоративного элемента, характерного для той или другой области. Отличающим Воронежскую область, является черный цвет. В юго-западных районах области праздничные и свадебные рубахи, имевшие особое значение, украшались исключительно черной вышивкой на белом фоне, что придавало им торжественное звучание. [9].

В традиционном костюме Воронежской губернии мы видим присутствие практически всех женских рукоделий. Особенно ярко представлено ткачество и вышивка. Для вышивки юга России характерен геометрический орнамент прямых линий. Отличительной чертой воронежских вышивок можно считать интенсивность колорита и цветовую насыщенность.

Праздничную одежду, в частности рубаху, делали обычно из более тонкого, иногда полубумажного холста и украшали тканьем и вышивкой.

Наиболее богато украшали свадебные рубахи. В ряде мест праздничные рубахи делали из кумача, сатины, а штаны из плиса. Верхняя праздничная одежда была того же покроя, что и будничная, но в праздник старались надевать новые или малоношенные вещи. [5].

Крестьяне, а также городские мастера – ремесленники почти вручную из различных материалов изготавливали посуду, домашнюю утварь, игрушки, орудия труда, одежду, обувь, украшения и т. д. Навыки и умения обработки различных материалов приобретались с детства. Из поколения в поколение передавались накопленные веками навыки мастерства в обработке различных материалов. Многими поколениями отобранные и доведенные до высокого уровня выразительные пропорции и формы предметов, их колористический строй, орнаментальная культура, основные, устойчивые особенности национального характера предметов.

В. Ванслов пишет, что наиболее простое художественное применение закономерности геометрических форм, цвета и света находит свое выражение в декоративно-прикладном искусстве [2]. Далее он подчеркивает огромную роль орнамента в эстетическом оформлении многообразных предметов быта, архитектуре. Симметрия и ритм находят широчайшее применение в языке различных видов искусства, но подлинной их сферой является именно орнамент. В них выражается общий эстетический принцип единства в многообразии. Конкретная мера многообразия и единства форм в симметрии того или иного орнамента определяется как его прикладным значением, так и эстетико-выразительной задачей. В создании орнамента используется не только пространственно-геометрические закономерности и формы, но также цвет, светотень, которая подчеркивает или иллюзорно создает рельеф и определенное значение в выразительности имеет фактура. Рассмотрение образности орнамента как органичного единства мотивов и композиционной структуры дает возможность увидеть в нем полнокривое

художественное целое, в котором специфически проявляется универсальный, всеобщий закон бытия – единства формы и содержания.

Изучение особенностей изготовления и художественного оформления изделий народного декоративно-прикладного искусства позволяет более глубоко познать законы симметрии, пропорции и формы, ритма, света и цвета, формирует умения и навыки работы с различными материалами.

В настоящее время большое внимание развитию и сохранению народных художественных ремесел уделяют профессиональные учебные заведения Воронежской области. К их числу относятся Воронежский государственный педагогический университет, Воронежское художественное училище, Борисоглебский педагогический колледж. Выпускники вышеперечисленных образовательных организаций продолжают традиции русской народной художественной культуры в своей профессиональной, творческой и педагогической деятельности.

Народное декоративно-прикладное искусство играет очень важную роль, предполагая погружение в родную культуру, через ее художественные образы и осознание ее в российском и мировом художественно-культурном пространстве. Народное искусство несет выражение национального характера. Наиболее стабильным в этнической истории всегда был и остается дух народа, проявляющийся в любви к родному языку, обычаям, искусству. Обращение к традиционным художественным и культурным ценностям многократно умножает духовные способности человека. Народное декоративно-прикладное искусство способствует формированию духовной личности, системы ее ценностей,

того стержня, вокруг которого формируется неповторимая человеческая сущность.

Необходимо выявлять возможности традиционной народной культуры в системе средств становления, развития и образования личности, направленных на духовное, социально-этническое самоопределение, способности к адаптации, и в конечном итоге самореализации личности в сложившейся системе многоэтнического общества.

Таким образом, являясь не обычной и важной стороной деятельности человека, народная художественная культура служит основой формирования зрелой личности, служит связующим звеном, с помощью которого складывается представление о народе и себе как его части.

Синтез утилитарного и духовного – отличительная черта искусства народных промыслов и ремесел, которая сложилась в процессе развития всей практической и творческой деятельности человека. Искусство окружало человека, позволяло проникнуть в суть окружающих явлений и обогащало знаниями. Каждая вещь была наполнена глубоким смыслом, она отражала картину мира, исходя из своего предназначения, и приносило человеку радость и эстетическое наслаждение. Художественное начало органически вливалось в процесс изготовления утилитарных изделий. Трудно переоценить художественные достоинства народных художественных промыслов.

Приобщение к культуре родного края имеет огромное воспитательное значение. Развитие личностных качеств позволяет осознавать себя частью своего народа, воспитывает потребность в сохранении национальной культуры, продолжении традиций народных художественных промыслов.

Ссылки:

1. Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства / П.Г. Богатырев. – М. : 1971. – С. 393.
2. Ванслов В. Содержание и форма в искусстве / В. Ванслов. – М. : гос. изд.-во «Искусство», 1956. – 370 с. : С. 183.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – М. : Рипол Классик, 2001. – 448 с. : ил.
4. Ерошенко, Ю. В. Развитие художественно-педагогических способностей будущих учителей изобразительного искусства средствами народной художественной культуры : Дис...канд.пед.наук:Спец.13.00.02-теория и методика обучения и воспитания (изобразительное искусство) / Кур.гос.ун-т . – М., 2006 . – 281 с: ил.
5. Пономарев П.Д. Народный костюм Воронежской губернии / П.Д. Пономарев. – Воронеж, 1994. – 37 с. : ил.
6. Попова О.С. Русское народное искусство / О.С. Попова. – М. : «Легкая индустрия», 1972. – 192 с. : ил.
7. Разина Т.М. О профессионализме народного искусства : Специфика прикладного искусства. Эстетическая природа ремесла. Народное искусство и художественные промыслы. Самодеятельное творчество / Т.М. Разина. – М. : Советский художник, 1985. – 191 с.
8. Разина Т.М. Русское народное творчество. Проблемы декоративного искусства / Т.М. Разина. – М., 1970. – С.66.
9. Славянский мир / Сост. Р.В. Андреева, В.В. Будаков, Л.Ф. Попова. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2001. – 272 с.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ИСКУССТВА КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ В ЗЕРКАЛЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Парфьонова О. І.,

кандидат історичних наук, доцент кафедри культурології Київського національного університету культури і мистецтв

Цель данной статьи предполагает реконструкцию по текстам античных философов их отношения к невербальным пространственным искусствам Древней Греции, таким как живопись, скульптура и архитектура.

Ключевые слова: античная философия, пространственные искусства, живопись, скульптура, архитектура.

SPACE ARTS OF CLASSIC GREECE IN THE MIRROR OF ANCIENT GREEK PHILOSOPHY

Parfjonova O. I.,

candidate of history associate., professor of culturology department, Kyiv National University of Culture and Arts

The purpose of this article supposes reconstruction according to the texts of ancient philosophers and their attitude to nonverbal space arts of ancient Greece such as painting, sculpture and architecture.

Key words: ancient philosophy, space arts, painting, sculpture, architecture

Релятивный характер оценочных суждений, основанных на парадигме антимимесиса как принципа современного искусства, актуализирует исследование диалектики развития европейской художественной культуры, отправной точкой которого является греческая античность в совокупности арт-практик и их философской рефлексии.

Влияние вербальных искусств (прежде всего поэзии и драматургии) на философию Древней Греции настолько хорошо описано, что, пожалуй, может считаться «общим местом» в историографии античной культуры. Менее исследован такой аспект, как влияние, а также взаимовлияние, философии и изобразительного искусства и архитектуры Древней Греции. Введем (вслед за А. Ф. Лосевым) для обозначения этих искусств понятие пространственных искусств с тем, чтобы исключить из совокупности предметов исследования, предпринимаемого в данной статье, такие виды невербальных искусств как музыка, пантомима, танец.

Те документальные источники, которые отражают состояние античной скульптуры, живописи и архитектуры, принадлежат в подавляющем своем большинстве историкам: Плинию, Павсанию, а также самим представителям искусства и архитектуры (Витрувий). Жанр прозы – экфразис, достаточно распространенный в античной литературе, начиная с Гомеровой «Илиады» и до Филостратов с Каллистратом включительно, – представлен текстами, не имеющими отношения к философскому дискурсу.

Возможное возражение относительно того, что древнегреческое искусство было объектом последующей философской рефлексии: Шеллинга, Ницше, Шпенглера – не отменяет того факта, что эта рефлексия была ретроспективной. Что же до контемпоральной античному искусству греческой философии, то этот момент, как нам представляется, до сих пор недостаточно высветлен, несмотря на наличие исследований таких «классиков» философии советского периода, как С. С. Аверинцев, В. Ф. Асмус, А. Ф. Лосев, А. А. Тахо-Годи, М. Л. Гаспаров и др.

Не дают ответа на интересующий нас вопрос и работы искусствоведов, хотя ряд попыток в данном направлении предпринимался. В этой связи следует отметить работы В. Д. Блаватского, одного из крупнейших специалистов по истории античного искусства, попытавшегося связать ряд положений древнегреческой философии с известными скульптурами Древней Греции. Так, скульптуру Миро-

на «Дискобол» ученый трактовал как визуализацию закона вечного изменения Гераклита [6, 112], идею Протагора о том, что человек есть мера всех вещей, и учение Гиппия Элидского Блаватский связывал с портретами художника Деметрия и архитектурой Эрехтейона [6, 180], атомистическое учение Демокрита – с деятельностью скульптора Скопаса [6, 182-183], Аристотеля – с пластикой Лисиппа [6, 211-213], Аристиппа – с творчеством Праксителя [6, 230], философию греческого стоицизма (Зенон Китионский) – с расцветом жанровой скульптуры в эллинистическом искусстве [6, 239] Установление подобных связей представляется нам несколько натянутым, поскольку документы, подтверждающие, что скульпторы и архитекторы руководствовались положениями названных философских концепций, отсутствуют.

И хотя трудно не согласиться с определением, данным А. Ф. Лосевым, относительно древнегреческой философии как философии, которая не могла быть неэстетикой, все же хотелось бы прояснить: насколько это конкретизировалось относительно изобразительного искусства и архитектуры – тех видов визуальных пространственных искусств, с которыми, прежде всего и ассоциируется культура античной Греции.

Анализ статуса изобразительных искусств в философии Платона А. Ф. Лосев дал в третьем томе «История античной эстетики. Высокая классика», где, в частности, отметил, что у Платона, как и во всей античной эстетике, отсутствует термин «изобразительные искусства». Живописи и скульптуре Платон, по словам А. Ф. Лосева, уделял внимание преимущественно тогда, когда приводил сравнения, и относился «к живописи вообще довольно пренебрежительно» [10, 171].

Подобную оценку относительно данного статуса пространственных искусств философии Платона давал и В. П. Зубов, писавший: «Платон интересовался изобразительным искусством лишь как удобным и наглядным примером для критики софистов с их концепцией иллюзии» [7, 64].

Для того чтобы подтвердить или, напротив, опровергнуть данные утверждения, обратимся к текстам самих антиков.

Отношение к выдающимся живописцам, скульпторам и архитекторам своего времени отражено Платоном, в частности, в диалогах «Гиппий Большой», «Протагор», «Менон», «Горгий», «Ион». Правда, все оценочные реплики «вложены в уста» инвариантному действующему лицу диалогов – Со-

крату.

В беседе с Гиппием, посвященной выяснению природы прекрасного, Сократ вспоминает Фидию и называет его «хорошим мастером» [11, 163-164], а в «Протагоре», где речь идет о Фидии и Поликлете, Сократ называет обоих «ваятелями» [15, 192]

Красноречивым является замечание Сократа относительно того, что Фидий, «создавший такие славные и красивые вещи, с десятью ваятелями в придачу, заработали меньше денег, нежели один Протагор этакой мудростью» [14, 390-400]. Стоит напомнить, что Протагор – известный софист, а его мудрость, принесшая ему большие деньги, ничто иное как обучение софистике. Таким образом, слово ценилось современниками Сократа и Платона больше, нежели визуальное искусство, в данном случае скульптура.

В «Георгии» упоминаются имена известных живописцев Аристофонта, его сыновей Аглафонта и его брата (Полигнота) [12, 258], Зевксида [12, 2654-266], Зевксипп упоминается в «Протагоре» [15, 200], О Полигноте (обратим внимание, что теперь о нем говорится как о «сыне Аглафонта») собеседники говорят в диалоге «Ион», рассуждая о хороших и плохих художниках [13, 137]. Там же переходят к скульптуре, вспоминая имена ваятелей – Дедала, Елея и Феодора Самосца [13, 137]. О Дедале речь шла и в «Гиппии Большем» [11, 152].

Однако считать ли данные сведения относящимися действительно к эрудиции и оценкам Сократа или это знания и оценки самого Платона, – вопрос, который и до сегодняшнего дня все же остается открытым. Если все выше процитированное отнести к авторству Платона, а не Сократа, то сведения относительно аутентичных мыслей последнего можно найти у Ксенофонта.

В беседе Сократа с Аристомедом, которую воспроизводит Ксенофонт в «Воспоминаниях о Сократе», речь идет о Поликлете, талантом которого наиболее восхищается Аристомед [8, 43]. Художник Зевксид упоминается в разговоре Сократа с неким Исомахом, о чем Ксенофонт сообщает в своем «Домострое» [9, 251]

В отличие от Платона (и, забегая вперед, Аристотеля) Сократ не только беседовал о скульпторах и живописцах, но и со скульпторами и живописцами. Ксенофонт передает разговор Сократа с художником Паррасием о живописи. В свойственной ему манере Сократ вопрошает Паррасия о том, не является ли живопись изображением «того, что мы видим?» [8, 43]. После утвердительного ответа Сократ ставит новые наводящие вопросы, конечной целью которых оказывается подведение своего собеседника к выводу о том, что художник должен (а после ответов Паррасия, оказывается, что и может) изображать и морально-этические свойства человека.

«А изображаете ли вы, – вопрошает у Паррасия Сократ, – то, что в человеке более всего располагает к себе, что в нем всего приятнее, что возбуждает любовь и страсть, что полно прелести, – я разумею духовные свойства?».

«Как же можно ...изобразить то, что даже совершенно невидимо?» – ставит встречный вопрос художник. Однако почти сразу же соглашается, что «можно изобразить в глазах», когда человек «смотрит на кого-либо ласково или враждебно» [8, 117]. Также, оказывается, возможно, изобразить, когда люди «при счастье бывают, веселы, при несчастье мрачны» [8, 118]. В конце концов, Паррасий соглашается с Сократом, что можно изобразить и «величавость

и благородство, униженность и рабский дух, скромность и рассудительность, наглость и грубость» [8, 118] т.е. морально-психологические качества человека – то, к чему и подводил своего собеседника Сократ.

Аналогичным был предмет и характер беседы между Сократом и скульптором Клитонем, закончившейся выводом Сократа, согласно которому «скульптор должен в своих произведениях выражать состояние души» [8, 119] с чем, видимо, был вынужден согласиться и Клитон.

Итак, Сократ рефлектирует важный момент, стоящий перед представителями визуальных пространственных искусств: они должны не только следовать форме, внешности, т.е. копировать (мимесис), изображать предмет, в данных примерах внешность человека, но и выражать некие визуально невоспринимаемые характеристики, а именно эмоционально-психические и морально-этические качества, сочетать в своём творчестве демиургическое и миметическое, т.е. творческое и подражательное (О.Б. Дубова) начала.

Философии Аристотеля посвящено такое количество только русскоязычной литературы, что, представляется, трудно сказать что-либо новое, особенно относительно той составляющей его наследия, которую можно условно обозначить как философия искусства. Тем не менее, попробуем очертить круг отсылок к тем или иным видам искусства, имеющихся в текстах Аристотеля.

Диалогия Гомера – эта Библия античной культуры – доминирует среди ссылок и цитирований не только в «Поэтике» и «Риторике» Стагирита, что целиком оправдано с оглядкой на предметы исследования данных работ. «Илиада» и «Одиссея» – азово, в котором содержится социокультурный код древнегреческой культуры, к которому апеллирует каждый античный «интеллигент». «Поэтика» и «Риторика» как трактаты, посвященные словесным искусствам, дают достаточное представление о древнегреческих поэзии и драме, но они, и это целиком естественно, не дают, ни малейшего представления о невербальных, и особенно, визуальных искусствах, существовавших в классической Греции – времени жизни и творчества Аристотеля.

Не случайно у греков не было ни одной музы – покровительницы визуальных искусств, если не считать Терпсихоры – музы танца. В то же время покровительниц словесных искусств было несколько: отдельные виды и даже жанры имели свою музу: Каллиопа – муза эпической поэзии, Евтерпа – лирической поэзии и музыки, Мельпомена – трагедии, Талия – комедии, Эрато – любовной поэзии, Полигимния – пантомимы и гимнов. К искусствам были приравнены история, имевшая свою музу – Клио и даже астрономия, которой покровительствовала муза Урания. Из всех невербальных искусств только танцевальное искусство имело «самостоятельную» музу, а такие невербальные искусства как музыка и пантомима присоединялись к вербальным: лирической поэзии (Евтерпа) и гимнам (Полигимния). Зато поэтическое искусство имело аж четыре отдельных покровительницы (Каллиопа, Евтерпа, Эрато, Полигимния), а драматургия – две (Мельпомена и Талия).

Это, очевидно, отражает ситуацию, условно говоря, сомнения древних греков относительно статуса пространственных искусств как *poiesis*, т.е. демиургических, и признания за ними статус искусств лишь как *techné*.

Последний термин использовался задолго до Аристотеля. Так ученик Пифагора Эпихарм писал:

«Добро – это вещь, [существующая] сама по себе, а кто Ее познает, изучив, тотчас [сам] становится добрым.

Подобно тому, как флейтист – тот, кто научился игре на флейте, танцор – кто танцу, плетельщик – кто плетению,

И точно так же все, то тебе угодно в том же роде:

Сам он не будет уменьем (техне), но умельцем (техникос)» [17, 261]

Известно, что Аристотель употреблял слова – эквиваленты современного термина «искусство» в нескольких значениях, которые можно интерпретировать как в значении «мастерство», «умение», «искусность», так и в значении «неприродность», как противопоставление природе и природному (естественному) «Искусством называется соответствующее искусству и искусственное» [5, 84]. «Но если это [т.е. созданная человеком внешняя фигура], есть искусство, то форма [порождающих друг друга предметов] – природа: ведь от человека рождается человек» [5, 84]. «Есть... два искусства, овладевающие материалом и познающие его: искусство пользования и искусство руководства изготовлением. Ведь и искусство пользования есть в некотором отношении искусство руководства, но отличается тем, что обладает знанием формы, искусство же руководства изготовлением знает материал... Итак в предметах искусства мы обрабатываем материал ради [определенного] дела, а в природных телах он имеется в наличии как нечто существующее» [5, 86-87].

Пространственным искусствам находится место в учении Аристотеля о причинах. Он пишет: «Причиной статуи в одном отношении будет Поликлет, в другом – скульптор, поскольку случилось скульптору быть Поликлетом» [5, 89]. Поликлет еще раз вспоминается философом на страницах «Никомаховой этики»: «Мудрость в искусствах мы признаем за теми, кто безупречно точен в [своем] искусстве; так, например, Фидия мы признаем мудрым камнерезом, а Поликлета – мудрым ваятелем статуй, подразумевая под мудростью, конечно, не что иное, как добродетель [т.е. совершенство] искусства» [2, 178]. Стоит обратить внимание на то, что статус Фидия Аристотель определяет как камнереза, т.е. строителя.

Из художников упоминания Аристотеля заслуживает Полигнот, которого философ называет хорошим изобразителем характеров, «который умеет выразить нравственный характер изображаемого лица» [3, 637].

В контексте учения о мимесисе Аристотелем привлекаются образцы живописи Павсона, Дионисия и Полигнота [4, 647], Зевксида и Полигнота [4, 652]. Павсона и Полигнота [3, 637] и проводится их сравнение

Мало проявляли интерес к изобразительному искусству киники. Аскетизм, проповедуемый представителями этой сократической школы, целиком логично игнорировал все предметы роскоши, к которым относилась, по крайней мере, живопись. Вот как сообщает об этом Диоген Синопский в письме к Монику: «и обедал я не у всех, а только у нуждающихся в духовном лечении. Это были люди, старавшиеся подражать персидским царям. Однажды я зашел к одному очень богатому юноше. Я возлежал в мужской половине дома, обильно украшенной картинами и золотом. Человеку здесь буквально не было куда плюнуть. В горле у меня скопилась мокрота, я откашлялся и стал искать глазами, куда бы сплюнуть, но не найдя подходящего места, плюнул на самого юнца» [1, 244].

Этот случай, ставший анекдотом, свидетельствует о скрытой негативной оценке живописи – «картин», – произведения которой ассоциируются с роскошью, которую всегда осуждали киники. Означает ли это перенесение негативной оценки на все изобразительное искусство в целом? Вероятно, да. В отличие от звучащего и написанного слова, которое рассматривалось как источник «духовного лечения»: цитированием текстов Гомера, драматургов и других поэтов полны письма киников.

Меньшее, по сравнению с вербальными, внимание к изобразительным искусствам и архитектуре ярко демонстрирует и учение антиков о мимесисе. В контексте этого учения, изложенного в трактате «Поэтика», говоря про наследование, Аристотель перечисляет лишь акустические искусства: эпос, трагедию, комедию, авлетическую и кифаристику [4, 646-647]. Так, о трагедии сказано: «Трагедия есть подражание действию важному и законченному, имеющему определенный объем, [подражание] при помощи речи, в каждой из частей различно украшенной...» [4, 651].

Сравнение же с работой скульптора, как отмечалось выше, допускается Аристотелем в метафорическом смысле, и это сравнение полностью исключает принцип мимесиса, ибо речь идет о творении того, у чего отсутствует оригинал, который Форма («скульптор») могла бы копировать.

Подробную классификацию миметических искусств дал Платон в своем «Софисте», где речь идет о двух видах творчества: божественном и человеческом.

В том и другом выделяются собственно творческие части и части изобразительные. Божественное творчество, согласно философу, порождает как вещи, так и сопровождающие их образы. К последним, Платон относит природные призраки; «тени, когда с огнем смешивается тьма, удвоенные изображения, а также образы, которые появляются во сне» [16, 1016]. В творчестве людей также две составляющие: одна – создание образов, другая – призраков. Часть искусства, создающая призраки, «выполняется с помощью средств», другая – «тот, кто создает призраки, сам становится средством этого» [16, 1017].

Последний вид подражания за Платоном, является наименее худшим, ибо это – «лицемерное подражание искусству... принадлежащее к части изобразительного искусства, творящей призраки...» [16, 1019].

Итак, можно подвести итог, что отношение к пространственным искусствам у философов было разным. Что касается Сократа, то в приведенных Ксенофонтом высказываниях никакого пренебрежения как к живописи, так и к скульптуре, по нашему мнению, не обнаруживается. Напротив, Сократ считает возможной визуализацию сущностных морально-этических качеств человека средствами и живописи, и скульптуры. Уже в этой интенции сократовской философии закладывается амбивалентность подходу к задачам, ставящимся перед искусством: оно должно следовать природе видимой (мимесис) и одновременно умозрительно постигать невидимое, визуализируя его.

Подобная точка зрения свойственна и Аристотелю, который избирает критерием оценки таланта того или иного художника и скульптора умение выразить нравственный характер человека.

Все философы называют Поликлета, когда речь идет о скульптуре, что свидетельствует о популярности этого ваятеля. Иных имен представителей данного вида искусства не встречается, кроме еще Фидия, который одновременно

фигурирует и как «камнерез», т.е. строитель.

Имен художников больше, правда, частота их упоминания различна. Так, наиболее часто упоминают Полигнота (Сократ, Платон, Аристотель) и Зевксида (Сократ, Платон, Аристотель).

Архитектура же остается практически за рамками фило-

софского дискурса даже в такой ее части как теория творчества, и это, очевидно, связано с антропологическим в целом характером древнегреческой философии указанного периода и упомянутых авторов, и «неантропологическим» - самой архитектуры, что не позволяет акцентировать на этом виде невербального пространственного искусства внимания.

Ссылки:

1. Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей / [изд. подг. И. М. Нахов, отв. ред. А. А. Тахо-Годи]; пер. с греч. – М.: Наука, 1984. – 398 с.
2. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель // Аристотель. Сочинения в 4-х томах; пер. с греч. – М.: Мысль, 1986. – Т.4. – С.53-293.
3. Аристотель. Политика / Аристотель // Аристотель. Сочинения в 4-х томах; пер. с греч. – М.: Мысль, 1986. – Т.4. – С.375-644.
4. Аристотель. Поэтика / Аристотель // Аристотель. Сочинения в 4-х томах; пер. с греч. – М.: Мысль, 1978. – Т.4. – С.645-680.
5. Аристотель. Физика / Аристотель // Аристотель. Сочинения в 4 т.; пер. с греч. – М.: Мысль, 1981. – Т.3. – С.59-262.
6. Блаватский В. Греческая скульптура / В.Д. Блаватский. – М.: Б.Г.С.-ПРЕСС, 2008. – 287 с.
7. Зубов В. П. Архитектурная теория Альберти / В. П. Зубов. – СПб.: Алетейя, 2001. – 464с.
8. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. / Ксенофонт. Сократические сочинения. – М.: Мир книги, 2007. – с.21-179.
9. Ксенофонт. Домострой. / Ксенофонт. Сократические сочинения. – М.: Мир книги, 2007. – с.217-283.
10. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Высокая классика/Худож. - офор. Б.Ф.Бублик. – Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. -624 с. – (Вершины человеческой мысли).
11. Платон. Гиппий Большой / Платон // Платон. Диалоги; пер. с греч. – М.: ЭКСМО, 2007. – Кн. 1. – С.149-186.
12. Платон. Горгий / Платон // Платон. Диалоги; пер. с греч. – М.: ЭКСМО, 2007. – Кн. 1. – С. 255-364
13. Платон. Ион / Платон // Платон. Диалоги; пер. с греч. – М.: ЭКСМО, 2007. – Кн. 1. – С.131-146.
14. Платон. Менон / Платон // Платон. Диалоги; пер. с греч. – М.: ЭКСМО, 2007. – Кн. 1. – С.367-410.
15. Платон. Протагор / Платон // Платон. Диалоги; пер. с греч. – М.: ЭКСМО, 2007. – Кн. 1. – С.187-253.
16. Платон. Софист / Платон // Платон. Диалоги; пер. с греч. – М.: ЭКСМО, 2007. – Кн. 1. – С.939-1018.
7. Фрагменты ранних греческих философов / пер. с древнегреч. А. В. Лебедева. – М.: Наука, 1989. – Часть I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. – 575с.

МАСОВІ СВЯТА ПРИДНІПРОВ'Я В КОНТЕКСТІ СОЦІАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ПРОЦЕСУ В КРАЇНІ У ПЕРШІЙ ПОЛОВИНІ ХХСТ.

Чуйко Віталій Олександрович

викладач кафедри режисури Дніпропетровського коледжу культури і мистецтв

Чуйко Світлана Іванівна

кандидат культурології, старший викладач кафедри режисури Дніпропетровського коледжу культури і мистецтв

Стаття присвячена дослідженню трансформаційних процесів у сфері масових святкових дійств першої половини ХХ ст. в Придніпровському регіоні України. На підставі порівняльного аналізу виявлено змінення семантики та форми проведення масових свят даного періоду.

Ключові слова: трансформація святкової культури, свята та обряди Придніпров'я, аксіологія свята, періоди розвитку радянських свят та обрядів

MASS CELEBRATIONS OF PRIDNIPROVYA IN THE CONTEXT OF SOCIO-CULTURAL PROCESS IN THE STATE IN THE FIRST HALF OF THE XX TH CENTURY

Chuiko V. O.,

Lecturer in Department of Directing, Dnipropetrovsk College of Culture and Arts (Ukraine)

Chuiko S. I.,

Ph.D (Culturology), Senior Lecturer in Department of Directing, Dnipropetrovsk College of Culture and Arts (Ukraine)

The article is devoted to the researching of the transformation processes in the sphere of mass celebratory actions in the first half of the 20th century in Pridniprovya region of Ukraine. On the basis of a comparative analysis revealed changes in semantics and in forms of mass events of this period.

Key words: transformation of the festive culture, festivals and rituals in Pridniprovya, axiology of the holiday, periods in the development of Soviet holidays and rites.

Постановка проблеми. Перша половина ХХ ст. – час означений багатьма трансформаціями у суспільно-політичному, економічному житті країни. Революція 17-го року, потім колективізація, індустріалізація – усі ці процеси призвели до змінень й у такій сфері культури як масові свята. На сьогодні, незважаючи на певну кількість наукових досліджень святкової культури в Україні авторів В.Біляцької, В.Борисенко, О.Курочкіна, О.Ліманської, Л.Малоокої та ін., існує проблема недостатньої вивченості стану регіональних масових свят в конкретний історичний період, й зокрема, в Придніпров'ї.

Аналіз останніх досліджень та публікацій. Святкова культура Придніпров'я досліджувалася переважно у фольклорно-етнографічній площині. Це праці В. Біляцької «Календарно-обрядова поезія і народні свята. Вечорниці та досвітки» (2001 р.) [1] та В. Борисенко «Традиції і життєдіяльність етносу: на матеріалах святково-обрядової культури українців» (2000 р.) [2]. Колектив фахівців лабораторії фольклору, народного говору та літератури Нижньої Наддніпряни Дніпропетровського національного університету ім. О.Гончара у складі М.Марфобудінової, О.Хоменко, В.Карпович випустив книгу «Калита: Збірка фольклорно-етнографічних матеріалів» (2007 р.) [8]. В даних книгах надано опис народних свят, простежено зв'язок традицій із сучасністю, але поза увагою дослідників залишився масив офіційних свят. Вивченням регіональної святкової культури займалася С.Чуйко, але в її публікаціях не висвітлювалися змінення семантики свят у період першої половини ХХ ст.. Дана розвідка ґрунтується на статті О. Курочкіна «Червона обрядовість» (збірник «Радянські традиції, свята та обряди», 1988 р.) [5], проте, якщо О.Курочкін аналізував загальні процеси у святковій обрядовості 20-тих рр. в Радянській Росії, то дане дослідження стосується саме Придніпров'я й охоплює більш тривалий історичний період.

Мета статті. Метою статті є аналіз трансформаційних процесів у сфері масових свят Придніпров'я у період першої половини ХХ ст.. Для цього потрібно буде виявити змінення у аксіологічному змісті «ядра» свята та у формі проведення певних типів свят.

Виклад основного матеріалу. У кінці ХІХ ст. в Росії (на той час Україна була у складі Російської імперії) відчутною була різниця між міською та сільською святковими культурами. Якщо сільська святкова традиція була представлена народними календарними святами, то в межах міської святкової культури слід виділити наступне: дворянські свята (маскаради, асамблеї, бали); офіційні свята (воєнні паради, тріумфації, дні коронацій, дні народжень та тезоіменитства членів імператорської сім'ї); народні розважальні видовища (ярмарки, балагани). Розглянемо такі офіційні заходи адресовані широким народним масам, як паради. Уточнемо, що парад (фр. parade, ісп. parada, від лат. paro) – урочисте проходження (урочистий марш) військ і військової техніки. Проводиться він, зазвичай, у дні урочистостей державного та військового значення, а також після завершення великих військових навчань (маневрів). Ці заходи проходили з використанням державної символіки (прапори, герб, хоругви), військових атрибутів і були насичені ідеями розвитку міці й захисту Російської імперії. Ціннісне ядро військових парадів складала тріада: Цар, Вітчизна та Християнська віра. Визначною особливістю парадів було обов'язкове їх освячення церквою. Такий ритуал перетворював цей захід на священний і підкреслював «богоданність влади». У багатьох

парадах особисто брали участь російські монархи, зокрема й Микола ІІ. Паради розглядалися владою, як заходи, котрі зміцнювали авторитет монархії, демонстрували міць російської державності. У парадах кожен офіцер, кожен солдат нівелювався як особистість і підкорювався особі командуючого. Відомий учений-культуролог Ю.Лотман зазначав, що на парадах людина стає немовби «гвинтиком великої машини», а ініціатива переноситься на особистість головнокомандуючого – російського імператора. Воєнні паради будувалися за певними драматургічними законами, мали особливе пластичне вирішення і особливий тип руху колон – марш.

Таким чином, підкреслюємо, що центральною аксіокатегорією офіційних святкувань у Росії епохи царату є влада (це символічно втілювалось у возвеличенні особи царя та членів його сім'ї, які займали центральне місце в ритуалах державних свят того періоду).

У кінці ХІХ ст. зростали міста, набирала оберти промисловість і одним з головних народних звеселянь став ярмарок, на який стікалася величезна кількість народу. На території сучасної України ярмарки проводилися в усіх великих містах: Києві, Харкові, Полтаві, Катеринославі тощо.

Ярмарок відтворював атмосферу всенародного свята по духу близького карнавалу, до його простору долучалися корчми, шинки. У ньому знаходили своє місце і торговці, і простий люд, охочий до веселощів. Ярмарок був основним засобом реалізації міської фольклорної культури, квінтесенцією ж ярмаркових видовищ ставав балаган. Власне балаган (від персидск. «балахане» – верхня кімната, балкон) – це і будівля на ярмарковій площі, і сам спектакль, сценічне дійство, яке там відбувалося. Фактично фабула балаганного спектаклю ледве намічалася і не мала особливої значущості, вона лише повинна була відповідати загальній ярмарковій атмосфері сум'яття, плутанині понять, безладу. Балаган утілював центр святкових веселощів і синтезував багато видів мистецтва: театр, пантоміму, клоунаду й ін. Композиційний принцип балаганного і загалом ярмаркового видовища – типово гротескний: з'єднати в одному явищі (принаймні, місці) відоме, знайоме і незвичайне, екзотичне (причому останнє нерідко досягалось через відкритий обман і шахрайство). Демонструвалися голова єгипетської мумії, велетні, бородаті жінки, ліліпути, «жінки-риби». Будь-який елемент ярмаркового життя забарвлювався в тони, що різко контрастують з буденністю: те, що у звичайному житті повинно відповідати нормі, на час свята ставало таким, що виходило за межі норм. Таким чином, можна стверджувати: культурна функція ярмаркового балагана – «пожвавлення» повсякденності через деструкцію звичного розпорядку, хаотизації, чим, у свою чергу, досягається і примирення людини з тяжкими умовами життя за межами свята. Цьому завданню і був підпорядкований зміст балаганних видовищ.

Жовтнева революція 1917 року була фактором, який зумовив соціальну динаміку суспільства. Стався різкий злам-зміна всіх суспільних відносин. Одним із наслідків суспільних перетворень була трансформація вітчизняної святкової культури.

У пожовтневий період суспільні цінності, які «визрівали» у епоху Просвіти і мали спроби розповсюдження у ході європейських революцій, в Росії більшовицькій отримали статус офіційної ідеології. У якості аксіоорієнтирів були проголошені: «свобода», «рівність», «справедливість», «ліквідація експлуатації людини людиною» та ін.. Проте ре-

волюція несла у собі не тільки привабливі гасла, що спонукали до масових дій та корінних перетворень суспільного життя, але і свій негатив, який до певного часу був не проявлений у своєму змісті. Таким негативом виступає проблема насильства, крові і страждань, які супроводжували революцію.

Влада завжди використовувала свята в своїх цілях. Засновник соціології, відомий філософ першої половини XIX ст. О.Конт [9] розглядав свято як своєрідний інструмент державного впливу на суспільство. Свята особливим чином ритмізують, стабілізують всі сфери соціального життя. За допомогою системи свят перекреслюється минуле і формується новий світогляд.

Надалі в святковій політиці радянської держави спостерігається прагнення до десакралізації й деклерикації святкових заходів. З офіційного календаря свят зовсім були вилучені християнські празники Постановою РНК СРСР від 24 вересня 1929 р.. Замість православних, радянський календар поповнюється датами пролетарсько-революційних свят. Складається «червоний календар».

Більшовицька влада прагне впливати на народ, формуючи нову картину світу. З метою пропагування нових аксіоорієнтирів, вожді революції звертаються до видовищних форм мистецтва, які діють на маси зримими образами. Серед таких мистецтв першість мав театр, котрий у пореволюційні роки набув характеру агітаційного майданного театру.

У 1918 – 22 рр. були поставлені: «Боротьба труда і капіталу» (м. Іркутськ); «Пантоміма великої Революції» (м. Москва); «Інтернаціонал» (м. Київ); «Хо́да вільного народу» (м. Харків) та ін. Це були нові масові святкові дійства (інсценівки), в яких ролі виконували не тільки актори, але й робітники, солдати, матроси. Низку подібних заходів дослідник Д. Золотницький назвав «театральним жовтнем». Їх очевидці відмічали, що «всі види мистецтв – поезія, архітектура, живопис і музика – поєдналися, щоб служити першотравневій пропаганді та пролетарській ідеї» [3, с. 307].

У радянських святах використовується новаційна символіка: червоний прапор, червона зірка, червона гвоздика, герб СРСР, портрети «вождів» та ін. В цей час міфологізації й сакралізації піддаються постаті відомих партійців (В. Леніна, Й. Сталіна, М. Калініна, С. Будьонного, К. Ворошилова тощо). Їх біографії та факти, події революційної боротьби обростають легендами. Їм приписуються надзвичайні риси характеру. Героїзація «вождів» революції була розрахована на руйнування і заміщення аксіоорієнтирів дожовтневої епохи.

Форма проведення масового офіційного радянського свята стає ще більш помпезною, чим свята доби царату. Масові пролетарські свята відрізнялись використанням величезної кількості атрибутики (прапори, транспаранти, макети тощо), педжентів, костюмованих гуртів та ін. Але окрема людина нівелювалась серед цього «червоного моря театралізованого дійства», і почувалась таким же «гвинтиком», як і у ході дореволюційних офіційних свят.

Революційна заміна аксіоорієнтирів призвела в Радянській Росії до зміни духовності як суспільства в цілому, так і життєдіяльності індивіда. На рівні спільності, тобто всієї культури, вона трансформувала уявлення про світ. У святковій сфері революційні цінності стали фактором демаркації – відділення культури попередньої епохи від культури радянської доби. Офіційні державні свята радянської епохи, хоча за формою й були подібними до царських урочи-

стостей, але основна смислова концепція свята радикально змінилася: цінності епохи царату повністю були витіснені (англ. *forse out*) революційною аксіологією.

У період 30-х рр. поширювалися свята, в яких радянська пропаганда велась особливим чином – спортивні. В цих дійствах колонами проходили міцні, фізично досконалі тисячі молодих, життєрадісних хлопців та дівчат, котрі своїм зовнішнім виглядом покликані були візуалізувати ідею переваги нового способу життя над старим, капіталістичним. Найвідомішими масштабними спортивними заходами цього періоду були свято до десятої річниці Жовтневої революції та спартакіади, які Червоний спортінтерн влаштував на противагу Олімпійським іграм буржуазно-капіталістичних країн.

Процеси, які відбувалися у центрі держави, докочувалися й до провінції. Так в найбільшому місті Придніпров'я – Катеринославі відразу після остаточної перемоги радянської влади (грудень 1919 р.) був створений губполітосвіт, який керував усією літературно-художньою діяльністю в губернії. До його складу входили театральний (ТЕВ), музичний, літературний та художній відділи. Найбільш масовим був театральний відділ. Його активісти взяли до постановки п'єси суголосної революції - «Зорі» Е.Верхарна. У виставі створювався масштабний образ «народу». Для участі у видовищі запросили тільки одних статистів більш ніж 200 осіб. Добровольцям обіцяли «натур премію».

Цінності революції презентувалися й у масовому дійстві (18 вересня 1921 р.) на Жовтневій площі міста – «Останній день Паризької Комуни». Цей захід приголомшує своєю грандіозністю. У ньому, крім працівників ТЕВ, взяли участь червоноармійці 263-го полку, батарея особливого призначення та курсанти командних курсів. Численні мешканці міста колом оточили площу, щоб подивитись виставу у виконанні піхотинців, кавалеристів і артилеристів. Стріляли під час видовища холостими патронами.

Тенденція до рішучого викорінення віри яскраво виявила себе у антирелігійних заходах, що проводились у Катеринославі в 20-тих рр.. Віруючі, на той період, ще відкрито й масово відмічали Пасхальні, Різдвяні християнські празники, приймали участь у хресних ходах. Влада вдавалась до насильницьких дій: хрести й хоругви відбиралися, міліція розганяла гурти віруючих, а тих, кого примітили на подібних заходах, активно «пророблювали» на робітничих і партійних зборах. «Антипопівська» пропаганда велась дуже активно. В країні проходять процеси секуляризації (від латин. *мирський, світський*) – відбирання державою церковної, монастирської власності, руйнування соборів, нищення релігійних святинь, книг, ікон. Найактивніше атеїстичну пропаганду проводила молодь, комсомольці. Запроваджуються декілька масових антирелігійних свят – «Різдво», «Пасха», «Трійця» та ін., які були задумані як засіб широкого агітаційного впливу на віруючих. У 1923 році празнували перше комсомольське «Різдво» у Москві й багатьох інших містах. Святування включало в себе «спалення богів», яке справило гнітюче враження на віруючих, людей більш старшого покоління.

Нові атеїстичні святкові обряди отримують назву «червоні». Радянське керівництво планувало, що «червоні обряди» повністю витіснять обрядовість притаманну царській Росії, зокрема церковні «Різдво», «Пасху», «Трійцю» тощо.

Науковець О. Курочкін [4; 5] узагальнив процеси утворення «червоних обрядів» і назвав період від 1917 року до

середини 30-тих рр.. – першим періодом формування нової радянської обрядовості.

Сумна доля спіткала катеринославські собори та церкви. У 1926 р., у величому Успенському соборі влаштували склад. Церковне майно було реквізоване. Воскресенську церкву знищили зовсім (підірвали динамітом). Андріївський храм, що містився неподалік міського парку (нині парк ім. Тараса Шевченка) – закрили й розграбували. У 1938 році підірвали храм Вознесіння. За роки гоніння радянської влади на церкву в Катеринославі – Дніпропетровську було перероблено й пристосовано під спортивні зали, склади 5 православних храмів. Знищені сім церков. Закрили також і єврейську синагогу, і кирху та мусульманську мечеть. Академіку Дмитру Яворницькому чудом вдалося урятувати від знищення Свято Преображенський собор, на заснуванні якого була присутня сама Катерина II. Цей пам'ятник архітектури (арх. Д. Захаров) планувалося підірвати і на його місці встановити скульптуру вождя світового пролетаріату К.Маркса. Яворницький запропонував зберегти будівлю і відкрити у ній музей атеїзму та релігії. Його пропозиція була прийнята і таким чином вдалося врятувати один з найкрасивіших соборів міста.

У 20 – 30-ті рр.. в Придніпров'ї святкова культура на селі і в містах мала відчутну різницю. Якщо в місті пріоритетним стало проведення «червоних» свят і обрядів, а народні свята календарного циклу відійшли на задній план, то по селах традиційна обрядовість ще не втратила своїх позицій. Але, на жаль, народна святковість починає згасати під впливом: занепаду економіки регіону; голоду 1921 – 1923 років; посилення соціальної напруженості; селянського руху опору колективізації кінця 1920-х початку 30-х рр.; великого Павлоградського повстання 1930 р., яке стало найпотужнішим виявом селянського спротиву в Придніпров'ї; Голодомору-Геноциду 1932 – 1933 років. Про тяжкий стан в регіоні на початку 20-х років ХХ ст. красномовно свідчать дані по місту Дніпропетровську, в якому у цей період повністю зупинилась праця на підприємствах, населення скоротилось удвічі, порівняно з дореволюційним часом.

З початку 30-х років в Придніпров'ї розпочався «індустріальний бум». Зокрема, в Дніпропетровську реконструюються старі й будуються нові заводи. В місто стікається велика кількість селянської молоді, яка прагне працювати на підприємствах. Населення Дніпропетровська на початку 30-х рр. перевищує дореволюційний рівень. Робітничі колективи включаються в «ударницький рух». Особливу активність виявляє молодь, комсомольці, які не тільки працювали по-новому, але й пропагували, під приводом партійців, нову організацію дозвілля, невід'ємну частину якого склали «червоні обряди».

Отже, в Придніпровському регіоні «червона обрядовість» запроваджується де що з запізненням, по відношенню до центру Радянської Росії.

В Запоріжжі з 1927 року розпочинається будівництво Дніпрогесу, на яке прибували хлопці й дівчата не тільки з довколишніх сіл, але й росіяни, білоруси, молдавани, латиші. Кількість працюючих на будівництві за даними на 1931 р. налічувала 36 тисяч чоловік. Склався величезний конгломерат людей різних національностей, які втратили зв'язок зі своїми традиційними культурами. Багато вільного часу у будівельників не було, але замість звичних хрестин і вінчань комсомольськими осередками почали впроваджуватися пролетарські «Звіздини», «Червоні хрестини», «Чер-

воні весілля», «Громадянські панахиди». В даних заходах не враховувались місцеві традиції одвіку складені народом. Сімейно-побутова обрядовість регіону втратила свою неповторність і поступилася цілеспрямовано впроваджуваній уніфікованій «червоній обрядовості», яка пропагувала цінності радянського способу життя.

У 20 – 30 роки в Придніпров'ї жваво розгорталася боротьба з релігією й «пережитками минулого». Під поняття пережитків підпали не тільки суто церковні свята, але й народні, які вже поряд із язичницьким компонентом містили в собі й християнську символіку. З цієї причини частина традиційних народних свят перестала проводитись, а ті, що проводились були піддані переробці. За задумом керівництва країни, радянський «День врожаю» повинен був на новій основі продовжити старі народні звичаї, що супроводжують літні й осінні роботи зі збирання врожаю [5]. Спочатку власті визнали доцільним частково поступитися принципами - в перші роки «День врожаю» був офіційно приурочений до християнського свята «Спаса Преображення» (в народі він широко відомий як «Яблучний Спас»), надалі це свято в різних місцевостях стали відзначати в різний час. Традиційне свято, таким чином, «змістили» зі звичної дати народного календаря і намагалися «модернізувати», перетворивши його в «корисне» для радянської влади. Народне свято почало виконувати цілком певну народногосподарську місію: в його завдання входили пропаганда більш досконалих агротехнічних методів ведення сільського господарства та використання новачієних сільськогосподарських пристроїв. На таких святах були популярні імпровізації з розігруванням сцен на злободенні теми сільського життя, такі як «суд над трьохполкою», «похорон сохи», «суд над поганим хліборобом» [5]. У людей, що звикли до усталених селянських ритуалів, пропаганда на традиційнім народнім святі «більш досконалих агротехнічних методів» викликала здивування і неприйняття.

Із середини 30-х по 60-ті рр., як відзначали це науковці [4], відбувався другий етап формування радянських свят і обрядів, який відомий утворенням цілого комплексу «професійних» свят. Незважаючи на складний період у житті країни, зумовлений повоенною розрухою, поступово утверджувалися такі нові празники як: День залізничника, День шахтаря, День металурга, День рибалки та ін.

Висновки. У першій половині ХХ ст., унаслідок докорінних соціально-політичних змін в державі, радикально змінюється смислова концепція офіційних масових свят Придніпров'я. Вони насичуються радянськими ідеологічними кліше, трансформується атрибутика та форма проведення масових свят. Поширюється проведення свят з революційною тематикою, які влада розглядала як засіб впливу на формування нової «картини світу» населення держави.

Негативні процеси відбуваються у сфері традиційних народних свят, котрі розглядаються радянським керівництвом як «пережитки минулого» й піддаються «переробці», «модернізації», що руйнує в них віками складений обрядовий компонент і призводить до згасання народної святкової традиції.

Церковні свята та обряди радянська влада прирєкла на викорінєння.

Перспективи подальших досліджень. Планується вивчати трансформаційні процеси у сучасній святковій культурі Придніпров'я.

Список літератури:

1. Біляцька В. П. Календарно-обрядова поезія і народні свята. Вечорниці та досвітки: Навч. посіб. [Текст] / В. П. Біляцька; Ред. І. І. Бакуменко; Дніпропетровський нац. ун-тет. – Дніпропетровськ, 2001. – 228 с.
2. Борисенко В. К. Традиції і життєдіяльність етносу: на матеріалах святково-обрядової культури українців : Навч. посіб. для студ. вищих навч. закл. [Текст] / Київський нац. ун-тет ім. Т. Г. Шевченка. – К. : Універс., 2000. – 191 с.
3. Золотницький Д. И. Будни и праздники театрального Октября [Текст] / Д. И. Золотницький. – Л. : Искусство, 1978. – 255 с.
4. Курочкин А. В. Этапы формирования советской обрядности [Текст] / А.В. Курочкин // Советские традиции, праздники и обряды. К. : Политиздат Украины, 1988. - С. 208-212.
5. Курочкин А. В. «Красная обрядность» [Текст] / А. В. Курочкин // Советские традиции, праздники и обряды. К.: Политиздат Украины, 1988. - С. 92.
6. Лиманська О. В. Календарне свято як складова української обрядової культури : автореф. на здобуття наук. ступеня кандидата мистецтвознавства : спец. 26.00.01 «Теорія та історія культури» / О. В. Лиманська. – К., 2008. – 18с.
7. Малоока Л. В. Історична еволюція масових свят українців : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. істор. наук : спец. 17.00.01 «Теорія та історія культури» / Л. В. Малоока. – К., 2006. – 17 с.
8. Марфобудінова М. Калита: Збірка фольклорно-етнографічних Матеріалів [Текст] / Марфобудінова М., Хоменко О., Карпвич В. – Дніпропетровськ: ГЕРДА, 2007. – 368 с.
9. Милль Д. С. Огюст Конт и позитивизм [Текст] / Д. С. Милль. – М. : ЛКИ, 2007. – 176 с.

BIOLOGIA / БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**ИНТЕРЬЕРНЫЕ ПРИЗНАКИ ЛАКТИРУЮЩИХ ОВЦЕМАТОК В УСЛОВИЯХ
КОРМОВОГО СТРЕССА****Бобрецов Виктор Егорович***младший научный сотрудник Печорской опытной станции***Канева Лидия Александровна***Директор Печорской опытной станции***Козлова Юлия Анатольевна***младший научный сотрудник Печорской опытной станции*

Исследованы биохимические показатели сыворотки крови у лактирующих овцематок печорской популяции в условиях недостаточного и не-сбалансированного кормления. Показана зависимость биохимического статуса сыворотки крови и плодовитости помесных овцематок от породности по аборигенной породе. Сделан вывод о перспективности дальнейших исследований в области поиска информативных физиологических маркеров, которые можно будет использовать, как для изучения механизмов адаптации, так и для раннего прогноза с целью отбора наиболее адаптированных селективно-выгодных фенотипов, генотипов.

Ключевые слова: овцематки, генотипы, северная аборигенная овца, ромни-марш, рацион, сыворотка крови, биохимические показатели, плодовитость,

INTERIOR SIGNS LACTATING SHEEP EWES UNDER STRESS FEED**Bobrezov V.E.***Junior Research Fellow Pechora Experimental Station***Kaneva L.A.***Director Pechora Experimental Station***Kozlova Yu.A.***Junior Research Fellow, Pechora Experimental Station*

Biochemical indicators of blood serum in lactating sheep ewes Pechora populations in low and Nesbit-anced feeding. The dependence of biochemical status blood serum and fertility of crossbred ewes of the breed for Aborigenic breed. The conclusion prospect further research in the field of search physiology and genetics informative markers that can be used for studying the mechanisms of adaptation and early prognosis in order to select the most adapted selektiv of lucrative phenotype and genotype.

Key words: sheep ewes, genotypes, northern aboriginal sheep, Romney Marsh, diet, blood serum, biochemical, fertility.

Разработка методов раннего прогноза адаптивной пластичности животных является одной из фундаментальных проблем популяционной генетики и физиологии. Во многом от решения данной проблемы зависит успешная акклиматизация и разведение интенсивных пород в новых экологических условиях или создание экологически устойчивых, высокопродуктивных синтетических популяций благодаря интродукции культурных интенсивных пород в аборигенные генофонды [1-5].

Целью настоящей работы явилось изучение влияния интродукции генов породы ромни-марш в генофонд овец печорской популяции на некоторые биохимические показатели сыворотки крови и параметры приспособленности у помесных овцематок в условиях кормового стресса.

Материал и методика. Материалом для исследования служили овцы печорской популяции и их помесей от скрещивания с породой ромни-марш отечественной селекции. Полутонкорунные печорские овцы были выведены в 60-е годы прошлого века в северных районах Республике Коми путём скрещивания местной грубошерстной северной короткотощехвостой овцы с полутонкорунными овцами породы ромни-марш. В 70-80 годы XX века товарное овцеводство было ликвидировано и полутонкорунные овцы

сохранились только в индивидуальных хозяйствах населения Усть-Цилемского и Ижемского районов. К нулевым годам XXI века они частично смешались с беспородными овцами, частично сохранились «в чистоте».

В 2000 году по инициативе Правительства Республики Коми из законтрактованного у местного населения поголовья на Печорской опытной станции им. А.В. Журавского было создано реликтовое маточное стадо численностью 56 овцематок. При его воспроизводстве во избежание тесного инбридинга наряду с местными баранами использовали производителей породы ромни-марш отечественной селекции, завезённых из Рязанской области (2002 год) [2]. В настоящее время численность овец реликтового стада достигла 250 маток.

Первичные данные для исследования получили из документов зоотехнического и племенного учёта, а так же путём глазомерной оценки, взвешивания и обмера животных. Фенотипы животных с преобладанием характерных признаков экстерьера печорских полутонкорунных овец, вне зависимости от степени выраженности типа экстерьера, обозначали буквой «П» (печорская). Отцовскую породу ромни-марш обозначили РМ. Генотипы животных обозначали дробью соответственно — П/П и – РМ/РМ. Генотипы помесей обо-

значили дробью: в числителе указали кровность в % и буквенную аббревиатуру материнской породы, в знаменателе — кровность и аббревиатуру отцовской породы.

Кровь для анализа биохимических показателей получили в стойловый период от здоровых подсосных овцематок. Забор крови проводили из ярёмной вены общепринятым способом в одноразовые пробирки с коагулянтом. Для анализа биохимических показателей сыворотки крови использовали стандартные наборы реагентов фирмы «Витал Диагностикс СПб». По приложенным к реагентам методикам определяли содержание общего белка, альбуминов, мочевины, глюкозы, холестерина, аспартатаминотрансферазы (АсАТ), аланинаминотрансферазы (АлАТ), щелочной фосфатазы (ЩФ), лактатдегидрогеназы (ЛДГ), содержание Са и Р, Mg, Cu и Zn. Содержание глобулинов в сыворотке крови

установили по разнице между содержанием общего белка и альбуминов. Биохимические анализы выполнены к.с.-х. наук Я.А. Жариковым.

Экспериментальных животных содержали одной группой на типичных для районов Крайнего Севера малоконцентратных рационах, основным компонентом которых являлось злаковое сено среднего качества, заготовленное с естественных суходольных и заливных лугов (табл. 1).

Плодовитость оценивали по количеству ягнят полученных к отбивке от полновозрастных овцематок в расчёте на 100 оков. Этот показатель в ком-плексе отражает плодовитость родительского поколения и жизнеспособность приплода.

1. Хозяйственный рацион подсосных овцематок

Показатель	Количество
Сено злаковое, кг	3
Комбикорм, кг	0,1
Соль поваренная, г	10

Статистическую обработку данных выполнили по общепринятым алго-ритмам [6], используя соответствующие программы Microsoft Excel.

Результаты и обсуждение

Результаты акклиматизации пород в новых для них природно-климатических зонах в большой степени зависят от различия традиционных условий их разведения с местом интродукции [4]. Приспособленность (жизнеспособность и плодовитость [7]) межпородных помесей от скрещивания мигрантов с аборигенами определяются соотношением генов той и другой родительских пород в генотипе помесей и межгенными взаимодействиями. Физиологические реакции обеспечивают приспособление организма к окружающим условиям. Посредством дыхания, работы пищеварительных органов, кровеносной, выделительной и др. систем организма гомеостатические животные поддерживают постоянство температуры тела, осмотического давления и ионного состава внутренней среды [8]. В меняющихся условиях среды механизмы физиологической адаптации через биохимические метаболические реакции, которые кон-тролируются наследственностью и модифицируются условиями среды обитания, обуславливают дифференцированную жизнеспособность каждой в отдельности особи, отдельных родственных групп и популяций.

Как указано выше, печорская полутонкорунная породная группа овец выведена в результате скрещивания северной короткотошествой грубошерстной овцы с английской мясо-шерстной полутонкорунной породой ромни-марш. Условия Крайнего Севера значительно отличались от природно-климатических и кормовых условий средней полосы Европейской части РФ, где была акклиматизирована улучшающая порода ромни-марш и, тем более, от условий островной южной Англии, в которых она была выведена. Поэтому можно предположить, что адаптация помесей аборигенной овцы с ромни-марш к условиям Крайнего Севера будет тем ниже, чем выше их кровность по улучшающей породе.

В нашем эксперименте помесные овцематки 1 и 2 по ромни-марш в течение жизни находились под влиянием

специфических географических и природно-климатических факторов Крайнего Севера, а именно: светопериодизма, продолжительного стойлового и короткого пастбищного периодов, длительной гиподинамии и гипоинсоляции в зимний период. В период эксперимента они получали несбалансированный рацион дефицитный по ряду основных компонентов питания (табл. 2).

В рационе концентрация энергии в сухом веществе была ниже нормы для подсосных овцематок на 22,1%, сырого протеина – 32,6%, переваримого – 39,0%, сырой клетчатки выше нормы на 25%. Дефицит обменной энергии составлял 5,1%, переваримого протеина - 7,9%, кобальта - 45,5%, избыток сухого вещества 50,6% и сырой клетчатки 88,6% [9]. Учитывая несбалансированность рациона и не полную поедаемость корма, дефицит питательных веществ полученных овцематками с рационом был гораздо выше, чем указано в таблице 2.

Изменить и сбалансировать рацион не представлялось возможным по природно-климатическим и экономическим причинам.

В результате исследования сыворотки крови лактирующих овцематок, содержащихся на таком рационе, установили, что в среднем по выборке концентрация белка и глюкозы были на нижней границе, а отношение фракций Альбумин/Глобулин выше нормы [10-12]. Средний уровень цинка в сыворотке крови колебался от 71 до 82 мкг%, что так же ниже физиологической нормы (100 мкг%). Отмечено высокое значение индекса Де Ритиса (АсАТ/АлАТ), которое обычно интерпретируется в терминах преобладания в обмене веществ процессов катаболизма, которые выражаются в использовании организмом энергетических запасов углеводов, жиров и белков [10]. На фоне недостаточного и несбалансированного кормления (табл. 2) расход резерва энергетических материалов организма, судя по низким концентрациям глюкозы и холестерина в сыворотке крови при низкой активности ЛДГ, по-видимому, происходил за счёт сторания белков, резерв которых у лактирующих овцематок, видимо, также истощался (низкий общий белок сыворотки крови, табл. 3).

2. Питательность рациона подсосных овцематок

Питательные вещества рациона	Норма*	Фактически	Разница ±	
			в натуре	в %
Кормовых единиц, кг	1,9	1,5	-0,4	-21,1
Обменной энергии, МДж	19,5	18,5	-1,0	-5,1
Сухого вещества, кг	1,7	2,56	0,86	50,6
Сырого протеина, г	225	228	3	1,3
Переваримого протеина, г	140	129	-11	-7,9
Сырой клетчатки, г	448	845	397	88,6
Кальция, г	8,7	16,1	7,4	85,1
Фосфора, г	5,6	8,6	3	53,6
Магния, г	5,1	7,3	2,2	43,1
Меди, мг	18,0	17,0	-1,0	-5,6
Цинка, мг	100	83,3	-16,7	-16,7
Кобальта, мг	1,1	0,6	-0,5	-45,5
Обменной энергии в 1 кг сухого вещества, МДж	11,5	8,96	-2,54	-22,1
Сырого протеина в сухом веществе, %	13,2	8,7	-4,5	-32,6
Переваримого протеина в сухом веществе, %	8,2	5,0	-3,2	-39,0
Сырой клетчатки в сухом веществе, %	26,4	33,1	6,7	25,0
Кальция в сухом веществе, г	5,1	6,2	1,1	23,5
Фосфора в сухом веществе, г	3,3	3,3	0	3,0
Магния в сухом веществе, г	3,0	2,8	-0,2	-3,3
Отношение Са : Р	1,5	1,9	0,4	26,7
Сухого вещества на 100 кг живой массы	3,4	5,1	1,7	50,0

*Справочник: Нормы и рационы кормления сельскохозяйственных животных: Справочное пособие / А.П. Ка-лашников, Н.И. Клейменов, В.Н. Баканов и др. — М.: Агропромиздат, 1985. — 352 с (9).

3. Биохимические показатели сыворотки крови подсосных овцематок в среднем по выборке (n=28)

Биохимические показатели	$\bar{X}$	$s\bar{X}$	C.V.	Норма
АсАТ, нмоль/с•л	184,5	9,53	27,3	145-551
АлАТ, нмоль/с•л	82,4	9,53	61,2	97-330
ЩФ, нмоль/с•л	405,6	31,62	41,3	117-417
ЛДГ, нмоль/с•л	930,1	80,52	45,8	160-1200
Общий белок, г/л	70,6	0,8	6	70-85
Альбумины, г/л	44,3	0,97	11,6	33-54
Глобулины, г/л	26,3	1,04	20,8	46-67
Соотношение А/Г	1,8	0,11	32,8	0,9-2
Глюкоза, ммоль/л	1	0,1	51,9	2,2-3,3
Холестерин, мг%	66,5	4,09	32,6	60-140
Мочевина, ммоль/л	5,1	0,23	23,3	3,3-6,6
Кальций, мг%	11,9	0,55	24,6	10-12,5

Косвенными свидетельствами в пользу именно такой интерпретации биохимического статуса сыворотки крови свидетельствует низкая молочная продуктивность овцематок и низкие привесы подсосного молодняка, которые в оптимальных условиях обитания не характерны для полутонкорунных мясошерстных овец в типе ромни-марш [2].

Остальные биохимические показатели сыворотки крови не выходили за пределы физиологической нормы, а их индивидуальные колебания в большинстве случаев, вероятно,

обуславливались разницей по продуктивности животных, индивидуального потребления ими питательных веществ и др. причинами.

Сравнение биохимических показателей сыворотки крови у овцематок разных генотипов показало, что с повышением кровности помесей по ромни-марш менялись параметры активности некоторых сывороточных ферментов и их соотношение (табл. 4). В то же время разница по породности практически не отразилась на концентрациях в

сыворотке крови общего белка, фракции альбумина, уровне глюкозы, холестерина и мочевины. По обеим подконтрольным генетическим группам овцематок средние concentra-

ции общего белка, глюкозы и холестерина были на нижней границе нормы.

4. Биохимические показатели сыворотки крови подсосных овцематок разной породности

Статпоказатели	25П75PM (n=12)		50П50PM (n=15)		Норма
	$\bar{X}$	$s\bar{X}$	$\bar{X}$	$s\bar{X}$	
АсАТ, нмоль/с•л*	207,3	10,64	168,1	14,26	145-551
АлАТ, нмоль/с•л	67,4	10,06	91,7	15,4	97-330
АсАТ/АлАТ	3,1	1,06	1,8	0,93	1,8-2,5
ЩФ, нмоль/с•лх	471,8	44,9	353,1	43,41	117-417
ЛДГ, нмоль/с•л	933,4	139,92	904,1	101,97	160-1200
Общий белок, г/л	70,6	1,18	71,3	1,02	70-85
Альбумины, г/л	44,6	1,89	44,3	1,06	33-54
Глобулины, г/л	26	1,68	27	1,39	46-67
Соотношение А/Г	1,8	0,2	1,7	0,14	0,9-2
Глюкоза, ммоль/л	1,1	0,16	1	0,15	2,2-3,3
Холестерин, мг%	64,8	4,93	67,9	6,68	4-6,5
М о ч е в и н а , ммоль/л	5,2	0,34	5,2	0,32	3,3-6,6
Кальций, мг%	13	0,63	10,5	0,65	10-12,5
Фосфор, мг%	2,5	0,62	4,8	0,89	4,5-6

Примечание: Среднее арифметическое $\bar{X}$; стандартная ошибка S . Достоверность разницы при уровне значимости: x $0,1 > P > 0,05$; * $P < 0,05$.

Ранее С.В. Стояновский и В.И. Терек [5] отмечали, что интродукция ге-нов завозной цыгайской породы в генофонд горнокарпатских аборигенных овец (цакели) привела к дифференциации аборигенов и помесей с цыгаями по концентрации в сыворотке крови общего белка и основных белковых фракций. По сравнению с помесями второго поколения по «цыгаю» в сыворотке крови «цакелей» исследователи отметили повышенное содержание общего белка и особенно гамма-глобулиновой фракции. Одновременно у значительной части помесей II поколения по цыгайской породе по сравнению с животными аборигенной породы и помесями I поколения наблюдалось снижение показателей продуктивности и выносливости. Кроме того, в условиях Карпат в большей мере, чем аборигены помеси страдали от глистных инвазий. На основании проведенных исследований авторы [5] сделали вывод о том, что содержание гамма-глобулина в сыворотке крови является хорошим показателем, по которому можно судить о степени приспособленности животных к экологическим условиям. Этот вывод представляется нам вполне логичным для скрещивания равнинной породы с горными породами с последующим содержанием помесей в условиях горных пастбищ.

Наш эксперимент отличался тем, что скрещивались низинные породы, а помесное потомство содержалось на несбалансированных дефицитных по ряду питательных веществ рационах, к которым в большей степени была адаптирована материнская порода. Поэтому можно было

предположить дифференциацию материнской породы и помесей, прежде всего, по регулирующим ферментам и метаболитам протеинового, липидного, углеводного и минерального обмена. Действительно, между генотипами 25П75PM и 50П50PM наблюдались достоверные различия по активности фермента АсАТ ($P < 0,05$), близка к достоверной была разница по активности АлАТ и щелочной фосфатазе ($0,1 > P > 0,05$). У помесей в зависимости от генотипа значительно менялся индекс Де Ритиса. У полукровных помесей он находился на уровне нижней границы нормы. У овцематок второго поколения по ромни-марш среднее значение индекса Де Ритиса за счёт понижения у них ниже нормы активности АлАТ (67,4 нмоль/с•л при норме 97-330 нмоль/с•л) превысило верхнюю границу нормы.

Активность щелочной фосфатазы, а также концентрация кальция, фосфора и их соотношения были в норме у помесей I поколения. У помесей второго поколения по ромни-марш (25П/75PM) кальций-фосфорное отношение было смещено в сторону повышения концентрации кальция и снижения фосфора при повышении активности АсАТ и ЩФ (табл. 4), что указывает на расстройство минерального обмена.

В какой степени генетическая дифференциация сопряжена с основным компонентом приспособленности – плодотворностью можно судить по данным, представленным в таблицах 5 - 6.

5. Плодовитость полновозрастных овцематок разной породности*

Породы и породность		Плодовитость, %	Частота многоплодных окотов (p)	Средняя Ошибка (s _p)
П/П	34	132,4	0,32	0,080
PM/PM	12	100,0	0,00	0,000
50П/50PM	120	126,0	0,24	0,041
25П/75PM	51	108,0	0,08	0,038

*Здесь и далее обозначения: П-печорская, PM-ромни-марш, 25П/75PM-четвертькровные по-меси по печорской породной группе с ромни-марш, 50П/50PM-полукровные помеси по печорской породной группы с ромни-марш. Число окотов - n); частота - p; средняя ошибка s_p

Из этих данных видно, что максимальной многоплодностью обладали овцематки генотипов П/П. Средними по плодовитости оказались матки 50П/50PM. Чистопородные ромни-марш имели самые низкие показатели плодovitости.

По частоте многоплодных окотов достоверные различия при уровне значимости P<0,001 и P<0,01 установили соответственно между овцематками генотипов П/П с остальными генотипами (табл. 6).

6. Сравнение частот многоплодных окотов у полновозрастных овцематок разной породности

Сравниваемые генотипы		Сумма окотов	P
PM/PM	П/П	46	<0,001
50П/50PM	PM/PM	132	<0,001
50П/50PM	П/П	154	>0,1
50П/50PM	25П/75PM	171	0,01 >0,001
PM/PM	25П/75PM	63	0,05 >0,02
П/П	25П/75PM	85	<0,001

P – уровень значимости разницы.

По плодовитости овцематки 25П/75PM достоверно уступали полукровным помесям (50П/50PM) и превосходили ромни-марш (PM/PM) на 8-9% при уровне значимости 0,05 >0,02.

Наиболее высокой живой массой характеризовались овцематки генотипов PM/PM и 25П/75PM. По возрасту 1 окота и по живой массе при первом ягнении достоверных

различий между подконтрольными генотипами не установили. Высокую фенотипическую изменчивость возраста первого окота установили у полукровных помесей 50П/50PM и 25П/75PM. Широкой изменчивостью живой массы характеризовались печорские овцематки П/П и полукровные помеси 50П/50PM (табл. 7).

7. Характеристика овцематок разной породности по возрасту и живой массе при первом окоте

Порода и породность*	n	Возраст первого окота, дней			Живая масса, кг		
		$\bar{X}$	$\pm S\bar{x}$	C.V. %	$\bar{X}$	$\pm S\bar{x}$	C.V. %
П/П	5	736,7	45,73	10,8	45,4	7,53	37,1
PM/PM	7	725,1	48,16	17,6	47,1	2,16	12,2
25П/75PM	21	767,5	45,06	26,9	47,4	2,20	19,0
50П/50 PM	24	688,6	56,49	40,2	42,7	2,96	34,8

При выведении печорской породной группы из помесного поголовья для последующего разведения отбирали животных удовлетворяющих требованиям по продуктивности к полутонкорунным породам в типе ромни-марш. В соответствии с требованиями инструкции по бонитировке больше внимания уделялось соответствию животных целевым стандартам по основным признакам: живой массе и шерстной продуктивности. Плодовитость и скороспелость при классной бонитировке практически не оценивали [13]. Тем не менее, из результатов нашего эксперимента следует, что овцематки генотипа PM/PM по живой массе не отличались от помесей 25П/75PM и недостоверно превосходили овец генотипов П/П и 50П/50PM. По плодовитости они ока-

зались неконкурентоспособными по сравнению с матками, отнесёнными к печорской породной группе П/П и помесами I поколения 50П/50PM.

По сравнению с опубликованной рядом авторов нормой плодовитости овцематок породы ромни-марш и печорской полутонкорунной овцы на 100 овцематок [2, 13, 14 и др.] в неблагоприятных условиях среды депрессия плодовитости составила для маток PM/PM 17-26%, П/П – 2%. Расчёт депрессии плодовитости помесей на основе их кровности по родительским породам для генотипа 25П/75PM составил около 15%, генотипа 50П/50PM – 3%. Очевидно, что в стрессовых условиях депрессия по плодовитости в наибольшей степени проявилась у генотипов PM/PM и 25П/75 PM

(рис.1).

Таким образом, исследование биохимического статуса крови и плодовитости у полновозрастных лактирующих овцематок 50П/50РМ и 25П/75РМ в условиях кормового стресса выявило их различие по активности и соотношению некоторых ферментов, регулирующих обменные процессы. Одновременно эти генотипы достоверно различались по плодовитости, выраженной через количество живых ягнят

к отбивке на 100 оковтов, что позволяет использовать биохимические показатели сыворотки крови в качестве физиолого-генетических маркёров для прогноза и отбора экологически устойчивых фено-, генотипов.

Авторы выражают благодарность кандидату сельскохозяйственных наук Я.А. Жарикову за предоставление данных по биохимическому статусу сыворотки крови и бескорыстную консультативную помощь при написании статьи.

Список литературы

1. Алтухов Ю.П. Генетические процессы в популяции / Ю.П. Алтухов.-М. Наука.-1983.-К-279 с.
2. Канева Л.А. Мясо-шерстное овцеводство на Севере / Л.А.Канева, Я.А. Жариков, В.С. Матюков.-Сыктывкар.- 2013.-К-376 с.
3. Ульянов А.Н., Куликова А.Я. К адаптации зарубежных мясошерстных пород и перспективы их использования / А.Н. Ульянов, А.Я. Куликова // Овцы, козы, шерстяное дело.-2008.-№ 1.-с. 8-10.
4. Михайленко А. К. Экологические аспекты формирования физиолого-биохимического, иммуногенетического статуса и продуктивности животных в онтогенезе / А. К. Михайленко: дисс ... д. б. наук : Дагестан. гос. ун-т.- Ставрополь.-2010.-275 с.2.
5. Стояновский С.В., Терек В.И. Белковый состав сыворотки крови овец в зависимости от генотипа / С.В. Стояновский, В.И. Терек // Биохимические основы селекции овец.- Москва: Колос.- 1977.-с.81-84
6. Введение в статистическую генетику / П.Ф. Рокицкий.-Минск.-1978.-К-448 с.
7. Суходолец В.В. Приспособленность и экологическая устойчивость / В.В. Суходолец // Журн. общ. биологии. 2004. Т. 65. №5.-с. 417-425.
8. Шилов, И.А. О механизмах популяционного гомеостаза у животных / И.А. Шилов // Успехи современной биологии.-1967. - №2.-с. 333 – 351.
9. Калашников А.П. и др. Нормы и рационы кормления сельскохозяйственных животных: справочное пособие / А.П.Калашников, Н.И. Клейменов, В.Н. Баканов и др.-М.: Агропромиздат, 1985.-К-352 с.
10. Малинин М. Заметки биохимика / М. Малинин.-Часть 1. Метаболический анализ ферментемии.-Электронный ресурс: my-volga.ru...zametki-biokhimika...1-metabolicheskii...
11. Беляков И.М. Методика изучения клинических и гематологических показателей / И.М. Беляков.-М.: Колос.- 1975.-К-234 с.
12. Биохимический анализ крови — норма и расшифровка // Электронный ресурс: farmamir.ru2013/07/bioximicheskij-analiz-krovi...i...
13. Епанешников Д.А. Разведение полутонкорунных овец в районах Крайнего Севера Коми АССР: дисс ... к. с.-х. наук: Москва.-1952.- 125 с.
14. Венямино А.А. Породы овец мира / А.А.Венямино.-М.: Колос.-1984.-К-205с.

ВПЛИВ ПЕПТИДУ ЦИСТЕІЛ-ГІСТИДИЛ-ТИРОЗИЛ-ГІСТИДИЛ-ІЗОЛЕЙЦИН НА СТРУКТУРНІ ЗМІНИ ПЕЧІНКИ В ЩУРІВ УРАЖЕНИХ СОЛЯМИ ВАЖКИХ МЕТАЛІВ ТА ФОСФОРОРГАНІЧНИМИ ПЕСТИЦИДАМИ

Дмухальська Євгенія Богданівна

кандидат біологічних наук, доцент кафедри загальної хімії

ДВНЗ "Тернопільський державний медичний університет ім. І. Я. Горбачевського МОЗ України"

У статті представлено результати дослідження впливу іонів Купрум сульфату, Плюмбум ацетату та фосфорорганічних пестицидів, що містять гліфосат на морфо-функціональних змін тканини печінки щурів різного віку. Показано, що ці токсиканти викликають зміни в функціонуванні органу, які зумовлені порушення проникності та цілісності мембран гепатоцитів. У щурів, які отримували на 20-й день разом з ксенобіотиками пептид цистеїл-гістидил-тирозил-гістидил-ізолейцин, у печінці спостерігалися незначні морфологічні відхилення від норми.

Ключові слова: морфо-функціональні зміни, хронічна дія, щурі, корекція, пептид

EFFECT OF PEPTIDE TSYSTEIL-HISTIDIL-TYROSIL-HISTIDIL-ISOLEUCINE ON THE STRUCTURAL CHANGES OF LIVER IN RATS AFFECTED BY THE HEAVY METAL SALTS AND PHOSPHORORGANIC PESTICIDES

Yevheniya Bogdanovna Dmukhalska

Ph.D., Associate Professor of General Chemistry Department

SHEI "I.YA. Horbachevsky Ternopol state medical university MPH of Ukraine"

In the article was observed the effect of heavy metals ions, phosphororganic pesticides which contain glyphosate and the peptide on morphological changes in rat liver. The experiment was carried out to evaluate changes induced by lead acetate, copper sulphate and glyphosate toxicity in 30 rats which were divided into 3 different groups I, II and III. First group animals received water only and used them as a control group. Second group received once per day over a period of 30 days by intragastric administration of water solution of Lead Acetate at a dose of 11 mg / kg (1/20 LD50), Copper Sulfate at a dose of 13 mg / kg (1/20 LD50), Glyphosate (in herbicide Roundup) at a dose of 250 mg / kg (1/20 LD50), while third group received xenobiotics and peptide tsysteil-histidil-tyrosil-histidil-isoleucine at a dose of 9 mg / kg (concentration of amino acids in the blood) at the 20th day experiment after 6 hours added toxins (once per day the during 10 days). Rats were sacrificed on 31 days of treatment and tissues obtained for histological evaluation included liver. Liver tissue showed changes, necrosis with depletion in the glycoprotein granules inside the hepatocyte cells.

Key words: morpo-functional changes, chronic effect, rats, correction, the peptide

Одним з наслідків діяльності людини на Землі є забруднення довкілля хімічними сполуками різної природи, що є наслідком стрімкого технічного розвитку промисловості [9, 12]. Потрапляючи в навколишнє середовище токсиканти викликають виникнення в ньому нових, не характерних агентів різної природи і призводять до погіршення стану здоров'я людини. Забруднення довкілля зумовлюють порушення розвитку організму, зростання захворюваності й смертності людини [2, 11]. Серед хімічних забруднювачів значна частина належить важким металам. В організмі людини металічні елементи становлять до 3 % маси тіла, і лише чотири (ртуть свинець кадмій і сурма) із усіх елементів-металів, вважаються найбільш токсичними [1, 10.]. Потрапляючи в організм іони важких металів, особливо Плюмбуму, Меркурію, Купруму, викликають ряд структурних змін тканин. Іони Плюмбуму витісняють біоеlementи (кальцію, заліза, цинку, тощо), зв'язуючись з сульфгідрильними та іншими групами у молекулах ферментів, порушують функції та проникності клітинних мембран, ініціюють окиснювальні процеси у організмі [5, 6]. В літературних джерелах велику увагу приділялася вивченню дії свинцю та його сполук на організм тварини і людини, але і досі є актуальним дослідження його впливу, особливо в комбінації з іншими речовинами. Вивчення змін та механізму впливу сполук різної природи дають змогу підібрати засоби корекції, які б відновлювали функції органів та зменшували токсичність зовнішніх чинників. Тому метою даної роботи було дослідити

ти коригуючи дію пептиду на морфологічні зміни викликані досліджуваними токсикантами.

Методи дослідження. Дослідження проводили на лабораторних нелінійних білих щурах – самцях трьох вікових періодів: статевого дозрівання (молоді, масою тіла 70-90 г і віком 2- 3 міс.), статевої зрілості (середні, масою 170-210 г і віком 5-8 міс.) та старіння, в яких процеси катаболізму переважають над процесами анаболізму (масою тілі 250-300 г та віком 20-24 місяці) тварини. Вік щурів визначали за схемою В. І. Махінко та Н. Н. Нікітіна [7]

Субхронічне ураження щурів моделювали шляхом щоденного комбінованого впродовж 30 днів перорального введення водних розчинів Плюмбум ацетату в дозі 11 мг/кг маси тіла (1/20 LD50), Купрум сульфату в дозі 13 мг/кг маси тіла (1/20 LD50), Гліфосату (у формі гербіциду раундапу) в дозі 250 мг/кг маси тіла (1/20 LD50). Інтактним тваринам вводили питну водопровідну дехлоровану воду. З метою корекції виявлених порушень, на 20-тий день експерименту через 6 годин після введення токсикантів щодня протягом 10 днів вводили внутрішньошлунково пептид цистеїл-гістидил-тирозил-гістидил-ізолейцин в дозі 9 мг/кг маси тіла (концентрації амінокислот в крові). Пептиди синтезовано на кафедрі супрамолекулярної хімії та біохімії Інституту високих технологій Київського національного університету ім. Т. Шевченка.

Усіх піддослідних тварин було поділено на три групи: I – інтактні (контрольні); II – комбіноване уражені Купрум

сульфатом, Плюмбум ацетатом та гліфосатом (Раундапом); III – комбіноване уражені з корекцією пептидом. На 31-шу добу після останнього введення ксенобіотиків та чинника корекції тварин виводили з експерименту в умовах тіопенталнатрієвого наркозу.

Під час проведення досліджень усі щурі знаходилися у віварії з підтримкою постійної температури та вологості. Усі експерименти та утримання тварин проводилися відповідно до національних та міжнародних рекомендацій щодо гуманного поводження з лабораторними тваринами («Європейської конвенції про захист хребетних тварин, які використовуються для експериментів та інших наукових цілей» (Страсбург, 1986) [4]

Органи для дослідження забирали одразу після евтаназії та фіксували в 10 % розчині нейтрального формаліну. При виконанні морфологічних досліджень були використані загальноприйняті гістологічні методики. Вивчення гістологічних препаратів проводилося після забарвлення гема-

токсиліном і еозином за допомогою світлового мікроскопа OLYMPUS «CX 21» при збільшенні у 160 та 320 разів. Найбільш демонстративні гістологічні препарати фотографувались за допомогою відеокамери VISION Color CCD Camera і програми Inter Video Win DVR [8].

Результати дослідження та їх обговорення. В попередній роботі [3], нами було показано, що мікроскопічне дослідження печінки молодих щурів, уражених сполуками міді та винцю в комбінації з гліфосатом, виявило суттєві патоморфологічні зміни усіх її структурних компонентів. Капілярно-судинне русло у всіх досліджуваних випадках було нерівномірно кровонаповнене із переважанням повнокрів'я його венозної ланки та з вираженими ознаками порушення реологічних властивостей крові: стаз, перерозподіл формених елементів, склеювання еритроцитів (сладж-феномен). Перисинусоїдальні простори розширювалися (рис. 1). В багатьох випадках дилатація та гіперемія артеріально-венозного русла мала системний характер.

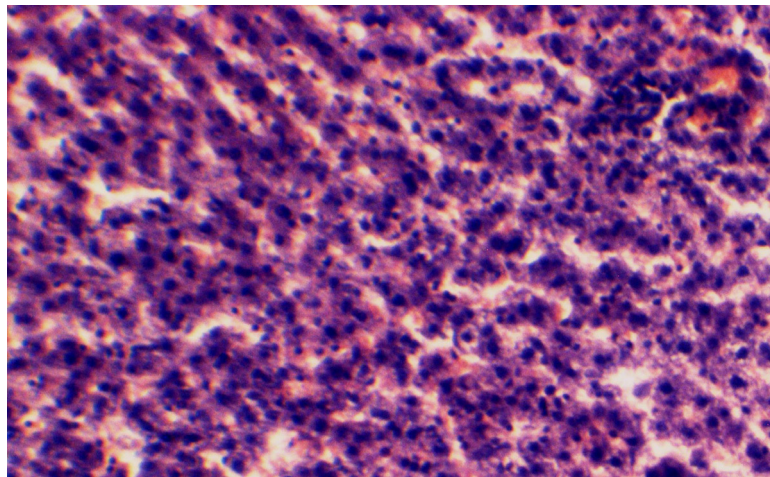

Рис. 1. Дифузне повнокрів'я синусоїдних капілярів, розширення просторів Діссе, білкова дистрофія гепатоцитів. Печінка молодого щура. Забарвлення гематоксиліном і еозином. Ок. 10. Об. 20.

Змінювалася гістоархітектоніка печінкових часточок, що проявлялося втратою їх характерної балково-радіальної структури та дисконкомплексцією печінкових клітин. Особливу увагу привертало зміни гепатоцитів. Дистрофічні зміни виникали в усіх печінкових клітинах, але ступінь вираженості пошкодження був різний як в межах цілого органа, так і в межах окремих часточок. Якщо в центрах часточок архітектоніка зберігалася, а клітини наближалися до інтактних, то в периферичних відділах спостерігалася повна дисконкомплексція печінкових балок, що створювало феномен «бруківки». Гепатоцити тут мали різний розмір, однак значна кількість була збільшена в об'ємі, їхня нерівномірно забарвлена цитоплазма містила ацидофільні білкові гранули, які мали тенденцію до злиття в більш крупні білкові вклю-

чення. Мембрани гепатоцитів втрачали чіткість контурів, межі їх зливалися. Ядра печінкових клітин також були виразно поліморфні та нерівномірно забарвлені за рахунок нерівномірного розподілу хроматину. Центролобулярно візуалізувалися гіпертрофовані гепатоцити із двома ядрами, що свідчить про компенсаторний характер їхніх змін. Частина клітин збільшувалася в розмірах за рахунок вакуолізації цитоплазми поряд із добре вираженими контурами мембран. Залишки слабоеозинофільної зернистої цитоплазми розміщувалися навколо ядра або вздовж мембрани. Ядра мали бліде забарвлення із ознаками каріорексису та каріолізису (рис. 2). Загалом внаслідок описаних змін створювався ефект оптично порожньої цитоплазми.

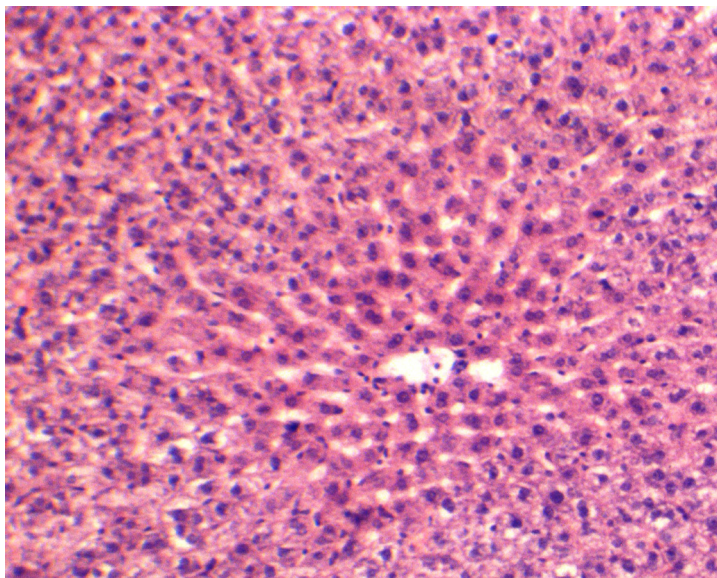

Рис. 2. Дискомплексація та вакуольна дистрофія гепатоцитів в периферичних відділах часточок. Печінка молодого щура. Забарвлення гематоксиліном і еозином. Ок. 10. Об. 10.

Окремі клітини розпадалися на фрагменти без периферичної клітинної реакції. Зрідка в стінках судин і стромі портальних трактів спостерігалися дрібні поліморфноклітинні інфільтрати.

Патогістологічні зміни при світлооптичному аналізі тканини печінки дорослих тварин за своєю вираженістю аналогічні ніж у молодих щурів, але менш виражені. Повнокрів'я із явищами стазу проявлялося переважно центральнобулярно. Перисинусоїдні простори були розширені. На тлі таких змін чітко візуалізувалася збережена гістоархитектоніка часточок. Однак у всіх випадках дистрофічні змі-

ни печінкових клітин були достатньо виразними. Вони проявлялися в дифузній формі, поширюючись на всю дольку, або займали тільки окремі її зони, переважно по периферії часточок.

Печінкові клітини нерівномірно фарбувалися гематоксилін-еозином, що створювало картину мозаїчності забарвлення: світлі ділянки чергувалися з більш темними, в цитоплазмі спостерігалася дрібна білкова зернистість. Білкові зерна мали тенденцію до злиття у більш крупні гранули. Нерідко окремі гепатоцити та їхні групи мали вакуолізовану цитоплазму (рис. 3).

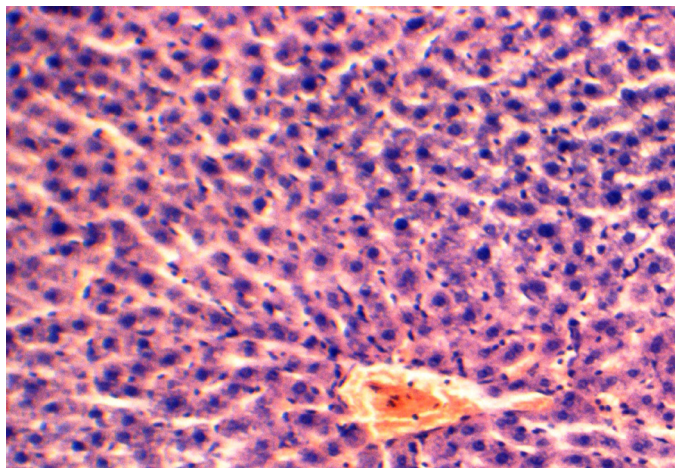

Рис. 3. Гістологічні зміни печінки дорослого щура. Забарвлення гематоксиліном і еозином. Ок. 10. Об. 10.

Світлооптичне дослідження печінки старих тварин також показало наявність виразних структурних зрушень. Гемоциркуляторні порушення були ідентичними описаним у попередніх групах щурів, але звертало увагу більш інтенсивне та рівномірне повнокрів'я. Подекуди з потовщених портальних трактів в паренхіму вросли тонкі сполуч-

нотканинні септи. Спостерігалася інфільтрація лімфоцитами та гістіоцитами (Рис. 4). Зони дисконплексації займали по кілька полів зору і поширювалися на всю часточку. Гепатоцити нечітко контурувалися, нерідко розпадалися. Цілі пласти клітин знаходилися в різних стадіях білкової дистрофії. Ядра лежали в центрі оптично порожніх клітин.

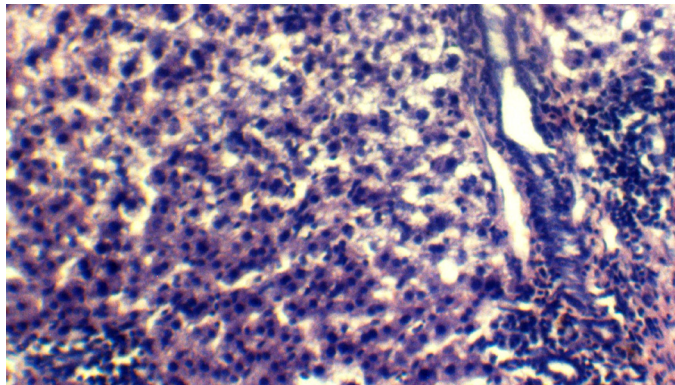

Рис. 4. Гістологічні зміни печінки старого щура. Забарвлення гематоксилином і еозином. Ок. 10. Об. 20.

Метою нашого дослідження було вивчення структурних змін у печінці щурів різного віку за умов тривалого введення малих доз п्लомбум ацетату, купрум сульфату та гліфосату, у формі Раундапу та коригуючий ефект пептиду.

Для зниження порушень викликаних солями свинцю, міді і гліфосатом нами було використано пептид цистеїл-гістидил-тирозил-гістидил-ізолейцин. У печінці щурів усіх вікових груп які отримували пептид разом з ксенобіотиками спостерігалися незначні морфологічні відхилення від норми.

Так, гістологічне вивчення структури печінки 3-місячних щурів за застосування пептиду цистеїл-гістидил-тирозил-гістидил-ізолейцин показало виразне зменшення і частоту структурних порушень. В більшості випадків переважали слабо чи помірно виражені дистрофічні зміни гепатоцитів поряд із незміненими клітинами. Виявлялися

поля печінкової тканини ідентичні контрольній групі тварин. В жодному випадку не спостерігалися некрози. Клітини зберігали свої тинкторіальні властивості. Переважали гепатоцити із гомогенною рівномірно забарвленою цитоплазмою, хоча гетерогенність самих клітин не була виражена. Подекуди виявлялися внутрішньоклітинні холестази. Ядра мали переважно округлу форму і чіткі контури. Однак зберігався їхній поліморфізм, зустрічалися ознаки пікнозу. З'являлися гіпертрофовані клітини з двома ядрами. Лімфоцитарна інфільтрація була слабо вираженою. Очевидно, що позитивні зміни поєднувалися із покращенням кровопостачання печінкових часточок, що проявлялося у зменшенні дистонічних проявів, набряку перисинусоїдальних просторів. Структура стінок судин порталних трактів була близькою до нормальних (рис. 5).

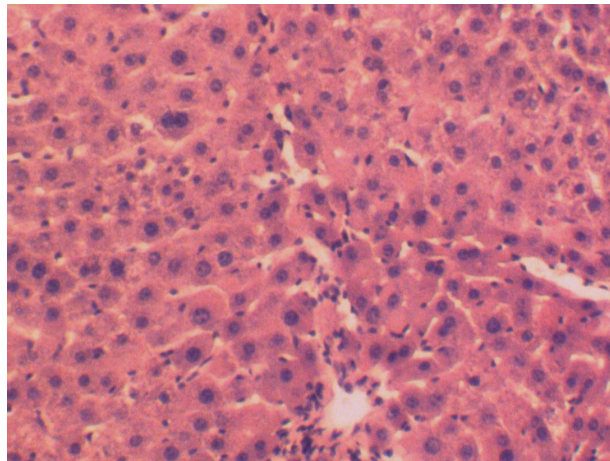

Рис. 5. Гістологічна структура печінки печінки 3-місячного щура після корекції пептидом цистеїл-гістидил-тирозил-гістидил-ізолейцин. Осередкові дистрофічні зміни гепатоцитів та дисконплуксація балок на периферії часточок, ознаки регенерації. Забарвлення гематоксилином та еозином. $\times 100$.

Позитивну динаміку морфологічних змін ми виявляли і печінці дорослих тварин. Слід сказати, що ці зміни були суттєвими, ніж у 3-місячних щурів. Чітко прослідковувалася гістоархітектоніка печінкових часточок. Розширювалися поля незмінених та малозмінених гепатоцитів. Збільшувалася частка регенеруючих клітин. У частині випадків гістологічна структура печінкової тканини відповідала нормі. В

інших - дистрофічні зміни виявлялися систематично, зрідка зустрічалися групи клітини в стані балонної дистрофії та із спустошеною цитоплазмою. Простори Діссе помірно розширені. Портальні тракти здебільшого зберігали звичайну будову із слабо вираженою або відсутньою лімфогістіоцитарною інфільтрацією (рис. 6).

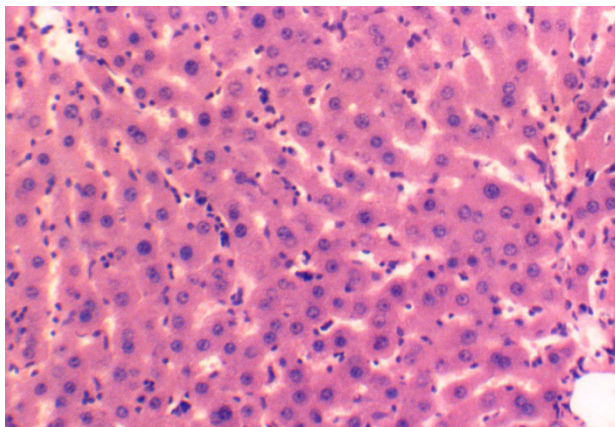

Рис. 6. Гістологічна структура печінки 6-місячного щура після корекції пептидом цистеїл-гістидил-тирозил-гістидил-ізолейцин. Чітко виражена структура часточок, помірне розширення просторів Діссе, дрібні лімфоцитарні інфільтрати. Забарвлення гематоксиліном та еозином. $\times 100$.

Загальна характеристика світлооптичних змін печінки і її судинного русла в цілому була аналогічною групі тварин з токсичним ураженням, проте прояви цих зрушень були менше вираженими. Зберігалися ознаки порушення мікроциркуляції у вигляді його нерівномірного кровонаповнення з порушенням реологічних властивостей крові: стаз, перерозподіл формених елементів з утворенням дрібних лейкостазів та сладж-феномен, що сприяло транссудації плазми у перисинусоїдальні простори з розвитком набряку.

Також мало місце порушення характерної балково-радіальної структури печінкових часточок. Дистрофічні зміни виявлялися на широких полях гепатоцитів. Межі гепатоцитів стиралися та втрачалася чіткість контурів. Цитоплазма ставала оптично порожньою. Ядра печінкових клітин також зберігали поліморфізм і нерівномірне забарвлення за рахунок нерівномірного розподілу хроматину, який розміщувався переважно біля мембрани. Пікнотичні

ядра мали інтенсивне базofilне забарвлення та розпадалися. Виявлялися окремі без'ядерні гепатоцити. Такі зміни супроводжувалися нерівномірною помірно вираженою круглоклітинною, переважно лімфоцитарною, інфільтрацією в портальних трактах і у внутрішньочасточковій стромі. Проте слід вказати, що поряд із описаними змінами, спостерігалося зменшення некротичних проявів та збільшення частки інтактних гепатоцитів. Більш виразними ставали компенсаторні явища – збільшувалася кількість крупних двоядерних клітин

В стромі портальних трактів печінки також незначно збільшувалася частка сполучної тканини. Деструктивні зміни гепатоцитів були відсутні, але виявлялися нерівномірно виражені дистрофічні прояви різної інтенсивності. Слід зауважити, що в цей період виявлялися також і ознаки регенерації гепатоцитів – з'являлися гіпертрофовані клітини із двома ядрами (рис. 7).

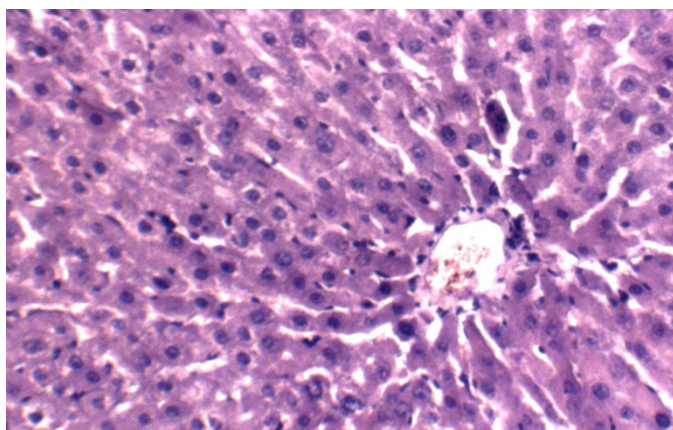

Рис. 7. Гістологічна структура печінки 24-місячного щура після корекції пептидом цистеїл-гістидил-тирозил-гістидил-ізолейцин. Дистрофічні зміни гепатоцитів на периферії часточки. Поодинокі двоядерні клітини. Забарвлення гематоксиліном та еозином. $\times 160$.

Висновки:

1. Токсичне ураження ацетатом свинцю, сульфатом міді та гліфосатом викликає комплекс змін, властивих для загальнотоксичних впливів і зумовлених як прямим токсичним впливом речовин, що вводились, так і гіпоксичним пошкодженням внаслідок важких розладів органної мікрогемодинаміки.
2. Морфологічна сутність таких змін полягала у розвитку різного ступеня дистрофічних та деструктивних

процесів паренхіматозних компонентів органів на тлі мікроциркуляторних зрушень. Найбільш виражені ураження органу виявлені у молодих і старих тварин.

3. Застосування пептиду, як чинника корекції за інтоксикації досліджуваними ксенобіотиками зменшує ступінь пошкоджень структурних компонентів печінки, сприяє активному перебігу регенераторних процесів та їх відносній нормалізації.

Література

1. Головачова В. О. Вплив факторів зовнішнього середовища на фосфоліпідний спектр сироватки крові дітей, хворих на нефропатію / В. О. Головачова // Здоровье ребенка. – 2010. – № 3 (25). – С. 38-41.
2. Дереча Л.М. Макро- і мікроелементи: сучасні уявлення про їх функціональне значення в теплокровному організмі / Л.М.Дереча, В.В. М'ясоєва // Теоретична і експериментальна медицина. – 2007. – № 4. – С. 21-25.
3. Дмухальська Є. Б. Структурні зміни внутрішніх органів у молодих щурів, уражених солями важких металів та фосфорорганічними пестицидами/ Є. Б. Дмухальська // Медична та клінічна хімія. – 2015. –Т. 17, № 2. – С. 47-51.
4. 7,Кожем'якіна Ю.М., Хромова О.С., Філоненко М.А. Науково-практичні рекомендації з утримання лабораторних тварин та робота з ними. – К.: Авіцена, 2002. – 156 с.
5. Корбакова А.И. Свинец и его действие на организм (обзор литературы) /А.И. Корбакова, Н.С. Сорокина, Н.Н. Молодкина, и др.] // Медицина труда и промышленная экология. – 2001. – № 5. – С. 29-34.
6. Кундиев Ю.И. Зависимость изменения иммунных и биохимических механизмов поддержания гомеостаза от материнской кумуляции свинца в организме (экспериментальное исследование) / Ю.И. Кундиев, В.А. Стежка, Н.Н. Дмитруха, [и др] // Медицина труда и промышленная экология. – 2001. – № 5. – С. 11-17.
7. 3,Махинько В.И. Константы роста и функциональные периоды развития в постнатальной жизни белых крыс / В.И. Махинько, В.Н.Никитин // Молекулярные и физиологические механизмы возрастного развития. – Киев, 1975. – С. 308-326.
8. 10,Сапожников А.Г. Гистологическая и микроскопическая техника: руководство / А.Г. Сапожников, А.Е. Доросевич. – Смоленск : САУ, 2000. – 476 с.
9. Трахтенберг И.М. Влияние свинца на развитие окислительного стресса / И. М. Трахтенберг, Н.А. Утко, Т.К. Короленко, Ч.К. Мурадян // Токсикологический вестник. – 2002. – № 3. – С. 22-25.
10. Abdou Z.A. Protective effect of citric acid and thiol compounds against cadmium and lead toxicity in experimental animals / Z.A. Abdou, M.H. Attia, M.A. Raafat // J. Biol. Chem. Environ. Sci. – 2007. – №.2. – P. 481-497.
11. Mitchell R.B. International environmental agreements: a survey of their features, formation and effects / R.B. Mitchell // Annual Review of Environment and Resources. – 2003. – V. 28. – P. 429-461.
12. Tchounwou P.B. Heavy metal toxicity and the environment / P.B. Tchounwou, C.G. Yedjou, A.K. Patlolla et al.] // EXS. – 2012. – V. 101. – P. 133-164.

БИОПРОДУКЦИОННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ МОЛОДИ РАДУЖНОЙ ФОРЕЛИ ONCORHYNCHUS MYKISS ПРИ ПОСТОЯННОЙ ТЕМПЕРАТУРЕ И В ТЕРМОГРАДИЕНТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРИ РАЗНОЙ СТЕПЕНИ ПИЩЕВОГО НАСЫЩЕНИЯ

Зданович Владимир Владимирович

Кандидат биологических наук, доцент,

Биологический факультет, Московский государственный университет

*Исследовали биопродукционные показатели молоди радужной форели *Oncorhynchus mykiss* при постоянной температуре и в термоградиентном пространстве в зависимости от накормленности. Показано, что в условиях термоградиентного поля вне зависимости от величины рациона наблюдается оптимизация биопродукционных показателей. Особенно значительны увеличение эффективности использования пищи на рост при рационе равном половине насыщающего. За счет терморегуляторного поведения рыб создается такая динамика температурных воздействий, которая в наибольшей степени соответствует физиологическим и энергетическим потребностям организма.*

Ключевые слова: молодь радужной форели, термоградиент, скорость роста, рацион, эффективность конвертирования пищи

BIOPRODUCTIONAL INDICATORS OF JUVENILE RAINBOW TROUT ON-CORHYNCHUS MYKISS AT CONSTANT TEMPERATURE AND IN TERMOGRADIENTNOM SPACE, WITH VARYING DEGREES OF FOOD SATIATION

Zdanovich Vladimir Vladimirovich

PhD in biology, associate professor,

Biological faculty, Moscow State University

*The bioproductional indicators of juvenile rainbow trout *Oncorhynchus mykiss* were investigated under constant temperature and under termogradient space depending on satiation. It is shown, that in conditions of termogradient field irrespective of the ration value, there is optimization of bioproductional indicators. Especially the significant increase in the efficiency of the use of food for growth with diet equal to half of the saturation ration. Due to termoregulating behaviour of fish creates this dynamic thermal influences which corresponds to physiological and energy needs.*

Key words: juvenile rainbow trout, thermal gradient, growth rate, ration, food conversion efficiency

Среди многих экологических факторов – температура окружающей среды и обеспеченность пищей являются наиболее важными, определяющими темп роста и нормальное физиологическое состояние пойкилотермных животных, в том числе и рыб. В литературе имеется достаточно большое число работ, посвященных исследованию влияния температуры и величины, качества рациона на рост и физиологическое состояние рыб [1]. Как правило, такие экспериментальные работы проводятся при постоянных температурах и полном пищевом насыщении с целью выявления наиболее оптимальных условий при выращивании рыб в аквакультуре. Однако, условия окружающей среды не стационарны. В естественных водоемах температура воды постоянно изменяется в результате суточных, сезонных ее колебаний. Более того, водоемы по вертикали и горизонтали градиентны по температуре, особенно в теплое время года, когда у пойкилотермных гидробионтов наиболее активно протекают все метаболические процессы. Рыбы, перемещаясь в таких водоемах, постоянно испытывают колебания температуры. В природе полное пищевое насыщение рыб тоже не постоянное явление. Как правило, реальная величина суточного рациона рыб меньше, чем возможного насыщающего [7, 12].

В гетеротермальных условиях для рыб характерно термопреферендное поведение, проявляющееся в том, что они перемещаются в температурную зону, наиболее благоприятную для их роста и физиологического состояния [8, 2]. Зона термопреферендума может изменяться у рыб одного и того же вида в зависимости от возраста, сезона года, физиологического состояния, величины суточного рациона и качественного состава пищи [2, 19]. В зоне термопреферендума рыбы не остаются постоянно при каком-то определенном уровне температуры, а постоянно перемещаются в нем, испытывая те или иные перепады температуры [8]. В последнее время появился ряд работ, показывающих, что наиболее благоприятными для роста и физиологического состояния рыб и других пойкилотермных гидробионтов являются не постоянные температурные условия, а переменные терморегимы. При этом скорость роста и продукционные показатели рыб оказались наиболее высокими в условиях термоградиентного поля, когда рыбы имели возможность реализации терморегуляторного поведения и в максимальной степени оптимизировали свой метаболизм [4, 5, 6, 9, 16].

Однако один из аспектов особенностей роста и продукционных процессов рыб в условиях термоградиентного поля остается не совсем ясным. Речь идет о влиянии степени пищевого насыщения на рост, эффективность конвертирования пищи и продукционные показатели рыб в условиях термоградиентного поля. При всех ли уровнях пищевого насыщения в условиях термоградиентного поля у рыб наблюдается одинаковая степень оптимизации метаболических процессов, приводящих к более высокой скорости роста и улучшению биопродукционных показателей по сравнению с постоянными температурами? Настоящая статья и посвящена решению данной проблемы.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДИКА

Экспериментальные работы по влиянию степени пищевого насыщения рыб на скорость роста, эффективность конвертирования пищи и продукционные показатели при постоянной температуре и в условиях термоградиентного поля проведены на молоди радужной форели *Oncorhynchus mykiss*. Молодь форели получали с рыбозаводных заводов Московской области (Россия). При постоянной температуре 15, 17, 19, 21 °C ($\pm 0,5$ °C) молодь радужной форели выращивали в термостатированных аквариумах объемом 20-30 л. В условиях термоградиентного поля подращивание рыб вели в лотке (150 x 20 x 20 см), разделенном полуперегородками на 10 отсеков, в котором создавался линейный градиент температуры 15 ~ 21 °C. Длительность опытов составляла от 5 до 25 сут. В общей сложности проведено 13 опытов.

За счет принудительной аэрации содержание кислорода в воде во всех опытных аквариумах и термоградиентном лотке приближалось к нормальному. Ежедневно треть объема воды в каждом аквариуме заменяли на свежую. В опытах рыб кормили живым мотылем. Суточный рацион (% от сырой массы тела) молоди форели при каждом температурном режиме оценивали по разнице массы вносимого и несъеденного корма. В опытах рыб кормили два раза в сутки (утром и вечером). Такая частота кормления является наиболее оптимальной для роста форели [15].

В начале и в конце каждого опыта рыб взвешивали с точностью 0,01 г. Для каждого варианта опытов у рыб оценивали суточный прирост массы тела, удельную скорость роста сырой массы тела по формуле: $C_w = (\ln W_2 - \ln W_1) / t \times 100\%$, где W_1 и W_2 – масса рыб в начале и конце опыта, g ; t – длительность опыта, сут. Для оценки эффективности использования пищи на рост рассчитывали кормовой коэффициент как отношение массы потребленного за опыт корма к приросту массы рыбы. Скорость продуцирования рыб оценивали по суточному P/B-коэффициенту (отношение прироста массы рыб к средней массе за время опыта). С целью выяснения особенностей распределения молоди форели в термоградиентном поле на протяжении всего периода опыта по несколько раз в день отмечали место нахождения отдельных рыб и соответствующий ему уровень температуры.

Статистическую обработку полученных данных осуществляли с помощью программы «Statistica 6» с использованием критерия Стьюдента.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

На рисунке 1 представлены данные о частоте встречаемости сытой молоди форели при разной температуре в условиях термоградиентного поля 15 ~ 21 °C. Видно, что рыбы не сосредотачиваются в пределах какой-то очень узкой зоны, а используют все термоградиентное пространство, перемещаясь в нем. Наиболее часто рыбы находились в диапазоне температур 16-19 °C (73,4%) и намного реже при 15 °C (9,2%) и 20-21 °C (17,4%, $p < 0,01$). Выявленный температурный диапазон можно отнести к зоне эколого-физиологического оптимума

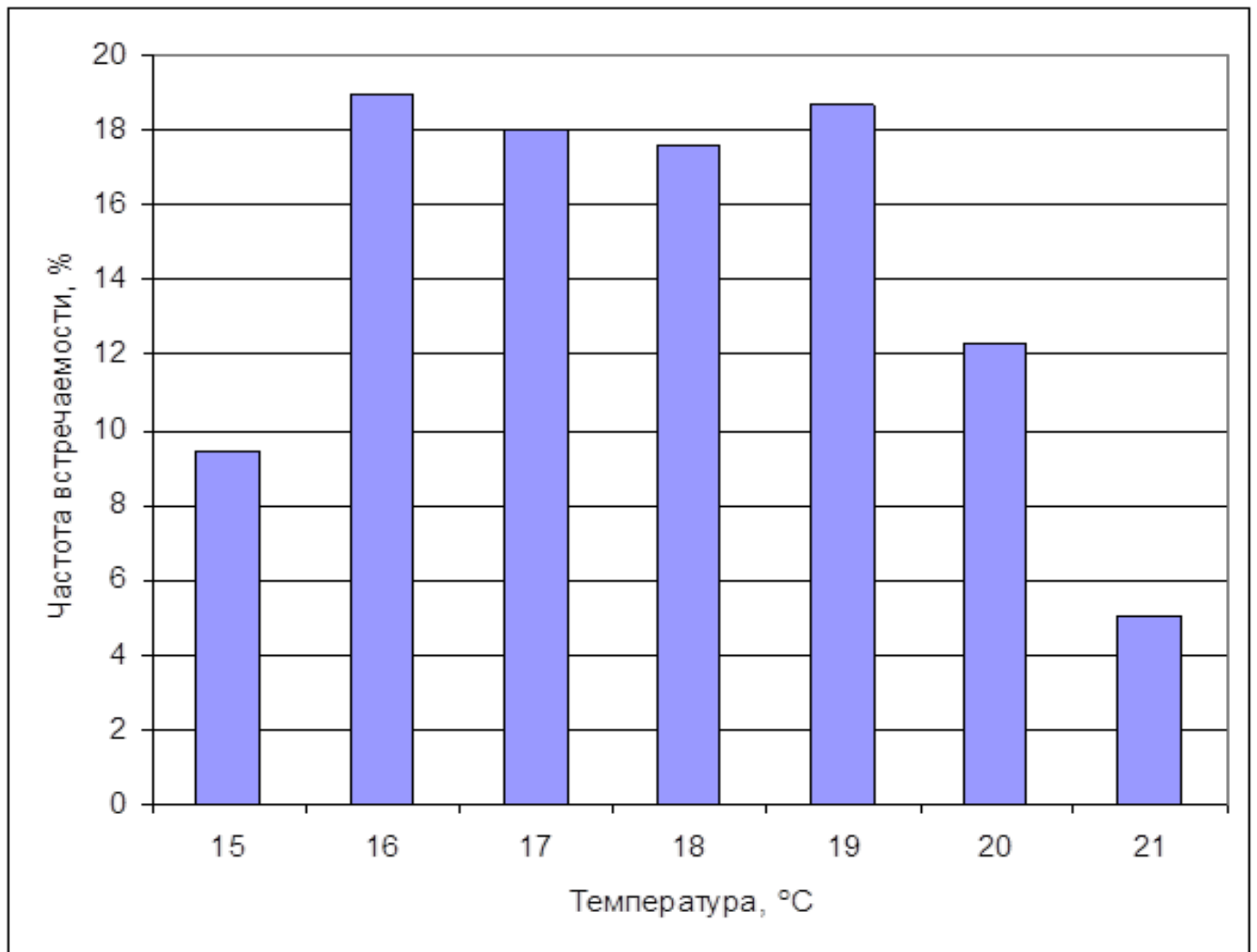

Рис. 1. Частота встречаемости молоди форели при разной температуре в условиях термоградиентного лотка (n=936).

молоди радужной форели, в пределах которой оптимизируются и наиболее эффективно происходят процессы роста и метаболизма рыб. Полученные нами результаты хорошо согласуются с литературными данными, в которых также указывается, что в термоградиентном пространстве молодь радужной форели встречается в температурном диапазоне 13-19 °C, при этом чаще всего в интервале 14-18 °C [18], или 16-18 °C [14]. В зависимости от температуры акклиматации (6-24 °C) область окончательно избираемых тем-

ператур у радужной форели варьирует от 12 до 22 °C [13].

В таблице 1 приведены экспериментальные данные о скорости роста, продукционных показателях и эффективности использования пищи на рост

Табл.1. Рост, эффективность конвертирования пищи и продукционные показатели молоди радужной форели в условиях постоянных температур и в термоградиентном пространстве при насыщающем рационе (длительность опыта 25 сут., n = 10 экз.)

Показатели Температурный режим, °C

	15	17	19	21	15 ~21
Средняя начальная масса, г (M ± m)	0,24±0,063	0,24±0,063	0,25±0,065	0,22±0,056	0,23±0,059
Средняя конечная масса, г (M ± m)	1,48±0,384	1,60±0,415	1,62±0,421	1,04±0,271*	1,61±0,341
Прирост рыбы за опыт, г	1,24	1,36	1,37	0,82	1,38
Суточный прирост, г/сут.	0,049	0,054	0,055	0,033	0,055
Удельная скорость роста, %г/сут.	7,1	7,6	7,5	6,3	7,8
Суточный рацион, % от массы тела	42,9	48,2*	48,5*	64,1**	43,2
Потреблено корма рыбой за опыт, г	9,23	11,07	11,33	10,10	9,94
Кормовой коэффициент	7,4	8,1	8,3	12,3	7,2
Суточный P/B коэффициент	0,0573	0,0590	0,0587	0,0525	0,0602

Примечание: отличия от варианта опыта в термоградиентном пространстве при уровне значимости: *p<0,05, **p<0,01.

молодь радужной форели при насыщающем рационе при постоянной температуре и в термоградиентном лотке 15~21 °С. Из данных таблицы видно, что при постоянных температурах 15, 17, 19 и 21 °С наибольшие суточный прирост массы тела и скорость роста рыб отмечаются при 17 и 19 °С. При этих температурах практически одинакова величина суточного рациона у рыб, однако величины кормового коэффициента и суточного Р/В-коэффициента несколько лучше при 17 °С, чем при 19 °С. Полученные нами данные указывают, что при насыщающем рационе оптимальной постоянной температурой для роста молоди форели является 17 °С, что хорошо согласуется с литературными данными, в которых также указывается, что статичный температурный оптимум роста молоди форели лежит в пределах 17-18 °С [3, 5, 16, 17]. В дальнейших опытах это значение температуры принимали за стационарный оптимум ее роста.

Снижение температуры до 15 °С приводит к уменьшению суточного прироста массы тела и скорости роста соответственно на 9,2 и 6,6%, а величин кормового коэффициента и суточного Р/В-коэффициента – на 8,6 и 2,9% по сравнению с аналогичными показателями при 17 °С. Улучшение эффективности конвертирования пищи при 15 °С, по сравнению с статичным термальным оптимумом 17 °С, согласуется с литературными данными, согласно которым пища у форели наиболее эффективно используется на рост при температуре, которая примерно на два градуса ниже статичного термального оптимума роста [1, 16]. Повышение температуры от 17 до 21 °С вызвало снижение суточного прироста массы и скорости роста рыб соответственно на 38,9 и 17,1% ($p < 0,05$), а величины суточного Р/В-коэффициента на 11,0%. Величина кормового коэффициента при 21 °С оказалась в 1,52 раза ($p < 0,05$) выше, чем при 17 °С. Размер суточного рациона молоди радужной форели с повышением температуры от 15 до 21 °С возрос в 1,5 раза, при этом в температурном диапазоне 17-19 °С средний суточный рацион рыб был практически одинаковым (48,2 и 48,5% от массы тела). Полученные данные показывают, что в исследованном диапазоне постоянных температур (15-21 °С) суточный насыщающий рацион молоди радужной форели в среднем составляет около 50% от сырой массы тела.

Сравнение полученных результатов в оптимальной для роста рыб постоянной температуре 17 °С и в термоградиентном лотке 15~21 °С указывает на более лучшие регистрируемые ростовые и продукционные показатели у молоди радужной форели в условиях термоградиентного поля. В лотке суточный прирост массы тела, скорость роста и суточный Р/В-коэффициент были соответственно в 1,02, 1,03 и 1,02 раза выше, чем регистрируемые при 17 °С. Величина суточного рациона рыб в термоградиентном поле оказалась на 10,4% меньше ($p < 0,05$), чем при статичном температурном оптимуме и была практически одинаковой с наблюдаемой в 15 °С. Эффективность конвертирования пищи на рост у рыб в условиях термоградиентного поля оказалась выше по сравнению с наблюдаемой при всех испытанных постоянных терморежимах. Кормовой коэффициент форе-

ли в термоградиентном лотке был на 11,1 и 2,7% ниже, чем наблюдаемый при постоянных температурах 17 и 15 °С, соответствующих стационарным оптимумам роста и эффективности конвертирования пищи.

С целью выяснения влияния величины суточного рациона на скорость роста молоди форели при стационарном температурном оптимуме (17 °С) рыб подращивали в течение 8 сут. при рационах, составляющих 15, 25, 40, 50 и 60% от сырой массы тела (рис.2). Видно, что изменение на 10% величины суточного рациона как в сторону уменьшения, так и в сторону увеличения от насыщающего (50% от массы тела рыб в сутки) не вызывает значительных отклонений в скорости роста форели. Уменьшение суточного рациона до 25% от массы тела привело к практически двукратному снижению скорости роста форели. По данным Д. Бретта [1, 11], температурный оптимум роста рыб смещается в зависимости от величины рациона. Так, при кормлении сухим кормом до насыщения молодь нерки *Oncorhynchus nerka* лучше всего росла при 15 °С. При снижении величины суточного рациона до 6% от массы тела оптимальная для роста нерки температура составляла 14 °С, при рационе 4,5% - 12 °С, а при рационах 3 и 1,5% от массы тела в сутки, соответственно, 9 и 6 °С. Таким образом, на величину статического температурного оптимума роста рыб большое влияние оказывает количество корма, доступное для рыб.

В таблице 2 представлены экспериментальные данные о скорости роста, эффективности конвертирования пищи и продукционных показателях молоди форели при оптимальной для роста постоянной температуре 17 °С и в термоградиентном поле 15~21 °С при рационах 50 и 25% от массы тела в сутки. При насыщающем рационе в термоградиентном лотке молодь радужной форели лучше росла и более эффективно использовала пищу на рост по сравнению с наблюдаемыми показателями в 17 °С. Аналогичная картина отмечается и в случае, когда величина суточного рациона составляла 25% от массы тела. Все регистрируемые показатели у рыб в условиях термоградиента оказались лучше, чем при постоянной температуре. Уменьшение величины рациона с 50 до 25% от массы тела в сутки закономерно привело и к снижению скорости роста опытных рыб как при постоянной температуре, так и в термоградиентном лотке (соответственно на 44,7 и 38,4%). Однако, при ограниченном рационе рыбы в условиях термоградиентного поля более эффективно используют пищу на рост и продукционные процессы. Средние суточный прирост массы, скорость роста и суточный Р/В-коэффициент при рационах 50 и 25% от массы тела в сутки в термоградиенте были соответственно в 1,11, 1,14 и 1,07, 1,19 раза выше, чем в 17 °С. Величина кормового коэффициента у рыб в термоградиентных лотках при сравниваемых рационах на 3,6 и 17,3% меньше, чем в условиях стационарного температурного оптимума роста. Средний суточный Р/В-коэффициент оказался, соответственно, в 1,09 и 1,18 раз выше, чем при 17 °С.

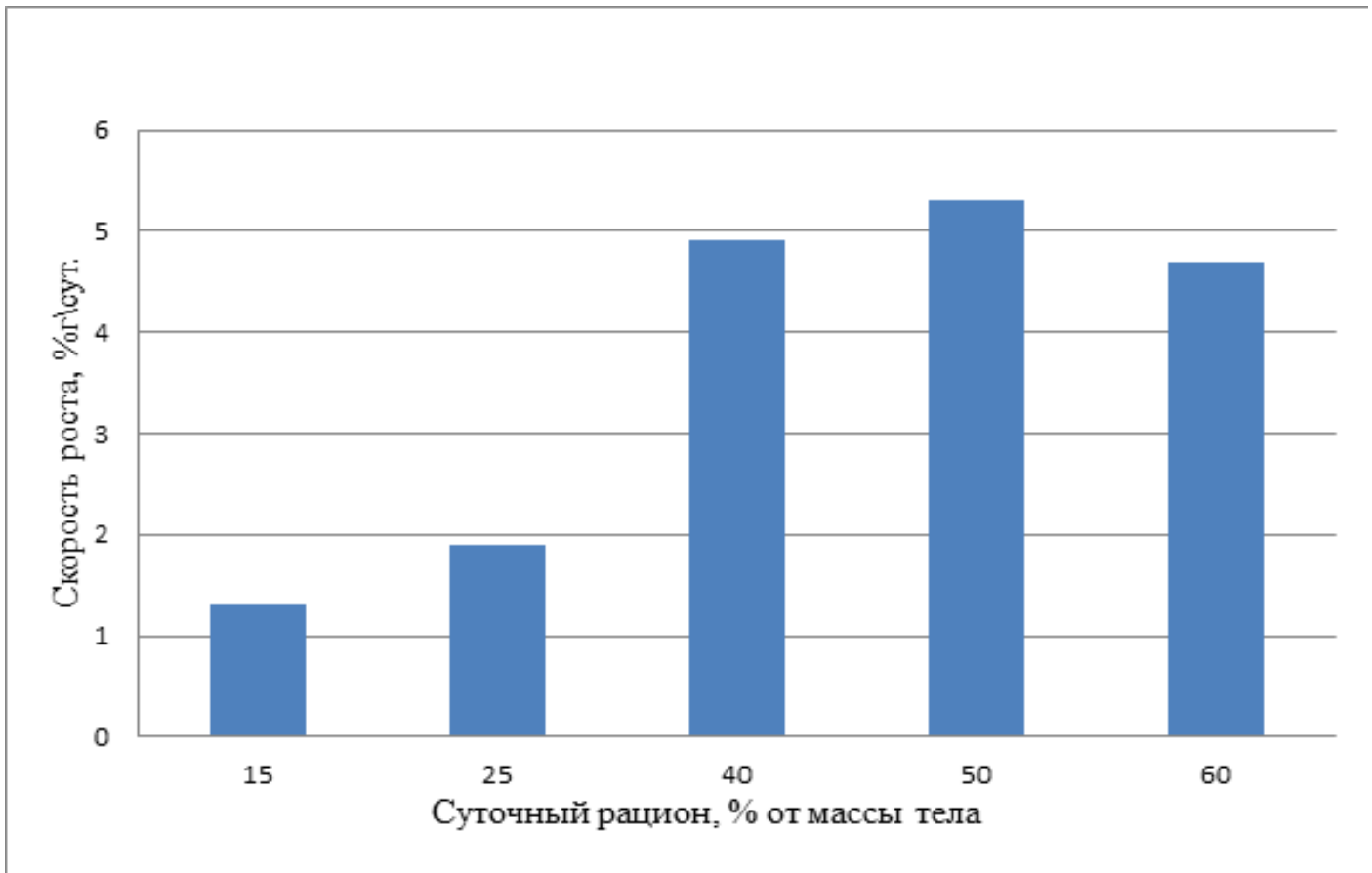

Рис.2. Скорость роста молоди радужной форели при 17 °С в зависимости от величины суточного рациона

Табл.2.

Биопродукционные показатели молоди радужной форели при оптимальной для роста постоянной температуре и в термоградиентном пространстве ($M \pm m$)

Показатели	Суточный рацион, % от сырой массы тела				По всем проведенным опытам	
	50%		25%		17 °С	15 ~21°С
	17 °С	15~21 °С	17°С	15~ 21°С		
Число опытов	5	5	8	8	13	13
Число рыб в опытах	35	35	50	50	85	85
Длительность опытов, сут.	5-25	5-25	5-16	5-16	5-25	5-25
Начальная масса рыб, г	0,22 -7,4	0,24 -9,3	0,54-12,7	0,49 -12,3	0,22 -12,7	0,24 -12,3
Средний суточный прирост, г/сут.	0,225±0,081	0,251±0,081	0,194±0,043	0,221±0,047	0,206±0,039*	0,232±0,041
Средняя скорость роста, %/сут.	5,38±0,615	5,76±0,651	2,97±0,470	3,55±0,489	3,90±0,491*	4,40±0,486
Средний кормовой коэффициент	9,84±0,742	9,48±1,086	9,14±0,972	7,56±0,807	9,41±0,648*	8,30±0,676
Средний суточный Р/В коэффициент	0,0483±0,0041	0,0530±0,0044	0,0298±0,0042	0,0352±0,0041	0,0378±0,0041*	0,0430±0,0040

Примечание: как в таблице 1.

Полученные результаты на радужной форели хорошо согласуются с данными исследования роста и энергетики молоди стерляди *Acipenser ruthenus* в оптимальном стационарном терморегиме и в термоградиентном пространстве в зависимости от накормленности. Также как и у радужной форели, у молоди стерляди в условиях термоградиентного поля вне зависимости от величины рациона наблюдается

оптимизация энергетики рыб – повышается степень использования потребленной пищи на рост, снижаются энергозатраты, величина неиспользованной энергии и расход кислорода на прирост единицы массы тела. Особенно значительны увеличение эффективности использования пищи на рост и снижение величины неиспользуемой энергии при величине суточного рациона равном четверти насыщающего [10].

В среднем, для совокупности всех проведенных опытов, в которых рыб выращивали при постоянной температуре 17 °С и в термоградиенте 15~21 °С при рационах 25-50% от массы тела в сутки, регистрируемые биопродукционные показатели молоди радужной форели в термоградиентном пространстве лучше по сравнению с наблюдаемыми в условиях статичного температурного оптимума роста. Так средние суточный прирост массы тела и скорость роста рыб в условиях термоградиента 15~21 °С оказались соответственно в 1,13 ($p < 0,05$) и 1,14 ($p < 0,05$) раза выше, чем при 17 °С. Величина среднесуточного Р/В-коэффициента радужной форели в условиях статичного температурного оптимума роста была в 1,14 ($p < 0,05$) раза ниже, чем регистрируемая в термоградиентном поле. Эффективность конвертирования пищи на рост также заметно выше в градиенте температур, чем в постоянном терморегиме 17 °С. Величина кормового коэффициента у форели в лотке оказалась на 11,8% ($p < 0,05$) ниже, чем в 17 °С.

Как показали исследования термопреферендного поведения рыб в термоградиентном пространстве, при насыщающем или избыточном рационе, когда в лотке постоянно имеется корм, преферендная зона сужается, а ее модальное значение смещается в сторону более высокой температуры,

близкой к статичному температурному оптимуму роста. Уменьшение степени накормленности приводит к расширению термопреферендной зоны рыб и смещению модального значения температуры в сторону более низких значений [8, 19].

ВЫВОДЫ

Проведенные нами исследования показывают, что в термоградиентном поле вне зависимости от величины рациона у молоди радужной форели оптимизируются биопродукционные показатели по сравнению с таковыми у рыб в условиях статичного температурного оптимума роста. Повышается суточный прирост массы тела, возрастают величины скорости роста и суточного Р/В-коэффициента, снижается кормовой коэффициент. По мере снижения величины суточного рациона от насыщающего до его половины повышается степень использования потребленной пищи на рост, более эффективно протекают продукционные процессы. За счет терморегуляторного поведения осуществляемого рыбами в термоградиентном пространстве, создается такая динамика температурных воздействий, которая в наибольшей степени соответствует физиологическим и энергетическим потребностям организма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бретт Д.Р. Факторы среды и рост // Биоэнергетика и рост рыб. М.: Легкая и пищевая пром-сть. 1983. С. 275-346.
2. Голованов В.К. Температурные критерии жизнедеятельности пресноводных рыб. 2013. М.: Издательство ПОЛИГРАФ-ПЛЮС, 300 с.
3. Голованов В.К., Валтонен Т. Изменчивость термоадаптационных свойств радужной форели *Onchorhynchus mykiss* Walbaum в онтогенезе // Биология внутренних вод. 2000. № 2. С. 106-115.
4. Зданович В.В. Термоградиент как экологический ресурс оптимизации роста и энергетики рыб в аквакультуре // Евразийский союз ученых (ЕСУ). Ежемесячный научный журнал. 2015. №6 (15). С.100-103.
5. Зданович В.В., Пушкар В.Я., Келехсаев М.З. Особенности роста и энергетики молоди радужной форели *Parasalmo (Oncorhynchus) mykiss* при постоянной температуре и ее кратковременных периодических отклонениях в верхнюю субоптимальную зону // Вопр. ихтиологии. 2011. Т.51. №4. С.494-501.
6. Зданович В.В., Пушкар В.Я., Панов В.П., Келехсаев М.З. Рост и энергобюджет молоди радужной форели *Onchorhynchus mykiss* (Walbaum) при постоянных и переменных терморегимах // Известия ТСХА. 2009. №5. С.63-69.
7. Карзинкин Г.С. Основы биологической продуктивности водоемов. 1952. М.:Пищепромиздат, 341 с.
8. Константинов А.С., Зданович В.В. Некоторые характеристики поведения молоди рыб в термоградиентном поле // Вестн. Моск. ун-та. Сер.16, Биология. 1993. №1. С.32-38.
9. Константинов А.С., Зданович В.В., Пушкар В.Я. Энергобюджет карпа *Cyprinus carpio* и золотой рыбки *Carassius auratus* в оптимальном стационарном и переменных терморегимах // Вест. Моск. ун-та. Сер.16, Биология. 2005. №1. С.39-41.
10. Константинов А.С., Зданович В.В., Пушкар В.Я., Речинский В.В., Костоева Т.Н. Рост и энергетика молоди стерляди *Acipenser ruthenus* в опти-мальном стационарном терморегиме и в термоградиентном пространстве в зависимости от накормленности // Вопр. ихтиологии. 2005. Т.45. №6. С.831-836.
11. Brett J.R., Shelbourn J.E. Growth rate of young sockeye salmon, *Oncorhynchus nerka*, in relation of fish size and ration level // J. Fish. Res. Board Can. 1975. V.32. №11. P.2103-2110.
12. Chase D.A., Flynn E.E., Todgham A.E. Survival, growth and stress re-sponse of juvenile tidewater goby, *Eucyclogobius newberryi*, to interspecific competition for food // Conservation Physiology. 2016. V.4. № 1. P.1-14.
13. Cherry D.S., Dickson K.L., Cairns J. Temperature selected and avoided by fish at various acclimation temperatures // J. Fish. Res. Board Canada. 1975. V.32. № 3. P. 485-491.
14. Cocherell D.E., Fanguie N.A., Klimley P.A., Cech J.J. Temperature preferences of hardhead *Mylopharodon conocephalus* and rainbow trout *Oncorhynchus mykiss* in an annular chamber // Environ Biol. Fish. 2014. V.97. №8. P.865-873.
15. Grayton B.D., Beamish F.W.H. Effects of feeding frequency on food in-take, growth and body composition of rainbow trout (*Salmo gairdneri*) // Aquaculture. 1977. V.11. № 2. P. 159-172.
16. Hokanson K.E.F., Kleiner C.F., Thorslund T.W. Effects of constant temperatures and diel temperature fluctuations on specific growth and mortality rates and yield of juvenile rainbow trout, *Salmo gairdneri* // J. Fish. Res. Board Can. 1977. V.34. № 5. P. 639-648.
17. Jobling M. Temperature tolerance and the final preferendum – rapid methods for the assessment of optimum growth temperatures // J. Fish Biol. 1981. V.19. № 4. P. 439-455.

18. Schurmann H., Steffensen J.E., Lomholt J.P. The influence of hypoxia on the preferred temperature of rainbow trout *Oncorhynchus mykiss* // J. Exp. Biol. 1991. V.157. P.75-86.

19. Zdanovich V.V. Alteration of thermoregulation behavior in juvenile fish in relation to satiation level // Journal of Ichthyology. 2006. V.46. Suppl.2. P.188-193.

SPACE CYCLICITY AND SYNCHRONOUS PHOTOSYNTHETIC TIME-COURSE OF DECIDUOUS TREES FOLIAGE IN KOLA SUBARCTIC НАСЫЩЕНИЯ

Кашулин Пётр Александрович

доктор биол. наук, главный научный сотрудник Полярно-альпийского ботанического сада-института Кольского НЦ РАН, Апатиты

Калачёва Наталия Васильевна

младший научный сотрудник Полярно-альпийского ботанического сада-института Кольского НЦ РАН, Апатиты

Методами импульсной флуоресцентной спектроскопии проведен мониторинг фотосинтетической активности листопадных деревьев и культурных кустарников на Кольском севере в 2014-2015 гг. Обнаружено, что квантовый выход максимальной и переменной флуоресценции хлорофилла, связанной с фотохимической конверсией, у разных листьев кроны, близко растущих крон соседних деревьев одного или разных видов характеризуется многодневной цикличностью и синхронностью. Высокие летние температуры усиливают цикличность и синхронность фотосинтеза, одновременно повышая холодостойчивость растения.

Ключевые слова: Субарктика; растения; фотосинтез; цикличность, синхронность, устойчивость; хлорофилл; импульсная амплитудно-модулированная флуоресценция.

Kashulin Peter

Researcher Principal, Polar-Alpine Botanical Garden-Institute, Kola Science Centre, Apatity

Kalacheva Natalya

Associate Researcher, Polar-Alpine Botanical Garden-Institute, Kola Science Centre

Long-term monitoring for both native arboreal and cultivated woody plants photosynthetic competence was carried out in terms of PAM chlorophyll fluo-rescence at Kola North. The temporal patterns of photochemical conversion and chlorophyll fluorescence in native attached leaves were cyclic and have been changed in sync among foliage of any single tree crone or between crones of neighbor plants of the same or different species. The warm summer temperatures promote the cyclicity and synchronous dynamics of the photosynthesis, simultaneously increasing cold tree hardiness.

Keywords: Subarctic; deciduous plants; photosynthesis; cycles; synchronous dynamics, hardiness; chlorophyll; Pulse Amplitude Modulated (PAM) fluorescence.

Лесные экосистемы играют ключевую роль в углеродном балансе наземных экосистем. Предсказания последствий глобальных биосферных изменений затруднены неопределенностью изменений пространственно-временной динамики лесной продуктивности, обусловленных климатическим потеплением, а интенсификация климатических изменений вызывает порой неожиданные изменения в наземных экосистемах. Так, недавно обнаружена пространственная синхронность динамики роста основных лесобразующих видов. Она зарегистрирована по приростам древесных колец как на уровне отдельных древостоев, так на широкой географической шкале даже среди контрастных (бореальные и средиземноморские) евроазиатских биомов [1].

По мнению авторов, пространственные синхронные паттерны динамики лесной продуктивности являются признаками раннего предупреждения климатических воздействий на субконтинентальных шкалах. Несмотря на обнаруженную пространственную синхронность прироста древесных колец механизм синхронизации лесной продуктивности и факторы её вызывающие пока не ясны.

Ранее, нами были обнаружены синхронные режимы работы фотосинтетического аппарата (ФСА) листовых пластинок лесобразующих листопадных бореальных видов на уровне кроны отдельных деревьев [2,3]. Целью данной работы было выяснение существования пространственной

когерентности фотосинтетической функции разных, близко растущих деревьев.

В работе представлены результаты мониторинга фотосинтетической активности бореальных лесобразующих видов и некоторых культурных листопадных кустарников в Кольской субарктике. В 2014-2015 осуществляли ежедневную запись флуоресценции хлорофилла ассимиляционных органов индикаторных образцов листопадных культурных и дикорастущих древесных пород, произрастающих в лесопарковой зоне западной территории Кольского полуострова. На основе полученных данных сравнивали многодневную динамику эффективности фотосинтеза, надежности фотозащитных систем и фотосинтетического аппарата разных листьев кроны близко растущих растений в процессе их акклимации к смене световых условий и похолоданиям.

Хлорофилл – основной хромофор ФСА, участвующий в улавливании фотонов, в регуляции перераспределения энергии возбуждения реакционных центров между фотохимической конверсией, формированием редокс-потенциала и протонного градиента на мембранах тилакоидов хлоропластов. Он выполняет эти задачи с высокой эффективностью, однако малая доля поглощённых фотонов высвечивается в виде красной флуоресценции. Флуоресценция зависит от метаболической активности, физиологического состояния растения и позволяет контролировать его светозависимую энергетику путём измерения флуоресценции листовых пла-

стинок [4], хвои [5] или коры однолетних побегов [6].

Возможности фотосинтеза бореальных растений ограничены трендами сезонных температур, зависят от уровня фотосинтетически активной радиации (ФАР) и коротковолновых компонент спектра, включая ультрафиолет [7]. Восприимчивость и реакции растения зависят от его наследственности, способности к адаптации и акклимации, физиологического состояния и возраста.

В качестве объектов использовали индикаторные древесные породы разного возраста, представляющие аборигенные, листопадные виды: ива *Salix carnea* L., осина *Populus tremula* L., берёза *Betula pendula* Roth и окультуренные кустарники, интродуцированные на Кольский север: жимолость съедобная *Lonicera edulis* Turcz. Ex Freyn., жимолость татарская *L. tatarica* L., сирень венгерская *Syringa josikaea* Jacq. fil..

Физиологическую активность ФСА листьев определяли *in situ*, измеряя их собственную или искусственно активированную светодиодами импульсно-модулированную флуоресценцию. Анализировали её долю, контролируруемую фотосистемой II (ФС II):

$$Y(II) = F_v' / F_m'$$

где $F_v' = F_m' - F_o'$ - переменная, F_o' - минимальная и F_m' - максимальная флуоресценция хлорофилла в условиях активирующего освещения. Параметр $Y(II)$ отражает долю энергии возбуждённых реакционных центров, расходуемую на фотохимическую конверсию, которая близка к среднему квантовому выходу фотосинтеза и зависят от световых условий среды, поэтому используют также параметр

F_v/F_m , когда переменную и максимальную флуоресценцию измеряют после темновой адаптации растения [8,9]. Для расчёта F_v и F_m использовали вечерние измерения.

Измерения проводили флуориметром РАМ-2100, «WALZ, Effetrich», ФРГ. В качестве источника активирующего света использовали светодиод, излучающий импульсы света с длиной волны 655 нм интенсивностью около 3000 мкЕ/м² • с-1 длительностью 800 мс, подаваемый при включённом активирующем свете 250 мкЕ / м² • с⁻¹. Интенсивность измеряющего импульсного света частотой 0,6 кГц или 20 кГц не превышала 5 мкЕ/м² • с⁻¹. Неинвазивность метода и пассивный характер сбора данных обеспечивали непрерывное получение информации о текущем состоянии ФСА одних и тех же листовых пластинок вплоть до их опадения. Параллельно измеряли интенсивности ФАР и УФ радиации, температуру в непосредственной близости к листовым пластинкам. Измерения проводили ежедневно в полдень и вечерние часы.

Многодневные измерения максимальной флуоресценции хлорофилла пяти разных листьев - параметр F_m расположенных в разных частях кроны дерева для берёзы *Betula pendula* Roth в июле 2015 г. представлены на рис. 1. Изменение флуоресценции отражает физиологическое состояние дерева и влияние окружающей среды, в том числе температуры, ФАР и УФ радиации. Динамика характеризуется двумя важными особенностями: цикличностью и синхронностью изменений показателя у разных листьев кроны.

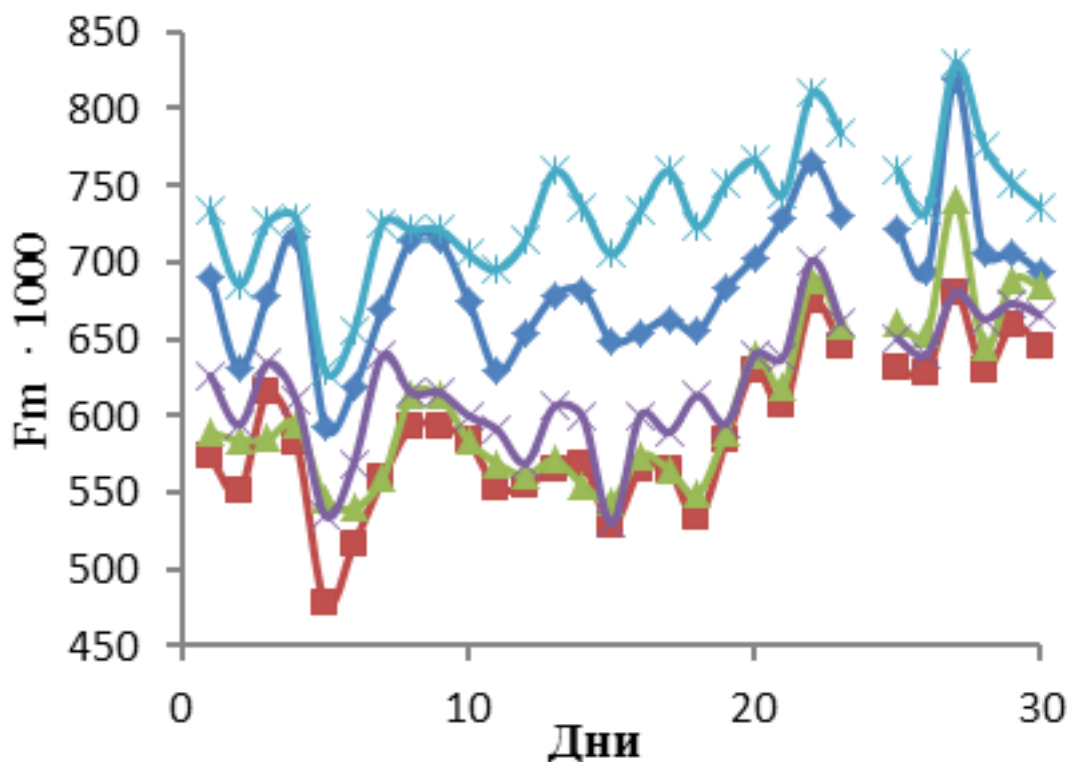

Рис. 1 Динамика изменения максимальной флуоресценции пяти разных листьев кроны берёзы *Betula pendula* Roth в июле 2015

Синхронность динамики параметров флуоресценции хлорофилла для разных листьев кроны повышалась в наиболее теплые дни летнего сезона. В более теплое лето 2014 г. синхронность в целом для разных видов была более высокой, чем летом 2015 г. Особенно отчетливо различие ди-

намики активности ФА для наблюдаемых видов было зарегистрировано осенью, в самом конце сезона вегетации. На рис. 2 представлена переменная флуоресценция пяти листьев в последние дни их пребывания на кроне одного и того же дерева берёзы в 2014 и в 2015 гг. В более теплом

2014-м году срок пребывания листьев на дереве увеличился примерно на две недели, а многодневная динамика переменной флуоресценции листьев отличалась более высокой цикличностью и синхронностью.

Известно, что циклические системы в большей степени склонны к синхронизации, что подтверждается нашими данными для динамики фотосинтеза. Известно также [10,

11], что цикличность динамических систем может обеспечивать им дополнительную устойчивость, таким образом, применительно к данному случаю, цикличность обеспечивает дополнительный запас устойчивости фотосинтезирующих органов дерева к осенним похолоданиям, увеличивая сроки активной ассимиляции.

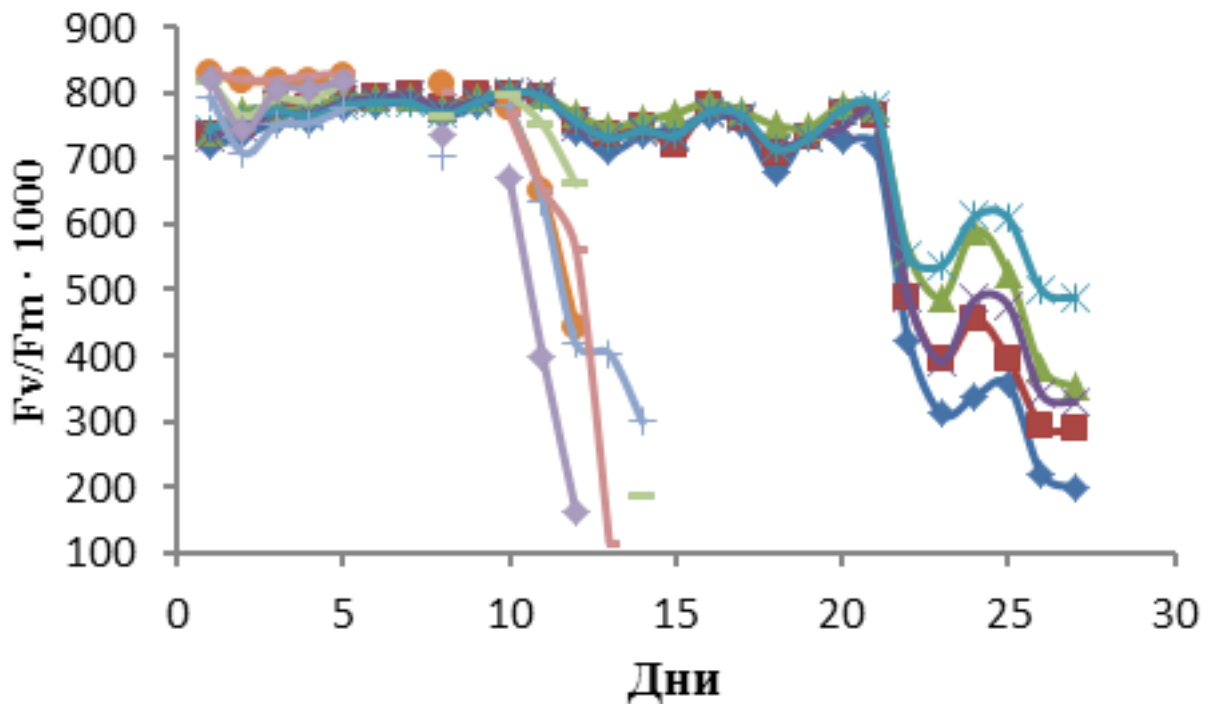

Рис. 2. Сравнительная динамика последних дней жизни пяти разных листьев кроны березы *Betula pendula* в 2014 г. (справа) и в 2015 (слева)

Падение синхронности наблюдали при летних похолоданиях, которое имело место в августе в 2015, рис. 3. На рисунке показаны средние десяти парных коэффициентов корреляции разных листовых пластинок кроны одного дерева березы за весь сезон вегетации.

Таким образом, находящиеся в совершенно разных световых, температурных и физиологических условиях листовые пластинки при определенных обстоятельствах способны дистанционно координировать свои фотосинтетические функции. Усиление солнечной радиации обеспечивает быстрое включение фотозащитных систем хлоропластов не только у листьев открытой экспозиции, но и затененных. Возможным синхронизирующим фактором листьев кроны является интегральное усиление флуоресценции множества

листовых пластинок кроны.

Таким образом, можно предполагать возможность дистанционного взаимовлияния листовых пластинок разных крон близко растущих деревьев. Нами было обнаружено дистанционное согласование работы ФА листовых пластинок разных образцов опытных растений одного вида и близко растущих деревьев разного вида. На рис. 3 показана статистическая связь многодневной динамики переменной флуоресценции листовых пластинок для близко стоящих на расстоянии 4 метра деревьев старовозрастной березы *Betula pendula* и осины *Populus tremula* L в июле 2015 г. Коэффициенты парной корреляции для переменной флуоресценции F_v/F_m варьировали в июле пределах 0,87 – 0,97 для разных листьев.

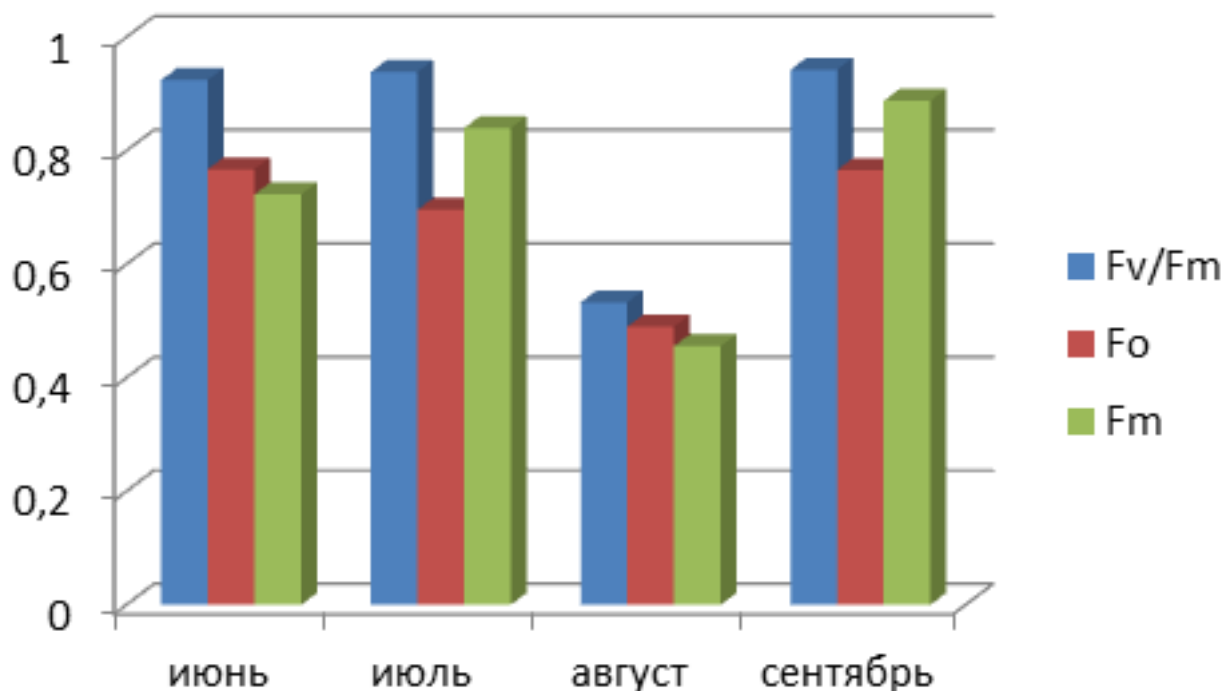

Рис. 3. Основные показатели усредненной парной корреляции пяти разных листьев кроны флуоресценции хлорофилла листьев старовозрастной березы летом 2015 г.

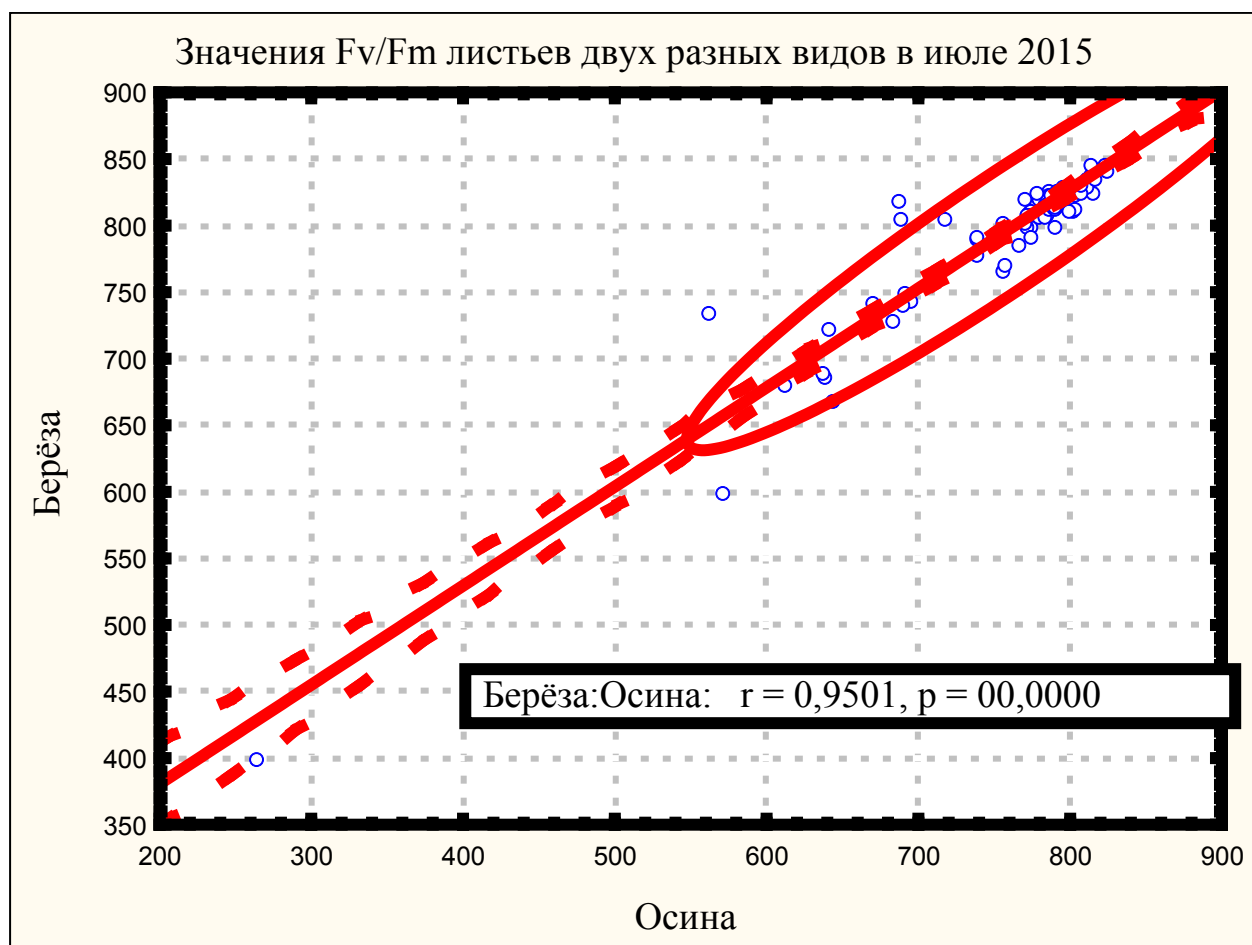

Рис. 4. Статистическая связь динамики переменной флуоресценции близко растущих деревьев осины и березы в июле 2015 г.

Для двух молодых 10-15 летних деревьев березы, для пары береза - ива *Salix caprea* L, для пары жимолость

Lonicera edulis Turcz. Ex Freyn - сирень *Syringa josikaea* Jacq. Fil коэффициенты корреляции переменной флуоресценции

хлорофилла листьев в июле 2015 г. составили: 0,885, 0,875 и 0,898, соответственно.

Корреляция работы ФА разных особей частично обусловлена синхронизирующими факторами окружающей среды. Для оценки его вклада проводили измерения пространственно изолированных деревьев, в этом случае коэффициент корреляции динамики фотосинтеза не превышал значения 0,73. Таким образом, можно предполагать, что более высокие корреляции обусловлены взаимным кооперативным влиянием особей.

В целом для более старых и крупномерных деревьев с густой кроной и большим количеством листовых пластинок было обнаружено более высокая синхронность работы ФСА, чем для молодых экземпляров деревьев. Эта закономерность характерна для разных видов растений, независимо от выбора разных комбинаций их пар для взаимно анализа.

Таким образом, эффективность адаптивных функций растений к меняющимся условиям среды определяется не только их наследственным и физиолого-биохимическим потенциалом, но и динамикой его реализации. Циклическая

динамика повышает устойчивость северных видов к низким температурам. Важной особенностью физиолого-биохимических механизмов, контролирующих эндогенную околосуточную цикличность разных экотермных организмов, является устойчивость этого ритма к температуре. Большинство биохимических процессов чувствительны к температуре так, что их скорость меняется в 2-3 раза с изменением температуры на каждые 10^о, то есть Q₁₀ = 2-3 [12]. Тогда как для циркадных ритмов Q₁₀ меняется в пределах 0,8-1,4, для растения *Arabidopsis* в 20-ти градусном интервале Q₁₀ = 1.0-1,1 [13].

Таким образом, можно предполагать, что молекулярные механизмы, ответственные за температурную робастность эндогенных биологических часов обеспечивают и холодоустойчивость бореальных видов. А циклическая динамика функций ФСА обеспечивает дистанционную координацию модулей кроны отдельно взятого дерева и взаимные влияния близко расположенных растений, увеличивая тем самым адаптивный потенциал популяции.

Список литературы:

1. Shestakova, T. A., Gutiérrez, E., Kirdeyanov, A. V., Camarero, J.J., Génova, M., Knorre, A.A., Linares, J.C., Resco de Dios, V., Sánchez-Salguero, R., Voltas, J. Forests synchronize their growth in contrasting Eurasian regions in response to climate warming // *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2016; 113 (3), P. 662-667.
2. Кашулин П.А., Калачева Н.В. Суточные ритмы фотосинтеза и холодоустойчивость растений // *Вестник КНЦ РАН*. Т. И20. № 1. С. 85-92.
3. Кашулин П.А., Калачева Н.В. Цикличность фотосинтеза и устойчивость растений в Кольской Субарктике // *Научные перспективы XXI века. Достижения и перспективы нового столетия. XI Международная научно-практическая конференция*, Новосибирск, 22-23.05. 2015. С. 124-127.
4. Bolhar-Nordenkampf, H.R., Long, S.P., Baker, N.R., Oquist, G., Schreiber, U., Lechner, E.G. // *Funct. Ecolol. Chlorophyll fluorescence as a probe of the photosynthetic competence of leaves in the field: A review of current instrumentation*. 1989. V.3 P. 497-514.
5. Кашулин П.А., Калачева Н.В. Возрастные изменения функций фотосинтетического аппарата сосны европейской // *Вестник Кольского НЦ*, 2011. Т.5 № 2. С. 34-40.
6. Венедиктов П.С., Казимирко Ю.В., Кренделева Т.Е., Кукарских Г.П., Макарова В.В., Погосян С.И., Яковлева О.В. Изучение физиологического состояния древесных растений по характеристикам флуоресценции в коре однолетних побегов деревьев // *Экология*. 2000. № 5. С. 338-342.
7. Кашулин П.А., Калачева Н.В., Артемкина Н.А., Черноус С.А. Фотохимические процессы в растениях на Севере и окружающая среда // *Вестник МГТУ*. 2009. Т.12. Вып. 1. С. 137-142.
8. Genty B., Briantais J-M., Raker N.R. The relationship between the quantum yield of photosynthetic electron transport and quenching of chlorophyll fluorescence // *Biochim. Biophys. Acta*. 1989. V. 990. P. 87-92.
9. Kramer D.M., Johnson J., Kiirats O., Edwards G.E. New flux parameters for the determination of QA redox state and excitation fluxes // *Photosynthesis Research*. 2004. V. 79. P. 209-218.
10. Пиковский А.С., Розенблюм М.Г., Куртс Ю. Синхронизация. Фундаментальное нелинейное явление. М.: Техносфера, 2003. 496 с.
11. Björnstad O.N. Cycles and synchrony: Two "historical" experiments and one experience // *Journal of Animal Ecology*. 2000. Vol. 69. P. 869-873.
12. Johnson C.H., Knigh M., Trewavas A., Kondo T. A clock-work green circadian programs in photosynthetic organisms // P.J. Lumsden, A.J. Millar, eds. *Biological Rhythms and Photoperiodism in Plants*. BIOS Scientific Publishers, Oxford. 1998. P. 1-34.
13. Somers D.E. The physiology and molecular bases of the plant circadian clock // *Plant Physiology*. 1999. V.121. P. 9-19.

СЕЛЕНОБОГАЩЕННЫЕ БИОЛОГИЧЕСКИ АКТИВНЫЕ ДОБАВКИ

Капельяни Л.В.

Доктор технических наук, профессор кафедры биохимии, микробиологии и физиологии питания,
Одесская национальная академия пищевых технологий

Трегуб Н.С.

аспирант кафедры биохимии, микробиологии и физиологии питания,
Одесская национальная академия пищевых технологий

В статье приведены данные касающиеся актуальности создания новых селенобогатых биологически активных добавок. Описана способность микроорганизмов к биотрансформации селена. Приведены данные о влиянии концентраций селенита натрия на прирост биомассы лактобактерий. Подтверждена способность к биотрансформации неорганических форм селена исследуемыми микроорганизмами, в процессе их культивирования. С помощью флуориметрический метода определено количественное содержание биотрансформированного селена. С участием физико-химических методов выделено наноструктуры селена.

Ключевые слова: биологически активные добавки, селен, лактобактерии, наноструктуры селена, оптическая плотность

SELENIUM-ENRICHED DIETARY SUPPLEMENT

Kaprelyants L.V.

doctor of technics, professor, Odessa National Academy of Food Technologies

Tregub N.S.

graduate student, Odessa National Academy of Food Technologies

The article presents data on the relevance of new selenium enriched dietary supplements. It was described the ability of microorganisms to the biotransformation of selenium. It was presented data on the effect of sodium selenite concentrations to increase biomass lactobacilli. It was proven capacity for biotransformation of inorganic forms of selenium studied microorganisms in their cultivation. Using the colorimetric method defined quantitative bio transformed selenium. With the participation of physicochemical methods highlighted nanostructures selenium.

Keywords: dietary supplements, selenium, lactobacilli, selenium nanostructure optical density

Вступление

Биологически активные добавки - это композиции биологически активных веществ, предназначенных для непосредственного приема с пищей или введения в состав пищевых продуктов. Подавляющее их большинство имеет различные лечебные свойства, если поступает в организм в определенных количествах, пропорциях и сочетаниях. БАДы устраняют дефицит или избыток каких-либо соединений в организме человека [1].

Селен - эссенциальный микроэлемент, входящий в состав многих белков, ферментов организма человека. Он выполняет роль катализатора окислительно-восстановительных реакций, защищая организм человека от вредного воздействия свободных радикалов. Селен относится к микроэлементам для которых интервал между адекватным и максимально допустимым уровнем потребления сравнительно узкий и во многом зависит от того, в какой форме селен попадает в организм. В пищевых продуктах животного и растительного происхождения, практически весь селен представлен в органической форме. При этом, в продуктах животного происхождения преобладает селеноцистеин, а в продуктах растительного происхождения - селенометионин [3,8]. Однако в достаточном количестве БАД отечественного и зарубежного производства в качестве пищевого источника селена используют его неорганические соединения в виде селенитов и селенатов.

Как органические, так и неорганические соединения селена достаточно эффективно всасываются в желудочно-кишечном тракте. При этом селенит и селенат анионы восстанавливаются ферментативным путем в селеноводорода. Возможности утилизации последнего в организме ограни-

чены в количественном отношении и при попадании в организм избыточного количества неорганического селена он может накапливаться в тканях в форме свободного высоко токсичного гидроселенид аниона. В то же время селенометионин и селеноцистеин утилизируются другим путем, что значительно уменьшает риск неблагоприятного воздействия на организм в случае передозировки селена в этой форме по сравнению с его неорганическими соединениями.

Исходя из выше изложенного, проблема поиска новых пищевых источников органического селена и оценка их биологического действия очень актуальна. Перспективными являются биотехнологические способы получения пищевых источников этого безусловно эссенциального для организма человека микроэлемента, в частности, использование в качестве объектов для биотехнологического встраивания бактерий рода *Lactobacillus*.

В нашей работе сделана попытка провести исследования, которые позволяют оценить возможность использования биоматриц для встраивания селена с целью получения новых пищевых источников этого элемента. Такой биотехнологический подход позволит получить селенобогатые пробиотические препараты, которые могут осуществить положительные эффекты на здоровье человека за счет их антиоксидантных, антипатогенных, антимуtagenных и антиканцерогенных свойств. Новые селенсодержащие пробиотические микроорганизмы могут проявлять много новых свойств, а именно нутритивных, оздоровительных и технологических и могут использоваться при создании функциональных продуктов питания.

Надо подчеркнуть, что лактобактерии являются одними из важнейших бактерий, которые используют в пищевой

промышленности. Они характеризуются разнообразной функциональностью. Их основные свойства, а именно пробиотические, антимикробные, способность к мультивитаминному синтезу и синтезу полисахаридов используют при создании продуктов функционального назначения.

Одним из таких свойств, характерных для лактобактерий является способность связывать, поглощать и биотрансформировать ионы металлов из питательной среды. Это свойство имеет важное физиологическое, технологическое и пищевое значение. Обогащение этих бактерий избранными металлами изменяет их физико-химические свойства и может быть селективно использовано для улучшения их пробиотических и оздоровительных свойств. Таким образом, получение обогащенных селеном лактобактерий имеет двойной эффект - новые физиологические свойства лактобактерий и оздоровительные эффекты селена в их составе.

Целью работы было создание лакто- содержащей биологически активной добавки обогащенной органическими формами селена и добавки на основе наноструктур селена.

Методы исследований

В работе использовали музейную культуру *Lactobacillus acidophilus* 412/307 (кафедры биохимии, микробиологии и физиологии питания ОНАПТ).

Культивирование проводили на среде с творожной сыворотки с добавлением молока, кукурузного экстракта и солей уксусно-кислого натрия и сульфата магния. Культивирование осуществляли в 500 мл колбах, содержащих 300 мл среды культивирования с добавлением селенита натрия (ООО НПП Хэмел), в концентрации 2 мкг / см³. Инокулят суточной культуры лактобактерий вносили в количестве 5%. Культивирование проводили при 37°C в течение 24 часов. По завершению процесса культивирования полученную биомассу отделяли от культуральной жидкости путем центрифугирования при 10000 об / мин, в течение 15 минут. Для удаления неусвоенного микроорганизмами неорганического селена, биомассу промывали три раза в стерильной дистиллированной воде. К полученной биомассе добавляли защитной среды в соотношении 1: 1. Содержание защитной среды в % составлял: сахара - 10 желатозы - 5, молоко - 5. После чего лиофильно высушивали.

Для получения свободных наночастиц селена в культуральную среду добавляли 20 мкг / см³ селенита натрия.

Культивирование проводили при 37°C в течение 24 часов. Полученную биомассу отделяли от культуральной среды методом центрифугирования, при 10000 об / мин., в течение 15 мин. Супернатант удаляли, а биомассу микроорганизмов промывали дистиллированной водой с последующим центрифугированием при вышеупомянутых режимах. На начальном этапе полученной биомассы бактерий добавляли концентрированную соляную кислоту в соотношении 1: 1. Экспозиция длилась четыре дня. После чего биомассу промывали стерильной дистиллированной водой и центрифугировали при выше упомянутой методике. Супернатант удаляли, а биомассу замораживали. Далее биомассу выдерживали в условиях воздействия высокочастотных электромагнитных волн микроволнового диапазона, которые создает мощный генератор магнетрон, при мощности 70%, температуре 90°C биомассу выдерживают в течение 15 минут. Для отделения клеточных обломков от наноструктур селена биомассу разводили 30 мл стерильной дистиллированной воды и фильтровали в вакуум-фильтре. Следующим этапом было отделение обломков бактериальных клеток от конгломератов наноструктур селена и выпаривания остатков дистиллированной воды.

Оптическую плотность суспензии определяли при 590 нм (фотоколориметр КФК-2-УХЛ 4.2, кювета с расстоянием 1 см). По полученным данным строили графики в полулогарифмических координатах.

Учет результатов проводили путем подсчета колонии образующих единиц с последующим микроскопированием. Количество колонии образующих единиц (КОЕ / см³) определяли методом десятикратных разведений. В ходе работы определяли изменение показателей активной и титруемой кислотности.

Содержание селена в микроорганизмах определяли флуориметрическим методом с использованием 2,3-диаминонафталина (ГОСТ РФ 55449-2013). Спектры люминесценции определяли на спектрометре СДЛ-1 (ЛОМО Ленинград) с ртутной лампой ДШР-250, светофильтром УФС-2, при длине волн 313 и 365 нм.

На начальном этапе определяли показатели оптической плотности при культивировании лактобактерий на селеновмисных средах. Рис. 1 отражает изменение показателей оптической плотности в процессе культивирования.

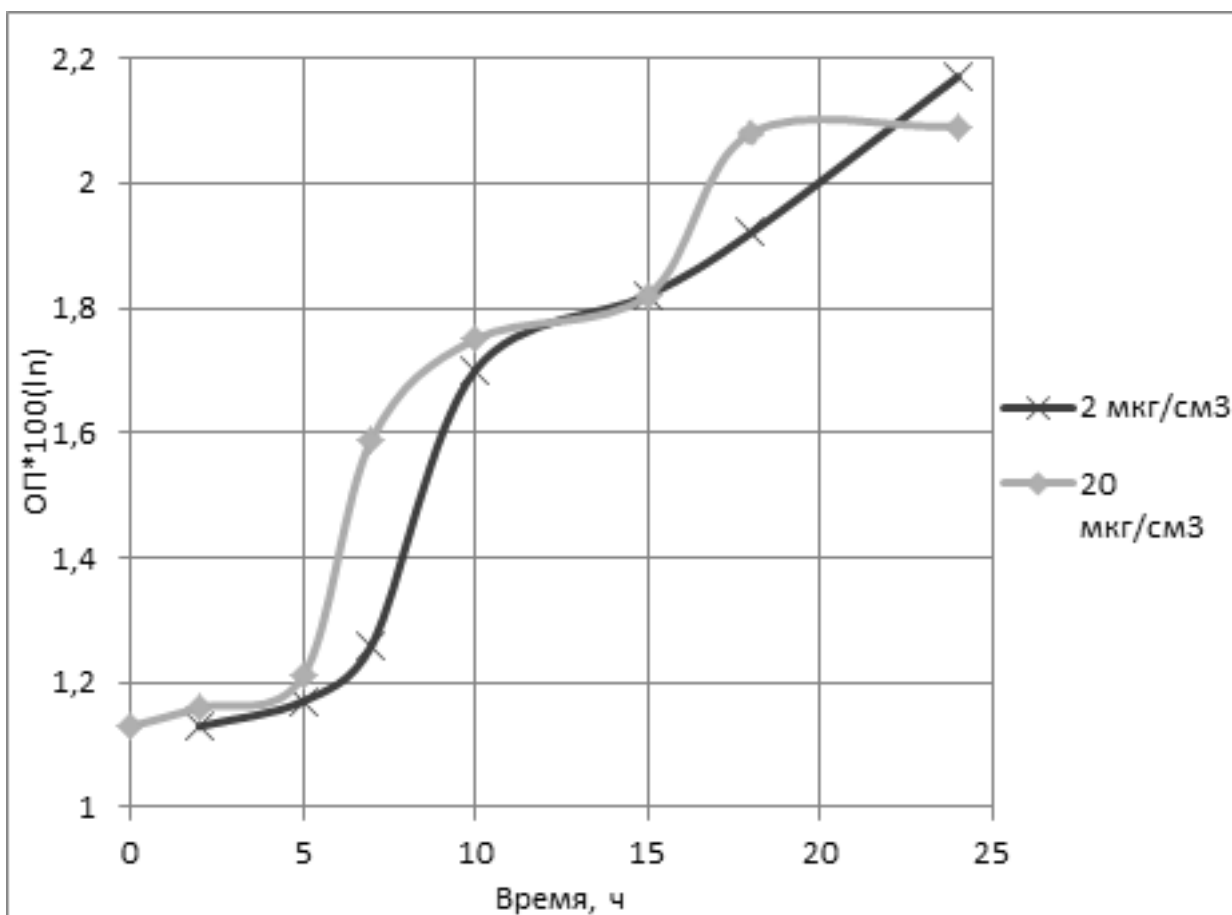

Рис. 1 - Изменение показателей оптической плотности

Данные Рис. 1 свидетельствуют, что в первые 5 часов показатели оптической плотности (ОП) оставались практически на одном уровне с показателями в начале культивирования. Это является свидетельством адаптации лактобактерий к среде культивирования. С 5 по 15 часов был отмечен максимальный прирост биомассы микроорганизмов, что является свидетельством наступления экспоненциальной

фазы роста. При дальнейшем культивировании микроорганизмов показатели ОП оставались практически на одном уровне и свидетельствовали о наступлении стационарной фазы роста.

Показатели колоние образующих единиц приведены в таблице - 1.

Таблица - 1

Накопление биомассы лактобактерий в процессе культивирования

Время/ч	КОЕ/см ³	Концентрация селенита натрия, мкг/см ³
5	$2,9 \times 10^{-4}$	2
10	$3,4 \times 10^{-7}$	
24	$2,0 \times 10^{-10}$	
5	$2,0 \times 10^{-4}$	20
10	$5,7 \times 10^{-6}$	
24	$6,9 \times 10^{-9}$	

В процессе культивирования лактобактерий на среде с творожной сыворотки отмечено постепенный процесс адаптации микроорганизмов к среде культивирования. Так в первые 5 часов достигала $2,9 \times 10^{-4}$ КОЕ / см³ в образце с 2 мкг / см³ селенита натрия и $2,0 \times 10^{-4}$ в образце с содержанием селена 20 мкг / см³. С 5 по 10 час культивирования отмечено увеличение биомассы, что является свидетельством наступления экспоненциальной фазы роста которая харак-

теризуется резким накоплением метаболитов и продуктов обмена биомассы лактобактерий. На 24 часа культивирования показатели колоние образующих единиц достигли максимального значения. Так, в пробе с содержанием селена 2 мкг / см³ составляли $2,0 \times 10^{-10}$ КОЕ / см³, а в пробе с 20 мкг / см³ - $6,9 \times 10^{-9}$.

Изменение показателей активной и титруемой кислотности отражена на рис. 2,3.

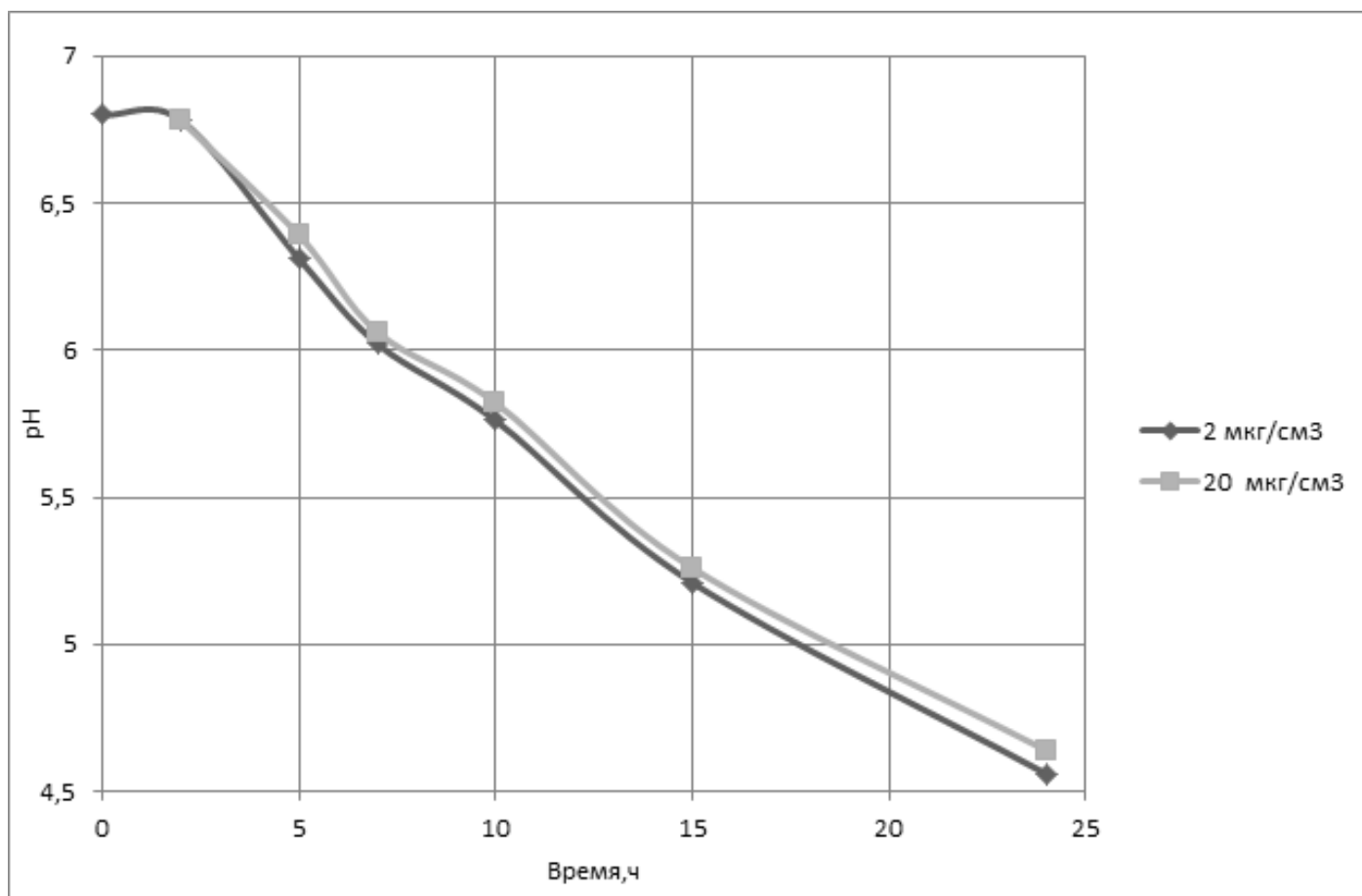

Рис. 2 - Показатели активной кислотности в процессе культивирования лактобактерий

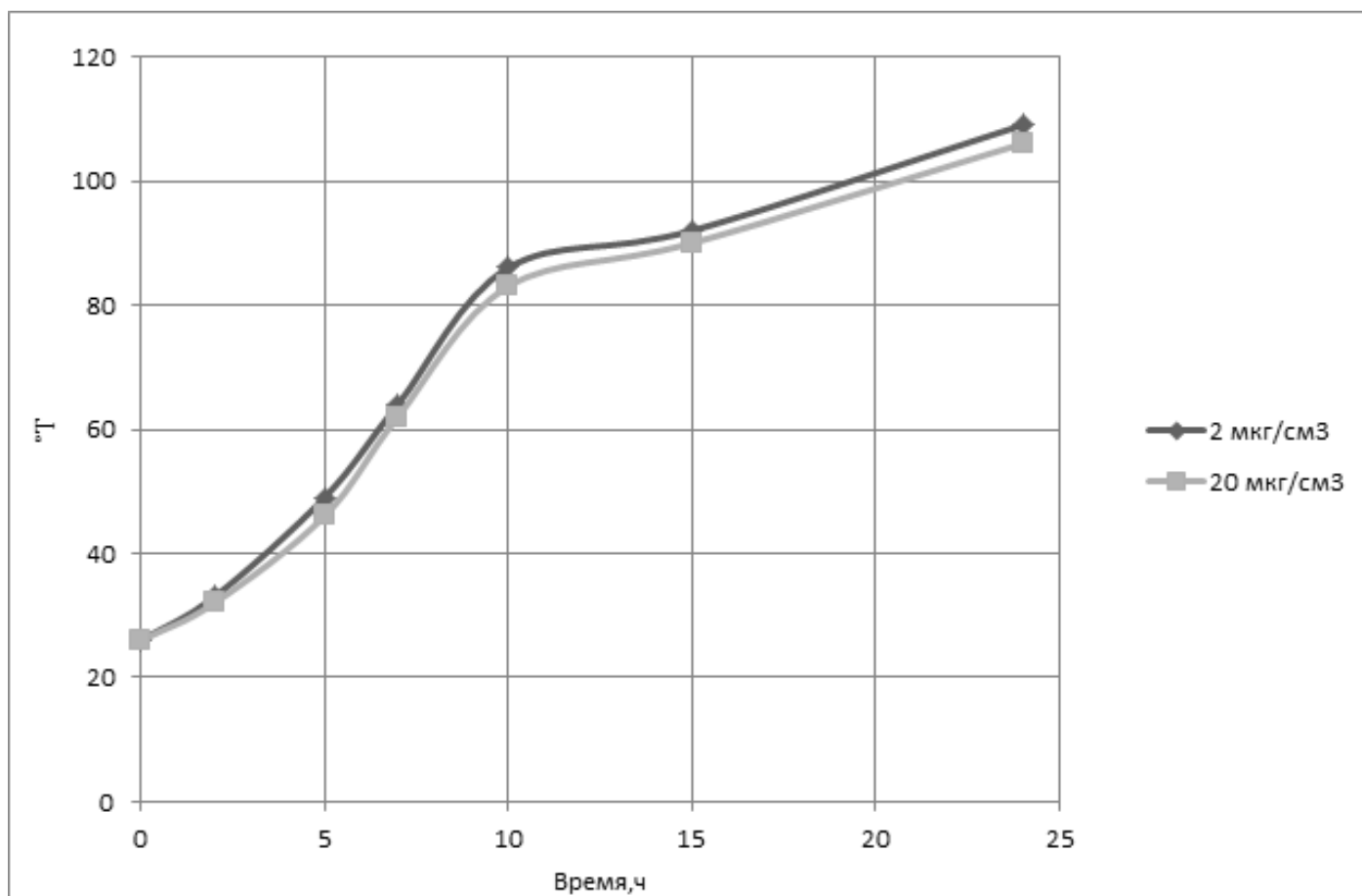

Рис. 3 - Показатели титрованной кислотности в процессе культивирования лактобактерий

Определено, что в течение первых 5 часов шел относительно медленный процесс накопления биомассы лактобактерий. Показатели pH за это время снизились до 6,31 ед., В образце с содержанием селена 2 мкг / см³ и 6,39 ед., В образце с содержанием селена 20 мкг / см³. В то время, когда показатели титруемой кислотности достигли всего лишь 49°Т, в образце с 2 мкг / см³ и 46°Т, в образце с 20 мкг / см³. Через 10 часов культивирования отмечено резкое снижение показателей активной кислотности до 5,76 ед., В образце с

2 мкг / см³ и 5,82 ед., в образце с 20 мкг / см³. При этом значения показателей титруемой кислотности достигли 86 °Т и 83 °Т соответственно. На 24 часа культивирования показатели активной кислотности составляли 4,56 ед., в образце с 2 мкг / см³ и 4,64 ед., в образце с 20 мкг / см³. Показатели титруемой кислотности за это время выросли до 109 °Т и 106 °Т.

Количественное содержание селена приведено в таблице - 2.

Культура микроорганизмов	Концентрация селенита натрия до культив, мкг/см ³	Интенсивность люминесценции	Содержание селена в сухой биомассе, мкг/г
Lactobacillus acidophilus 412/307	2	18	400
	20	98	4176

Данные таблицы - 2 свидетельствуют об интенсивной биотрансформации неорганической формы селена лактобактериями. Так, при 2 мкг / см³ количественное содержание селена составил 400 мкг в грамме полученной биомассы

и 4176 мкг / г, при 20 мкг / см³ селенита натрия.

На рис. 4, 5 изображены клетки лактобактерий в норме и после физико-химической обработки. На рис.6 изображены полученные наноструктуры селена.

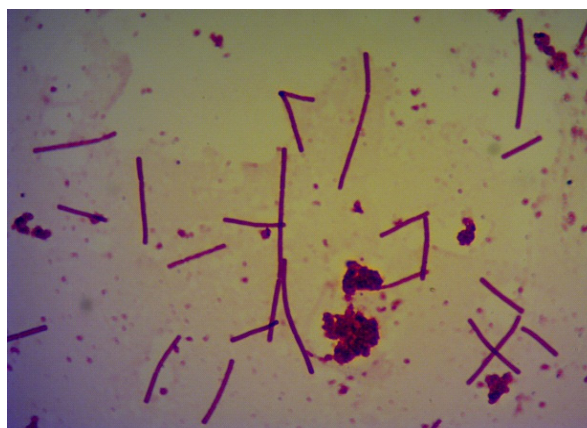

Рис. 4 - Клетки лактобактерий

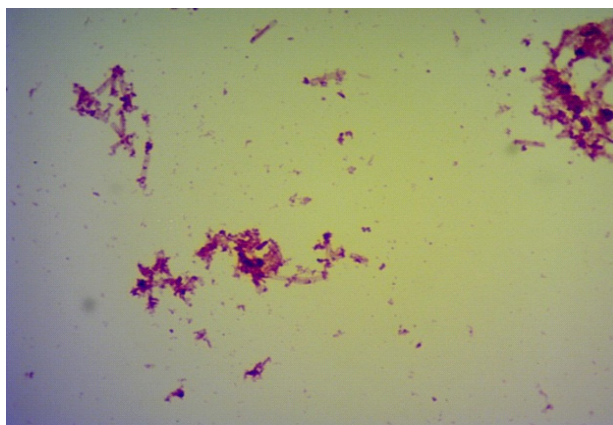

Рис. 5 - Клетки лактобактерий после в норме обработки

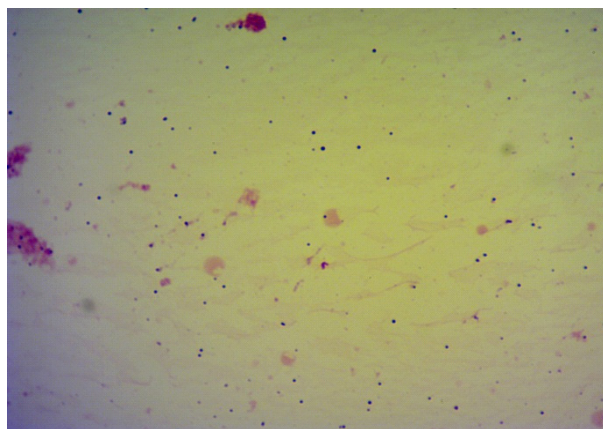

Рис. 6 - Наноструктуры селена

Выводы

Таким образом была доказана способность лактобактерий к биотрансформации неорганических форм селена и определены количественное содержание биотрансформованного микроэлемента. С помощью сочетания физико-хими-

ческих факторов было выделено наноструктуры селена из бактериальных клеток. Получено селенобогатые препараты, которые могут служить биологически активными добавками.

Список литературы:

1. Капрельянц, Л.В., Йоргачова, О.Г. Функціональні продукти / Л.В. Капрельянц, О.Г. Йоргачова. Одеса, "Друк". - 2003. - С. 229-237.
2. Augilar, F., Charrandiere, U. R., Dusemund, B., Galtier, P. (2009). L-selenomethionine as a source of selenium added for nutritional purposes to food supplements. / F. Augilar, U.R. Charrandiere, B. Dusemund, P. Galtier // J. European Food Safety Authority. - 2009. - P. 1-39.
3. Fairweather-Tait, S. J., Bao, Y., Broadley, M. R., Collings, R., Ford, D. Selenium in human health and disease. Antioxid Redox Signal. / S.J. Fairweather-Tait, Y. Bao, M.R. Broadley, R. Collings, D. Ford // J. Food & Health Innovation Service. - 2011. - P. 337-383.
4. Galano, E., Mangiapane, E., Bianga, J., Palmese, A., Szpunar, J. Privileged incorporation of selenium as selenocysteine in *Lactobacillus reuteri* proteins demonstrated by selenium-specific imaging and proteomics / E. Galano, E. Mangiapane, J. Bianga, A. Palmese, J. Szpunar // Molecular & Cellular Proteomics. - 2006. - P. 2196-2204.
5. Hossein Yazdi, M., Shahverdi, A. Selenium nanoparticle-enriched *Lactobacillus brevis* causes more efficient immune responses in vivo and reduces the liver metastasis in metastatic form of mouse breast cancer. / M. Hossein Yazdi, A. Shahverdi // J. Pharmaceutical Sciences. - 2013. - P. 21-33.
6. Rother, M. Selenium metabolism in procarriotes./ M. Rother // J. Ag. Food Chem. - 2012. - 4. - P. 457-470.
7. Stolz, J. F., Basu, P., Santini, J. M. Arsenic and selenium in microbial metabolism./ J.F. Stolz, P. Basu, J.M. Santini // Annual Review of Microbiology. - 2006. - 60. - P. 107-130.
8. Thomson, C. D., Robinson, M. F. Selenium in human health and disease with emphasis on those aspects peculiar to New Zealand./ C.D. Thomson, M.F. Robinson // The American Journal of Clinical Nutrition. - 1980. - 33. - P.303-323.

POLITOLOGIA / ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ**DEUTSCHE WELLE (DW) В СИСТЕМІ НІМЕЦЬКОЇ ПУБЛІЧНОЇ ДИПЛОМАТІЇ****Грабська Анна***Магістр журналістики, аспірантка Інституту журналістики, КНУ імені Тараса Шевченка*

У статті розглянуто роль і завдання німецької медіакомпанії Deutsche Welle (DW) в контексті публічної дипломатії Німеччини. Обґрунтовано, чому DW можна водночас розглядати і як актора публічної дипломатії ФРН. Висвітлено питання незалежності мовника від держави. Аналіз міжнародного досвіду у сфері публічної дипломатії та функціонування суспільних ЗМІ буде корисним для створення системи суспільного мовлення в Україні та розвитку вітчизняної публічної дипломатії.

Ключові слова: Deutsche Welle, DW, публічна дипломатія, Німеччина, Україна, міжнародні комунікації, суспільне мовлення, публічно-правове мовлення.

DEUTSCHE WELLE (DW) IN THE SYSTEM OF GERMAN PUBLIC DIPLOMACY**Anna Grabska***Master of Journalism, Ph.D. Student of the Institute of Journalism, Kyiv National Taras Shevchenko University*

This article describes the role and tasks of the German media company Deutsche Welle (DW) in the context of German public diplomacy. It proves why DW can be viewed as an actor and an instrument of public diplomacy. The article also explains the question of the independence of broadcaster from the state. Analysis of international experience in the field of public diplomacy and the functioning of public media would be useful for creating a system of public broadcasting in Ukraine and for developing of Ukraine's public diplomacy.

Key words: Deutsche Welle, DW, public diplomacy, Germany, Ukraine, international communications, public broadcasting.

Постановка проблеми. Стрімкий розвиток глобалізації чинить великий вплив на процеси державного управління, внутрішню та зовнішню політику. Поширення інформаційно-комунікаційних технологій, удосконалення засобів зв'язку, масовий доступ до Інтернету, збільшення кількості користувачів соцмереж та інші чинники розвитку інформаційного суспільства впливають і на способи захисту та просування інтересів держав, а також на здійснення дипломатичної діяльності. Інструментам захисту і просування державних інтересів, зокрема в аспекті здійснення публічної дипломатії, варто приділити особливу увагу. У цьому дослідженні ми зосередилися на добре розвиненій і налагодженій системі акторів та інструментів публічної дипломатії Федеративної республіки Німеччина.

Актуальність дослідження і виділення невирішених частин проблеми. Вивчення міжнародного досвіду в вищезгаданих сфері є корисним для України. Це викликано гострою необхідністю посиленого захисту національних інтересів у світі у зв'язку з війною на Донбасі, російською окупацією Криму та невирішеними внутрішніми проблемами держави, зокрема економічними (серед іншого – потребою в міжнародних кредитах). Пошук шляхів припинення війни на Донбасі, створення перспектив повернення Криму, протидія російській пропаганді, вибудовування іміджу України у світі – ось лише деякі з комплексних завдань, які перебувають на порядку денному української дипломатії. Вирішувати конфлікти, просувати державні інтереси та вибудовувати імідж держави за кордоном слід у першу чергу за допомогою комунікації. Важливію складовою цих комплексних комунікаційних процесів повинна стати публічна дипломатія. Аналіз міжнародного досвіду у сфері здійснення публічної дипломатії та успішного функціонування суспільного (у випадку ФРН – суспільно-правового) мовлення становить

наукову і практичну цінність дослідження.

Метою дослідження є проаналізувати роль і завдання медіакомпанії Deutsche Welle (DW) в контексті німецької публічної дипломатії. Завдання – проаналізувати релевантні для мети дослідження документи, матеріали та наукові праці. Джерельна база дослідження – Закон «Про DW» (DW-Gesetz), План дій DW у 2014-2017 рр. (DW-Aufgabenplanung 2014-2017), іміджеві матеріали на новинному порталі www.dw.com, корпоративна преса (видання *Weltzeit* і *Ortszeit*), наукові праці німецьких та українських дослідників, присвячені або пов'язані з цією тематикою (К. Міхалек, Ф. Піпер, Е. Бурмстер, Т. Буссемер, А. Бусманн, Н. Кулль, Д. Дьорр, А. Дікманн, В. Іванов, В. Гоян, О. Гоян, Т. Гуцал та ін.). Об'єкт дослідження – інструменти публічної дипломатії ФРН, предмет – медіакомпанія DW як один із таких інструментів.

DW як потужний ЗМІ є одним із важливих і дієвих інструментів впливу на міжнародну аудиторію, за допомогою якого реалізується публічна дипломатія Німеччини. За даними медіакомпанії станом на 2015 рік, щотижнева сукупна аудиторія DW сягає близько 118 мільйонів користувачів [4]. Перед цим із 2010 по 2013 рік обсяг тижневої аудиторії DW зріс із 86 до 101 мільйона користувачів щотижня. Тобто аудиторія німецького мовника зростає динамічно і безперервно.

Мета DW до 2017 року – збільшити щотижнєве охоплення аудиторії зі 101 до 150 мільйонів користувачів, заявив у 2014 році генеральний директор Петер Лімбург [10]. Для цього медіакомпанія запустила в червні 2015 року цілодобовий англомовний телеканал «DW News» і оголосила цей проект «флагманом», який, як сподіваються в медіакомпанії, дозволить DW здобути провідні позиції на глобальному медіаринку серед десятків потужних конкурентів з інших

країн світу. Телепрограми DW ще можна дивитися німецькою, іспанською та арабською мовами, а також користуватися новинним порталом www.dw.com 30-ма мовами світу (серед них і українською). Усе це свідчить про важливість DW як комунікативного інструмента для Німеччини.

Та повернімося до терміну «публічна дипломатія». Вважається, що вперше його вжив у 1965 році професійний дипломат Дін Едмунд Галліон у зв'язку з заснуванням при Школі права та дипломатії ім. Флетчера при Університеті Тафтс Центру публічної дипломатії ім. Едварда Р. Мерроу [1]. Згідно з визначенням Х. Тача, публічна дипломатія є «процесом комунікації уряду з іноземною аудиторією, яка має на меті донести розуміння своїх ідей та ідеалів, інституцій та культури, а також національних цілей та поточної політики» [цит. за 1, 108]. Державний департамент США визначає термін «публічна дипломатія» як «програми, що фінансуються з боку уряду і спрямовані на інформування чи вплив на громадську думку іноземних держав через публікації, кінопродукцію, обміни у сфері культури, радіомовлення та телебачення» [цит. за 1, с. 108].

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Українські та західні теоретики і практики демонструють різноманітні погляди на те, яким чином слід відрізнити публічну дипломатію від пропаганди та маркетингу. Ми підтримуємо думку, що на відміну від пропаганди, яка нерідко базується на свідомому викривленні дійсності та поширенні дезінформації, публічна дипломатія будується на основі відкритого діалогу та обміну ідеями. [1]. Формування громадської думки, обмін ідеями, багатогранність мети, а не тільки спрямованість на отримання комерційних зисків – ці ознаки, на нашу думку, відрізняють публічну дипломатію від маркетингу. Водночас публічна дипломатія як динамічний і креативний процес із великою кількістю учасників може містити риси традиційної дипломатії, пропаганди і маркетингу. Усе це може слугувати «інгредієнтами» публічної дипломатії, але жоден інгредієнт не замінить собою всієї складної «страви».

Серед акторів німецької публічної дипломатії варто в першу чергу назвати такі: Міністерство закордонних справ ФРН (Auswärtiges Amt), німецька служба академічних обмінів (DAAD), міжнародна мережа німецьких культурних центрів (Goethe-Institut), неурядові організації та ініціативи (наприклад, Public Diplomacy Initiativkreis), близькі до політичних партій фонди (назвемо ті, що мають регіональні представництва в Україні: Фонд Фрідріха Еберта, Фонд Конрада Аденауера, Фонд Фрідріха Науманна, Фонд Гайнріха Бьоля, Фонд Ганса Зайделя [2]), фонд А. фон Гумбольдта, який надає гранти і стипендії для науковців (Alexander von Humboldt-Stiftung) медіакомпанія Deutsche Welle (DW) та ін. DW посідає особливе місце як серед німецьких мас-медіа, зокрема публічно-правових, так і серед акторів німецької публічної дипломатії. Медіапродукція DW доповнює традиційні міжнародні зв'язки Німеччини, які підтримують посольства, консульства, торговельні палати, співпраця між німецькими й закордонними вищими навчальними закладами, міжнародні зв'язки фонду Гумбольдта, Німецької служби академічних обмінів (DAAD), Гете-Інститутів тощо. Deutsche Welle – «медійна візитка Німеччини» [3], яка «формує медійну присутність Німеччини у світі. При цьому вона виконує своє завдання в інтересах Федеративної республіки Німеччина» [5, с. 3]. Прикметним є формулювання: медійна присутність Німеччини в інтересах самої держави (в цьому місці в документі «План дій DW 2014-2017» вживається офі-

ційна назва держави). Про особливу роль DW серед інших суспільно-правових ЗМІ Німеччини свідчить і той факт, що діяльність цього мовника регулюється окремим Законом про Deutsche Welle (нім. Deutsche-Welle-Gesetz), ухваленим 16 грудня 1997 року (останні зміни до закону датуються 26 січня 2015 року [6]).

Завдання медіакомпанії – виробляти високоякісну інформаційну продукцію для споживачів інформації у всьому світі. На відміну від інших публічно-правових медіа ФРН, DW є мовником для закордонної аудиторії. Це визначає її особливу роль і завдання в німецькому мас-медійному ландшафті, важливою складовою яких є налагодження діалогу і сприяння порозумінню з закордонною аудиторією.

Медіапродукція DW поширюється на цифрових мобільних платформах, зокрема в соціальних мережах, з метою «оптимального поширення інформації» (тобто залучення якомога більшої кількості читачів, слухачів і глядачів) та «налагодження інтенсивного діалогу з цільовою групою» [5, с. 3]. Ця глобальна комунікація (без перебільшення, адже DW створює інформаційну продукцію 30-ма мовами світу і взаємодіє з багатомільйонною аудиторією) має і надалі інтенсифікуватися в інтересах Німеччини, вказано в «Плані дій». При цьому, зокрема, йдеться про забезпечення поінформованості цільових аудиторій, важливих із точки зору зовнішньої політики та міжнародних зв'язків Німеччини, про демократичні цінності та позиції, які відстоює Німеччина на міжнародній арені.

Висновки і перспективи подальших досліджень. На нашу думку, DW можна розглядати і як актора, і як інструмент публічної дипломатії ФРН. Це впливає з мети діяльності медіакомпанії, сформульованої в Законі «Про Deutsche Welle»: продукція DW має «представляти Німеччину як зрілу європейську культурну націю та вільно мислячу демократичну правову державу. Вона повинна надавати майданчик для представлення точок зору з важливих тем – перш за все політики, культури та економіки, – в Європі та на інших континентах із метою сприяти порозумінню, міжкультурному та міжнародному обміну. При цьому Deutsche Welle особливо підтримує німецьку мову» [6]. У параграфі 5 «Програмні принципи» Закону вказано: «Висвітлення має бути докладним, правдивим і об'єктивним та відбуватися з усвідомленням того, що програми Deutsche Welle торкаються відносин Федеративної республіки Німеччина з іноземними державами» [там само]. Що відрізняє актора від інструмента публічної дипломатії? Актор виступає самостійним комунікатором, натомість інструмент використовується для виконання чітких завдань і контролюється. DW як актор діє самостійно (цензури в медіакомпанії немає). Водночас роль «медійної візитки Німеччини», діяльність якої може впливати на міжнародні зв'язки ФРН, та історичний контекст створення DW (1953 рік, повоєнний період, необхідність налагоджувати комунікації Німеччини з іншими країнами світу і цілковито змінити систему суспільних цінностей, а також відновлювати репутацію у світі та ін.) дають змогу зробити висновок, що цей мовник створювався для виконання чітких функцій (серед іншого – іміджевої) та може розглядатися і як інструмент міжнародних комунікацій і публічної дипломатії Німеччини.

Для реалізації вищезгаданої мети медіакомпанія виконує низку чітко сформульованих завдань: підтримує міжкультурний діалог, представляє Німеччину в європейському контексті, ретранслює німецькі та європейські погляди

на події, підтримує і стимулює вивчення німецької мови у світі [8]. DW виступає і як актор / інструмент для підтримки позитивного міжнародного іміджу Німеччини. Достовірність DW підтримує авторитет Німеччини в усьому світі, вказано в матеріалах про місію компанії [7].

Усе вищезгадане підводить до дискусії про незалежність DW від держави, яка фінансує медіакомпанію з коштів платників податків (DW при цьому є юридично самостійною особою - установою публічного права, нім. *Anstalt des öffentlichen Rechts*). Редакційна діяльність мовника державою не контролюється і гарантується Законом «Про DW». Контроль за діяльністю DW здійснює не уряд ФРН, а дві спостережні ради, сформовані таким чином, що представники від політики становлять у їх складі меншість. Більшість в обох спостережних рад DW складають представники релігійних конфесій країни, профспілок і різноманітних громадських організацій. Оцінки німецьких дослідників при цьому різняться: одні доводять цілковиту незалежність медіакомпанії від держави, інші переконують, що DW має радше автономію [8, с. 98]. На основі аналізу низки релевантних документів (Закон «Про Deutsche Welle», Плану

дій DW у 2014-2017 рр. (DW-Aufgabenplanung 2014-2017), Конституції ФРН, публікацій на сайті DW та в корпоративній пресі, низки наукових публікацій німецьких і українських дослідників) ми дійшли висновку, що в випадку DW варто говорити про незалежність від держави у редакційній діяльності (виробництво інформаційної продукції без цензури) та автономію на стратегічному й фінансовому рівні (попри фінансові гарантії, зафіксовані в Законі «Про DW», медіакомпанія врешті-решт здійснює свою діяльність на основі того, які суми їй виділяє держава).

Медіакомпанія DW як публічно-правовий мовник світового рівня може стати орієнтовною моделлю для України під час створення системи суспільного мовлення в нашій державі. При цьому необхідно вивчати досвід інших держав, особливо в контексті подальшої євроінтеграції України. Це дослідження стане частиною майбутньої дисертації, яка має на меті виявити особливості німецької моделі суспільного мовлення на прикладі медіакомпанії Deutsche Welle, що виробляє інформаційну продукцію насамперед для закордонної аудиторії.

Література

1. Гуцал С.А. Публічна дипломатія як сучасний пріоритет зовнішньої політики держави // Стратегічні пріоритети. – 2010. – №3. – С. 106-113.
2. Представництва німецьких політичних фондів в Україні [Електронний ресурс] // Посольство Федеративної Республіки Німеччина. – Текст і графіка. – Режим доступу: http://www.kiew.diplo.de/Vertretung/kiew/uk/03/Politische__Stiftungen/Politische__Stiftungen.html (Дата звернення: 10.02.2016). – Назва з екрану.
3. Bettermann E. Mediale Visitenkarte der Bundesrepublik: die Deutsche Welle im Wandel [Web-Seite] / ARD-Jahrbuch. – Текст. – Режим доступу: http://www.ard.de/download/536898/ARD_Jahrbuch_10__Mediale_Visitenkarte_der_Bundesrepublik__Die_DW_im_Wandel.pdf (дата звернення: 10.02.2016). – Назва з екрану.
4. Deutsche Welle [Електронний ресурс] – Текст. – Режим доступу: <http://www.dw.com/de/unternehmen/profil/s-30626> (дата звернення: 15.02.2016). – Назва з екрану.
5. Die Aufgabenplanung [Електронний ресурс] – Текст. – Режим доступу: <http://dw.com/p/13nll> (дата звернення: 15.02.2016). – Назва з екрану.
6. Gesetz über die Rundfunkanstalt des Bundesrechts "Deutsche Welle" (Deutsche-Welle-Gesetz - DWG) [Електронний ресурс] // Федеральне міністерство юстиції і захисту прав споживачів. – Текст. – Режим доступу: <https://www.gesetze-im-internet.de/dwg/BJNR309410997.html> (дата звернення: 11.02.2016). – Назва з екрану.
7. Leitbild: Werte, Grundsätze und Visionen [Електронний ресурс] – Текст. – Режим доступу: <http://dw.com/p/6J8p> (дата звернення: 15.02.2016). – Назва з екрану.
8. Michalek Chr. Die Deutsche Welle im Rahmen von Public Diplomacy. – Мюнхен: AVM, 2009. – 170 с.
9. United States Information Agency Alumni Association «What Is Public Diplomacy?» Washington, D.C., updated September 1, 2002 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.publicdiplomacy.org/1.htm> (дата звернення: 10.02.2016). – Назва з екрану.
10. Weltzeit // Журнал DW : [Електронний ресурс] / Deutsche Welle. – Текст і графіка. – Bonn, 2014. – Режим доступу: www.blogs.dw.de/weltzeit (дата звернення: 10.02.2016). – Назва з екрану.

ДІАГНОСТИКА СОЦІАЛЬНОГО РОЗВИТКУ РЕГІОНІВ У ПРОЦЕСІ ПРИЙНЯТТЯ ДЕРЖАВНО-УПРАВЛІНСЬКИХ РІШЕНЬ: УКРАЇНСЬКИЙ ДОСВІД

Мельничук Лариса Михайлівна,

*Національна академія державного управління при Президентові України,
докторант кафедри соціальної і гуманітарної політики*

DIAGNOSTICS OF SOCIAL DEVELOPMENT OF REGIONS IN THE MAKING OF MANAGEMENT DECISIONS: UKRAINIAN EXPERIENCE

Melnychuk Larysa Mykhajlivna,

*National Academy for Public Administration under the President of Ukraine,
Doctoral candidate, the Department of Social and Humanitarian Policy*

Поглиблення регіональних диспропорцій рівня та якості життя населення, надмірної нерівності у доступі до ресурсів та поширення соціального відторгнення в українських регіонах зумовлюють нагальну потребу у пошуку ефективних механізмів вирішення соціальних проблем, адекватних масштабам і характеру суспільних перетворень. При цьому імпульсом для формування ефективної політики держави у визначеній сфері є глибинні дослідження та наукові обґрунтування, що базуються на якісній статистичній інформації, використовують сучасну методологію оцінки соціально-економічних явищ та процесів в цілому по країні та у розрізі її регіонів. Зокрема, система державного управління має володіти належною інформацією щодо тенденцій та специфіки проявів нерівності та диспропорційності розвитку, мати науково обґрунтовані рекомендації щодо концепції та конкретних механізмів реагування на можливі виклики та загрози, пом'якшення впливу кризових явищ на становище населення.

Водночас на відміну від значення, яке надається діагностиці та моніторингу соціального розвитку регіонів, у експертному та науковому середовищі продовжують тривати пошуки методичних підходів щодо вимірювання соціальної складової регіонального розвитку.

Слід при цьому відмітити, що сучасні тенденції оцінювання соціального розвитку як результату діяльності органів влади щодо формування, реалізації, коригування соціальної політики за інструментального розходження базуються на застосуванні понять «рівень-якість життя» та «рівень людського розвитку».

Значна частина вітчизняних науковців дотримується позиції оцінки рівня та якості життя населення за певною визначеною системою соціальних показників, кількість яких варіюється залежно від цільових настанов дослідження. Зокрема, наявними є методики оцінювання на підставі як кількох критеріїв-показників [1], так і більш об'ємної сукупності характеристик, які об'єднуються у тематичні групи. Певним методичним орієнтиром для більшості наукових пошуків виступає схема комплексної оцінки розвитку регіонів, запропонована дніпропетровською науковою школою у галузі державного управління [2], яка містить чотири групи показників соціального розвитку регіональних систем:

- життєвий рівень населення (грошові доходи на душу населення; середньомісячна зарплата; середньомісячна пенсія; співвідношення середньодушових доходів та прожиткового мінімуму; співвідношення доходів та витрат; децильний коефіцієнт диференціації грошових доходів; рівень бідності; індекс Джині; роздрібний товарообіг на душу населення);

- соціальна забезпеченість населення (забезпеченість житлом на душу населення; кількість лікарів на тисячу жителів; платні послуги на душу населення; кількість місць у дошкільних закладах на 100 дітей відповідного віку; кількість учнів денних загальноосвітніх шкіл на 10 тис. жителів; кількість студентів вищих навчальних закладів на 10 тис. жителів; коефіцієнт злочинності);

- демографічний стан (коефіцієнт народжуваності; коефіцієнт смертності; природний приріст населення; коефіцієнт дитячої смертності; очікувана тривалість життя; міграційне сальдо.

- стан трудових ресурсів (рівень зайнятості; рівень офіційного безробіття; рівень безробіття за методологією МОП; демографічне навантаження; навантаження на одне вакантне робоче місце).

Подібна система соціальних показників використовувалася й у процесі практичного оцінювання підсумків соціально-економічного розвитку регіонів, аналізу змін у діяльності регіонів та впливу місцевих органів виконавчої влади на поліпшення їх загального стану, що здійснювалися відповідно до низки урядових рішень з питань комплексної оцінки результатів соціально-економічного розвитку регіонів [3]. Проте на даний час розрахунки за цими методиками на офіційному рівні не проводяться [4], а нові методичні рекомендації не розроблено й відповідно не впроваджуються.

Останнім часом для виділення індикаторів моделювання соціального розвитку найбільш оптимальною категорією визнається людський розвиток, який позначає як набуття якісних характеристик (продовжена тривалість гідного життя, професіоналізм, високий рівень освіти), так і їх використання (для діяльності, відпочинку, культурних, соціальних і політичних цілей). Крім того, класична модель категорії «людський розвиток» може модифікуватися в силу того, як змінюється структура потреб населення та норми задоволення таких потреб.

Сучасні методологічні підходи оцінювання розвитку людського потенціалу введено у публічний обіг з 90-х років минулого століття [5]. Проте неможливість та недоцільність механічного застосування міжнародної методики для вимірювання регіональних відмінностей рівня людського розвитку в межах окремої країни зумовили необхідність створення національних методик оцінювання регіонального людського розвитку.

В Україні така методика розроблена та використовується на офіційному рівні ще у 2001 р. [6]. З метою розширення можливостей більш адекватного вимірювання прогресу людського розвитку вона була оновлена у 2012 р [7]. До ро-

зрахунку регіонального індексу людського розвитку включено 33 показники, об'єднані у шість блоків відповідно до основних аспектів людського розвитку:

- відтворення населення (характеризує рівень діто-родної активності; дитячої смертності; очікуваної тривалості життя; ймовірності дожиття жінок і чоловіків від 20 до 65 років);
- соціальне становище (характеризує криміногенну ситуацію в регіоні; інтенсивність розгортання епідемії туберкульозу та розповсюдженості захворюваності, обумовленої вживанням психоактивних речовин; поширеність соціального сирітства; рівень підліткової народжуваності; психічне здоров'я населення);
- комфортне життя (характеризує забезпеченість населення житлом, його обладнання базовими зручностями; стан навколишнього природного середовища; доступність до медичних послуг; обсяги спожитих населенням соціальних і соціально-побутових послуг);
- добробут (характеризує розвиток економіки регіону; рівень бідності населення, його добробуту щодо можливості забезпечення продовольчими товарами та здійснення заощаджень; рівень комфортності побуту населення);
- гідна праця (характеризує рівень зайнятості та безробіття населення; рівень співвідношень середньої заробітної плати з мінімальною та прожитковим мінімумом; умови праці; рівень соціального захисту працюючого населення);
- освіта (характеризує рівні: соціалізації дошкільнят; отримання дітьми повної середньої освіти; якості шкільної освіти; професійно-кваліфікаційної підготовки населення) [8].

Слід зауважити, що зменшення територіальної диференціації саме за індексом регіонального людського розвитку є одним із пріоритетів державної регіональної політики, визначених Законом України «Про засади державної регіональної політики» [9].

Крім того, концепцію людського розвитку окремі науковці беруть за основу моделювання інтегрального індексу соціального розвитку регіонів та його узагальнюючих складових:

- демографічного розвитку (показники очікуваної тривалості життя, смертності немовлят, міграції);
- матеріального добробуту (показники середньомісячних зарплати та пенсії, чисельності населення із серед-

ньодушовими доходами, нижчими за прожитковий мінімум, диференціації загальних доходів населення);

- рівня освіти (показники охоплення дітей дошкільними закладами, базовою середньою освітою, кількості студентів ВУЗів різного рівня акредитації);
- ринку праці (показники економічної активності, зайнятості та безробіття населення) [10].

Незважаючи на відмінності у підходах у визначенні критеріїв оцінювання соціального розвитку регіонів, спільною їх особливістю є акцент на індивідуальних можливостях людини, передусім, матеріальної забезпеченості, задоволенні базових потреб, стану здоров'я та рівня освіти, тобто здійснюється на основі сукупності соціальних показників, які характеризують явні ознаки, «видимі» компоненти соціального.

Саме тому в експертному та науковому середовищі дедалі частіше визнається, що «концепт людського розвитку носить звужений характер з погляду загального благополуччя людей та розширення їх прав і можливостей» [11]. Крім того, він не відображає повною мірою цілісної моделі соціального розвитку, оскільки недостатньо враховує взаємодію між окремими компонентами та роль суб'єктів соціальної сфери. Тобто даний концепт лише засвідчує необхідність втручання у перебіг соціальної реальності, але не сприяє чіткому уявленню про підходящу політику, тим більше необхідний розподіл обов'язків між зацікавленими сторонами.

Аналітичний огляд сучасних вітчизняних підходів до вимірювання соціальної складової регіонального розвитку дозволяє дійти висновку щодо необхідності та доцільності розробки нової методології вимірювання соціального розвитку регіонів, зокрема, основаної на концепції соціального згуртування, що розуміється як забезпечення прав кожного та досягнення суспільного благополуччя шляхом спільної відповідальності усіх суб'єктів соціального розвитку, введення у національну систему оцінювання додаткових ключових аспектів розвитку, в тому числі довіри, соціального капіталу, соціального включення, суспільних зв'язків тощо. Таке моделювання соціального розвитку регіонів України сприятиме здійсненню системного аналізу регіональних проблем та виробленню ефективних управлінських рішень щодо їх розв'язання.

Література

1. Балгачеева, Наїла Аскарівна. Теорія та практика формування і реалізації соціальної політики в Україні [Текст] : монографія / Балгачеева Н. А. ; Донец. нац. ун-т. - Донецьк : ДонНУ, 2010. - 433 с.
2. Методика комплексної оцінки соціально-економічного розвитку області та її адміністративно-територіальних одиниць (на прикладі Дніпропетровської області) [Текст] / В. В. Антонов, Л. М. Зайцева. - Д. : ДРІДУ НАДУ, 2004. - 36 с.
3. Останнє з прийнятих урядових рішень – постанова Кабінету Міністрів України від 9 червня 2011 р. № 650 «Про запровадження проведення оцінки результатів діяльності Ради міністрів Автономної Республіки Крим, обласних, Київської та Севастопольської міських державних адміністрацій» (зі змінами) [Електронний ресурс] . – Режим доступу: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/650-2011-п#n15>
4. Постанова Кабінету Міністрів України від 26 листопада 2014 р. № 654 «Про визнання такими, що втратили чинність, постанов Кабінету Міністрів України від 9 червня 2011 р. № 650 і від 9 квітня 2012 р. № 335» [Електронний ресурс] . – Режим доступу: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/654-2014-п/paran2#n2>
5. Human Development Reports / United Nations Development Programme, available at: [//hdr.undp.org/en/reports/global/hdr1990/chapters](http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr1990/chapters)
6. Людський розвиток регіонів України: Методика оцінки та сучасний стан / Рада з вивчення продуктивних сил України. – К. : Вид-во «СПД Савчина». – 2002. – 123 с.
7. Регіональний людський розвиток : стат. бюл. / Держстат України. – К. : [б. в.], 2015. – 51 с.
8. Регіональний людський розвиток : стат. бюл. / Держстат України. – К. : [б. в.], 2015. – С. 16-21.

9. Про засади державної регіональної політики: Закон України від 05.02.2015 № 156-VIII [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/main/156-19>

10. Ніколіна І. І. Теоретичні основи рейтингового управління соціальним розвитком регіону [Електронний ресурс] / І. І. Ніколіна // Університетські наукові записки. - 2013. - № 2. - С. 267-272.

11. Foa R. Indices of Social Development : Handbook, available at: http://www.academia.edu/1850055/Indices_of_Social_Development_Handbook

СУТНІСТЬ ТА ХАРАКТЕРНІ ОСОБЛИВОСТІ ВЗАЄМОДІЇ КАБІНЕТУ МІНІСТРІВ УКРАЇНИ З МІСЦЕВИМИ ДЕРЖАВНИМИ АДМІНІСТРАЦІЯМИ

Сергій Григорович Самара

виконуючий обов'язки директора департаменту по роботі з персоналом Державної пенітенціарної служби України

Виходячи з загальнонаукових підходів, сформульовано поняття взаємодії Кабінету Міністрів України з місцевими державними адміністраціями. Визначено види взаємодії між суб'єктами державного управління. Визначено субординацію, координацію та реординацію як види взаємодії Уряду України з місцевими державними адміністраціями. Виокремлено структурні зв'язки, що виникають при взаємодії Кабінету Міністрів України з місцевими державними адміністраціями.

Ключові слова: взаємодія, державне управління, структурні зв'язки, субординація, координація, реординація.

THE NATURE AND CHARACTERISTIC FEATURES OF THE INTERACTION OF THE CABINET OF MINISTERS OF UKRAINE AND LOCAL STATE ADMINISTRATIONS

Sergij Grigorovich Samara

acting director of Department for work with personnel of the State penitentiary service of Ukraine

On the basis of scientific approaches, formulated the concept of interaction of the Cabinet of Ministers of Ukraine and local state administrations. The types of interaction between subjects of public administration. Defined the chain of command, coordination and reordination as the types of interaction of the government of Ukraine and local state administrations. The structural context arising from the interaction of the Cabinet of Ministers of Ukraine and local state administrations.

Key words: communication, public administration, structural relationships, subordination, coordination, reordination.

Постановка проблеми. Наразі в Україні продовжується системна робота, спрямована на покращення стану справ із реалізації на практиці ключових засад державного управління. Одним із важливих складників при цьому є децентралізація, сутність якої полягає в зміні владних пріоритетів на користь місцевих громад. Водночас, продовжують бути актуальними і питання взаємодії центральних та місцевих органів влади, зокрема відносини Кабінету Міністрів України та місцевих державних адміністрацій.

Аналіз останніх досліджень та публікацій. Науковий інтерес до питання взаємодії Кабінету Міністрів України з місцевими державними адміністраціями є недостатнім, про що свідчать вітчизняні дослідження. У більшості з них, здійснених В.Б.Авер'яновим, О.Ф.Андрійко, В.В.Корженком, Н.М.Мельтюховою, А.М.Школиком, О.І.Сушинським, увагу акцентовано на статусу цих органів чи їх місці в системі виконавчої влади України. Науковий інтерес інших науковців, хоча і спрямований на визначення сутності взаємодії, однак її філософському чи юридичному (Ж.В.Завальна, В.А.Дерець) значенні або ж стосується розкриття її змісту щодо інших суб'єктів чи об'єктів державного управління (С.К.Гречанюк, О.Л.Фещенко, Т.Є.Мироненко, А.Й.Француз та інші).

Виокремлення невирішених раніше частин загальної проблеми. Рівень та зміст наукових розвідок свідчить, що питання визначення сутності та видів взаємодії Кабінету Міністрів України з місцевими державними адміністраціями, не набуло належного теоретичного осмислення. Що, у свою чергу, обмежує як в теорії так і практиці виявлення проблем та пошук нових форм ефективної взаємодії між цими органами в єдиній системі виконавчої влади з метою

забезпечення реалізації функцій держави в адміністративно-територіальних одиницях.

Мета статті. Теоретичне осмислення сутності та визначення поняття взаємодії Кабінету Міністрів України з місцевими державними адміністраціями, а також, виходячи з критеріїв класифікації, визначення видів взаємодії та змісту цих видів, є метою нашої публікації.

Виклад основного матеріалу. Кабінет Міністрів України та місцеві державні адміністрації виступають як суб'єкт та об'єкти державного управління у цілісній системі. Зважаючи на те, що у відносинах суб'єкта та об'єкта державного управління “усі учасники є активними”, відповідно, науковці відмічають, що мова іде не про відносини між ними, а про взаємодію [1, с. 58].

На думку С.К.Гречанюка “саме на позиціях філософії ґрунтується управлінський підхід до взаємодії...” [2, с. 67]. Так, філософський підхід до поняття “взаємодія” виявляється у категорії, яка відображає процеси впливу різних об'єктів один на одного, їх взаємну зумовленість і зміну стану або взаємоперехід, а також породження одним об'єктом іншого [3, с. 177].

Виходячи з такого підходу, а також зважаючи на те, що “управлінські відносини – це відносини, що виникають між органами виконавчої влади, незалежно від їх організаційно-правового рівня в системі, з приводу кінцевого результату діяльності, пов'язаної з розробленням і втіленням державної політики, управлінням різними сферами суспільної життєдіяльності” [4, с. 162] взаємодія за своїм характером постає як управлінські відносини, а її змістом є зміст управлінських відносин (повноваження Уряду та місцевих державних адміністрацій, передбачені законодавством та по-

ведінку, дії щодо реалізації прав та виконання обов'язків).

О.І.Сушинський характеризує взаємодію, взаємини та взаємоз'язок інституцій, "...зокрема суб'єктів й органів різних видів владної діяльності..." як міжінституційні владні відносини, які у свою чергу є різновидом суспільних відносин [5, с. 14]. С.К.Гречанюк відмічає, що "...в управлінському контексті взаємодія характеризується наявністю спільного впливу елементів один на одного та передбачає можливість використання взаємодіючими суб'єктами можливостей один одного для досягнення як спільних цілей, так і мети кожного окремо" [2, с. 67-68].

Аналізовані підходи до поняття взаємодії дозволяють визначити взаємодію між Кабінетом Міністрів України з місцевими державними адміністраціями як:

- сукупність двосторонніх і багатосторонніх державно-управлінських відносин/зв'язків, завдяки яким забезпечується реалізація завдань і функцій держави та суспільства, які мають відповідне організаційно-правове закріплення та інформаційний зміст;

- як узгоджену за цілями, місцем та часом спільну діяльність Кабінету Міністрів України та місцевих державних адміністрацій, здійснювану у формах та методами, визначених актами законодавства України та обумовлену цілями функціонування виконавчої влади.

Серед цих понять саме друге найбільш повно відображає її сутність.

Л.О.Фещенко називає такі риси взаємодії як: а) вона існує лише при наявності двох і більше співіснуючих явищ; б) вона має місце тоді, коли явища існують водночас; в) наявність у взаємодіючих елементів схожих властивостей; г) явища при взаємодії повинні мати взаємний зв'язок та бути взаємообумовлені; д) при взаємодії об'єкти змінюються; е) здатність кожного із взаємодіючих об'єктів виступати одночасно і причиною і наслідком; є) можливість настання позитивних і негативних наслідків взаємодії; ж) універсальність форм взаємодії матерії [6, с. 18].

Т.Є.Мироненко до сутнісних характеристик взаємодії відносить: 1) наявність впливу її елементів один на одного; 2) взаємодія завжди носить активний характер та знаходить свій вияв у формі дії її учасників; 3) призначенням взаємодії є збереження та забезпечення ефективного функціонування певної системи [7, с. 7-8].

Однак, на нашу думку, виявлення характерних рис взаємодії, доцільно здійснювати у співвідношенні з її видами. Види взаємодії між Кабінетом Міністрів України та місцевими державними адміністраціями обумовлюються перерахованими вище підходами до самого поняття "взаємодія".

Якщо розглядати взаємодію як вид управлінських відносин, в основу визначення видів може бути покладений "поділ управлінських відносин: а) залежно від організаційно-правового рівня органів у системі органів виконавчої влади; б) залежно від способу досягнення кінцевого результату перебування органів у відносинах. Це дає змогу виокремити відносини по вертикалі та горизонталі (відповідно до першого критерію), а також субординаційні, координаційні та реординаційні відносини (відповідно до другого критерію)..." [4, с. 162]. Існує також поділ управлінських відносин на формальні та неформальні.

Розкриваючи зміст субординаційної взаємодії, слід погодитися з точкою зору, що "сторони у відносинах субординації є нерівноправними, взаємодіють один з одним за принципом "влада-підпорядкування" [4, с. 164]. При цьому

під підпорядкуванням мається на увазі передусім організаційне підпорядкування як найбільш характерне для управлінської вертикалі, яке проявляється у зв'язках між вищими та нижчими ланками [4, с. 164-165]. У нашому випадку такими ланками є Кабінет Міністрів України та місцеві державні адміністрації.

Розкриваючи сутність субординаційних зв'язків у складних адміністративних системах А.Й.Француз, дотримуючись позиції висловленої у радянській юридичній науці Б. Курашвілі, називає такі їх типи: право виключної компетенції вищої ланки управління; право вищих ланок адміністративних систем розширювати коло своїх повноважень за рахунок компетенції нижчих ланок; право лінійного підпорядкування; право функціонального підпорядкування; право оперативного підпорядкування; право затвердження рішень; санкціонувальне право; право щодо обов'язкового узгодження; право підконтрольності; право підзвітності; право на поінформованість; право координувати [8, с. 37-40].

Виходячи з суттєвих ознак субординаційних управлінських відносин [4, С. 171-172], субординаційна взаємодія між Кабінетом Міністрів України та місцевими державними адміністраціями характеризується наступними ознаками:

- обумовлюється формальним підпорядкуванням місцевих державних адміністрацій Кабінету Міністрів України, а також їх підзвітністю та підконтрольністю йому;

- Кабінет Міністрів України та місцеві державні адміністрації є нерівноправними, і, відповідно, ініціатором впливу, у більшості цих відносин, виступає Кабінет Міністрів України, тоді як місцеві державні адміністрації – зобов'язані виконувати вимоги Кабінету Міністрів України;
- мета та результати даної взаємодії досягаються значною мірою завдяки діяльності Кабінету Міністрів України.

Координаційна взаємодія як координаційні управлінські відносини полягає в погодженості, встановленні співвідношення між будь-якими діями, це "встановлення взаємовідносин, взаємодій з будь-якого питання, в будь-яких діях" [4, с. 173]. А.Й.Француз до координаційних структурних зв'язків у складних адміністративних системах відносить створення та функціонування спеціальних координаційних органів управління, створення спеціальних міжвідомчих координаційних робочих груп, проведення координаційних нарад та створення координаційних груп, регулярний обмін інформацією, прийняття сумісних рішень різними складними адміністративними системами [8, с. 45-47].

Координаційна взаємодія Кабінету Міністрів України з місцевими державними адміністраціями відповідає першому виду визначених у попередньому абзаці відносин, а Уряд здійснює загальну координацію діяльності місцевих державних адміністрацій, в тому числі міжтериторіальну.

Характерними рисами координаційної взаємодії Кабінету Міністрів України з місцевими державними адміністраціями є:

- вона виникає і реалізується в межах організаційного підпорядкування між Кабінетом Міністрів України та місцевими державними адміністраціями, тобто між органом, що здійснює координацію та органами, щодо яких вона здійснюється;

- вона виникає в межах вертикальних управлінських відносин;

- Кабінет Міністрів у цій взаємодії наділений владними повноваженнями щодо місцевих державних адміністрацій;

- реалізації мети та завдань цієї взаємодії досягається за рахунок спільних зусиль обох суб'єктів виконавчої влади.

Зважаючи на статус Кабінету Міністрів України та місцевих державних адміністрацій, безумовно, субординація та координація – найбільш характерні види взаємодії між цими органами. Однак, слід погодитися з думкою О.І.Сушинського про те, що принцип взаємодії між органами влади може породжувати реординаційні відносини [5, с. 14]. Реординаційна взаємодія, зважаючи на виокремлення в теоретичних розробках реординаційних управлінських відносин, включає можливість керованого органу виконавчої влади "повідомляти про свої наміри або подавати клопотання" [4, с. 181]. Окрім того, в реординаційній взаємодії забезпечуються зворотні зв'язки, що полягають в "інформуванні суб'єкта управління об'єктом управління про виконання чи невиконання команд" [4, с. 181]. На думку А.Й.Француза властивостями реординаційних зв'язків є умовна автономність нижчих ланок, виключна компетенція нижчих ланок, право нижчих ланок управління приймати участь в підготовці рішень, право законодавчої чи нормотворчої ініціативи, право планово-бюджетної ініціативи, право структурно-штатної ініціативи, право подання про призначення на посаду, право нижчих ланок на консультативне узгодження з ними вищими ланками проектів рішень, якщо останні були підготовлені без участі нижче розташованих ланок управління [8, с. 41-43].

Найбільш характерним прикладом реординаційної взаємодії Кабінету Міністрів України з місцевими державними адміністраціями є право обласних та Київської і Севастопольської міських державних адміністрацій подавати Уряду проекти його актів як за власною ініціативою так і за ініціативою інших суб'єктів, визначених Регламентом Кабінету Міністрів України [9].

Характерні риси реординаційної взаємодії Кабінету Міністрів України з місцевими державними адміністраціями:

- вона здійснюється при наявності організаційного підпорядкування;

- реалізується в межах вертикальних управлінських відносин;

- у ній здійснюється зворотній вплив місцевої державної адміністрації на Кабінет Міністрів України через законодавчо визначені форми;

- її ціль та завдання досягаються правом місцевих державних адміністрацій виявляти ініціативу, здійснюючи зворотний зв'язок та обов'язком Кабінету Міністрів України відреагувати на ініціативу в межах зворотного зв'язку.

Якщо в основі поняття взаємодії перебувають структурні зв'язки в апараті державного управління, та зважаючи на типологізацію самих зв'язків (правовідносини (формальні зв'язки) та фактичні відносини (неформальні зв'язки; субординаційні структурні зв'язки, реординаційні структурні зв'язки, координаційні структурні зв'язки [10, с. 18-24]), відповідно взаємодія Кабінету Міністрів України з місцевими державними адміністраціями може набувати як формальних так і неформальних субординаційних, реординаційних чи координаційних структурних зв'язків. Даний підхід доволі схожий з сучасними класифікаціями

видів управлінських відносин [11, с. 86-91]. Водночас, Б.П. Курашвілі був першим науковцем, який структурував саме таким чином зв'язки в апараті державного управління, і його підхід є більш логічним, оскільки сутність взаємодії обумовлюється саме зв'язками, а не відносинами.

Виходячи з переліку субординаційних структурних зв'язків, наведеного Б.П.Курашвілі та його підходу до субординації як "вертикальної взаємодії сторін, коли одна сторона підпорядкована іншій, а також наявні владні повноваження у вищого рівня в системі управління щодо нижчого" [10, с. 19], можна виділити наступні їх види, що є характерними для взаємодії Кабінету Міністрів з місцевими державними адміністраціями:

а) виключна компетенція Кабінету Міністрів України, яка дозволяє йому приймати обов'язкові для виконання місцевими державними адміністраціями рішення;

б) право Кабінету Міністрів України розширювати свою компетенцію за рахунок компетенції місцевих державних адміністрацій, наприклад, у випадку надзвичайних подій;

в) лінійне підпорядкування, яке обумовлюється підзвітністю і підконтрольністю місцевих державних адміністрацій Кабінету Міністрів України;

г) функціональне чи методичне підпорядкування, тобто право Уряду надавати обов'язкові до виконання методичні рекомендації;

д) оперативне підпорядкування, що виникає під час виконання певної, як правило в умовах надзвичайних ситуацій, роботи;

д) право прийняття проекту рішення. Ініційований обласною, Київською та Севастопольською міськими державними адміністраціями проект постанови чи розпорядження Кабінету Міністрів України розглядається на засідання Кабінету Міністрів України і може бути прийнятий або ні;

е) обов'язкове погодження. Так, кандидатуру особи на призначення головою районної державної адміністрації до Кабінету Міністрів України вносить голова обласної державної адміністрації (відповідно голови Київської і Севастопольської міськдержадміністрацій), попередньо погодивши її;

є) підконтрольність, як "...право на вичерпне і безперешкодне ознайомлення з положенням справ в підконтрольній ланці (в цілому чи в певній частині...), включаючи право на самостійне обстеження чи розслідування, поєднане з правом притягнення до відповідальності" [10, с. 20]. Даний вид структурних зв'язків обумовлюється конституційним положенням про підзвітність і підконтрольність місцевих державних адміністрацій та їх голів Кабінету Міністрів України і може проявлятися у таких формах як, наприклад, здійснення Кабінетом Міністрів службового розслідування, перевірка діяльності місцевих державних адміністрацій з питання розгляду звернень громадян тощо;

ж) підзвітність, як "...право вимагати звіту про стан справ та знайомитися зі звітністю, поєднане з правом надавати офіційну юридично значиму оцінку" [10, с. 20] діяльності. Підзвітність місцевих державних адміністрацій реалізується при заслуховуванні звітів їх голів на засіданнях;

з) право на інформування, тобто ознайомлення Кабінету Міністрів України з інформацією отриманою від голів місцевих державних адміністрацій;

и) право координувати. Вважається, що це "...своєрідний вид субординаційного зв'язку, який характеризується переходом від субординації до координації" [10, с. 20]. Мова

іде про право Кабінету Міністрів України здійснювати координативну діяльність декількох місцевих державних адміністрацій у випадку надзвичайної ситуації, організовувати їх спільну діяльність.

Виходячи з того, що "реординаційні структурні зв'язки – різновид зворотніх зв'язків в системі управління" та види [10, с. 21], вважаємо за доцільне до видів реординаційних структурних зв'язків між Кабінетом Міністрів України та місцевими державними адміністраціями віднести:

а) виключну компетенцію місцевих державних адміністрацій. Його формою є право голів місцевих державних адміністрацій приймати обов'язкові до виконання розпорядження, скасовувати які Кабінет Міністрів України немає права;

б) умовна самостійність місцевих державних адміністрацій. Реалізація даного виду зв'язків здійснюється через право Кабінету Міністрів України призупиняти акти місцевих державних адміністрацій чи обов'язок місцевих державних адміністрацій приймати рішення чи вчиняти дії, виходячи з доручень Кабінету Міністрів України чи приписів щодо вчинення певних дій у відповідних нормативно-правових актах. Перш за все мова іде про випадки прийняття Урядом типових чи рекомендаційних нормативно-правових актів [12];

в) право нормотворчої ініціативи. Відповідно до п. 1 § 32 Регламенту Кабінету Міністрів України обласні, Київська та Севастопольська міські державні адміністрації наділені правом ініціювати прийняття Кабінетом Міністрів України постанов та розпоряджень та вносити відповідні проекти цих актів;

г) право бюджетної ініціативи. Місцеві державні адміністрації щорічно направляють центральному органу виконавчої влади, що забезпечує формування державної бюджетної політики бюджетні запити з метою включення їх до проекту закону України про Державний бюджет, який Урядом у порядку законодавчої ініціативи передається Верховній Раді України [13];

д) право структурно-штатної ініціативи. Місцеві державні адміністрації ініціюють внесення змін до рекомендаційних переліків структурних підрозділів місцевих державних адміністрацій чи типів структурних підрозділів (департаменти, управління, відділи, сектори);

е) право місцевих державних адміністрацій приймати участь у підготовці рішення Кабінету Міністрів України. Такою формою є направлення для погодження проектів актів Кабінету Міністрів України до відповідних місцевих державних адміністрацій у випадку, коли предметом правового регулювання акта є питання соціально-економічного розвитку регіонів (§ 41 Регламенту Кабінету Міністрів України);

є) право місцевих державних адміністрацій на консультативне узгодження з ним підготовленого центральним органом виконавчої влади чи іншим суб'єктом підготовки проекту акта Кабінету Міністрів України. У даному випадку слід погодитися з думкою про необхідність надання держадміністраціям так званого "відкладального вето" [10, с. 23] щодо проекту у тому випадку, він суперечить інтересам розвитку на територіях цих органів.

На думку вітчизняних науковців "в організації державного управління зворотній зв'язок об'єкта із суб'єктом має

особливе значення, тому що об'єкт є дуже складним, відзначається розмаїттям інтересів та політичних поглядів, він у просторі віддалений від суб'єкта, що також ускладнює їхні взаємовідносини. Тому необхідно приділити багато уваги налагодженню зворотного зв'язку у державному управлінні. Провідна роль у цьому процесі належить районним державним адміністраціям як структурам, які безпосередньо співпрацюють з населенням, підприємствами, громадськими організаціями" [14, с. 18].

Координаційні структурні зв'язки як такі, що "...засновані на взаємній зацікавленості різних ланок апарату в узгодженні своїх управлінських впливів чи на один і той же "об'єкт" (яким кожна ланка управляє в притаманному їй аспекті), чи на різні "об'єкти" (коли діяльність кожної ланки обумовлена діяльністю іншої і ці дві діяльності повинні бути пов'язані між собою)" [15, с. 24], охоплюють наступні види зв'язків між Кабінетом Міністрів України та місцевими державними адміністраціями:

а) створення та функціонування спеціальних координаційних органів управління;

б) проведення координаційних нарад;

в) регулярний обмін інформацією, перш за все звітною за різними напрямками.

Говорячи про розмежування субординації, координації та реординації у взаємодії між Кабінетом Міністрів України та місцевими державними адміністраціями підтримуємо точку зору, що "...основною розмежування...слід вважати ознаку способу досягнення кінцевого результату функціонування органів, тобто цей поділ здійснювати не лише в контексті поняття "ординації", а й залежно від того, яким способом досягається кінцевий результат функціонування органів, тобто кінцевий результат їх перебування в управлінських відносинах. При субординаційних та реординаційних відносинах кінцевий результат досягається діяльністю однієї зі сторін внаслідок управлінського впливу однієї сторони на іншу, а при координаційних – кінцевий результат досягається сумісною діяльністю внаслідок управлінського впливу керуючого суб'єкта та керовані об'єкти" [15, с. 18].

Висновки та пропозиції.

1. Взаємодію Кабінету Міністрів України з місцевими державними адміністраціями слід визначити як узгоджену за цілями, місцем та часом спільну діяльність Кабінету Міністрів України та місцевих державних адміністрацій, здійснювану у формах та методами, що визначені актами законодавства України та обумовлені цілями функціонування виконавчої влади.

2. Характер зв'язків, що виникають при взаємодії Кабінету Міністрів України з місцевими державними адміністраціями, обумовлюється повноваженнями цих органів. Останні дозволяють констатувати існування таких видів взаємодії як субординаційна, координаційна та реординаційна.

3. Незважаючи на домінування серед видів взаємодії субординаційної, Уряд України та місцеві державні адміністрації наділені актами законодавства можливістю задіювати координаційні та реординаційні зв'язки. Це обумовлено потребою знаходження ефективних форм та механізмів виконання функцій держави у великих адміністративно-територіальних одиницях України, що і має стати предметом подальших наукових розробок.

Список літератури:

1. Мельтюхова Н.М. Державне управління як єдність діяльності та відносин : [монографія] / Н.М.Мельтюхова. – Х. : Вид-во ХарПІ НАДУ «Магістр», 2010. – 204 с.
2. Гречанюк С.К. Взаємодія Державної кримінально-виконавчої служби України з публічними інституціями [монографія]. – Ірпінь : Нац. університет ДПС України, 2011. – 400 с.
3. Завальна Ж.В. Щодо питання про врегулювання взаємодії органів публічної влади у договірних формах // Право України. – 2010. - № 7. – С. 176-181
4. Державне управління: європейські стандарти, досвід та адміністративне право / Авер'янов В.Б., Дерещ В.А., Школик А.М. та ін.; За заг. ред. Авер'янова В.Б. – К. : Юстініан, 2007. – 288 с.
5. Сушинський О. Місцеві державні адміністрації : відносини з іншими інституціями влади. – Львів : Вид-во ЛРІДУ УАДУ, 2002. – 60 с.
6. Фещенко Л.О. Взаємодія органів внутрішніх справ з державною податковою службою у здійсненні правоохоронної діяльності: дис. канд. юрид. наук : 12.00.07 – адміністративне право і процес; фінансове право, інформаційне право / Л.О. Фещенко. – К.: Інститут законодавства Верховної Ради України, 2007. – 217 с.
7. Мироненко Тетяна Євгенівна. Організаційно-правові аспекти управління взаємодією органів прокуратури України з громадськістю : автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.07 07 – адміністративне право і процес; фінансове право, інформаційне право / Т.Є. Мироненко / Інститут законодавства Верховної Ради України. - К., 2008. - 20 с.
8. Француз А.Й. складні адміністративні системи : організаційно-правові засади управління : Монографія. – Рівне, 2001. – 173 с.
9. Про затвердження Регламенту Кабінету Міністрів України : постанова Кабінету Міністрів України від 18 липня 2007 року № 950 (зі змінами) [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/950-2007-%D0%BF>
10. Курашвили Б.П. Типологізація структурних зв'язів в апараті державного управління // Форми державного управління. - М., 1983. – С. 16-24.
11. Державне управління: проблеми адміністративно-правової теорії та практики / За заг. ред. В.Б.Авер'янова. – К.: Факт, 2003. – 384 с.
12. Про затвердження рекомендаційних переліків структурних підрозділів обласної, Київської та Севастопольської міської, районної, районної в м. Києві та Севастополі державних адміністрацій : постанова Кабінету Міністрів України від 18 квітня 2012 року № 606 (зі змінами) [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/606-2012-%D0%BF>
13. Бюджетний кодекс України від 8 липня 2010 року (із змінами) [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2456-17/page4>
14. Територіальне управління: проблеми, рішення, перспективи : [монографія] / В.В.Корженко, Г.С.Одінцова, Н.М.Мельтюхова та ін.; За заг. ред. проф. В.В.Корженка, Харків : Видавництво ХарПІ НАДУ «Магістр», 2004. – 216 с.
15. Система органів виконавчої влади України: правові проблеми удосконалення організації та діяльності. Наукова доповідь / за заг. ред. О.Ф.Андрійко. – К., 2011. – 55 с.

PSYCHOLOGIA / ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**ОТНОШЕНИЕ К БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ
ВУЗОВ***Алонцева Александра Ивановна,**Новокузнецкий институт (филиал) ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»,
кандидат психологических наук, кафедра общей и прикладной психологии*

В данном исследовании представлен сравнительный анализ когнитивного, эмоционального и мотивационного компонентов отношения к будущей профессиональной деятельности студентов, состоящих и не состоящих в браке.

Ключевые слова: отношение к будущей профессиональной деятельности, студенты, семейное положение, обучение.

STUDENTS' RELATION TO FUTURE JOB*Alontseva Alexandra Ivanovna**Novokuznetsk institute (branch) of Federal state budgetary educational institution of the higher vocational training
«Kemerovo state university», candidate of Psychological Sciences, department of general and applied psychology*

This study represents a comparative analysis of the cognitive, emotional and motivational components of students' relation to their future job, depending on marital status.

Keywords: relation to future job, students, marital status, education

Одной из самых главных особенностей человека является его способность трудиться, которая определяет весь жизненный путь. Именно трудовая деятельность позволяет человеку осознать значимость собственной жизни в целом, и реализовать себя через творческое выражение в труде. При этом, способность трудиться раскрывается через отношение личности к профессиональной деятельности. По мнению М. В. Григорьева, Е. А. Магилёвкина понятие «отношения к профессиональной деятельности», выражается в степени сформированности в личности психологических процессов (мотивационных, когнитивных и эмоциональных), позволяющих субъекту эффективно осуществлять практическую, профессиональную деятельность. Б. Г. Ананьев, М. Рокич, В. А. Ядов считают, что отношение к профессиональной деятельности – это категория, определяющая поведение личности и оказывающая влияние на все стороны его профессиональной деятельности. [1; 5; 7]. Э. С. Аршинина на основании своих исследований утверждает, что отношение к профессиональной деятельности, выступает источником активности личности, которая координирует направленность, поведение и деятельность личности. Е. А. Климов, Е. Ю. Рубанова, А. С. Миронова-Тихомирова рассматривают отношение к профессиональной деятельности, как динамический и целенаправленный процесс, конечным результатом которого является сформированный комплекс профессионально важных качеств личности [4]. Представленные мнения отражают лишь часть научных исследований в рамках данного проблемного поля, но мы можем говорить о том, что научная категория «отношение к профессиональной деятельности» может рассматриваться как процессное явление и как результирующий показатель. Но независимо от подхода к определению понятия «отношение к профессиональной деятельности» общим является мысль, что формирование отношения к профессиональной деятельности, является важным аспектом для воспитания будущего профессионала. Как пишет в своих работах С.А.

Лапшин, высокий уровень готовности студента к профессиональной деятельности формируется на основе отношения к ней, что в целом помогает будущему специалисту обнаружить личностный потенциал для профессионального саморазвития. Все это дает основания рассматривать отношение к будущей профессиональной деятельности как обязательный компонент при подготовке будущих профессионалов, что в полной мере обеспечит осознанное отношение субъекта к профессиональной деятельности [6; с.30].

По мнению А. С. Мироновой-Тихомировой, на всем пути формирования «отношения к профессиональной деятельности» наблюдается существенное изменение в мотивационной, эмоциональной и когнитивной сфере. Именно данные компоненты, по мнению автора, позволяют раскрыть психологическую структуру «отношения к профессиональной деятельности» у студентов:

- эмоциональная составляющая включает эмоциональные состояния, которые являются динамично-ситуативными, но позволяет делать прогноз адаптивности выпускника в условиях профессионального труда;

- мотивационная составляющая включает мотивы, склонности, потребности в профессиональной деятельности, являясь наиболее динамичной структурой, определяет влияние профессиональных факторов на саморазвитие в профессиональной среде;

- когнитивная составляющая включает карьерные ориентации, цели и готовность к изменениям, определяющие качество и содержание карьерного развития.

В. Н. Обносков так же считает что отношение к профессиональной деятельности следует рассматривать как индивидуально – своеобразную систему знаний, убеждений, переживаний человека, связываемых им с данной профессией, которое может быть рассмотрено как когнитивно – аффективное психическое образование обладающее не только информационным, но и мотивационным потенциалом дальнейшего профессионального развития [5; 8; 9].

Отношение к профессиональной деятельности, формируется под влиянием окружающей среды [2; 3; 5]. В настоящее время, исследователи в области изучения отношения к профессиональной деятельности студентов выделяют широкий спектр проблемных факторов; влияющих на отношение к будущей профессиональной деятельности студентов, из них внешних: экономических, социально-бытовых, правовых и т.д.; и внутренних: психологических или личностных факторов.

Одним из условий оказывающим влияние на указанные выше факторы, а следовательно и определяющим отношение к будущей профессиональной деятельности выступает семья. В настоящее время, по данным отечественных ученых А. В. Антонюк, С. В. Алиновская, Н. Л. Быкова, Е. И. Головахе, А. С. Миронова-Тихомирова, Е. Ю. Рубанова наибольшее количество браков совершается в период с 18 до 25 лет, что совпадает с периодом обучения в профессиональном учебном учреждении. Это ставит студенческую молодежь перед выбором между: вложением своих ресурсов в социальную самореализацию или созданием и благоустройством своей семьи. Семья в сознании молодежи находится между: ограничениями (временными, материальными, финансовыми), которые сопровождают семейную жизнь, и в тоже время выступает как источник дополнительного ресурса, заключающейся во взаимном обогащении каждого члена супружеской пары. Данное противоречие – создания благополучной семьи или социальной самореализацией в профессиональной деятельности – каждый из студентов решает для себя самостоятельно.

По утверждению ученых (С. В. Алиновская, Н. Л. Быкова, Н. И. Красевич, Д. Майерса и др.) молодые люди (обеих полов), состоящие в браке, в большей мере склонны самореализовать себя в социуме, учитывая мнение о себе других людей; преобладающей ценностью в их жизни является стабильность; они более легко адаптируются к новым условиям жизни; студенты, вступившие в брак, имеют более серьезное отношение к учебе и ответственное отношение ко всем процессам и событиям, происходящим в их жизни; предпочитают самостоятельность в работе, больше ориентированы на достижение успехов в профессиональном труде. Семейное положение благотворно влияет и на ценностные ориентации студенческой молодежи, способствует развитию интеллектуальных и социальных потребностей. В отличие от одиноких молодых людей в поведении, которых прослеживается тенденция к проявлению деструктивности, образующейся в результате выбора ауто-и интрогрессивных жизненных целей.

Изучение семьи является традиционным для отечественных и зарубежных исследователей: Г. Крайг, Р. Кесслер, П. Массен, А. А. Реан; В. Сатир, и современной отечественной психологии и освещается в работах А. И. Антонова, А. Я. Варга, А. Г. Вишневого Е. И. Головахе, С. И. Голода, В. Н. Дружинина, Е. А. Зубкова, О. А. Карабановой, В. Т. Лисовского, А. К. Маркова, А. С. Миронова-Тихомирова, Е. Ю. Рубановой, Н. С. Соловьева, С. И. Харчева, Э. Г. Эйдемиллера, В. В. Юстицкиса и др.

В ходе эмпирического исследования выделенные нами компоненты рассматривались через изучение параметров: эмоциональный компонент – влияние эмоциональности на эффективность деятельности, интерес, напряжение, комфорт, эмоциональная возбудимость; когнитивный компонент – профессиональная компетентность, осознание цели,

готовность к изменениям, профессиональные ориентации; мотивационный компонент – выявление актуальности базовых потребностей, мотивации потребности в достижении успеха в профессиональной деятельности

Результаты, полученные в подгруппе студентов состоящих в браке при изучении отношения к профессиональной деятельности, статистически сравнивались (по t-критерию Стьюдента) с результатами студентов, не состоящих в браке.

Значимые различия в показателях эмоционального компонента, отношения к будущей профессиональной деятельности, выявлены по параметрам: «эмоциональная возбудимость» и «интенсивность эмоций» (выше у студентов, состоящих в браке; $t = 2,49$); психическая активность (ниже у студентов, состоящих в браке $t = 2,60$), возможно это связано с большей усталостью у студентов, состоящих в браке. Не выявлено значимых различий по параметрам: «интерес», отражающий увлеченность студентов своей учебно-профессиональной деятельностью – интерес студентов обеих групп находится на среднем уровне; «эмоциональный тонус», описывающий общее эмоциональное состояние студентов, их самочувствие, положительные эмоции по отношению к учебной деятельности – в обеих группах фиксируются средние показатели; «степень психоэмоционального напряжения» – в группе студентов, состоящих в браке имеется тенденция к увеличению данного показателя; «комфортность» студентов в учебно-профессиональной среде различий не показала – в обеих группах фиксируются средние показатели выраженности.

Можем предположить, что эмоциональный компонент отношения к профессиональной деятельности у студентов, не состоящих в браке, является более сформированным. Неженатые студенты обладают большей выдержкой в проявлении своих эмоций по интенсивности и степени возбуждения, а также характеризуются большей психической активностью, что, несомненно, позитивно сказывается на результатах учебно-профессиональной деятельности.

Значимые различия в показателях когнитивного компонента, отношения к будущей профессиональной деятельности, выявлены по параметрам: «локус контроля» – (выше у студентов, состоящих в браке; $t = 2,96$) следовательно, студенты, состоящие в браке, обладают преимущественно интернальным локусом контроля, т.е. характеризуются как более ответственные; «профессиональная компетентность» (выше у студентов, состоящих в браке; $t = 2,62$) следовательно, студенты, состоящие в браке, обладают более выраженным стремлением достигать успеха в профессиональной деятельности; «менеджмент» (выше у студентов, состоящих в браке; $t = 2,26$) следовательно, студенты, состоящие в браке, в большей степени выражена ориентация личности на интеграцию усилий людей, для достижения конечного результата необходимого организации; «стабильность работы» (выше у студентов, состоящих в браке; $t = 2,63$) следовательно, студенты, состоящие в браке, в большей степени ценят социальные гарантии, которые может предложить работодатель, и, как правило, их выбор места работы связан именно с длительным контрактом и стабильным положением компании; «стабильность места жительства» (выше у студентов, состоящих в браке; $t = 4,65$) следовательно, студентам, состоящим в браке важно оставаться проживать в том месте, где они обзавелись семьей, то есть там где обучались; «вызов» (ниже у студентов, состоящих в браке; $t = 2,02$) следовательно, студенты не состоящие в браке чув-

ствуют себя преуспевающими только тогда, когда вовлечены в решение трудных проблем, процесс борьбы и победа более важны для них, чем конкретная область деятельности или квалификация; «интеграция стилей жизни» (выше у студентов, состоящих в браке; $t = 2,72$) следовательно, студентам, состоящим в браке важно чтобы организационные отношения отражали уважение к их личным и семейным проблемам.

Проверка результатов на достоверность различий по t -критерию Стьюдента, значимых различий не выявила по параметрам: «автономия – отражает потребность освобождения от организационных правил, предписаний и ограничений; «служение» – отражает потребность получить возможность максимально эффективно использовать их таланты и опыт для реализации общественно важной цели; «предпринимательство» – выражается в главном принципе – воплотить в жизнь идею.

Основываясь на полученных результатах, можем предположить, что, когнитивный компонент отношения к профессиональной деятельности у студентов, состоящих в браке, является более сформированным.

Значимые различия в показателях мотивационного компонента, отношения к будущей профессиональной деятельности, выявлены по параметрам: «материальные потребности» – (меньше удовлетворены у студентов, состоящих в браке; $t = 3,36$) следовательно, студенты, состоящие в браке, больше, чем их неженатые сокурсники стремятся зарабатывать и обеспечить себе материальный комфорт; «социальные потребности» (больше удовлетворены у студентов, состоящих в браке; $t = 2,85$) данные являются вполне закономерными, так как женатые студенты находятся в тесном межличностном контакте со своими супругами, а значит, социальные потребности у них удовлетворяются; «потре-

ность в достижении» (больше выражена потребность у студентов, состоящих в браке; $t = 2,73$) следовательно, студенты, состоящие в браке, в большей степени стремятся сделать дело лучше, чем раньше, изобрести новые приемы работы и помогать другим для успешного решения трудных задач.

Проверка результатов на достоверность различий по t -критерию Стьюдента, значимых различий не выявила по параметрам: «потребность в безопасности» – отражает стремление студентов обеспечить себе будущее, упрочить свое положение; «потребность в уважении» – отражает стремление обеспечить себе положение влияния, добиться признания и уважение; «потребность в самореализации» – отражает стремление студентов развивать свои силы и способности, заниматься делом, требующим полной отдачи, стремиться к новому и неизведанному;

Делая вывод об уровне сформированности мотивационного компонента отношения к профессиональной деятельности студентов, можно отметить, что у студентов обеих групп он является развитым не на высоком уровне, но среди студентов состоящих в браке, выявлено большее число потребностей находящихся в зоне неудовлетворения, а следовательно определяющих их профессиональную активность.

Таким образом, проведение эмпирического исследования отношения к будущей профессиональной деятельности студентов, состоящих и не состоящих в браке, проведенное по трем основным компонентам: эмоциональному, когнитивному и мотивационному, позволяет прогнозировать отношение к будущей профессиональной деятельности студентов, предполагая наибольшую адаптивность и перспективность в будущей трудовой деятельности от студентов, состоящих в браке, а так же позволит студентам (не зависимо от семейного статуса) получить представление о направлениях самосовершенствования.

Ссылки:

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни [Текст]: учебник / К. А. Абульханова-Славская – М.: Мысль, 1991. – 299с.
2. Авдеева Л.Н. Психолого-педагогическое сопровождение студенческой семьи [Текст]: автореферат / Л. Н Авдеева – СПб. Астрахань, 2009.– 25 с.
3. Алешина Ю. Е. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование: Социальное здоровье России [Текст] / Ю. Е. Алешина – М.: Класс, 2004. – 208 с.
4. Андреева Г. М. Социальная психология: [Текст]: Учебник для вузов / Г. М. Андреева. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 363 с.
5. Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ [Текст] /С. И. Голод – М.: Петрополис, 1998. – 271 с.
6. Гиппенрейтер Ю. Б. Введение в общую психологию. Курс лекций [Текст] / Ю. Б.Гиппенрейтер – М.:«Юрайт», 2002. – 336 с.
7. Дружинин В. Н. Экспериментальная психология [Текст] / В. Н. Дружинин. - 2-е изд., доп. - СПб: Питер, 2006. – 319 с.
8. Ефимова Н. С. Социальная психология [Текст] / Н.С. Ефимова. – М.: ИД ФОРУМ, НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 192 с.
9. Красникова Е. А. Этика и психология профессиональной деятельности [Текст] / Е. А. Красникова – М.: Форум, 2010. – 224 с.

ОСОБЛИВОСТІ ФОРМУВАННЯ САМОРЕГУЛЯЦІЇ У ДІЮЧИХ ТА МАЙБУТНІХ ОФІЦЕРІВ ОРГАНІВ ВНУТРІШНІХ СПРАВ

Борисюк Ольга Миколаївна

Старший викладач кафедри психології управління, Львівський державний університет внутрішніх справ

Стаття присвячена емпіричному дослідженню стилевих особливостей довільної саморегуляції поведінки суб'єкта в правоохоронній діяльності. Представлені середні значення показників стилів регуляції поведінки курсантів та офіцерів отриманих в результаті використання методики "Стильові особливості саморегуляції поведінки (ССП-98)" В.І. Моросанова, Є.М. Коноз. Дослідження показало середні показники саморегуляції у працівників ОВС. Отримані результати вказують на значні проблеми у розвитку саморегуляції в поведінці найбільш значущої для діяльності категорії офіцерів, а саме чоловіків. Тому, необхідно розробити комплекс заходів щодо регульованого і цілеспрямованого впливу на формування стилів саморегуляції у офіцерів.

Ключові слова: саморегуляція, компоненти, стильові особливості саморегуляції поведінки, діючий та майбутній офіцер ОВС.

FEATURES OF FORMATION OF SELF-REGULATION AND FUTURE OF THE OFFICERS OF INTERNAL AFFAIRS AGENCIES

Borysjuk O.M.

senior lecturer in Psychology, Lviv State University of Internal Affairs

This article is devoted to the empirical research of stylistic features of voluntary self-regulation of behavior subject to law enforcement. Presented average values of style regulation of behavior of cadets and officers resulting from the use of techniques "Style features self-regulation of behavior (CAP-98)" V.I. Morosanova, E.M. Konoz. The study found the average self-regulation to police officers. The results point to significant problems in the development of self-regulation of behavior for the most significant categories of officers, namely the men. Therefore, it is necessary to develop a set of measures for controlled and deliberate action on the formation of self-regulation in styles officers.

Key words: self-regulation, components, stylistic features of self-regulation of behavior, current and future police officer.

Постановка проблеми. Звертаючись до самоорганізації як регулятивного складника життєвого шляху офіцера, важливим і перспективним напрямом досліджень є вивчення впливу саморегуляції у довільній активності. Успішність, продуктивність роботи офіцерів в професійно-управлінській діяльності залежать від їхньої здатності до саморегуляції. Так, проведені дослідження структури управлінської компетентності майбутнього офіцера ОВС [1, 2] показали, що одним із її психологічних складових є емоційно-вольовий компонент. Він визначається самоорганізацією, стійкою емоційною врівноваженістю та розвиненими вольовими якостями. Формування такої спроможності характеризує високий рівень розвитку особистості та, водночас, є умовою її подальшого професійного становлення. З огляду на зазначене, емпіричне дослідження особливостей формування саморегуляції майбутніх офіцерів, її динаміки набуває актуальності, адже це пов'язано з підвищенням працездатності в навчальній та трудовій діяльності, профілактикою несприятливих наслідків стомлення і стресових станів в умовах служби.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Проблема саморегуляції у професійній діяльності офіцерів пов'язана з різними аспектами психологічної науки. Для її розв'язання варто звернутися до теоретичних і експериментальних досліджень саморегуляції зроблених психологами К.А. Абдульхановою-Славською, Б.Г. Анан'євим, Л.С. Виготським, В.В. Давидовим, Л.Г. Дикою, В.А. Іванніковим, Е.П. Ільїном, Г.С. Костюком, О.А. Конопкін, О.М. Леонт'євим, Б.В. М'ясищевим, Б.Ф. Ломовим, В.І. Моросановою, Г.С. Нікіфоровим, А.В. Петровським, С.Л. Рубінштейном, В.І. Селівановим, А.А. Смирновим, О.К. Тихомировим, Д.М. Узнадзе, Д.Б. Ельконіним та ін. Особливості саморегуляції поведінки суб'єк-

та у військово-професійній діяльності досліджував В.І. Осьодло [5]. Аналіз досліджень зазначених авторів свідчить про наступне:

- саморегуляцією є системно організований процес внутрішньої психічної активності людини, спрямованої на ініціацію, побудову, підтримку та управління різними видами та формами довільної активності, що безпосередньо реалізує досягнення особистістю цілей;

- основними функціями саморегуляції в діяльності є: 1) виклик або затримка процесів, дій і вчинків; 2) перемикання психічної діяльності; 3) прискорення або уповільнення психічної діяльності; 4) посилення або зменшення активності; 5) узгодження спонукань; 6) контроль над ходом діяльності шляхом порівняння її програми зі здійснюваними діями; 7) координація дій;

- до компонентів професійної саморегуляції належать мотиваційний, рефлексивний, емоційно-вольовий та діяльнісний.

Виділення невирішених раніше частин загальної проблеми. Проте, через недостатньо широкий спектр досліджень у цьому напрямі існує надзвичайно великий запит з боку практики до емпіричного вивчення проявів активності майбутніх офіцерів ОВС, навичок їхньої свідомої саморегуляції поведінки й діяльності.

Відповідно до цього метою статті є емпіричне дослідження особливостей стильової саморегуляції майбутніх офіцерів ОВС в процесі їхнього професійного становлення.

Виклад основного матеріалу. У дослідженні використано системний підхід за В.І. Моросановою, що розглядає саморегуляцію, як цілісну систему психічних засобів, за допомогою яких людина здатна керувати своєю цілеспрямованою активністю. Саморегуляція здійснюється як єдиний процес,

забезпечуючи мобілізацію та інтеграцію психологічних особливостей людини для досягнення цілей діяльності. Індивідуальні особливості саморегуляції характеризуються тим, як людина планує і програмує досягнення мети, урахує значущі зовнішні та внутрішні умови, оцінює результати і коректує свою активність для досягнення суб'єктивно-прийнятних результатів. Процес саморегуляції сприяє виробленню гармонійної поведінки, на його основі розвивається здатність керувати собою відповідно до визначеної мети та поставлених професійних завдань [4]. Логічно припустити, що вивчення та врахування індивідуальних особливостей саморегуляції офіцерів сприятиме ефективності виконання професійних завдань. Окрім цього, В.І. Морсанова прийшла до висновку про те, що феномен стилю саморегуляції виявляється в наступному:

- яким чином людина планує і програмує досягнення життєвих цілей;
- враховує значущі зовнішні й внутрішні умови;
- оцінює результати й корегує свою активність для досягнення суб'єктивно прийнятних результатів, в тому, якою мірою процеси самоорганізації розвинені й усвідомлені [4, с.1].

Для вивчення особливостей прояву свідомої саморегуляції довільної активності досліджуваних обрана методика

„Стильові особливості саморегуляції поведінки (ССП-98)”, розроблена В.І. Морсановою та Є.М. Коноз [3]. Опитувальник містить 46 тверджень, що утворюють шість шкал: відповідно до основних регуляторних процесів (планування, моделювання, програмування, оцінювання результатів) і регуляторно-особистісних, або інструментальних властивостей (гнучкість і самостійність). Опитувальник також дає показник за шкалою „Загальний рівень саморегуляції” (ЗР), що характеризує загальний рівень сформованості індивідуальної системи саморегуляції активності. Високими показниками є 8 балів і вище, низькими – 5 і нижче.

Психодіагностичному обстеженню підлягали курсанти 1-го, 2-го та 3-го курсів, а також офіцери. Кількість досліджуваних по курсах – 283 особи, по офіцерах – 35 осіб. Дослідження було проведено на добровільних засадах за процедурою групового обстеження. Результати обстеження наведено в таблиці. Статистична обробка отриманих даних проводилася за допомогою статистичного пакету програм Microsoft Excel, SPSS – 21.0. Критерієм для аналізу щодо курсантів було застосовано курс навчання, а для офіцерів стать. Це було здійснено з причини відсутності різниці за середніми значеннями за статтю у курсантів й стажем роботи у офіцерів. Отже, у таблиці 1 наведено узагальнені дані середнього значення та стандартного відхилення.

Таблиця 1.

Стильові особливості саморегуляції поведінки курсантів та офіцерів ОВС України

Шкала	Курсанти				Офіцери		
	1 курс	2 курс	3 курс	Загалом	Загалом	Чоловіки	Жінки
	Середнє значення та стандартне відхилення						
Планування	6,6±1,7	6,5±1,5	6,8±1,7	6,7±1,6	4,9±1,9	5,0±1,9	4,8±2,1
Моделювання	5,3±1,8	6,2±1,6	5,8±2,1	5,7±1,9	5,1±1,9	4,5±2,0	6,5±0,5
Програмування	6,0±1,3	6,3±1,5	6,2±1,5	6,2±1,4	5,0±2,1	4,2±1,8	7,0±1,3
Оцінювання результатів	6,4±1,7	6,1±1,8	5,6±1,8	6,3±1,8	4,5±0,9	4,3±0,9	4,9±0,8
Гнучкість	6,4±1,5	6,6±1,6	6,5±1,7	6,5±1,6	5,6±1,6	5,1±1,6	7,0±0
Самостійність	5,2±1,9	6,1±1,6	5,8±1,7	5,7±1,8	5,4±1,2	5,5±1,2	5,4±1,4
Загальний рівень саморегуляції	30,0±4,9	32,0±5,2	31,0±5,9	31,0±5,4	27,5±5,5	26,0±6,1	30,7±1,6

При інтерпретації результатів дослідження ми дотримувалися думки про те, що володіння працівником ОВС індивідуальним стилем саморегуляції дозволить йому опанувати свій стан у важкі моменти професійної діяльності, дозволить більш впевнено відчувати себе в незнайомих ситуаціях, конструктивно вирішувати різні проблеми та забезпечити успішність діяльності в умовах служби.

Далі перейдемо до аналізу результатів емпіричного дослідження за шкалами опитувальника. Всі отримані показники знаходяться на середньому рівні, але певні наближені до високих, інші – до низьких. Це свідчить про те, що саморегуляція знаходиться на середньому рівні. Однак її показники є вищими у курсантів та офіцерів-жінок. Такі результати

можуть свідчити про те, що найбільш вразливою категорією щодо розвитку саморегуляції є офіцери-чоловіки. Це може бути спричинено тим, що більші відповідальність, тиск, вимоги та інші стресори деструктивно впливають на саморегуляцію.

Такий компонент саморегуляції як планування розвинений у курсантів на середньому рівні (6,7±1,6) і є свідченням того, що на цьому етапі у них існує тенденція щодо самостійного висунення цілей діяльності, усвідомленого її планування, плани при цьому реалістичні, деталізовані, ієрархічні, дієві й стійкі. Динамічна характеристика даних показників зображена на рисунку 1.

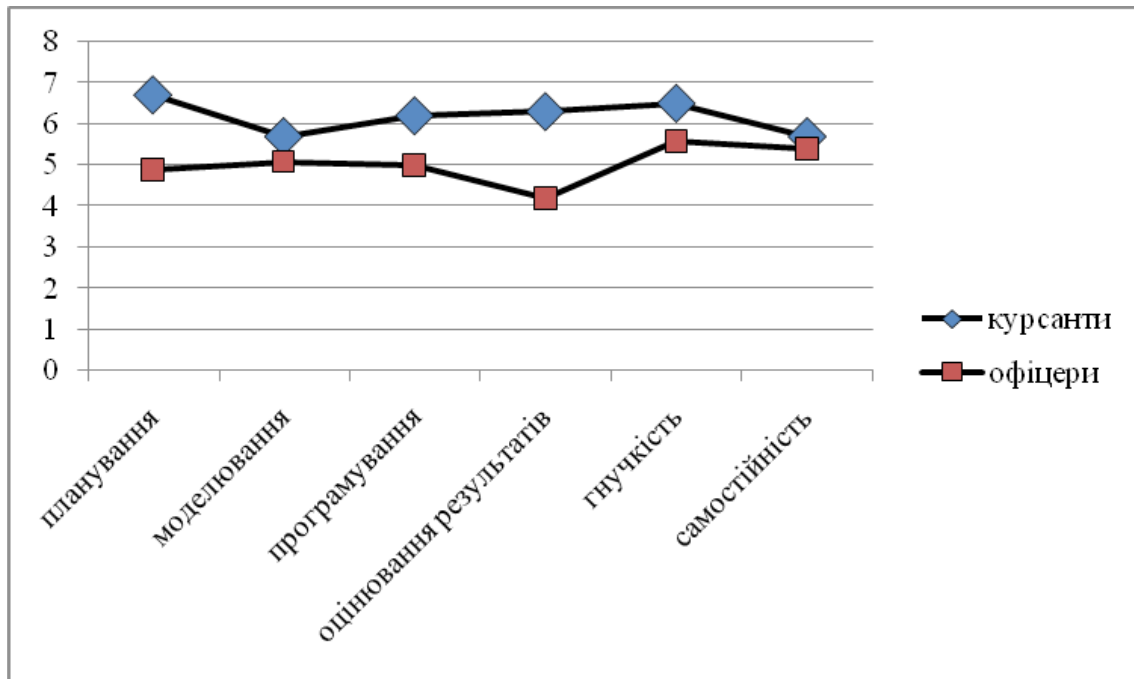

Рис.1. Профілі саморегуляції курсантів та офіцерів.

Офіцери показали значущо нижчі результати ($4,9 \pm 1,9$), що свідчить про те, що досліджувані вважають за краще не замислюватися про своє майбутнє, цілі їх професійної діяльності більш мінливі, висувуються ситуативно і зазвичай не самостійно. Щодо професійного розвитку, то для більшості офіцерів цей етап у професійному становленні є закріпленням досягнутого, а отже, і потреба в плануванні розвинена слабо, плани можуть часто змінюватися, поставлена мета не має тієї спонукальної сили, як на етапі їхнього навчання.

За шкалою “моделювання” найвищі показники виявлено у офіцерів-жінок ($6,5 \pm 0,5$), які здатні виділяти значимі умови досягнення цілей діяльності в перспективному майбутньому (див. Рис. 2). Курсанти показали нижчі результати ($5,7 \pm 1,9$), відповідно сформовані у них процеси моделювання є на середньому рівні з адекватним оцінюванням значущих внутрішніх умов і зовнішніх обставин (див. Рис. 1). Значно нижчий рівень розвитку прогностичних навичок продемонстрували офіцери-чоловіки ($4,5 \pm 2,0$) (див. Рис. 2). Це свідчить про те, що у них можуть виникати труднощі у визначенні цілей діяльності та програми дій, оцінки поточної ситуації, вони не завжди помічають зміну ситуації, що також може приводити до невдач. Таким чином, за отриманими даними, більшість досліджуваних виявили невисокий рівень здатності перебудувати систему саморегуляції у зв'язку зі зміною зовнішніх і внутрішніх умов.

За шкалою “програмування” офіцери-жінки мають наближені до високих показники ($7,0 \pm 1,3$), що свідчить про здібність обмірковувати способи своїх дій для досягнення цілей професійної діяльності. Проте, на відміну від жінок для чоловіків мають місце низькі показники ($4,2 \pm 1,8$), що може свідчити про недостатнє бажання досліджуваних продумувати послідовність своїх дій. Цілком можливим є те,

що останні не вважають за потрібне виявляти активність у діяльності, формулювати чітку програму дій, часто стикаються з неадекватною реакцією на отримані результати, а отже, і не виявляють бажання при цьому вносити зміни до програми дій, діючи старим способом. Для досліджуваної групи курсантів ($6,2 \pm 1,4$) здатність продумувати послідовність своїх дій середньо розвинена, їм важче самостійно сформулювати програму дій, вони схильні частіше помилятися.

Отримані результати за шкалою “оцінювання результатів праці”, показали поступове зниження показників починаючи від навчання і до їх професійної діяльності (таблиця). Так, для курсантів ці показники є найвищими ($6,3 \pm 1,8$), що характеризує переконаність досліджуваних про те, що в них достатньо чітко сформовані, з одного боку – потреба, а з іншого – стійкі суб'єктивні критерії оцінки успішності досягнення результатів. Для них характерна адекватна оцінка себе та результатів своєї діяльності. Проте зі збільшенням курсу спостерігається зниження показників самооцінки (див. Рис. 3). Сутність самооцінки за цією шкалою полягає в тому, що вона характеризує переконання людини в тому, що професійна діяльність має заохочуватися, викликати позитивні переживання значущості своєї праці, відповідальності, прагнення до особистісного розвитку, підвищення результатів праці, кваліфікації тощо. Таким чином, поступове зниження показників за шкалою “оцінювання результатів праці” свідчить про зниження ролі “мотивуючого потенціалу праці” в процесі професійного становлення офіцерів. Все це призводить до того, що офіцери не знають і не розуміють, наскільки ефективно вони виконують свої професійні обов'язки, їхні суб'єктивні критерії успішності недостатньо стійкі, а це веде до погіршення якості результатів праці.

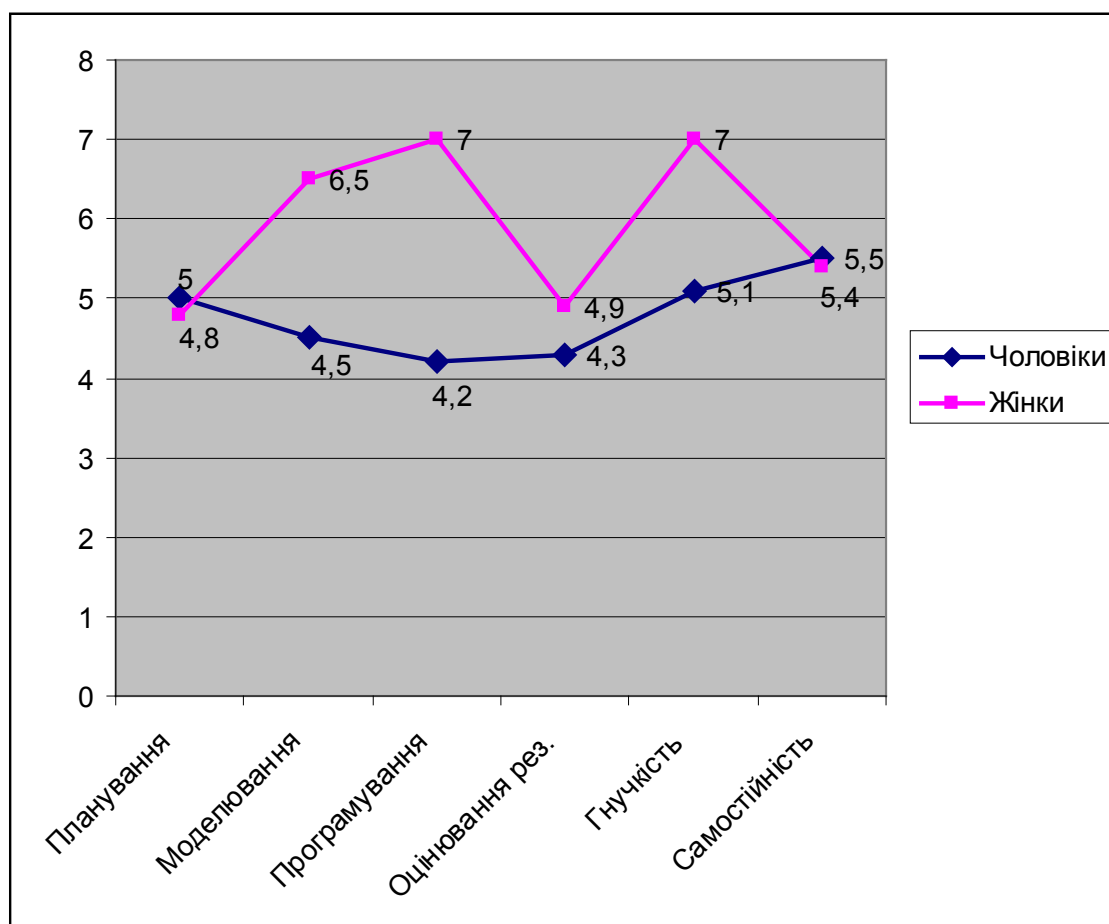

Рис.2. Профілі саморегуляції офіцерів-чоловіків та офіцерів-жінок.

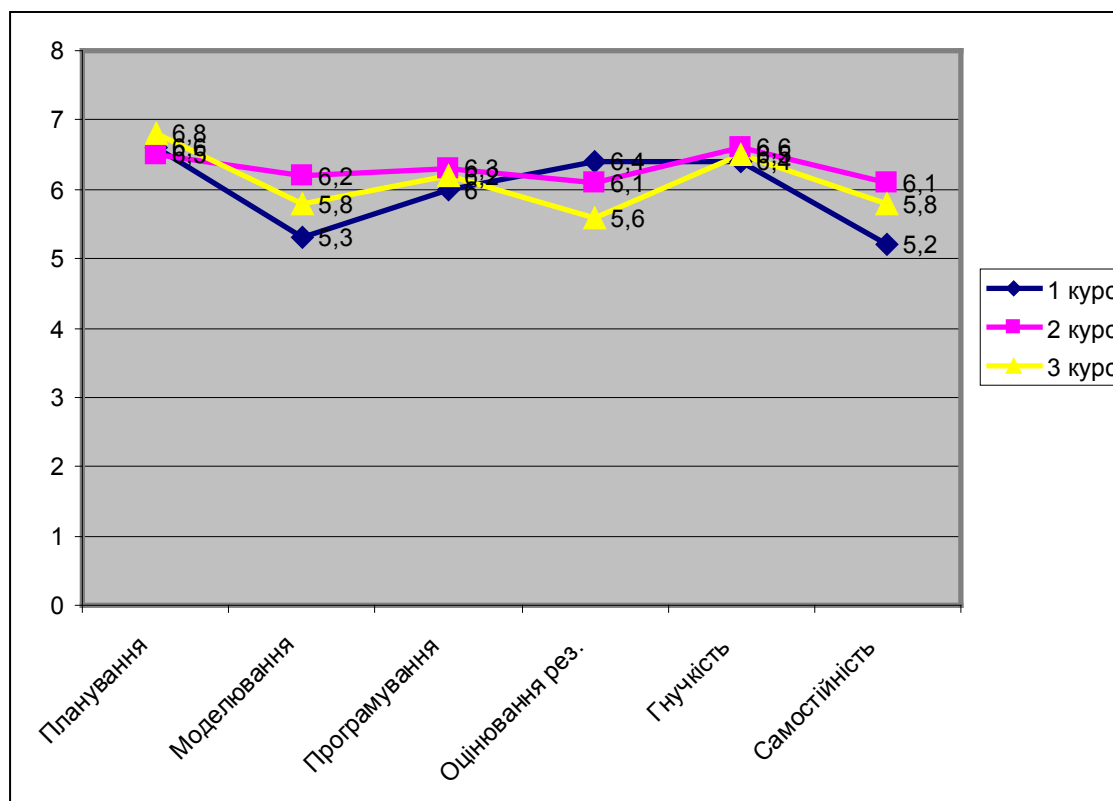

Рис. 3. Індивідуальні профілі саморегуляції курсантів.

Показник гнучкості є важливим при реалізації функції планування, який визначає, що план не повинен вказувати на жорсткі дії там, де цей крок залежатиме від невідомих доки обставин. Компонент гнучкості дозволяє швидко знаходити нові рішення при непередбачуваній зміні обстановки. Рівень сформованості регуляторної гнучкості є не

мих доки обставин. Компонент гнучкості дозволяє швидко знаходити нові рішення при непередбачуваній зміні обстановки. Рівень сформованості регуляторної гнучкості є не

однаковим на різних етапах професійного становлення досліджуваних. Наближені до високих показників за шкалою "гнучкість" показали тільки офіцери-жінки ($7,0 \pm 0$). Отримані дані свідчать про достатню пластичність регуляторних процесів у жінок, здатність останніх перебудувати систему саморегуляції у зв'язку зі зміною зовнішніх і внутрішніх умов, які постають при виникненні непередбачених обставин. Досліджувані легко перебудовують плани й програми виконавчих дій і поведінки, здатні швидко оцінити зміну значимих умов і перебудувати програму дій. У офіцерів-чоловіків спостерігається зниження показників ($5,1 \pm 1,6$) порівняно з жінками, що свідчить про зниження гнучкості регуляторики. Така динаміка показників за шкалою гнучкості свідчить про те, що на перебіг процесів регуляції суттєвий вплив мають умови праці (обстановки) і спосіб життя офіцерів. У таких умовах, незважаючи навіть на сформованість процесів регуляції, досліджувані з часом перестають адекватно реагувати на ситуацію, своєчасно планувати діяльність і поведінку, розробляти програму дій, виділяти значимі умови, оцінювати розбіжності в отриманих результатах з метою діяльності і вносити необхідні зміни. У курсантів гнучкість знаходиться на середньому рівні протягом всіх курсів ($6,5 \pm 1,6$).

Показники за шкалою самостійності відображають автономність в організації активності, здатність самостійно планувати діяльність і поведінку, організовувати роботу з досягнення висунутої мети, контролювати хід її виконання, аналізувати й оцінювати як проміжні, так і кінцеві результати діяльності. Отримані дані показують, що рівень самостійності як для курсантів ($5,7 \pm 1,8$), так і для офіцерів ($5,4 \pm 1,2$) є дещо низьким. Це свідчить те, що вони є залежними від думок і оцінок оточення їх плани та програма дій залежать від безпосереднього керівництва за обмеженої активності та ініціативи. Такі особливості скоріше є наслідком від специфіки професійного середовища, де жорстка субординація та регламентовані керівними документами обов'язки обмежують власну ініціативу, активність й самостійність в роботі, що відповідно не сприяє розвитку цієї якості, а згодом взагалі веде до її пригнічення. При збереженні такого жорсткого адміністративного стилю управління самостійність у працівників слабо стимулюватиметься. Це призведе до несвоечасності ухвалення рішень в несприятливій ситуації, стереотипних дій тощо. Для здійснення управлінських функцій на високому рівні сформованість такої якості має дуже важливе значення. Розвиток ініціативності й самостійності у майбутніх офіцерів забезпечить не лише ефективне управління, але й підвищення ефективності всієї службової діяльності.

Загальний рівень довільної саморегуляції досліджуваних груп є в межах середніх значень. Курсанти показали трішки вищий рівень саморегуляції ($31,0 \pm 5,4$), ніж офіцери ($27,5 \pm 5,5$). Зниження рівня саморегуляції свідчить про значну залежність від керівництва і ситуації, зниження

ініціативності, активності й самостійності при виконанні служби. Жінки переважно використовують усвідомлену довільну регуляцію – управління висуванням і досягненням усвідомлено прийнятої мети діяльності.

Висновки. Таким чином, результати проведеного емпіричного дослідження дали змогу визначити основні регулятивні характеристики власної поведінки курсантів та офіцерів, що зумовлюють успішність їх професійно-управлінської діяльності. Внаслідок проведеного аналізу отриманих результатів, можна стверджувати, що на шляху професійного становлення майбутніх офіцерів виникають деякі труднощі, які свідчать про недостатню усвідомленість і взаємозв'язок регуляторних ланок у загальній структурі індивідуальної регуляції. Слід відзначити, що існує потреба в подальшому розвитку навичок свідомої саморегуляції поведінки й діяльності досліджуваних з метою зменшення залежності від впливу безпосереднього середовища та ситуації. Чим вищий загальний рівень усвідомленої саморегуляції, тим легше суб'єкту правоохоронної діяльності опанувати новими видами активності, упевненіше відчувати себе в незнайомих ситуаціях, тим стабільнішими є його успіхи в звичайних видах діяльності. Тому успішність опанування нового виду діяльності значною мірою буде залежати від відповідності стилевих особливостей регуляції і вимог виду активності, що освоюється.

Дослідження засвідчило середні показники саморегуляції у працівників ОВС. Однак, встановлено, що для чоловіків-офіцерів характерними є показники, що наближені до низьких значень, а для офіцерів-жінок до високих. Це може бути викликано тим, що чоловіки, внаслідок панування жорсткої субординації, адміністративного стилю керівництва, високого тиску та вимог будуть занадто прагматично ставитися до планування свого життя, матимуть підвищене прагнення до самоконтролю, переживатимуть напруженість та тривожність.

У курсантів значних відмінностей не встановлено, але встановлено незначні тенденції щодо розвитку з часом таких складових саморегуляції як планування, моделювання, програмування, гнучкість, самостійність й зниження оцінювання результатів праці.

Отримані результати вказують на значні проблеми у розвитку саморегуляції в поведінці найбільш значимої для діяльності категорії офіцерів, а саме чоловіків. Тому, необхідно розробити комплекс заходів з регульованого й цілеспрямованого впливу на формування стилів саморегуляції в офіцерів.

Перспективи подальшого дослідження полягають в розробленні та впровадженні в систему професійної підготовки офіцерів необхідної програми розвитку та удосконалення навичок саморегуляції, яка допоможе суб'єкту правоохоронної діяльності у проясненні своїх життєвих планів та перспектив на майбутнє, сприятиме запобіганню розвитку напруженості та тривожності.

Література

1. Борисюк О. М. Методологія емпіричного дослідження управлінської компетентності майбутніх офіцерів ОВС / О.М. Борисюк // Науковий вісник Львівського державного університету внутрішніх справ. Серія психологічна: збірник наукових праць / головний редактор В.В. Середа. – Львів: ЛьвДУВС, 2015. – Вип. 1. – С. 141-150.
2. Борисюк О.М. Характеристика управлінської компетентності майбутніх офіцерів ОВС / О.М. Борисюк // Науковий вісник Львівського державного університету внутрішніх справ. Серія психологічна: збірник наукових праць / головний редактор В.В. Середа. – Львів: ЛьвДУВС, 2015. – Вип. 1. – С. 94-102.

3. Моросанова В.И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): Руководство / В.И. Моросанова. – М.: Когито-Центр, 2004. – 44 с.
4. Моросанова В.И., Коноз Е.М. Стилевая саморегуляция поведения человека. / В.И. Моросанова // Вопросы психологии. – 2000. – №2. – С. 118-127.
5. Осьодло В.І. Особливості самореалізації суб'єкта у військово-професійній діяльності. / В.І. Осьодло // Вісник Харківського Національного університету імені В.Н. Каразіна: Серія "Психологія". – Випуск 45. – Харків: ХНУ, 2011. – №937. – С. 225 – 233.

ОСОБЕННОСТИ «APPEARANCE» СТЕРЕОТИПОВ ЭТНО-КУЛЬТУРНЫХ ГРУПП С РАЗЛИЧНЫМИ ТИПАМИ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА

В.А.Лабунская

Доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и психологии личности Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия

А.А. Бзезян

Кандидат психологических наук, преподаватель кафедры социальной психологии и психологии личности Академии психологии и педагогики Южного федерального университета Ростов-на-Дону, Россия

В статье с позиций разрабатываемой нами теоретико-эмпирической модели изучения отношения (принятия/непринятия) к этнолукизму рассматриваются структурно-содержательные особенности «Appearance» стереотипов, как разновидности этнических стереотипов. В статье утверждается, что содержание «Appearance» стереотипов отличается степенью позитивности-негативности, личностным содержанием. На структуру и содержание «Appearance» стереотипов влияет сочетание вида этно-культурной группы, выделенной на основе типа внешнего облика, и гендерной дифференциации внутри этих групп.

Ключевые слова: этнолукизм, «Appearance»-стереотипы, тип внешности, этно-культурные группы

FEATURES OF "APPEARANCE" STEREOTYPES OF ETHNO-CULTURAL GROUPS WITH DIFFERENT TYPES OF APPEARANCE

V.A.Labunskaya

doctor of psychology, professor of Department of social psychology and personality psychology of Academy of psychology and pedagogy, Southern Federal University. Rostov-on-Don, Russia

A.A. Bzezyan

Kandidat of psychology, teacher of Department of social psychology and personality psychology of Academy of psychology and pedagogy, Southern Federal University. Rostov-on-Don, Russia

The article in the framework of the developed theoretical-empirical model of the study the Attitude (acceptance/non-acceptance) toward Ethnolookism examines the content and structural features of «Appearance»- stereotypes as a kind of ethnic stereotypes. The article argues that the content of «Appearance»- stereotypes of different degrees of positivity-negativity, personal content. On the structure and contents of the «Appearance»- stereotypes are affected by the combination of the kind of ethno-cultural groups, selected on the basis of type of appearance, and gender differentiation within these groups.

Key words: ethnolookism, "Appearance"- stereotypes, type of appearance, ethno-cultural groups

Введение. В последнее время в поле зрения ученых находится феномен перехода от классических форм дискриминации к символическим, к «маскируемым», к косвенным, скрытым формам дискриминации, к бытовой в отличие от институциональной, к «множественной» дискриминации, к которым относится этнолукизм – преследование человека на основе этно-культурного типа внешнего облика [6, 8,19, 21]. Следует отметить, что на протяжении долгого времени обсуждается проблема расовой дискриминации, а вместе с ней ставится вопрос о расовой, антропологической типологии внешнего облика [3, 13, 28, 33, 35]. В социально-психологической модели восприятия чужого выделяются знания о чужом, включающие непосредственно воспринимаемые особенности других людей (цвет волос, глаз, кожи, фигура, одежда) [22]. Внешний облик создает эффект наглядности, эмпиричности признаков, позволяющих идентифициро-

вать этническую общность и отделять ее от других этносов, на основе внешнего облика подразделяются социальные и этнические группы на «видимые» и «невидимые» [18].

Обобщение выводов работ, рассматривающих различные аспекты дискриминации, как социокультурного, социально-психологического феномена [1,23,25,30], результаты исследований, затрагивающих вопрос о влиянии внешнего облика на отношения между этническими группами, легли в основу построения эмпирической модели изучения отношения к этнолукизму, направленному на представителей этнических групп, отличающихся типом внешнего облика.

В данной эмпирической модели представлены взаимосвязанные характеристики дискриминационного поведения (ситуации дискриминации, способы дискриминации), а также характеристики объекта дискриминации – человека, на которого направлены дискриминационные действия и

который принадлежит к определенной гендерной группе, имеет тип внешнего облика, ассоциированный с этно-культурными группами. В обществе, в обыденном общении интегрированные обобщенные обозначения этно-культурных групп представлены в виде словосочетаний: «лица кавказской национальности», «лица славянской внешности» [11,30,31,32].

Обозначения этно-культурных групп, указывающие на тип внешнего облика, имеют косвенную связь с антропологическими классификациями, с описаниями физических и соматических особенностей, поскольку не включают четких этноразличительных признаков. Они сконструированы в процессе обыденного межэтнического, межкультурного взаимодействия, фиксируются и транслируются различными средствами массовой информации, а затем возвращаются в этническую, политическую и повседневную коммуникацию, способствуя формированию особой разновидности этнических стереотипов и связанных с ними отношений, форм и способов взаимодействия с представителями этнических групп, тип внешнего облика которых соответствует обыденным обозначениям.

В теоретических и практических социально-психологических подходах к любому виду дискриминации [4,9,10,16] развивается положение о фундаментальном влиянии когнитивно – эмоциональных образований, к которым относятся предубеждения, предрассудки, стереотипы, оценки своей и чужой группы, на дискриминационное поведение и отношение к нему. Исходя из сложившейся в этнической психологии традиции рассматривать этнические стереотипы в качестве когнитивно-эмоциональных регуляторов межэтнических отношений, а также из исследований, фиксирующих роль стереотипов в возникновении дискриминационного поведения, взаимосвязи между элементами эмпирической модели рассматривались как зависимые от особого вида этностереотипов – «Appearance-стереотипы». «Appearance-стереотипы» наделяются нами характеристиками, которые присущи любым стереотипам [20,23,26,27,29] и определяются как устойчивые, эмоционально-окрашенные, упрощенные и обобщенные представления о социально-психологических, психологических особенностях и поведении представителей этно-культурных групп, отличающихся типом внешнего облика. Содержание «Appearance»-стереотипов указывает на степень их позитивности-негативности, а входящие в него различные характеристики образуют «ядро» и «периферию». «Appearance-стереотипы» наделяются функцией пускового механизма не только дискриминационного поведения, но и отношения к дискриминационному поведению Другого, направленного на представителей этно-культурных групп, отличающихся типом внешнего облика.

Цель исследования заключалась в том, чтобы определить содержание и структуру «Appearance»-стереотипов». В эмпирической части исследования проверялась гипотеза: степень позитивности – негативности содержания «Appearance - стереотипов» и их структура может быть опосредована сочетанием принадлежности к гендерным группам представителей этно-культурных групп с определенными типами внешнего облика.

Эмпирический объект исследования: 58 женщин и 51 мужчина (109 человек) в возрасте от 18 до 30 лет, идентифицирующие себя с этнической группой русские.

Методика исследования: разработанная нами биполярная шкала «Диагностика содержания и степени позитивности-негативности «Appearance»-стереотипов». Биполярная шкала создавалась на базе исследований К.И. Ананьевой [2,5,12], посвященных изучению идентификации и оценки лиц людей разной расовой принадлежности, адекватности восприятия индивидуально-психологических особенностей с позиций межрасового подхода, оценок психологических особенностей человека по изображению его лица представителями различных расовых групп. В процессе осуществления своих исследований К.И. Ананьева проанализировала описания респондентами индивидуально-психологических особенностей расовых групп (европеоидные, монголоидные, негроидные), предъявляя их фотоизображения. В результате анализа зарегистрированных высказываний она выделила 16 характеристик личности, на основе которых были составлены биполярные шкалы. Итогом ее работы стал следующий набор индивидуально-психологических характеристик: веселый-грустный, общительный-замкнутый, привлекательный-отталкивающий, серьезный-легкомысленный, добрый-злой, дружелюбный - враждебный, спокойный - тревожный, целеустремленный - не знает, чего хочет, открытый - скрытный, умный - глупый, уверенный - неуверенный, довольный - недовольный, неординарный - обычный, независимый - зависимый, эгоистичный - бескорыстно действующий для других, напряженный - расслабленный. Набор шкал включает конструкты, которые хорошо известны участникам исследования.

Биполярная шкала «Диагностика содержания и степени позитивности-негативности «Appearance»-стереотипов», разработанная нами, включает биполярные шкалы, представленные в работах К.И. Ананьевой, но отличается от методики К.И. Ананьевой тем, что в ней в качестве объекта оценки выступают этнокультурные группы, обозначенные посредством принятых в современном языке определений типа внешнего облика: «славянский тип внешнего облика» - СВО, «кавказский тип внешнего облика» - КВО, и «азиатский тип внешнего облика» - АВО. Кроме этого, в разработанной нами методике этнокультурные группы были дифференцированы по гендерному признаку. Участнику исследования предлагается оценить, используя пятибалльную систему, степень соответствия характеристик личности, представленных в 16 дихотомических наборах, этнокультурным группам, обозначенных с помощью типов внешнего облика. На основе процедуры квартилирования определяется структура «Appearance» стереотипов (ядро и периферия). С помощью соотношения средних оценок позитивных и негативных характеристик, приписываемых этно-культурным группам с определенным типом внешнего облика, образующих ядро и периферию «Appearance» стереотипов, определяется содержание и степень позитивности «Appearance» стереотипов.

Учитывая гендерную принадлежность представителей этно-культурных групп, отличающихся типом внешнего облика, с помощью биполярной шкалы «Диагностика содержания и степени позитивности-негативности «Appearance» стереотипов» определяется содержание и степень позитивности шести «Appearance» стереотипов: «Appearance» стереотипы мужчин и женщин со славянским типом внешнего облика; «Appearance» стереотипы мужчин и женщин с кавказским типом внешнего облика; «Appearance» стереотипы мужчин и женщин с азиатским типом внешнего облика.

Перед участниками исследования стоит задача оценить соответствие личностных черт мужчинам и женщинам - представителям «Славянского типа внешнего облика» (СВОМ, СВОЖ), «Кавказского типа внешнего облика» (КВОМ, КВОЖ), «Азиатского типа внешнего облика» (АВОМ, АВОЖ), используя пяти бальную систему оценок: полностью соответствует – 5; соответствует – 4; в большей степени соответствует, чем не соответствует – 3; в меньшей степени соответствует, чем не соответствует – 2; полностью не соответствует – 1.

В таблицах, приведенных ниже, применялись следующие условные обозначения: Ж СВО - женщины со славянским типом внешнего облика, М СВО - мужчины со славянским типом внешнего облика, Ж КВО - женщины с кавказским типом внешнего облика, М КВО - мужчины с кавказским типом внешнего облика, Ж АВО - женщины с азиатским типом внешнего облика, М АВО - мужчины с азиатским типом внешнего облика.

С целью математической обработки полученных данных применялся Z-критерий Вилкоксона для определения ста-

статически значимого сдвига; частотный анализ, процедура квантилизации, на основе которых конструировалось ядро и периферия «Appearance стереотипов», а с помощью определения соотношения средних оценок позитивных и негативных характеристик, приписываемых этно-культурным группам с определенным типом внешнего облика, устанавливалась степень позитивности – негативности «Appearance» стереотипов. Для обработки данных применялась компьютерная программа SPSS for Windows.

Результаты и выводы

Данные сравнительного анализа (Z-критерий) оценок соответствия позитивных и негативных личностных характеристик мужчинам и женщинам с различными типами внешнего облика (см. табл.1, 2) указывают, во - первых, на то, что участники исследования, намного выше оценивают соответствие позитивных личностных характеристик (табл.1) мужчинам и женщинам со славянским типом внешнего облика, по сравнению с мужчинами и женщинами с кавказским и азиатским типами внешнего облика.

Таблица 1.

Различия в оценках соответствия позитивных личностных характеристик мужчинам и женщинам с различными типами внешнего облика.

Типы внешнего облика	Ranks	N	Mean Rank	Sum of Ranks	Z	Asymp. Sig. (2-tailed)
1	2	3	4	5	6	7
a. Ж КВО < Ж СВО b. Ж КВО > Ж СВО c. Ж КВО = Ж СВО	Negative Ranks	15 ^a	8,97	134,50	-3,441 ^a	,001
	Positive Ranks	1 ^b	1,50	1,50		
	Ties	0 ^c				
a. Ж АВО < Ж СВО b. Ж АВО > Ж СВО c. Ж АВО = Ж СВО	Negative Ranks	14 ^a	8,50	119,00	-3,356 ^a	,001
	Positive Ranks	1 ^b	1,00	1,00		
	Ties	1 ^c				
	Total	16				
a. Ж АВО < Ж КВО b. Ж АВО > Ж КВО c. Ж АВО = Ж КВО	Negative Ranks	3 ^a	5,83	17,50	-2,624 ^a	,009
	Positive Ranks	13 ^b	9,12	118,50		
	Ties	0 ^c				
	Total	16				
a. М КВО < М СВО b. М КВО > М СВО c. М КВО = М СВО	Negative Ranks	16 ^a	8,50	136,00	-3,529 ^a	,000
	Positive Ranks	0 ^b	,00	,00		
	Ties	0 ^c				
	Total	16				
a. М АВО < М СВО b. М АВО > М СВО c. М АВО = М СВО	Negative Ranks	16 ^a	8,50	136,00	-3,525 ^a	,000
	Positive Ranks	0 ^b	,00	,00		
	Ties	0 ^c				
	Total	16				
a. М АВО < М КВО b. М АВО > М КВО c. М АВО = М КВО	Negative Ranks	4 ^a	7,62	30,50	-1,052 ^a	,293
	Positive Ranks	9 ^b	6,72	60,50		
	Ties	3 ^c				
	Total	16				

Во-вторых, участники исследования значимо выше оценивают соответствие негативных личностных характеристик (табл.2) мужчинам и женщинам с кавказским и азиатским типами внешнего облика по сравнению с мужчинами

и женщинами со славянским типом внешнего облика.

В-третьих, оценка соответствия позитивных личностных характеристик женщинам с азиатским типом внешнего облика значимо выше, чем оценка соответствия позитив-

ных личностных характеристик женщинам с кавказским типом внешнего облика, но оценка соответствия позитивных личностных характеристик мужчинам с кавказским ти-

пом внешнего облика выше, чем оценка соответствия позитивных личностных характеристик мужчинам с азиатским типом внешнего облика.

Таблица 2.

Различия в оценках соответствия негативных личностных характеристик мужчинам и женщинам с различными типами внешнего облика

Типы внешнего облика	Ranks	N	Mean Rank	Sum of Ranks	Z	Asymp. Sig. (2-tailed)
1	2	3	4	5	6	7
a. Ж КВО < Ж СВО b. Ж КВО > Ж СВО c. Ж КВО = Ж СВО	Negative Ranks	2 ^a	7,25	14,50	-2,593 ^a	,010
	Positive Ranks	13 ^b	8,12	105,50		
	Ties	1 ^c				
	Total	16				
a. Ж АВО < Ж СВО b. Ж АВО > Ж СВО c. Ж АВО = Ж СВО	Negative Ranks	4 ^a	8,38	33,50	-1,200 ^a	,230
	Positive Ranks	10 ^b	7,15	71,50		
	Ties	2 ^c				
	Total	16				
a. Ж АВО < Ж КВО b. Ж АВО > Ж КВО c. Ж АВО = Ж КВО	Negative Ranks	13 ^a	8,92	116,00	-3,193 ^a	,001
	Positive Ranks	2 ^b	2,00	4,00		
	Ties	1 ^c				
	Total	16				
a. М КВО < М СВО b. М КВО > М СВО c. М КВО = М СВО	Negative Ranks	1 ^a	3,50	3,50	-3,081 ^a	,002
	Positive Ranks	13 ^b	7,81	101,50		
	Ties	2 ^c				
	Total	16				
a. М АВО < М СВО b. М АВО > М СВО c. М АВО = М СВО	Negative Ranks	3 ^a	5,00	15,00	-2,378 ^a	,017
	Positive Ranks	11 ^b	8,18	90,00		
	Ties	2 ^c				
	Total	16				
a. М АВО < М КВО b. М АВО > М КВО c. М АВО = М КВО	Negative Ranks	11 ^a	8,45	93,00	-2,549 ^a	,011
	Positive Ranks	3 ^b	4,00	12,00		
	Ties	2 ^c				
	Total	16				

В-четвертых, участники исследования, значимо выше оценивают соответствие негативных личностных характеристик мужчинам и женщинам с кавказским типом внешнего облика по сравнению с мужчинами и женщинами с азиатским типом внешнего облика.

С целью качественного анализа содержания «Appearance - стереотипов» и определения их структуры (ядро и периферия) были подсчитаны средние значения для каждой личностной характеристики (см. табл.3), а также осуществлена процедура квантирования оценок соответствия позитивных и негативных личностных характеристик мужчинам и женщинам, отличающихся типом внешнего облика.

Таблица 3.

Средние показатели оценок соответствия личностных характеристик представителям этно - культурных групп, отличающихся гендером и типом внешнего облика.

Личностные характеристики	Ж СВО	М СВО	Ж КВО	М КВО	Ж АВО	М АВО
1	2	3	4	5	6	7
Веселый	4,2	4,2	2,8	3,2	3,1	3,1
Общительный	4,1	4,1	2,8	3,6	3,0	3,1
Привлекательный	4,6	4,1	3,0	2,5	3,1	2,5
Серьезный	3,3	3,8	3,6	3,1	3,3	3,3
Добрый	4,1	3,8	3,0	2,5	3,4	3,2
Дружелюбный	4,1	4,1	2,9	2,9	3,4	3,2
Спокойный	3,5	3,6	3,2	2,4	3,6	3,4
Целеустремленный	3,9	4,0	3,1	3,3	3,5	3,5
Открытый	3,8	3,8	2,3	2,7	2,8	2,9
Умный	3,9	4,2	3,1	2,8	3,3	3,3
Уверенный	3,8	4,1	3,3	3,9	3,1	3,1
Довольный	3,6	3,8	3,1	3,3	3,2	3,3
Неординарный	3,5	3,4	2,8	2,9	2,9	3,0
Независимый	3,7	4,0	2,6	3,5	2,9	3,2
Бескорыстно действующий	3,4	3,6	3,0	2,7	2,9	2,9
Расслабленный	3,4	3,4	2,5	2,9	2,9	2,9
Грустный	2,6	2,5	2,7	2,2	2,5	2,4
Замкнутый	2,2	2,1	3,1	2,4	2,8	2,7
Отталкивающий	1,9	1,9	2,9	3,2	2,6	2,6
Злой	1,9	2,1	2,6	3,1	2,1	2,2
Легкомысленный	2,8	2,4	2,1	2,8	2,3	2,2
Враждебный	1,9	2,0	2,8	3,4	2,1	2,2
Тревожный	2,5	2,2	2,9	2,9	2,5	2,4
Не знает чего хочет	2,8	2,3	2,4	2,4	2,4	2,3
Скрытный	2,4	2,3	3,2	3,0	2,9	2,7
Глупый	2,0	1,9	2,4	2,7	2,1	2,2
Неуверенный	2,1	2,0	2,6	2,0	2,4	2,4
Недовольный	2,3	2,2	2,7	2,6	2,3	2,3
Обычный	3,0	3,1	3,0	3,1	3,1	3,1
Зависимый	2,7	2,2	3,3	2,4	2,8	2,4
Эгоистичный	2,8	2,7	2,9	3,4	2,4	2,5
Напряженный	2,5	2,3	3,2	3,1	2,6	2,5

Процедура квартилирования позволяет выделить те личностные характеристики, которые чаще всего оценивались участниками исследования как соответствующие мужчинам и женщинам с различными типами внешнего облика. В ядро «Appearance»-стереотипов были отнесены, именно, такие личностные характеристики, а в периферию «Appearance»-стереотипов были включены те личностные характеристики, которые оценивались либо как не соответствующие, либо в большей степени не соответствующие, чем соответствующие мужчинам и женщинам с различными типами внешнего облика.

С целью проведения сравнительного содержательного анализа ядра и периферии «Appearance»-стереотипов участников исследования в качестве точки отсчета были взяты самые высокие показатели верхнего квартиля и ниж-

него квартиля. Наиболее высокие оценки соответствия личностных характеристик были зафиксированы в ядрах «Appearance»-стереотипов мужчин и женщин со славянским типом внешнего облика, а самые высокие

показатели соответствия личностных характеристик, которые образуют периферию «Appearance»-стереотипов, были обнаружены в «Appearance»-стереотипах мужчин и женщин с кавказским типом внешнего облика ($M = 2,6$).

Если оценки соответствия личностных характеристик, образующих ядро «Appearance»-стереотипов мужчин и женщин со славянским типом внешнего облика, и оценки соответствия личностных характеристик, образующих периферию «Appearance»-стереотипов мужчин и женщин с кавказским типом внешнего облика, взять за точку отсчета, то с содержательной стороны «Appearance»-стереоти-

пы выглядят так, как представлено в таблице 4. В данной таблице обозначены те личностные особенности, оценки соответствия которых вошли в верхний квартиль (ядро «Appearance-стереотипов») и представлены те личностные

особенности, оценки соответствия которых находятся в диапазоне нижнего квартиля (периферия «Appearance-стереотипов»). Напротив таких личностных характеристик стоит в таблице знак +.

Таблица 4.

Содержание ядра и периферии «Appearance-стереотипов» мужчин и женщин с различными типами внешнего облика

Структура	Личностные характеристики (содержание «Appearance»-стереотипов)	Типы внешнего облика - гендер					
		СВО Ж	СВО М	КВО Ж	КВО М	АВО Ж	АВО М
Ядро	Веселый	+	+				
	Общительный	+	+				
	Привлекательный	+	+				
	Добрый	+	+				
	Дружелюбный	+	+				
	Целеустремленный	+	+				
	Открытый	+	+				
	Умный	+	+				
	Уверенный	+	+				
	Довольный		+				
	Независимый		+				
	Серьезный		+	+		+	+
	Спокойный			+		+	+
	Расслабленный			+			
	Замкнутый			+	+		
	Скрытный			+			
	Зависимый			+			
	Напряженный			+			
	Отталкивающий				+		
	Враждебный				+		
Эгоистичный				+			
Периферия	Злой			+			
	Неуверенный			+	+		
	Недовольный				+		
	Не знает, чего хочет			+	+		
	Зависимый				+		
	Открытый			+			
	Независимый			+			
	Легкомысленный			+			
	Привлекательный				+		
	Добрый				+		
	Спокойный				+		

Качественный анализ данных, приведенных в таблице 4, позволяет, во-первых, сделать вывод о том, что участники исследования высоко оценивают соответствие людям, имеющим славянский тип внешнего облика, совокупности личностных черт, которые указывают на их привлекательность, общительность, открытость, доброту, дружелюбие, целеустремленность, ум и уверенность. Все эти личностные характеристики подчеркивают позитивное отношение к Другим, интеллект, волю людей со славянским типом внешнего

облика и приписываются как мужчинам, так и женщинам.

Во – вторых, в отличие от ядра «Appearance-стереотипов» мужчин и женщин со славянским типом внешнего облика содержание ядра «Appearance-стереотипов» людей с кавказским типом внешнего облика изменяется в зависимости от их гендерной принадлежности. Женщины с кавказским типом внешнего облика воспринимаются, одновременно, как замкнутые, так и открытые, как зависимые, так и независимые, как напряженные, так и расслабленные. Они

наделяются такими чертами, как серьезная, спокойная, злая, неуверенная. В целом, эти личностные характеристики подчеркивают негативное отношение как к себе (неуверенная, зависимая), так и к Другим людям (замкнутая, злая). Вместе с этим, женщины с кавказским типом внешнего облика наделяются участниками исследования спокойствием, серьезностью. Мужчины с кавказским типом внешнего облика в отличие от женщин воспринимаются, как отталкивающие, враждебные, эгоистичные, недовольные и вместе с этим привлекательные, добрые.

В - третьих, содержание «Arreance-стереотипов» мужчин с кавказским типом внешнего облика является более негативным, чем содержание «Arreance-стереотипов» женщин с кавказским типом внешнего облика. Оценка соответствия позитивных личностных характеристик (привлекательность, доброта) значимо ниже, чем негативных. Таким образом, «Arreance-стереотипы» мужчин с кавказским типом внешнего облика включают ярко выраженное негативное отношение к Другим (враждебность, эгоистичность).

В - четвертых, в отличие от содержания «Arreance - стереотипов» мужчин и женщин со славянским и кавказским типами внешнего облика содержание «Arreance-стереотипов» мужчин и женщин с азиатским типом внешнего облика включает незначительное количество личностных характеристик, соответствие которых оценивается, как «соответствуют» или «в большей степени соответствуют, чем не соответствуют» (3-4 балла). Данные личностные характеристики (серьезный, спокойный) относятся к позитивным. Негативные личностные характеристики, которые бы оценивались большинством участников исследования, как соответствующие мужчинам и женщинам с азиатским типом внешнего облика, в нашем исследовании не были обнаружены. Кроме этого, мы не наблюдаем влияния гендерного фактора на содержание ядра и периферии «Arreance-стереотипов» этно-культурных групп с азиатским типом внешнего облика.

Заключение.

Таким образом, можно констатировать, что на уровне количественного и качественного сравнительного анализа подтверждается выдвинутая нами гипотеза. Степень позитивности - негативности «Arreance - стереотипов» зависит от сочетания гендера и принадлежности мужчин и женщин к определенной этно-культурной группе, обозначенной

с помощью типа внешнего облика. Степень позитивности значимо выше у «Arreance»-стереотипов, созданных для мужчин и женщин со славянским типом внешнего облика. Уровень негативности «Arreance»-стереотипов выше у стереотипов, сконструированных для мужчин и женщин с кавказским типом внешнего облика.

В эмпирическом исследовании был обнаружен феномен дифференцированного влияния гендерного фактора на степень позитивности-негативности «Arreance-стереотипов» этно-культурных групп, отличающихся типом внешнего облика. Гендерный фактор оказывает влияние на содержание «Arreance-стереотипов» этно-культурных групп, отнесенных к кавказскому типу внешнего облика.

Подтверждением тому, что «Arreance-стереотипы» выступают в роли когнитивно-эмоциональной репрезентации отношения к этнолукизму является проведенный нами сопоставительный анализ выводов данной статьи с результатами изучения уровня принятия дискриминационного поведения Другого, направленного на представителей этно-культурных групп, отличающихся типом внешнего облика [7,14,15,17]. В этих работах было зафиксировано, что уровень принятия дискриминационного поведения Другого, направленного на мужчин - представителей этно-культурных групп с кавказским типом внешнего облика, существенно выше, чем уровень принятия дискриминационного поведения Другого, направленного на женщин, принадлежащих к такой же этно-культурной группе.

В целом, уровень принятия этнолукизма, направленного на мужчин и женщин с кавказским типом внешнего облика, существенно выше, чем уровень принятия этнолукизма - дискриминационного поведения Другого, направленного на представителей этно-культурной группы со славянским типом внешнего облика.

Можно считать, что «Arreance-стереотипы» как компонент отношения к этнолукизму выступают в роли когнитивно-эмоционального механизма регуляции уровня принятия этнолукизма в соответствии со степенью их позитивности, зависящей от сочетания гендерной и этно-культурной принадлежности, обозначенной на основе типа внешнего облика.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-36-00049

Список литературы:

1. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Наука -1990.
2. Ананьева К.И. Идентификация и оценка лиц людей разной расовой принадлежности. Автореф. дисс. ...канд. психол. наук. М. -2009-. 24 с.
3. Ананьева К.И. Этнический тип лица и особенности его восприятия // Психологические и психоаналитические исследования. М.: Гнозис – 2008 - С. 148-156.
4. Аронсон Э. Предрассудок//Общественное животное. Введение в социальную психологию. М.: Аспект-Пресс – 1998 - Гл.6.- С.256-301.
5. Барабанщиков В.А., Ананьева К.И. Восприятие фотоизображений лиц людей разной расовой принадлежности // Вестник РУДН, серия Психология и педагогика- 2009- № 1- С.7-12.
6. Берри Дж. В., Пуртинга Айп Х., Сигалл М. Х. Кросс-культурная психология. Исследования и применение. Харьков: Гуманитарный центр- 2007.
7. Бзезян А.А. Влияние гендера этнокультурного типа внешнего облика на степень позитивности оценки // Психология и психотехника – 2014- № 1- С.83-90. DOI: 10.7256/2070-8955.2014.1.9704.
8. Биллиг М. Расизм, предрассудки и дискриминация//Социальная психология/ Под ред. С.Московичи. СПб.: Питер-2007- Гл.17 - С.462-486.
9. Бодалев А.А. Психология общения. М. - Воронеж: НПО «МОДЭК» -1996.

10. Веревкин О.Л. Стереотипы восприятия этнических групп//Мониторинг общественного мнения – 2009-№8 (94) - С.193-207.
11. Горшунов Ю. В., Горшунова Е. Ю. Неявные формы расовых и этнических ярлыков для азиатов и ориенталов (на примере рифмованного сленга)// Вестник башкирского университета – 2012-Т.7 -№3- С.1302-1304.
12. Демидов А.А., Ананьва К.И. Микродинамика оценки индивидуально-психологических особенностей представителей различных расовых групп// Экспериментальная психология – 2010- Т. 3 - №4. - С.104-118.
13. Кожанов А. А. Внешность как фактор этнического сопоставления (К вопросу о методике изучения)// Советская этнография – 1977- № 3- С. 14-21.
14. Лабунская В.А., Бзезян А.А. Методология исследования дискриминационного отношения к представителям этно-культурных групп в различных ситуациях взаимодействия//Материалы Четвертой Международной научной конференции «Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии» 30 - 31 мая 2014 г. Смоленск: Смоленский гуманитарный университет. 2014 - Т.1 - С. 50-55.
15. Лабунская В.А., Бзезян А.А. Особенности дискриминационного отношения к представителям этно-культурных групп: гендерно-ситуационный анализ// Гендерные реалии 21 века: сборник научных статей. Материалы XI Международных гендерных чтений. Ростов- на- Дону, 28 марта 2014 г. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета-2014- С. 130 – 134.
16. Лабунская В.А., Бзезян А.А. Особенности оценивания различных компонентов этно-культурных типов внешнего облика как проявление дискриминационного отношения//Российский психологический журнал- 2013 -№3 -С.37-43.
17. Лабунская В.А., Ермакова Д.Я. Дискриминация другого на основе этнокультурного типа внешнего облика: негативное событие этногендерно-возрастных групп//Личность и бытие: субъектный подход» (к 80-летию А.В. Брушлинского). Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (с иностранным участием) Краснодар, 25–26 октября 2013 г. М., Краснодар: Кубанский гос. ун-т – 2013 - С.283-285.
18. Леонтович О.А. Понятие о национальной идентичности. Физиологическая идентичность//Введение в межкультурную коммуникацию. М.: Гнозис – 2007 - Гл.8 - С.145-157.
19. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: «Прайм-Еврознак» - 2002.
20. Плясовских М. В. Социокультурные стереотипы восприятия внешности в структуре этнического самосознания средневековых исландцев. Автореф. дисс. канд.н., М. - 2006- 22с.
21. Погонцева Д.В. Виды дискриминации по внешнему облику// Психология и психотехника – 2013 - № 9 - С. 858-861.
22. Скарабис М., Шефер Б., Шледер Б Социально-психологическая модель восприятия чужого: идентичность, знание, амбивалентность// Психология- 2004- №1- С.24–51.
23. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл - 1998.
24. Старовойтова Г.В. Этнические особенности поведения и внешности в восприятии горожан // Этнические стереотипы поведения. Л.: Наука – 1985- С. 22-33.
25. Стефаненко Т.Г. Компоненты этнической идентичности: когнитивный, аффективный, поведенческий // Мир психологии – 2004- № 3 - С.38-42.
26. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс - 2012.
27. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. Практикум. М: Аспект Пресс - 2013.
28. Халдеева Н.И. Возрастные особенности антропоэстетического предпочтения типа внешности//На путях биологической истории человечества. М.: РАН – 2002 - Т. 2 - С. 199-212.
29. Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг С. Предубеждения, стереотипы, дискриминация// Социальная психология. Пойми других, чтобы понять себя! СПб.: Прайм – ЕВРОЗНАК – 2002 - Гл.3 - С.99 - 104.
30. Шнирельман В.А. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. М.: Новое литературное обозрение - 2011 - Т. 2 - С. 76–77.
31. Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: коллективная монография. Труды Уральского МИОНа. Вып. 20. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та - 2006.
32. Ярская В.Н. Язык мой - враг мой: расистский дискурс в российском обществе // Социологические исследования – 2012 - № 6- С. 46-53.
33. Cavanaugh M. A., Boswell W. R., Roehling M. V., Boudreau Jo. W. An empirical examination of self-reported work stress among U.S. managers// Journal of Applied Psychology - 2000 - V.85,no.1 - pp.65-74.
34. Roehling M. V. Weight discrimination in the American workplace: Ethical issues and analysis//Journal of Business Ethics - 2002-V.40,no 2 - pp.177-189.
35. Roehling P. V., Roehling M. V., Brennan A., Drew A. R., Johnston A. J. et al. Weight bias in US candidate selection and election// Equality, Diversity and Inclusion: An International Journal – 2014- V. 33,no.4- pp. 334-346.

NAUKI ROLNICZE / СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ

XANTHINE OXIDASE OF CAMEL MILK HARBORS NITRATE AND NITRITE REDUCING ACTIVITIES

Dyussebayev K. A., Kulataeva M. S., Alikulov Z.

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

The aim of this study was to investigate nitrate- and nitrite reducing activity of camel milk. For the first time nitrate and nitrite reducing activity of camel milk xanthine oxidase was studied. It was found that heat treatment of the milk in the presence of the molybdate and cysteine resulted in dramatically increase of the enzyme activity in vitro. These results show that camel milk contains demolybdoenzyme populations of XO. Since plant proteins are potential inducers of xanthine oxidase biosynthesis, in the summer when the content of total protein is the highest in living plants, the level of the associated activities XO were also higher. It is supposed that milk XO biosynthesis is also very sensitive to the level of xenobiotic compounds of plants.

Key words: cysteine, molybdenum, nitrite reductase, nitrate reductase, molybdocofactor, tungsten, xanthine oxidase,

During the investigation of molybdenum cofactor from xanthine oxidase (XO) in 1980 we found that homogenic cove milk XO catalyzes the reduction of inorganic nitrate and nitrite. XO reduces nitrate to nitrite, but a product of nitrite reduction by the enzyme remained unidentified [1, 3-4]. Later English scientists using a chemiluminescent method demonstrated that the end product of nitrate and nitrite reduction by xanthine oxidase is nitric oxide (NO) [2, 2-3]. Therefore, now much attention has been focused on this enzyme because of its possible involvement in NO biosynthesis.

NO, a gas, is found to control a seemingly, limitless range of functions in animals. Nitric oxide is involved in many physiological and pathological processes including: vasodilation inhibition of platelet aggregation, neurotransmission and cytotoxic host defense mechanisms [3, 3-5]. It has been convincingly shown that NO synthase (NOS, EC 3.14.13.39) is involved in the intracellular production of NO through the enzymatic conversion of L-arginine to L-citrulline in the presence of O₂ and NADPH [4, 2-4].

This well known L-arginine:NO pathway has been generally regarded as the mechanism of NO biosynthesis within mammalian cells. However, later observations, in which reperfused myocardium generates NO in a manner dependent on nitrite but independent of NOS inhibitors, suggested that alternative mechanisms for NO synthesis other than the L-arginine:NO pathway may operate within ischaemic tissues [5, 4-6]. It is conceivable that the efficiency of NO generation by NOS will be greatly reduced once the oxygen supply to the tissue is limited, because both oxygen and L-arginine are indispensable substrates for NO synthesis by NOS [6, 3-4].

Nitrate reductase and nitrite reductase, the two metalloenzymes (containing molybdenum and iron atoms) involved in the assimilatory and dissimilatory pathways in bacteria and plants, catalyze the reduction of nitrate to nitrite and nitrite to NO, respectively. However, to date, mammalian nitrate and nitrite reductases have not been identified.

Levels of XO are high in mammalian liver although it is present in similar concentrations in lactating mammary tissue and is concentrated 1000-fold in milk fat globule micelles. In addition to molybdenum and FAD, it contains two iron-sulfur redox centers and has a wide substrate specificity, typically hydroxylating purines and concomitantly reducing either NAD⁺ (dehydrogenase form of the enzyme, EC 1.1.1.204) or molecular

oxygen (primarily the oxidase form (EC 1.1.3.22)). The latter reaction generates the reactive oxygen species, superoxide anion and hydrogen peroxide [7, 2-4].

In contrast to the large body of knowledge regarding XO in animal body cells, the physiological role of the enzyme in milk has been obscure. Another point which arises from other works is that bovine milk xanthine oxidase, which is readily available commercially, is not typical of mammalian XO with regard to its substrates' specificity. A number of physiological functions have been proposed, but even the involvement of XO in purine metabolism may not be essential in mammals. Moreover, the actual function of the enzyme in animal milk is not currently known. Much less well known is XO's capacity of an animal's milk, with the exception of cove (camel, in our research), to reduce nitrate and nitrite. Therefore, the aim of this study was to examine the capacity of camel milk for reduction of nitrate and nitrite.

The reaction mixture for determination of enzyme activity consisted of 100 µl fresh camel milk, 100 µl of 0.1 M KNO₃ (or NaNO₂), 50 µl of 10 µM methyl- or benzyl viologen reduced by ditionite (sodium hydrosulfite, Na₂S₂O₄) and 300 µl of 0.1 M K-Na phosphate buffer (pH 6). NADH was not effective reductant for all associated activities of camel milk XO. One assay was used to determine nitrate reducing (NaR) as well as nitrite reducing (NiR) activities of milk XO: (1) nitrite formation from nitrate by NaR, and (2) nitrite utilization by NiR. At pH 2-2.5 nitric acid reacted with sulfanylamine forms diazonic compound. The latter reacted with N-(1-naphtyl)-ethylenediamine dichloride forming red colorazodye. The absorbance of the resulting color solution measured at 548 nm wavelength of the spectrophotometer. The mutant nit-1 of the fungi *Neurospora crassa* was grown and its crude extract was used for detection of molybdenum cofactor of XO. The cofactor activity was determined by highly sensitive method developed earlier by our team [8, 2-3].

Only fresh camel milk showed XO and associated activities, i.e. its nitrate and nitrite reducing activities. Deep freezing (at -87°C) of fresh milk makes possible its storage for up to six month without any changes its XO and associated activities. In contrast, its storage at -20°C resulted in gradually decrease of these activities after two months. Second freezing of once thawed camel milk led to totally lost of all activities of the enzyme.

First experiments showed that fresh camel milk possesses detectable nitrate and nitrite reducing activities. Optimal

condition for determination of enzyme catalytic activities was incubation of the reaction mixture at 35-37°C for 10 min. These activities had a pH optimum of between 6.0 and 6.0 whilst pH optimum for XO was 8.0. However, it was not clear whether these activities regard to milk XO. The milk lost both activities after boiling for 5 min but was relatively stable at 60 to 80°C. Heat treatment of the milk at 80-100°C in the presence of sodium molybdate and cysteine sharply increased nitrate- and nitrite reducing activities of XO. Heat treatment without thiol reagents led to the disappearance of these activities. Further experiments showed that heat treatment at 80-85°C temperature for 5 min, was optimal for the increase of associated activities of XO. Optimal final concentrations of molybdate and cysteine necessary for heat treatment were 10 µM and 1.0 µM, respectively. Effect of cysteine in the activation of all activities of camel milk XO was approximately three times higher than glutathione. Other artificial thiols such as mercaptoethanol, dithiothreitol and unithiol inhibited nitrate and nitrite reducing activities of milk XO.

Heat treatment of camel milk in the presence of sodium tungstate resulted in total inhibition of all activities of XO. It is well known that in the absence of molybdenum its chemical analog tungsten easily replaces the molybdenum in the active center of molybdoenzymes. However, tungsten-enzymes become inactive due to its inability to transport the electrons from a donor to an receiver during the catalytic reaction of molybdoenzyme. It is well known that allopurinol, a specific inhibitor of XO, inhibits enzyme activity by acting at its molybdenum site and prevents electron donation to Mo. Percentage inhibition of 10 µM of allopurinol was 97%. These results show that nitrate and nitrite are clearly meant to interact with Mo center of XO of camel milk. These results convincingly show that in camel milk prevailing amount of XO molecules do not contain molybdenum atoms, i.e. the milk contain demolybdo-population of native XO. The existence of the demolybdoforms of XO in animal milk is widespread [9, 4-5].

Quantitative transfer of the molybdenum cofactor from xanthine oxidase of camel milk to the deficient enzyme of the nit-1 mutant of *Neurospora crassa* carried according to Hawkes and Bray confirmed the existence of demolybdoforms of camel milk XO. This method was carried out in our modification [10, 5-6]. Molybdenum cofactor activity of camel milk XO in the absence of exogenous molybdenum in the reaction mixture was only 2-3% of that of molybdenum presence.

One of possible ways of restoration the activity of such a demolybdo-XO is its release from milk fat globule micelles (MFGM) by heat treatment. Additionally, heat treatment leads in partial denaturation of XO molecules and incorporation of exogenously added molybdenum occurs. It is generally known that XO belongs to thermostable enzymes – it does not loss activity at 75-80°C temperature in several minutes. Thus, heating the milk at such temperature in the presence of phospholipids may result in disruption of MFGM and consequently cause the release of XO molecules from them. On the other hand, under high temperature XO molecules denature partially and

availability of enzyme active center for oxygen increased. In this case molybdenum-free forms of XO molecules quickly deactivated as a result of oxidation of sulfhydryl (-SH) groups of molybdoenzyme in active center. The main active center of the molybdoenzyme xanthine oxidase is a molybdenum cofactor buried in a cavity. In all molybdoenzymes, Mo atoms bond with these SH-groups of the cofactor. Therefore, to protect them against oxidation the presence of strong reductants is necessary and it should be natural and harmless for health. Only natural antioxidants may play a role in reductions, such as cysteine and glutathione. Thus, heating results in disruption of MFGM by phospholipids and the release of XO molecules. Partial denaturation of enzyme molecules by heat treatment increases the availability of exogenous molybdenum and antioxidants for cofactor molecule in the active center. Antioxidants (cysteine and glutathione) protect SH-groups of the cofactor against oxidation and molybdenum atom easily binds with the sulfhydryl groups of the cofactor. After renaturation molybdenum-free molecules of the enzyme become active.

Finally, we found that dietary factors are also implicated in the regulation of XO. It was known before that species differences in the levels of xanthine oxidase are more pronounced with herbivores containing the highest levels of the enzyme [11, 4-6]. We investigated the seasonal changes in activities of XO of camel milk, i.e. their dependence on forage quality. We found that XO and its nitrate and nitrite reducing activities reached their maximum in the summer season, i.e. in May and June (2014). Very low activity of XO and negligible nitrate and nitrite reducing activities observed in autumn-winter season, i.e. from the end of September to the middle of May (2014-2015). Determination of molybdoenzyme activity confirmed such changes in the activities associated with XO [12, 2-4]. In fresh camel milk collected in winter season the activity of the cofactor determined by using nit-1 mutant of *Neurospora crassa* was negligible, but reaching the maximum in the summer season. Some results suggested that a depletion of dietary protein causes a 10-fold drop in XO activity due to decreased synthesis of the enzyme in rat liver. Protein extracts more readily from soft fresh leaves than from those that are dry [13, 2-3]. Thus, our results express doubt that milk XO is an essential protein in milk fat droplet secretion from the lactating mammary gland [14, 3-4].

In human milk such a changes in nitrate- and nitrite reducing activity of was not observed. Furthermore, we believe that animal XO, milk XO in particular, is inducible also by xenobiotics of plant origin. It is known that plants have hundreds of different low molecular compounds which might be a potential xenobiotics for animal XO and their amount is high in the summer season, i.e. green fresh plants have more xenobiotics than dried ones in the winter season.

The presence of XO in camel milk remains a subject to be clarified. To our knowledge, this is the demonstration of the presence of demolybdo-population of XO in camel milk. For understanding physiological roles of XO in animal milk, development of new approaches that can provide information on the effects of NO on infants health will have special importance.

References:

1. Alikulov, Z.A., L'vov N.P., Kretovich, V.L. (1980) Nitrate and nitrite reductase activity of milk xanthine oxidase. *Biokhimiia* 45:1714-1718.
2. Millar T.M., Stevens C.R., Benjamin N., Eisenthal R., Harrison R., Blake D.R. 1998. Xanthine oxidoreductase catalyzes the reduction of nitrates and nitrite to nitric oxide under hypoxic conditions. *FEBS Letters*. 427: 225-228.

3. Zhang Z., Nauthon D., Winyard P.G., Benjamin N. 1998. Generation of nitric oxide by a nitrite reductase activity of xanthine oxidase: a potential pathway for nitric oxide formation in the absence of nitric oxide synthase activity. *Bioch.Biophys.Res.Comm.* 249:767-772.
4. Bryan N.S., Bian K., Murad F. 2009. Discovery of the nitric oxide signaling pathway and targets for drug development. *Frontiers in Bioscience.* 1-18.
5. Hemmens B and Mayer B. 1988. Enzymology of nitric oxide synthases. In: *Nitric oxide protocols.* Humana Press Totowa. Pp 1-32.
6. Beedham C. Molybdenum hydroxylases. In: "Enzyme systems that metabolize drug and xenobiotics" Ed. Costas Ioannidis. 2001. John Wiley & Sons Ltd. 146-188.
7. Savidov N. Alikulov Z. Lips H. Identification of an endogenous NADPH-regenerating system coupled to nitrate reduction in vitro in plant and fungal crude extracts. *Plant Science*, 1998, v. 133 pp 33-45.
8. Atmani D, Benboubetra M, Harrison R. Goat's milk xanthine oxidoreductase is grossly deficient in molybdenum. *J.Dairy Res.* 2004. 71:7-13.
9. Godber BLJ, Schwarz G, Mendel RR, Lowe DJ, Bray RC, Eisenthal R, Harrison R. Molecular characterization of human xanthine oxidase: The enzyme is grossly deficient in molybdenum and substantially deficient in iron-sulfur centers. *Bioch. J.Immediate Public.* 2005. 1-29. Manuscript BJ20041984.
10. Hawkes T.R. and Bray R.C. 1984. Quantitative transfer of the molybdenum cofactor from xanthine oxidase and from sulphite oxidase to the deficient enzyme of the nit-1 mutant of *Neurospora crassa* to yield active nitrate reductase. *Biochem J.* 219(2): 481-493.
11. Rowe P.B. and Wyngaarden J.B. 1966. The Mechanism of Dietary Alterations in Rat Hepatic Xanthine Oxidase Levels. *J.Biol. Chem.* Vol. 241, No. 23, PP. 5571-5576.
12. Cherry, D.M.; Amy, N.K. 1987. Effect of dietary protein and iron on the fractional turnover rate of rat liver xanthine oxidase. *Journal of Nutrition;* v. 117(12); p. 2054-2060.
13. PIRIE, N.W. 1975. The effect of processing conditions on the quality of leaf protein. In *Protein nutritional quality of foods and feeds*, ed. by M. Friedman, p. 341-354. New York, Marcel Dekker.
14. Vorbach, C.; Scriven, A.; Capecchi, M. R. 2002. The housekeeping gene xanthine oxidoreductase is necessary for milk fat droplet enveloping and secretion: gene sharing in the lactating mammary gland. *Genes Dev.* 16:3223 - 3235.

ВЫРАЩИВАНИЕ КАРТОФЕЛЯ В УСЛОВИЯХ ЮГА УКРАИНЫ

ЛАВРИНЕНКО ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

доктор сельскохозяйственных наук, профессор, член-корреспондент НААН Украины, Институт орошаемого земледелия НААН Украины

БАЛАШОВА ГАЛИНА СТАНИСЛАВОВНА

доктор сельскохозяйственных наук, Институт орошаемого земледелия НААН Украины

ЮЗЮК СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

младший научный сотрудник, Институт орошаемого земледелия НААН Украины

Исследован технологический процесс выращивания картофеля при капельном орошении в условиях Южной Степи Украины. С учетом закономерностей водного, питательного режимов почвы. А также показатели роста, развития растений и формирования урожая картофеля весенней посадки в зависимости от элементов технологии полива и способов внесения удобрений. Схема опыта предусматривала изучение и увлажнение разных расчетных слоев почвы и способов внесения удобрений. Исследования проводились в соответствии с общепринятыми методиками.

Ключевые слова: картофель, капельное орошение, расчетный слой почвы, способы внесения удобрений, урожайность, биологическая спелость, водопотребление.

GROWING POTATOES IN THE SOUTH OF UKRAINE

LAVRINENKO Y. A.

Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Corresponding Member of NAAS of Ukraine, Institute of irrigated agriculture NAAS of Ukraine

BALASHOVA G. S.

Doctor of Agricultural Sciences, Institute of irrigated agriculture NAAS of Ukraine

YUZYUK S. N.

Junior Researcher, Institute of irrigated agriculture NAAS of Ukraine

The process of growing potatoes under drip irrigation in the conditions of South Steppe of Ukraine. Given the patterns of the water, soil nutrient regimes. As well as indicators of growth, plant development and the formation of potato planting spring crops, depending on the elements of irrigation techniques and methods of fertilizer application. The experimental setup includes the study of different computational and hydration layers of the soil and methods of fertilizer application. The studies were conducted in accordance with generally accepted procedures.

Keywords: potato, drip irrigation, the settlement layer of soil, fertilizer application methods, yield, biological ripeness, water consumption.

Постановка проблемы. Изменение климата на юге Украины за последние 24 года показало, что в сравнении с предыдущим 30-летним периодом (1961-1990 гг.), по данным Херсонской агрометеорологической станции, среднесуточная температура воздуха повысилась на 0,8 °С при уменьшении среднегодового количества осадков на 19,4 мм. Общеизвестно, что основным лимитирующим фактором в формировании оптимальных урожаев сельскохозяйственных культур, и картофеля, в частности, в южном регионе является естественная влагообеспеченность. Существующий дефицит влаги необходимо компенсировать за счет искусственного увлажнения – орошения. Среди известных способов полива (дождевание, поверхностный полив, микроорошение), наибольшую перспективу применения на картофеле имеет капельное орошение, которое обеспечивает наивысшую окупаемость поливной воды и более высокую урожайность [1, с. 10]. В Украине этап промышленного использования систем капельного орошения (СКО) для полива овощных культур в открытом грунте начался в 1997 г. С этого времени площади овощных культур, которые орошают с помощью СКО, значительно расширились: если в 2000 г. их насчитывалось 3 тыс. га, то в 2010 г. – более 33 тыс. га. Такая тенденция свидетельствует об известных преимуществах локальных способов полива перед традиционными [2, с. 1].

Состояние изученности проблемы. Южная Степь Украины является значительным производителем картофеля, который при условии выращивания на орошении является одной из самых рентабельных культур региона [3, с. 20]. В последние годы площади под картофелем в Степи увеличиваются: если в 1986-1990 гг. они составляли 15%, то в 2006-2015 гг. – до 24% от общей площади под картофелем в Украине. Выращивание картофеля в зоне Степи усложняется тем, что создаются жесткие условия вегетации растений: высокие температуры воздуха и почвы, частые суховеи, незначительные и неравномерные осадки. Поскольку юг Украины резко отличается по природно-климатическим условиям от регионов традиционного картофелеводства, здесь требуют теоретической и практической проверки большинство научных разработок, осуществленных в условиях, которые отвечают биологическим особенностям растений картофеля [4, с. 12]. Вопрос возможного использования капельного орошения для выращивания картофеля биологической спелости на юге Украины мало изучен. В настоящее время около 70% капельного орошения сконцентрировано именно на юге, потому что эффективность его использования здесь является наивысшей. В частности в Херсонской области, по состоянию на 2014 г., под капельным орошением находилось 34,55 тыс. га (45,8 % от общей площади, используемой под капельное орошение на Украине) [8, с. 3]. Пока что этот способ применяют, в основном, при выращивании фруктов, винограда, овощей и ягод, но существует перспектива широкого распространения систем капельного орошения и на отрасль картофелеводства.

Задание и методика исследований. Полевые, лабораторные и аналитические исследования выполнялись в течение 2013-2015 гг. в Институте орошаемого земледелия НААН Украины, расположенном на правом берегу р. Днепр в зоне Ингулецкой оросительной системы.

Грунтовый покров опытного участка представлен темно-каштановой остаточной-солонцеватой среднесуглинистой за гранулометрическим составом почвой с содержи-

мым физической глины 40,6%. Основная почвообразующая порода – среднесуглинистый лёсс, обогащенный гипсом и известью, которая залегает на глубине 2,5-3,5 м. Хорошо развитый горизонт карбонатного иллювия находится на глубине 64-90 см.

Объект исследований – технологический процесс выращивания картофеля при капельном орошении в условиях Южной Степи Украины.

Предмет исследований – закономерности водного, питательного режимов почвы; показатели роста, развития растений и формирования урожая картофеля весенней посадки в зависимости от элементов технологии полива и способов внесения удобрений.

Методы исследований: полевой, лабораторный, математически-статистический, расчетно-сравнительный.

Опыт закладывался методом расщепленных делянок. Сорт Кобза. Делянки первого порядка имели посадочную площадь 98 м², учетную – 49 м², второго – 14 и 7 м², четырехрядковые. Повторность четырехкратная. Площадь питания 70 см x 25 см.

Исследования проводились в соответствии с общепринятыми методиками: Доспехов Б. А. Методика полевого опыта / Б. А. Доспехов. – М.: Агро-промпиздат, 1985. – 351 с.; Горянский М. М. Методика полевых опытов на орошаемых землях / М. М. Горянский. – К.: Урожай, 1970. – 84 с.; Методичні рекомендації щодо проведення досліджень з картоплею; підгот.: В. С. Куценко, А. А. Осипчук, А. А. Подгаецький [та ін.] / Ін-т картоплярства. – Немішаєве, 2002. – 183 с. [5-7]. Методика польових і лабораторних досліджень на зрошуваних землях / [Р. А. Вожегова, Ю. О. Лавриненко, М. П. Малярчук та ін.]; за ред. Р. А. Вожегової. / Ін-т зрош. землероб. – Херсон, 2014. – 286 с.; Методика польового дослідження (Зрошуване землеробство): [навчальний посібник] / В. О. Ушкаренко, Р. А. Вожегова, С. П. Голобородько, С. В. Коковихін. – Херсон, 2014. – 448 с. [12-13].

Принятый режим орошения 80-80-70% НВ, дифференцированно за периодами за периодами роста и развития растений:

- всходы – бутонизация;
- бутонизация – цветение;
- цветение – отмирание ботвы.

Фертигация проводилась до фазы цветения.

Схема опыта предусматривала изучение и увлажнение разных расчетных слоев почвы 0-20; 0-40; 0-60 см и способов внесения удобрений: локально при посадке и внесение с поливной водой N60P60K60 и расчетной дозы удобрений на получение 35 т/га клубней.

Результаты исследований. Картофель требователен к влажности почвы и воздуха, что, в первую очередь, связано с формированием большой надземной массы и относительно слабым развитием корневой системы. Современное представление о требовательности картофеля к влаге следующее: эта культура принадлежит к тем, которые негативно реагируют на недостаток легкодоступной влаги в почве практически в течение всей вегетации. Однако, наибольший вред наносит дефицит влаги в период формирования клубней [9, с. 30; 10, с. 45; 11, с. 15]. При увлажнении 0-60 см слоя почвы в 2013-2014 гг. было проведено по 10 поливов и 9 в 2015г., оросительная норма составила в среднем 1908 м³/га. Снижение расчетного слоя почвы до 0-40 см привело к увеличению количества поливов (13; 13; 10 шт., соответственно), оросительная норма уменьшилась на 68 м³/га.

Снижение до 0-20 см привело к существенному уменьшению оросительной нормы (на 313 и 244 м³/га) и увеличению количества поливов (17; 21 и 13 шт.) (табл. 1).

Суммарное водопотребление, в среднем за 2013-2015 гг., формировалось в зависимости от увлажнения расчетного слоя почвы: 3534, 3466, 3222 м³/га, соответственно 0-60; 0-40 и 0-20 см.

Таблица 1

Поливной режим картофеля в зависимости от глубины увлажнения почвы, 2013-2015 гг.

Условия увлажнения почвы, расчетный слой, см	Количество поливов, шт.	Оросительная норма м ³ /га
0-60	10; 10; 9	1908
0-40	13; 13; 10	1839
0-20	17; 21; 13	1595

На эффективность использования влаги указывает коэффициент водопотребления. При поддержании влажности почвы за периодами роста и развития растений картофеля 80-80-70% НВ на каждую тонну клубней тратилось от 97,8

м³ влаги, из них 52,6 м³ поливной воды, до 141,2 м³, из них 76,2 м³ поливной воды, в зависимости от условий увлажнения (табл. 2).

Таблица 2

Водопотребление картофеля при разных условиях увлажнения и способах внесения удобрений, 2013-2015 гг.

Условия увлажнения почвы, расчетный слой, см (фактор А)	Способ внесения удобрений (фактор В)		Урожайность, т/га	Суммарное водопотребление, м ³ /га	Коэффициент водопотребления, м ³ /т	Затраты поливной воды, м ³ /т
1	2		3	4	5	6
0-60	без удобрений		25,0	3534	141,2	76,2
	N ₆₀ P ₆₀ K ₆₀	локально при посадке	36,2	3534	97,8	52,6
		с поливной водой	34,0	3534	104,0	56,1
	расчетная доза на получение урожая клубней 35 т/га	локально при посадке	33,8	3534	104,6	56,4
		с поливной водой	35,0	3534	101,1	54,5
	0-40	без удобрений		25,4	3466	136,3
N ₆₀ P ₆₀ K ₆₀		локально при посадке	33,5	3466	103,4	54,9
		с поливной водой	33,9	3466	102,3	54,2
расчетная доза на получение урожая клубней 35 т/га		локально при посадке	34,5	3466	101,0	53,4
		с поливной водой	33,6	3466	103,9	54,8
0-20		без удобрений		23,0	3222	140,3
	N ₆₀ P ₆₀ K ₆₀	локально при посадке	30,2	3222	106,7	52,8
		с поливной водой	30,4	3222	105,9	52,4
	расчетная доза на получение урожая клубней 35 т/га	локально при посадке	29,0	3222	111,1	55,0
		с поливной водой	30,6	3222	106,3	52,3

Способ внесения удобрений при оптимальной влагообеспеченности создает специфические условия для роста,

развития картофеля, его фитомассы, корневой системы, формирования урожая в разные периоды вегетации расте-

ний.

Максимально продуктивным как при увлажнении 0-60 см шара почвы, так и опыта в целом, оказался вариант с использованием $N_{60}P_{60}K_{60}$ локально при посадке, который сформировал 35,8 т/га клубней, что на 44,4 % превышает

контроль. Внесение поливной водой $N_{60}P_{60}K_{60}$ привело к уменьшению урожайности на 13,4 %. Использование расчетной дозы удобрений при внесении как локально, так и с поливной водой уменьшило урожайность на 5,3-7,3 %, соответственно (рис. 1).

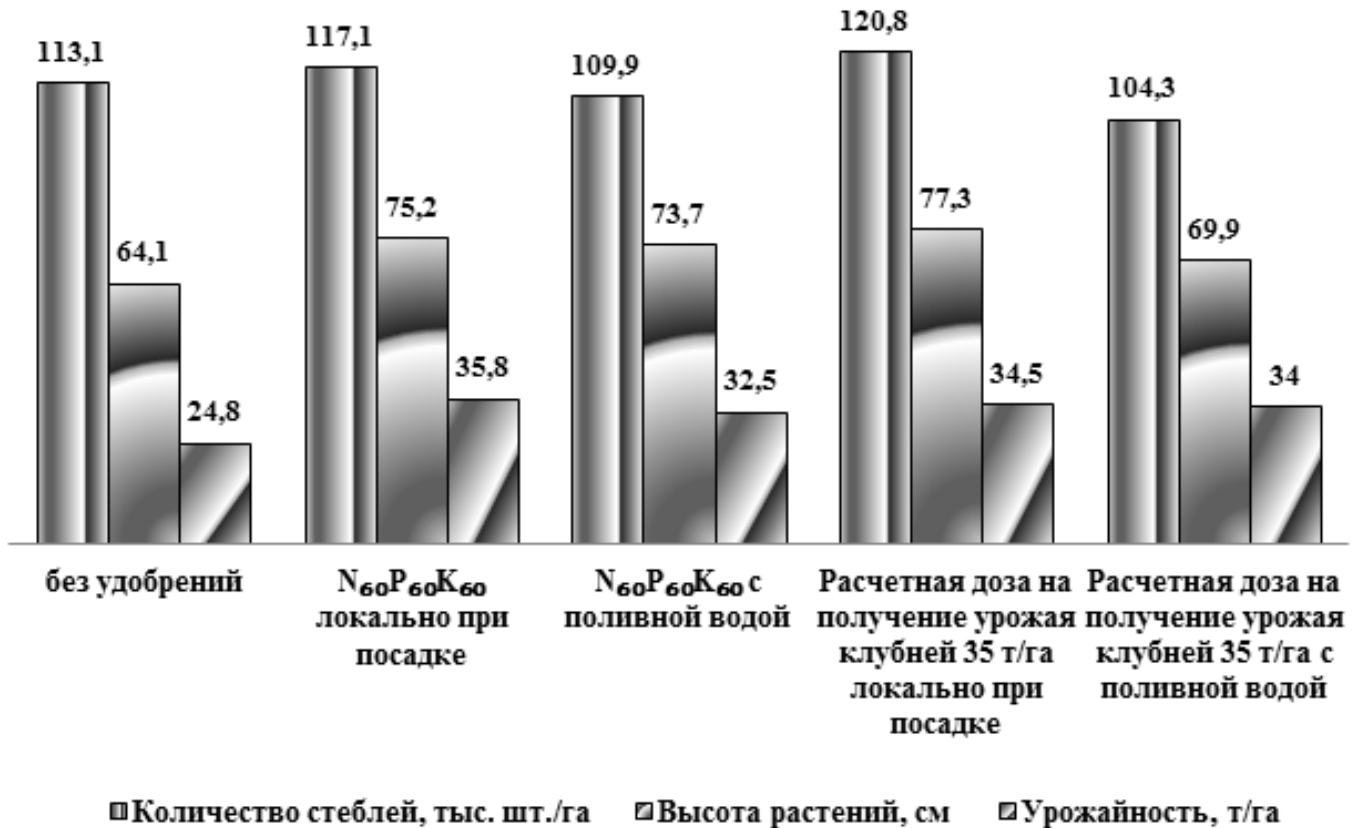

Рисунок 1 – Урожайность картофеля в зависимости от высоты растений и стеблестоя при разных способах внесения удобрений и увлажнении 0-60 см слоя почвы, 2013-2015 гг.

Увлажнение 0-60 см и 0-40 см слоя почвы обеспечило получение урожая на уровне 32,3 и 31,6 т/га. Уменьшение расчетного слоя до 0-20 см привело к существенному снижению урожайности: на 2,9 т/га или 9,9 %, в сравнении с увлажнением 0-60 см слоя.

Выводы. Максимальную продуктивность и отдачу капиталовложений при выращивании картофеля биологической спелости на капельном орошении в условиях юга Украины

обеспечило локальное внесение минеральных удобрений в дозе $N_{60}P_{60}K_{60}$ при поддержании предполивной влажности почвы 80-80-70% НВ в расчетном слое 0-60 см. Себестоимость единицы продукции составила 1345 тыс. грн/т, рентабельность производства – 160,3%. Коэффициент водопотребления при этом был минимальным – 97,8 м³/т. Эффективность использования удобрений в зависимости от способов их внесения составляла 30,0-39,6%.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Водопотребление и урожайность картофеля весенней посадки при капельном орошении / [Ромашенко М., Шатковский А., Капелюха Т., Яцюк З., Барлетов Е., Сметана П.] ; - К. : Научные публикации лаборатории систем микроорошения ИВПиМ НААНУ, 2011.
2. Шатковский А. Экологические аспекты применения технологий капельного орошения и вопросы качества продукции / А. Шатковский, Е. Шатковская. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://irrigation.org.ua/?p=785>
3. Ромашенко М. І. Технологія вирощування картоплі в умовах зрошення / М. І. Ромашенко, Т. А. Плотнікова // Хімія, Агрономія, Сервіс. – 2006. – № 9-10. – С. 20-21.
4. Андрюшко А. Ю. Загальні аспекти сучасних технологій вирощування картоплі / А. Андрюшко, Ю. Сологуб. – Агронном, 2004. – 10-12 с.
5. Доспехов Б. А. Методика полевого опыта / Б. А. Доспехов. – М.: Агро-промиздат, 1985. – 351 с.
6. Горянский М. М. Методика полевых опытов на орошаемых землях / М. М. Горянский. - К.: Урожай, 1970. – 84 с.
7. Методичні рекомендації щодо проведення досліджень з картоплею / [В. С. Куценко, А. А. Осипчук, А. А. Подгаецький та ін.] ; Ін-т картоплярства. – Немішаєве, 2002. – 183 с.

8. Ромащенко М. І. Краплинне зрошення сільськогосподарських культур: сучасний стан та перспективи розвитку в Україні / М. І. Ромащенко, А. В. Шатковський. – К. : / Національна академія аграрних наук України, Інститут водних проблем і меліорації., 2014. – С. 3-8. – (Матеріали II науково-практичної конференції «Краплинне зрошення як основна складова інтенсивних агротехнологій XXI століття»).
9. Бузовер С. Я. Водный режим картофеля / Бузовер С. Я. – К. : Урожай, 1966. – 98 с. – (Труды Харьковского сельскохозяйственного института; т. 48).
10. Писаренко В. А. Режимы орошения сельскохозяйственных культур / Писаренко В. А., Горбатенко Е. М., Йокич Д. Р. – К. : Урожай, 1988. – 96 с.
11. Мацко П. В. Водопотребление, режим орошения и техника полива картофеля в южной степи УССР: автореф. дис. канд.с.-х. наук / П. В. Мацко. – Херсон, 1984. – 18 с.
12. Методика польових і лабораторних досліджень на зрошуваних землях / [Р. А. Вожегова, Ю. О. Лавриненко, М. П. Малаярчук та ін.] ; за ред. Р. А. Вожегової. / Ін-т зрощ. землероб. – Херсон, 2014. – 286 с.
13. Методика польового досліджу (Зрошуване землеробство) : [навчальний посібник] / В. О. Ушкаренко, Р. А. Вожегова, С. П. Голобородько, С. В. Коковіхін. – Херсон, 2014. – 448 с.

ДИНАМИКА ОЗЁРНОГО РЫБОВОДСТВА В ЗАУРАЛЬЕ РОССИИ

Мухачев Игорь Семенович

д.б.н., профессор Государственного аграрного университета Северного Зауралья

Представлен обзор рыбоводных и технико-мелиоративных работ на озерах в регионах Южного Урала и Зауралья России, которые приспособлены для применения эффективных технологий товарного рыбоводства, позволяющих повысить товарную рыбопродуктивность водоёмов в 8-10 раз по сравнению с традиционным промыслом естественной ихтиофауны. Научно обоснованы и внедрены в практику местных рыбхозов технологии по аэрации воды зимой, рыхления донных отложений для стимулирования процесса формирования первичной и вторичной биопродукции, увеличения выхода товарной рыбы за счет систематических вселений жизнестойкой молоди в поликультуре быстрорастущих рыб – объектов аквакультуры, позволяющих реально повысить товарную рыбопродуктивность водоёмов.

Ключевые слова: культивирование быстрорастущих рыб в озерах, аэрация водоёмов, углубление части озера, рыхление ила, повышение продуктивности акватории

THE DYNAMICAL LAKESID FISHCULTURE IN ZAURALYE RUSSIA

Muhachev Igor Semenovich,

Professor Agrarian State University of Northern Zauralye

We present a review for 150 years of the fishes and technical reclamation work done on the Lakes in the Urals and Trans Urals Russia, which have adapted to the use of effective technologies of commercial fishing, that improves the productivity of the commodity reservoirs 8 to 10 times more than that of the traditional fishing methods of the natural fish fauna. The aim of this experiment was to scientifically substantiate and put into practice by the local aquaculture water aeration technology in the winter, the loosening of sediments to stimulate the process of formation of primary and secondary bio-products and increase the yield of commercial fishing due to systematic introductions of viable young fish grown in polyculture.

Key words: Cultivation of fast-growing fishes in lakes, ponds aeration, the deepening of the lake, loosening the sludge, increasing the productivity of the waters.

Introduction - Актуальность проблемы

Вопросы эффективного обеспечения качественным питанием населения сельских и заводских промышленно-развивающихся территорий, то есть решением проблемы продовольственной безопасности - Food Security, - всегда были и остаются первостепенными (Борисов, 2010; Indicator syst. FAO Aquacult., 2013; Sorgeloos, 2013; Sadalle `et al`, 2014). В этой связи предлагается на основе эколого-рыбохозяйственного мониторинга проследить динамику процесса развития технологий пастбищного (нагульного) выращивания рыбы в озерах южной части Уральского федерального округа РФ, где более 150 лет (Сабанеев, 1874; Кучин, 1910) методы рыбоводства используются местным населением в качестве эффективного улучшения пищевого рациона и экономического стимула.

Вначале это были технологии по улучшению условий нагула и увеличению массонакопления выращиваемой рыбы

(Аленицин, 1874; Сабанеев, 1874), затем к ним добавились технологии по увеличению объектов выращивания с быстрым темпом роста и лучшими гастрономическими качествами мяса рыбы (Кучин, 1915, 1917, 1931), которые на современном этапе научно-производственных отношений переросли в технологии существенного увеличения рыбо-продуктивности эксплуатируемых озер в расчете на 1 га акватории (Нестеренко `et al`, 1968; Мухачев, 1996;1998); Mukhachev, Gunin, 2002; Мухачев, Слинкин,2004; Мухачев `et al`, 2005; Мухачев, `et al`, 2006; Мухачев `et al`, 2006; Мухачев, 2009; Мухачев 2011; Слинкин, Мухачев, 2012; Мухачев, 2013; Мухачев,2014).

Недавно рыбоводы Челябинской области внедрили эффективную технологию искусственного воспроизводства налима (Корляков `et al`, 2013), а также установили факт акклиматизации европейской корюшки на Южном Урале (Корляков, Мухачев, 2009).

Прогрессивные технологии стали возникать и реализовываться с 1960-70 гг., когда массовыми стали методы повышения рыбопродуктивности южноуральских озер карасевого и плотвично-окуневого типов. В естественном состоянии рыбопродуктивность этих водоёмов составляет всего 15-30 кг/га в год при невысоком пищевом и экономическом результате по причине малых размеров, медленного роста местной рыбы: караси, голянь озерный, окунь, ёрш, плотва. Для улучшения товарного состава рыб в озера Южного Урала и Зауралья была вселена пелядь и создана биотехнология ускоренного выращивания товарной пеляди (Мухачев 1965;1967; 2003), а также осуществлены работы по расселению судака, леща, сиговых рыб (Мухачев, 1968) и карпа (Мухачев, Петкевич,1971).

Технологии рыбоводного процесса дополнены научными основами районирования озерного рыбоводства на территории Западно-Сибирской равнины и нормативами озерной поликультуры для таёжной и лесостепной природных зон (Мухачев,1976; Мухачев `et al`, 1977).

В современный период происходит дальнейшее усовершенствование технологий озерного рыбоводства. Причём, главный фактор – это увеличение выхода товарной рыбы в расчёте на 1 га акватории.

В частности, Государственный аграрный университет Северного Зауралья вместе с региональным Госрыбцентром в Тюмени (февраль 2015 г.) провели недельный семинар с активным участием ведущего сотрудника ФАО ООН профессора Патрика Соржелуса. Выступая перед аудиторией ученых, производителей и студентов, он особо отметил, что товарное рыбоводство на базе приоритета новых и массовых технологий способно весьма быстро повлиять на экономику и социальное улучшение районов (территорий), занимающихся разными направлениями аквакультуры. Этой же проблеме посвящена его недавно опубликованная работа (Sorgeloos, 2013).

Творческая деятельность отечественных специалистов ориентирована на ускорение решения проблемы посредством активного участия во внедрении, что, поддерживается управленческими структурами сельского и рыбного хозяйства (Багров `et al`, 2014), (Мухачев `et al`, 2010), (Мухачев, 2013), (Мухачев, Медведев, 2015).

Крупнейший естественный ресурс для производства экологически безопасной пищевой товарной рыбы в промышленных масштабах по разным направлениям и технологиям представляют многочисленные водотоки, озера, артезианские и геотермальные воды Урала и Западной Сибири. В пределах Западно-Сибирской равнины от Урала до Енисея общая акватория озер составляет 8,7 млн га (Доманицкий `et al`, 1971). В ландшафте Западно-Сибирской равнины 5,4-5,5 млн га озер, или 65%, относится к заморному типу водоемов, т. е. с ежегодно либо периодически возникающим дефицитом кислорода в воде. По составу рыбного населения и ихтиологической классификации озера с ежегодными заморами являются карасевыми. Озера с возникновением острого дефицита кислорода в воде зимой раз в 9-15 лет представлены плотвично-окуневым ядром ихтиоценоза (Ядренкина, 2011). Однако всем этим озерам Зауралья и Западной Сибири свойственны стабильно высокие показатели развития зоопланктонных и зообентосных сообществ.

Новейшие исследования вновь подтверждают (Козлов, 2015), (Визер, 2015) чрезвычайно высокую продуктивность

озер лесостепи всей Западной Сибири. Феномен биопродуктивности западносибирских озер, включая леостепные и подзоны тайги, как уже всесторонне отмечали специалисты биологического и географического направлений науки (Иогансен `et al`, 1986), (Фолитарек, 1980), (Поползин, 1964), (Кудерский, 1998), характеризуется естественной способностью интенсивного продуцирования органического вещества.

Благодаря стабильному развитию довольно высоких значений зоопланктонных и зообентосных сообществ, показатели роста вселяемой молоди поликультуры (сиговые, карп, судак, растительноядные и др. объекты) весьма значительны. Например, в высококормных озерах с карасевым ихтиоценозом товарные сеголетки (0+) пеляди и пелчира осенью (октябрь) достигают массы 140-180 г, а двухлетки этих рыб (1+) 0,5-0,7 кг; аналогично, двухлетки карпа (1+) весят 0,6-0,8 кг, трехлетки (2+) 1,2-2,0 кг. Однако двухлетнее и многолетнее выращивание объектов рыбоводства осуществимо в основном с помощью аэрационной техники (Слинкин, 2009).

Высокий уровень биологической продуктивности озер и накопленный за десятилетия производственный опыт по выращиванию временных, но высокопродуктивных ихтиоценозов, объективно позволяет внедрять в промышленных масштабах различные мелиорации – гидротехнические, технические и биологические на значительно большем количестве водоёмов. Суть технико-мелиоративных и рыбоводных работ изложена ранее (Мухачев, 2011), (Мухачев, 2015). Многое и решающее в комплексном освоении обширного озерного фонда и разной мощности водотоков в пределах выше названных природных зон Обь-Иртышского бассейна можно осуществить на основе внедрения технико-мелиоративных работ и эколого-рыбохозяйственной мелиорации водоёмов, исключая применение минеральных удобрений и других чуждых естественной природе региона веществ (Мухачев, 1995), (Мухачев, Слинкин, 2004).

Material and Methods

Материал и методы

Содержание настоящей статьи-обзора базируется на авторском исследовании научно-производственных работ по развитию товарного рыбоводства на разнотипных озерах Зауралья (в пределах современных Челябинской, Курганской и Тюменской областей России) за предшествующий столетний период. На основе многолетнего мониторинга нами проанализированы результаты интродукций новых видов рыб, которые отсутствуют в естественных озерных ихтиоценозах Зауралья, но благодаря систематическим вселениям (интродукциям) стали наиболее массовыми и высококормительными объектами товарной аквакультуры.

Метод мониторинга использован благодаря личному участию в практике выполнения различных задач товарного рыбоводства и последующего научного анализа за весьма длительный период времени (1960-2016 гг.), а также анализу литературных источников, датированных 1874-1911-1965-1968-1999-2006-2015 гг.

Тенденции развития пастбищного озерного рыбоводства

Наше сотрудничество с рыбохозами Тюменской, Челябинской, Курганской областей по внедрению современных инновационных разработок (Мухачев `et al`, 2006) позволило пользователям озер довольно стабильно выращивать поликультуру со значительно большими ежегодными

показателями рыбопродуктивности — по 180-200-250 кг/га, причем тенденция к повышению рыбопродуктивности местных водоемов на основе технико-мелиоративных и рыбоводных технологий становится устойчивой.

В частности, специалисты СТРХ — Сладковского товарного рыбоводческого хозяйства — буквально с «нуля» достигли ощутимых результатов. По нашей рекомендации к восстановлению рыбхоза приступили в 2008 г. Весь годовой улов местной рыбы — серебряного и золотого карася на 11 тыс. га озер заморного типа составил всего 70 т. Спустя 7 лет — в 2014 г. общий улов выращиваемой рыбы (сиговые, карп, судак, щука, растительноядные) превысил 1,1 тыс. т, или в среднем 100 кг/га, а включая карася — 110 кг/га. Показатели улова выращиваемой рыбы на мелиорируемых озерах достигают 160-180 кг/га в год. В 2015 г. Сладковский рыбхоз вновь вырастил и выловил более 1 тыс. т ценной рыбы, а показатели в ряде интенсивно осваиваемых озерах по выращиваемой рыбе — карп и сиговые — превысили 200 кг/га.

В соответствии наших рекомендаций Сладковский рыбхоз на пяти озерах построил мелиоративные комплексы (Слинкин, 2009), состоящие из водоема-спутника с глуби-

ной 7-7,5 м и 2-3-х выростных прудов (рис. 1), благодаря которым диапазон рыбоводных расширен, а качество товарной рыбы улучшилось. В итоге — рентабельность практики внедрения комплексных мелиораций становится положительной. Водоем-спутник эксплуатируется с ноября по март для сохранения растущей рыбы, не достигшей товарной массы, и отлова рыбы, предназначенной для реализации. Привлечение рыбы из нагульного озера в водоем-спутник осуществляется с помощью турбоаэратора мощностью 2-3 кВт, установленного в одном из каналов, из которого поток проаэрированной воды устремляется в круговорот по эллипсоидной траектории (рис. 2). В водоеме-спутнике в зимний период включают мини-турбоаэратор мощностью 0,5-0,8 кВт, создающего оптимальное насыщение кислородом воды и сохранения всей имеющейся рыбы в водоеме. Выростные пруды эксплуатируются в мае-августе для выращивания жизнестойкой молоди культивируемых ценных рыб для вселения в нагульное озеро. В глубоком водоеме-спутнике при необходимости можно размещать садки на понтонах для выращивания рыбы либо её временного хранения в живом виде.

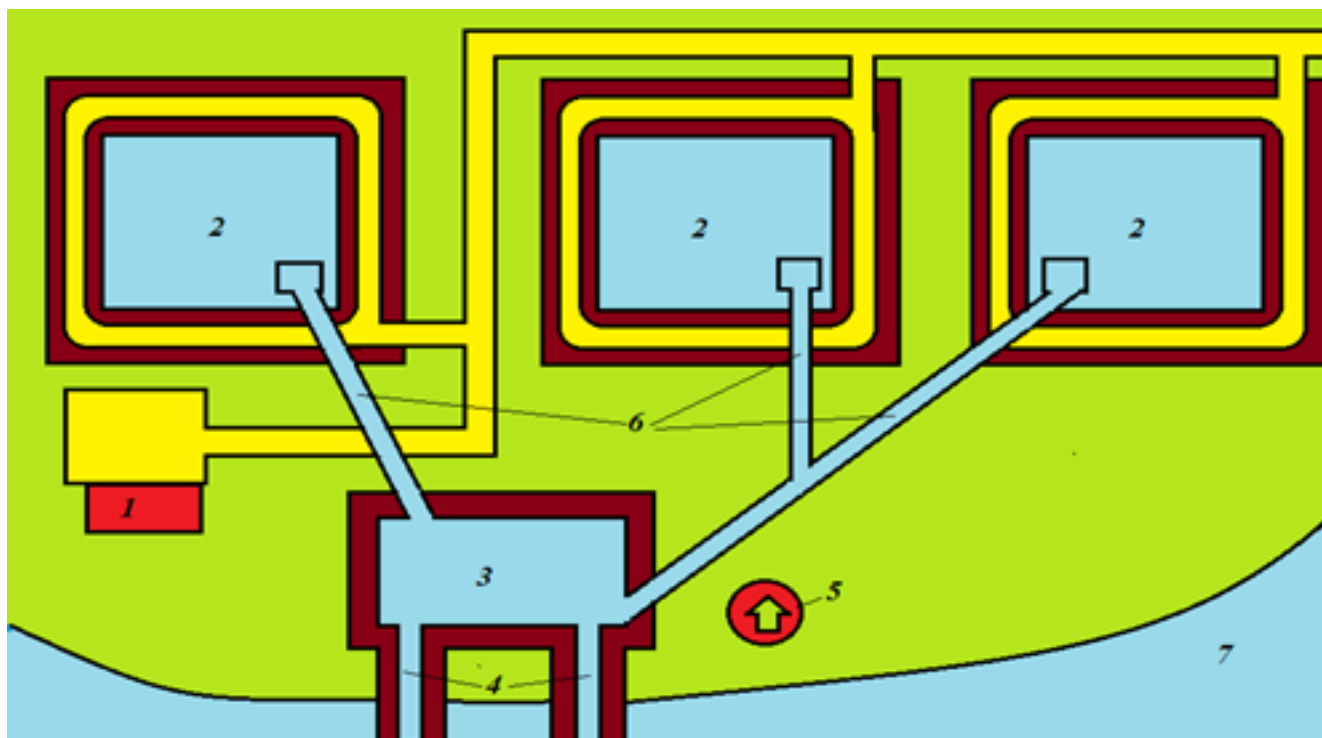

Рис. 1. Схема мелиоративного гидротехнического обустройства озера заморного типа с акваторией, превышающей 250-300 га, с целью создания высокопродуктивного работоварного хозяйства:

- 1 – бригадный дом; 2 – выростные пруды площадью 2-3 га;
- 3 – водоем-спутник глубиной 6-7 м; 4 – каналы, соединяющие озеро с водоемом-спутником;
- 5 – насосная станция для подачи воды в выростные пруды; 6 – водосбросные каналы;
- 7 – нагульное озеро.

Благодаря данному технико-мелиоративному обустройству мелководного заморного озера карасевого ихтиологического типа, в короткое время происходит экологическая рекультивация, и в нём создаются условия для пастбищного нагула карпа, пеляди, сига, пелчира, щуки, судака, растительноядных рыб. Суммарный выход товарной рыбопродукции за счет вселения жизнестойкой молоди ценных рыб достигает 150-250 кг/га в год дополнительно к улову 15-30 кг/га местного карася.

Отлов выращенной рыбы облегчается и интенсифицируется на основе разработок Н.П. Слинкина (2009). В частности, с помощью водоема спутника - стационарного либо временного из армированной полиэтиленовой плёнки, и установленного агрегата – турбоаэратора можно на основе искусственного проаэрированного водотока быстро вылавливать всю выращенную рыбу (рис. 2) как в водоеме-спутнике, так и на путях миграции в искусственном водотоке.

Благодаря включению турбоаэратора и образованию циркуляции потока с высоким содержанием растворенно-

го кислорода, вся оксифильная рыба переходит из участков озера с меньшим количеством растворенного кислорода в проаэрированную зону. По мере нарастания льда на водое-

ме и дефицита кислорода миграция выращенной рыбы усиливается, что и служит основой для её полного вылова.

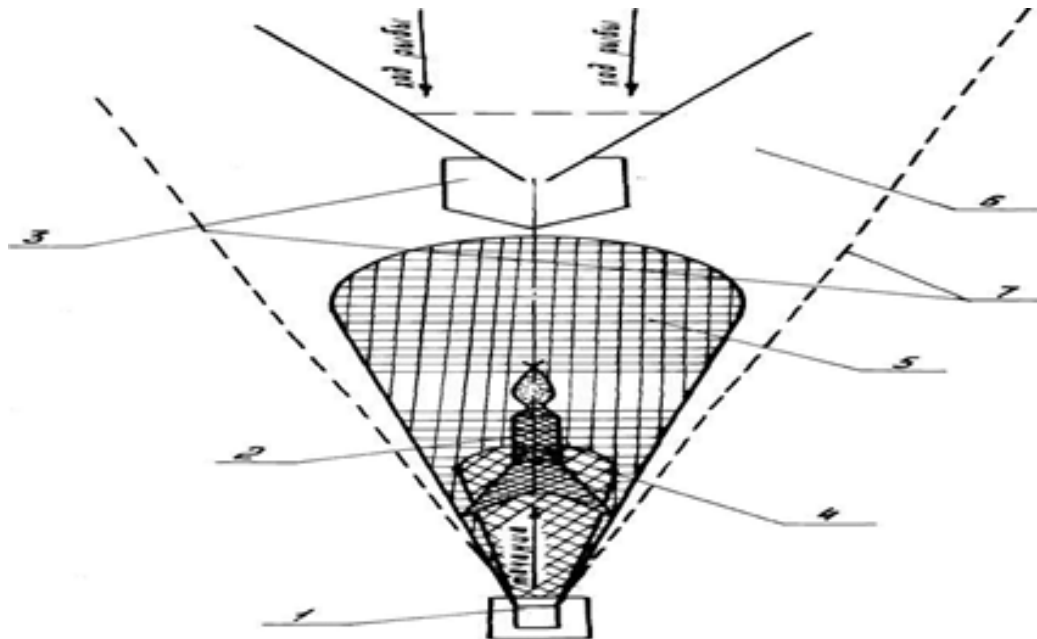

Рис. 2. Промысловая схема лова рыбы ставными орудиями лова в озере заморного типа (с дефицитом кислорода в воде зимой): 1-потокообразователь; 2-вентерь; 3- ставной невод; 4-зона принудительного сноса рыбы; 5 – Зона частично принудительного сноса рыбы; 6-зона реореакции.; 7-граница потока.

Системность в освоении и внедрении интенсивных технологий рыбоводства показывает ООО «Рыбозавод Балык», что убедительно иллюстрирует итоговый результат — вылов выращенной рыбы. В 1970-1990-е годы весь Кунашакский район Челябинской области, располагающий 19 тыс. га эвтрофных лесостепных озер, вылавливал 600-700 т рыбы, включая выращиваемых 200-250 т товарных сеголеток пеляди, а в настоящее время (2010-2015 гг.), лишь одно предприятие — ООО «Рыбозавод Балык», за которым закреплено 8 тыс. га озер (40% от имеющихся в районе), на основе наших научных разработок ежегодно выращивает 900-1100 т крупной рыбы двух-трехлетнего нагула дополнительно к вылову местной рыбы по 15-25 кг/га. Средняя рыбопродуктивность достигла 120-140 кг/га, при максимальных 190-260 кг/га. Стабильный рост рыбопродуктивности озер ООО «Рыбозавод Балык» происходит потому, что работ-

ники предприятия освоили и внедряют рекомендованные нами прогрессивные технологии выращивания поликультуры в сочетании с двух-трехкратным рыхлением донных отложений озер в августе-сентябре для ускорения функционирования пищевой цепи кормовых для рыб организмов в процессе рецилинга органики (Копылов, Косолапов, 2011), аэрации воды зимой, направленному формированию кормовой базы путем масштабных вселений рачка-гаммаруса.

Для этого в рыбхозе создана мелиоративная бригада, которая в течение всех сезонов года проводит необходимые научно обоснованные биотехнические мероприятия на водоемах, стимулирующие рыбоводный процесс.

Динамика роста рыбопродуктивности объективно представлена на примере эксплуатации типичного для лесостепи Зауралья озера Тишки (табл. 1).

Таблица 1

Динамика уловов рыбы в оз. Тишки (2550 га) Кунашакского района Челябинской области, кг/га

Рыба	Годы								
	1958-1965*	1966-1970*	1971-1998*	1999-2000*	2001-2005*	2006-2012*	2013	2014	2015
Карась	19,0	21,0	12,0	9,0	21,0	10,0	8,0	11,0	23,0
Карп	-	-	-	-	10,0	99,0	85,0	90,0	99,0
Р/ядные	-	-	-	-	-	2,0	4,0	5,0	8,0
Пелядь	-	24,0	36,0	66,0	85,0	115,0	118,0	121,0	111,0
Всего	19,0	45,0	48,0	78,0	116,0	226,0	226,0	227,0	241,0

* — среднегодовые уловы за указанный период

карась – *Carassius carassius*, *Carassius auratus gibelio*

карп – *Cyprinus carpio*

растительноядные – *Stenopharyngodon idella*, *Hypophthalmichthys molitrix*

пелядь - *Coregonus peled*

Рис. 3. Товарные сеголетки (0+) пеляди массой 140-180 г/шт. отлавливаются с помощью ставных неводов в озерах карасевого ихтиологического типа. Ежедневные уловы (в октябре) составляют от 2-3 до 20-25 т.

Озеро Тишки по генезису — водно-эрозионное, возникшее в древнеозерной впадине. Котловина озера овальной формы выполнена мощными песчаными отложениями. Площадь озера составляет 2550 га, максимальная глубина — 4,2 м, средняя — 2,4 м, водоем бессточный замкнутый. Берега пологие, поросшие густой высшей растительностью (тростник, осока), в срединной части озера много мягкой растительности — рдесты, роголистник. Ил черный сапропелевый толщиной 0,3-0,6 м. Вода характеризуется как высокоминерализованная сложного хлоридно-сульфатно-магниевого состава с динамикой суммы ионов в диапазоне 2,9-6,1 г/дм³, что обусловлено степенью водности территории ландшафта (Андреева, 1973). В связи с проявляющимся дефицитом кислорода в воде зимой естественный ихтиоценоз представлен золотым и серебряным карасем. До середины 60-х гг. Кунашакский рыбхоз на оз. Тишки вел промысел карася со среднегодовым статистическим уловом 19 кг (табл. 1). С 1966 г. в озеро периодически стали вселять личинок озерной пеляди в количестве 1,8-2,0 тыс. шт./га, а среднегодовой улов товарных сеголеток массой 120-130 г составлял от 20 до 40 кг/га, что объективно соответствовало водоему третьей зоны озерного рыбоводства со стабильным развитием зоопланктона в вегетационный период в пределах 3-4 г/м³.

Наш эколого-рыбохозяйственный анализ показателей водоема и экстенсивной системы ведения хозяйства в 1998-2001 гг. позволил выявить резервы для существенного повышения рыбопродуктивности озера. Согласно научным рекомендациям, специалисты ООО «Рыбозавод Балык» стали вселять в озеро жизнестойкую молодь карпа в соответствии с зональной научно обоснованной нормой, небольшое количество годовиков белого амура и белого толстолобика, а количество вселяемых личинок сеголеток (пелядь, пелчир) увеличили до 3,5-4,0 тыс. шт./га. Увеличение плотности

посадки сеголеток обусловлено внедрением в практику текущей мелиорации 2-3-кратного рыхления донных отложений в августе-сентябре. Для рыхления ила на глубину 30-40 см ООО «Рыбозавод Балык» сконструировал агрегат, используя наши рекомендации (Мухачев, Слинкин, 2004). Зимой в годы пониженной водности в январе-марте при падении концентрации кислорода до 2,5-3 мг/дм³ на водоеме устанавливаются 2-3 аэрационных устройства.

Таким образом, квалифицированное систематическое проведение технической мелиорации и существенное увеличение плотности посадки молоди поликультуры позволило стабильно увеличить уловы товарной рыбы до 250 кг/га в год и более (табл. 1). Точную величину общего улова назвать трудно, потому что на этом озере в период открытой воды ежедневно находилось от 100 (в нерабочие дни) до 2-3 тысяч в выходные дни рыболовов-удильщиков, зачастую бесконтрольно вылавливающих разновозрастного карпа.

По расчетам, опираясь на биопродукционные показатели растительных и животных организмов озера, общие уловы могут быть реально увеличены до 350-400 кг/га в год. Это возможно при оказании помощи административных органов усилить охрану рыбы (прежде всего, карпа) от расхитителей, а также системно проводить нормативные посадки молоди белого амура и белого толстолобика (которого пока мало в регионе УрФО).

Озеро Суерское расположено вблизи от районного центра Лебяжье Курганской области и представляет типичный водоем Западно-Сибирской равнины в пределах ландшафта Тоболо-Ишимского междуречья. По ихтиологической классификации относится к карасевому типу, но в маловодные годы при концентрации солей до 10 г/дм³ воспроизводство карася прекращается. Водосборная площадь в большей мере представлена пастбищами и лугами. Питание озера происходит за счет вешнего паводка, атмосферных осадков

и подземного стока. Преобладающие глубины — 2 м, а максимальная — 3,5 м. Отложения ила в центральной части водоема достигают 50 см. По уровню развития зоопланктона и зообентоса относится к высококормным.

Пример рыбохозяйственной эксплуатации оз. Суерского карасевого ихтиологического типа интересен тем, что с 70-х гг. прошлого столетия по 2012 г. водоем эксплуатировался по обычной экстенсивной технологии однолетнего сиговодства: весной вселяли нормативное для карпо-сиговой зоны количество личинок пеляди (в среднем 2 тыс. шт./га), а осенью отлавливали товарных сеголеток массой 80-100 г с приловом туводного карася. В среднем за последние 15 лет в оз. Суерское промысловый улов товарных сеголеток пеляди составил 21 кг/га. С 2013 г. пользователем оз. Суерское оформлено ООО «Сибирская тема». Этот рыбхоз на протяжении многих лет больше всех выращивает сиговых и карпа в составе рыбохозяйственных предприятий Курганской области.

На основе наших рекомендаций на данном водоеме внедрены элементы интенсивного товарного рыбоводства, представляющих следующее:

- рыхление донных отложений — 3 раза с конца июля по середину сентября на 70-75% акватории, благодаря чему кормность по зоопланктону возрастет в 2-2,5 раза; по бентосу — на 25-40%;
- ежегодном вселении весной в озеро нормативного количества личинок пеляди и годовиков карпа;
- использовании на западной части озера вблизи поселка и линии ЛЭП, начиная с декабря, двух экономичных турбоаэракторов мощностью 2-3 кВт, обеспечивающих в начале концентрацию выращенной рыбы, а затем — интенсивный отлов товарной продукции;
- периодическом осуществлении из близ расположенных малых безрыбных озер концентрированных посадок рачка-гаммаруса (бокоплава) по 2-3 т, являющегося кормовым биоресурсом водоемов лесостепной зоны Зауралья.

На основе вселения личинок пеляди и пелчира по 4 тыс. шт./га весной 2014 г. на оз. Суерское и трехкратного рыхления ила в августе-сентябре, стимулирующего развитие зоопланктона, вырастили по 110 кг/га ценной сиговой рыбы дополнительно к улову карася по 20 кг/га. Товарные сеголетки пеляди и пелчира к началу октября достигли средней массы 150 г, а ежесуточные уловы сиговых в три ставных невода составляли 15-25 т. В 2015 г. общие уловы выращенной рыбы в оз. Суерское составили 230 кг/га. Таким образом, сигово-карповая поликультура может быть дополнена белым амуром и белым толстолобиком, что объективно гарантирует на оз. Суерское ежегодное стабильное производство товарной рыбы высокого гастрономического качества не менее 250-300 кг/га.

Научный базис рыбохозяйственных мелиораций и интенсивной формы рыбоводства

Научное биоэкологическое обоснование возможности повышения выхода товарной рыбы из озер в расчете на акваторию 1 га обусловлено наличием фундаментальных исследований по биопродуктивности континентальных и морских водоемов. В настоящее время благодаря данным междисциплинарных исследований по гидрохимии, биогехимии, микробиологии, биохимии, гидробиологии, ихтиологии и других наук объективно установлено, что процессы «рециклинга» и «микробной петли» (Копылов, Косолапов,

2011) в системе «вода — донные осадки» (Мартынова, 1984; Мизандронцев, 1990) озер создают устойчивое развитие биопродукционного процесса (Алимов, 2001) в соответствии свойств явления сестайнинга (Миркин, Наумова, 2002).

Процессы кругооборота органического вещества в озерах с ростом продуктивности увеличиваются и ускоряются (Алимов, 2001), что и позволяет включить в естественную систему дозированные мелиоративные механизмы, благодаря чему можно добиться самоподдержания продукционной системы на оптимальном уровне рыбоводного процесса.

Впервые идея о необходимости рыхления и аэрации донных отложений озер заморного типа была предложена заведующей лабораторией гидробиологии СибНИИРХ (Юхнева, 1969; Юхнева, Уварова, 1975). В соответствии с научным биологическим обоснованием институтом СибрыбНИИпроект была создана серия мелиоративных агрегатов по рыхлению ила и аэрации воды, работающих в период открытой воды и в подледном режиме. Все исследования и производственные эксперименты систематически обсуждались с ведущими академическими НИИ того времени. Именно эти материалы послужили основой для модернизации техники по рыхлению ила и внедрению прогрессивной технологии в практику товарного рыбоводства (Мухачев, Слинкин, 2004).

Аналитическое обобщение данных практики становления и развития пастбищного рыбоводства в Зауралье (Мухачев, 2013) позволило обосновать интегральный показатель рыбопродуктивности озера — актуальный бонитет. Его объективное определение дает возможности для комплексной мелиорации озера в соответствии с расчетом потенциального бонитета на основе биопродукционного процесса (Алимов, 2001) в водоемах. Для определения актуального бонитета озера составлена бонитировочная 100-балльная шкала, благодаря которой фактические эколого-рыбохозяйственные показатели исследуемого озера оцениваются, и на этой основе рассчитывается балльный класс современного бонитета водоема и разрабатываются пути мелиоративно-рыбоводного преобразования озера. Базисом для прогрессивной практики являются итоги определения бонитета озера. На его основе осуществляют необходимые мелиорации экосистемы озера, комплекс рыбоводных работ, завершающихся быстрым и экономичным отловом выращенной рыбы (Слинкин, 2009).

Именно в такой последовательности поступают крупные рыбхозы по внедрению научных разработок. У мелких предприятий по выращиванию озерной рыбы комплексный системный подход отсутствует, следовательно и итоговые показатели существенно меньше, чем в крупных районных рыбхозах региона Зауралья. Results and discussion Результаты и обсуждение

Тенденция – увеличение видового разнообразия и повышение рыбопродуктивности

Промышленное индустриальное развитие Уральского региона России и увеличение населения за счет переселенцев из центральных регионов страны привело к расширению различных направлений аграрного производства, включая возникновение активного лова рыбы в местных водоемах. В пределах современной Челябинской области, где расположены глубокие (до 20-35 м) и мелкие (до 2,5-4 м) озера, местные рыбопромышленники уже в 19 веке использовали 800-900-метровые закидные невода, и в зимнем

подледном режиме отлавливали большое количество местной рыбы.

Согласно свидетельств специалистов зоологов-ихтиологов того времени (Сабанеев, 1874; Кучин, 1911; Соловьев, 1915) в данном регионе эффективно использовалась практика (технология) пересадки больших количеств 2-3-летней плотвы - *Rutilus rutilus lacustris* (Pallas), окуня *Perca fluviatilis* (L.), ерша (*Gymnoperhalus cernuus* (L.) из глубоких, но мало-кормных (олиготрофные, мезотрофные) озер горной части Южного Урала в высоко-кормные (гиперэвтрофные) озера лесостепного Зауралья. Работа по масштабной пересадке рыбы осуществлялась в начале апреля перед естественным процессом таяния льда. К следующему промысловому сезону вселенная рыба увеличивала свою массу (вес) в 3-5 раз, благодаря чему хозяйственники-рыбопромышленники не только выполняли поручения-заказы горнозаводского производства (в основном металлургического), но и «зарабатывали» крупные суммы денег.

В конце 19 столетия из реки Уфа (Волго-Камский речной бассейн) в ряд озер и водохранилищ (заводские пруды на реках) Обского бассейна был переселён лещ *Abramis brama* (L.), которого впоследствии (в 40-60-е годы) 20 столетия широко расселили по многим водоемам Сибири. В 60-70-е годы аналогичное масштабное расселение получил судак *Stizostedion lucioperca* (L.). Эти интродукции рыбохозяйственной наукой (Бурмакин, 1963) были обоснованы, как реакклиматизация, поскольку эти виды рыб были свойственны неогеновой ихтиофауне Оби и Иртыша (Штылько, 1934).

Новый технологический этап в развитии рыбоводства для Южного Урала и Зауралья связан с подвижнической деятельностью И.В.Кучина, создавшего в 1903-1913 гг. Уфимский и Аракульский сивовые рыбобродные заводы, ставшие биотехнической основой товарного озерного сивоводства (Кучин, 1917; 1931), которое постепенно распространилось от Урала до Байкала. По инициативе Кучина И.В в десятки глубоких озер Южного Урала интродуцировали чудского сига *Coregonus lavaretus* (L.) и ладожского рипуса *Coregonus albula* (L.). Эти виды воспроизводятся до сих пор, но для товарного выращивания в промышленных масштабах ежегодно от их производителей получают рыбобродную икру, инкубируют, а молодь вселяют в озера, пруды, водохранилища. С начала 60 годов рыбоброды Южного Урала (Мухачев, 1965), (Нестренко `et al`, 1968) стали выращивать и воспроизводить пелядь *Coregonus peled* (Gmelin), которая в настоящее время превалирует в озерном товарном рыбобродстве Урала и Западной Сибири.

Накопление практического опыта по интродукции в озера Урала и Зауралья форели, сига, ладожского рипуса,

пеляди, леща, карпа, судака, которых не было в естественных ихтиоценозах озер (Подлесный, 1939; Мухачев, 1963; 1965, 1967, 1968; Нестренко `et al`, 1968) показало реальную возможность не только обогащения и улучшения видового состава рыбного населения, но и повышение товарной рыбопродуктивности озер региона. Озера с плотвично-окуновым либо карасевым ихтиоценозом обычно позволяют ежегодно отлавливать всего 15-30 кг/га рыбы старшевозрастных (промысловых) групп без ущерба сырьевым запасам. Обоснование и внедрение технологий поликультуры - совместного выращивания быстрорастущих рыб с различными спектрами питания (фитофаги, зоофаги) позволили довести средние уловы до 100-130 кг/га в год.

Комплексный научный анализ результативности метода рыхления иловых донных отложений озер дает реальную основу для масштабного включения в технологию товарной поликультуры белого толстолобика *Hypophthalmichthys molitrix* (Val.), питающегося фитопланктоном и детритом (Мухачев, 2014).

Conclusions Заключение

Проблема эколого-рыбохозяйственной рекультивации озер в пределах Зауралья и Западной Сибири обсуждается давно. Практические действия по преобразованию экосистем мелководных гиперэвтрофных озер позволяют устранить их заморность в подледном режиме, но сохранить и эффективнее использовать самовозобновляемую кормовую базу на рост вселяемой молоди поликультуры быстрорастущих объектов товарного рыбобродства, выращивать на порядок больше ценной рыбы по сравнению с традиционным промыслом местной тугорослой рыбы (Мухачев, 2013).

Наличие значительного озерного фонда на территории Уральского федерального округа и эффективных современных технологий озерного рыбобродства реально позволяют вовлечь в производственный процесс большого количества желающих заниматься практическим рыбобродством. Решения Государственных органов Правительства РФ и Субъектов Федерации последних лет как раз и нацелены на ускорение развития сельскохозяйственного рыбобродства в каждом муниципальном районе, имеющем соответствующие акватории. Этой же цели служат государственные административные меры по увеличению подготовки специалистов-рыбобродов со средним и высшим образованием в ряде областных центров – Тюмени, Челябинске, Екатеринбурге, Новосибирске.

Acknowledgments: выражаю свою глубокую признательность руководителям Кунашакского, Сладковского и Курганского рыбхозов Зауралья за помощь в подготовке настоящей публикации.

References Литература

Аленицын В.Д. Очерк Троицко-Челябинских озер Оренбургской губернии и их ихтиологической фауны. Труды С.-Пе-требургского общества естествоиспытателей. 1874.-Т.5.-Вып. 1.:17-89.

Алимов А.Ф. Элементы теории функционирования водных экосистем. СПб.: Наука, 2001.-175 с.

Boiko E.G., Petrachuc E.C., Spulber D. Stateagrian University of Northtrans-Uralin the project "Tuning environmental competences in Russian fishery education for sustainable development"/Tuning environmental competences in Russian fishery education for sustainable development/ edited by Alessandro Figus, Thomas Potempa, Sergey Shibaev/Tempus/Tuna. European Commission / Eurilink. Kaliningrad. 2016.- p.147-154.

Бойко Е.Г. Опыт подготовки ихтиологов-рыбобродов в Государственном аграрном университете Северного Зауралья путём интеграции образования и науки // Проблемы и перспективы развития рыбобродства на Урале/ Материалы научно-практич. Конф., посвященной 100-летию создания Аракульского рыбобродного завода и развитию товарного сивоводства в Челябинской области 26-27 сентября 2013 г. г. Касли. Челябинск.- 2013.- С.127-130.

Борисов Д.В. Развитие фермерской аквакультуры как фактор повышения устойчивости сельских территорий. Развитие регионального АПК в XXI веке: тенденции и перспективы: Материалы междунаучного научно-практического конференции. Рос. Акад. С. Наук. Сиб. Региональное отделение, ГНУ СибНИИЭСХ.-Барнаул.-2010:137-142.

Визер Л.С. Зоопланктон Чиняхинского плёса озера Чаны // Вестник рыбохозяйственной науки.-2015-Т.2.№ (5).Январь.-С.20-26.

Доманицкий А.П., Дубровина Р.Г., Исаева А.И. Реки и озера Советского Союза. Л. Гидрометеиздат, 1971.-104 с.

Indicator system for measuring the contribution of small-scale aquaculture to sustainable rural development. FAO Aquaculture Newslett. 2013. № 51: 46-48.

Козлов О.В. Промысловая гидробиология беспозвоночных лимнобионтов юга Западной Сибири // Водные ресурсы и ландшафтно-усадебная урбанизация территорий России в XXI веке/ Сб-к докл. XVII Между-народной научно-практической конф. Тюмень, 2015.-Т.1.-С. 198-203.

Копылов А.И., Косолапов Д.Б. Микробная «петля» в планктонных сообществах морских и пресноводных экосистем. Ижевск КнигоГрад, 2011.-332 с.

Корляков К.А., Мухачев И.С. О европейской корюшке OSMERUS EPERLANUS, вселённой в озеро Большой Кисегач на Южном Урале. Вопросы ихтиологии. 2009.Т.49.Вып. 5: 687-692.

Корляков К.А., Копориков А.Р., Новиков А.Л. Биотехнология искусственного выращивания налима (Lotidae) на Южном Урале и перспективы его использования в качестве биомелиоратора. Рыбное хозяйство. 2013.-№ 1: 91-94.

Кудерский Л.А. Рыбное хозяйство внутренних водоёмов России: нагульное рыбоводство, Обзорная информация ВНИЭРХ. Аквакультура. 1998.-Вып.1.-76 с.

Кучин И.В. Рыбоводство и рыбный промысел на Зауральских и Приуральских озерах. Департамент Земледелия.- С.-Пбг.-1910.-92 с.

Кучин И.В. О неотложных нуждах рыбоводства и рыболовства в Зауральской части Пермской губернии // Записки Уральского общества любителей естествознания. Екате-ринбург, 1917.-т.37.-вып.1-6. :3-10.

Кучин И.В. Памятка рыбовода. М.-Л.: Сельхозгиз, 1931.-152 с.

Мартьянова М.В. Азот и фосфор в донных отложениях озёр и водохранилищ. М.: Наука, 1984.-160 с.

Мизандронцев И.Б. Химические процессы в донных отложениях водоёмов. Новосибирск:Наука,-1990.-175 с.

Миркин Б.М., Наумова Л.Г. Сценарий перехода к устойчивому развитию//Экология и жизнь.2002.-№ 5. С.31-38.

Мухачев И.С. Озерное товарное рыбоводство. СПб-г: «Лань». 2013.- 400 с.

Мухачев И.С. Судак в озерах Южного Урала // Рыбоводство и рыболовство. 1963.-№ 6.-С.15-16.

Мухачев И.С.Рыбоводство меняет структуру промысла //Рыбное хозяйство,-1965.-№12.-С.14-16.

Мухачев И.С. Акклиматизация и разведение пеляди – озерного сырца в водоёмах Челябинской области // Вопросы ихтиологии, 1965.-Т.5.-Вып.37.- С.630-638.

Мухачев И.С. Эффективный способ выращивания товарной пеляди // За дальнейший подъём прудового рыбоводства в Сибири и на Урале. - Тюмень: Средне-Уральское кн. изд-во.-1965.-С.27-38.

Мухачев И.С. Опыт работы Челябинского рыбтреста по выращиванию пеляди в прудах и озерах // Озерное и прудовое хозяйства в Сибири и на Урале. Тюмень: СибНИИРХ, 1967. - С.108-132.

Мухачев И.С. Биотехника ускоренного выращивания товарной пеляди. Тюмень: ФГУ ИПП «Тюмень», 2003.-176 с.

Мухачев И.С. Озерное товарное рыбоводство, СПб.: Изд-во «Лань», 2013.-400 с.

Mukhachev I.S. The Eutrophication stage of Lakes as a positive ecological factor for the fish commodity production economics. VI international symposium on biology and management of coregonid fishes. Abstracts/-Konstanz, Germane. 1996:82.

Мухачев И.С. Аквакультура как важное дополнение в обеспечении населения продовольствием из местных биоресурсов. Материалы Научной конференции, посвященной 110-летию зоологических исследований в Сибири. Томск:ТГУ. 1998: 241-242.

Mukhachev I.S., Gunin A.P. A review of the production of cultivated whitefishes (Coregonus spp.) in the Ural and West Siberia/ Arch. Hydrobiol. Spec. Issues Advanc. Limnol. 57, p.171-181, July 2002.

Мухачев И.С., Медведев М.М. Формирование технологии интенсивного рыбоводства на озерах заморного типа //Вестник ТюмГУ.Экология и природопользование.2015.Том 1-№2 (2).-С.39-49.

Мухачев И.С. Озерное товарное рыбоводство. 2013. СПб: Изд-во «Лань». 400 с.

Мухачев И.С. Повышение рыбопродуктивности – тенденция развития озерного рыбоводства Зауралья. Рыбное хозяйство. 2014. № 6.: 79-82.

Мухачев И.С. Биологические основы рыбоводства. Тюмень: Изд-во ТюмГУ. 2004-300 с.

Мухачев И.С., Слинкин Н.П., Размашкин Д.А., Попов Н.Я., Бабушкин А.А. Системы ведения товарного рыбоводства в агропромышленном комплексе Тюменской области. Тюмень: ОАО «Тюменский дом печати». 2005.-240 с.

Мухачев И.С., Бойко Е.Г., Янкова Н.В., Петрачук Е.С. Системы инновационных технологий товарного рыбоводства на юге Тюменской области //Аграрный вестник Урала. 2010.-№ 8 (74) С.55-58.

Мухачев И.С., Слинкин Н.П., Чудинов Н.Б. Новые подходы к развитию товарного рыбоводства на водоёмах Зауралья. Рыбное хозяйство. 2006. № 3:59-63.

Мухачев И.С. Влияние антропогенных воздействий на экосистему заморного озера // Экологические проблемы рекультивации озёр заморного типа. Тюмень: ТГУ, 1994.- С.3-20.

Мухачев И.С. Системы инновационных технологий товарного рыбоводства на юге Тюменской области. Аграрный вестник Урала. 2009.-№ 11.-(65): 113-115.

Мухачев И.С. Инновации в пастбищном рыбоводстве Зауралья. Aquaculture in Central and Eastern Europe: present and future//the II Assembly NACEE and the Workshop on the Role of Aquaculture in Rural Development, Chisinau, October 17-19, 2011, Kishinev, 2011: 189-192.

Мухачев И.С., Слинкин Н.П., Чудинов Н.Б. Новые подходы к развитию товарного рыбоводства в Зауралье // Рыбное хозяйство.-2006.-№ 3.-С.59-63.

Мухачев И.С. Инновации в пастбищном рыбоводстве Зауралья // Aquaculture in Central and Eastern Europe:the II Assembly NACEE and Workshop on the Role of Aquaculture in Rural Development, Chisinau, October 17-19, 2011, Kishinev, 2011.- p.189-192.

Мухачев И.С., Слинкин Н.П. Способ выращивания рыбы в заморных озерах. Патент РФ № 2460285. -2012

Мухачев И.С., Слинкин Н.П. Способ лова рыбы. Патент на изобретение РФ №2297139.- 20.04.2007.

Мухачев И.С., Слинкин Н.П. Способ выращивания пеляди в заморных озерах. – Патент на изобретение РФ № 2268588.- 27.01.2006.

Мухачев И.С., Слинкин Н.П. Способ выращивания пеляди в заморных озерах. – Патент на изобретение РФ № 2268588.- 27.01.2006.

Мухачев И.С., Слинкин Н.П. Устройство для выращивания рыбы.-Патент на полезную модель РФ № 58294.-27.11.2006.

Мухачев И.С., Слинкин Н.П. Устройство для рыхления донных отложений. - Патент на изобретение РФ № 2221104.- 10.01.2004.

Насыров Г., Мухачев И.С. Способ определения оптимальной для разведения рыбы глубины естественного водоёма при проведении в нём мелиоративных дноуглубительных работ.- Авторское свидетельство СССР № 1395240.-15.01.1988.

Нестеренко Н.В., Козьмин Ю.А., Лопатышкина Г.М., Тионов М.Д. Результаты акклиматизации рыб на Урале. Акклиматизация рыб и беспозвоночных в водоёмах СССР. М.: Изд-во: НАУКА. 1968: 189-197.

Поползин А.Г. Малые озера юга Западно-Сибирской низменности и их хозяйственное значение //Водные ресурсы Западной Сибири. Новосибирск: СО АН СССР.-1964.-С.80-85.

Сабанеев Л.П. Жизнь рыб и рыболовство на зауральских озерах //Сборник «Природа», № 1 и 2,- М.-1874.С.220-302.

Слинкин Н.П. Новые методы интенсификации озерного рыболовства и рыбоводства.-Тюмень:ТГСХА, 2009.- 151 с.

Слинкин Н.П., Мухачев И.С. Устройство для рыхления ила донных отложений. Патент РФ № 118322.- 2012.

Слинкин Н.П., Мухачев И.С. Устройство для рыхления донных отложений. Патент РФ № 2221104.- 2004.

Слинкин Н.П., Мухачев И.С., Туруханских Н.А. Способ аэрации воды, концентрации и лова рыбы.- патент на изобретение РФ № 2286672.-10.11.2006.

Слинкин Н.П., Мухачев И.С. Устройство для лова рыбы.Патент на изобретение РФ№ 2287267.- 20.11.2006.

Слинкин Н.П., Мухачев И.С. Способ аэрации воды, концентрации и лова рыбы. Патент на изобретение РФ № 2294635.- 10.03.2007.

Слинкин Н.П., Мухачев И.С. Устройство для лова рыбы с применением донного водоспуска. – Патент на изобретение РФ № 2333313.- 10.09.2008.

Слинкин Н.П., Мухачев И.С., Рождественский М.И., Слинкин А.А. Способ создания маточного стада и базы сбора икры пеляди. – Патент РФ № 2393668.-10.07.2010.

Слинкин Н.П., Мухачев И.С. Способ выращивания рыбы в заморных озерах. - Патент на изобретение РФ № 2460285.- 10.09.2012.

Слинкин Н.П., Мухачев И.С. Способ воспроизводства и выращивания карпа в заморных озерах. –Патент на изобретение РФ № 2316956.- 20.02.2008.

Соловьев В.А. Аракульская рыболовная станция //Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург.-1915.- т.35.- Вып. 11-12.

Sadalle S.B., Nazuraly N., Taleb-Hossenkhan N., Bhagooley R. Micro-phytoplankton distribution and biomass in around a channel-based fish farm: Implications for sustainable aquaculture. Acta oceanol. Sin.2014.33,№12:180-191.

Sorgeloos P. Aquaculture: the Blue Biotechnology of the Future. World Aquaculture.-September.-2013:16-31.

Юхнева В.С. Заморные явления в озерах и меры их предупреждения // Отчетная сессия уч. Совета ГосНИОРХ по итогам работы в 1968 году: Тезисы докладов. Л., 1969.-С.94-96.

Юхнева В.С., Уварова В.И. Донные отложения и кислородный режим озер //Тезисы докладов к научно- практич. Конф. СибрыбНИИпроект по развитию Тюменского рыбохозяйственного комплекса. Тюмень, 1975.-С.106-107.

Штылько Б.А. 1934. Неогеновая фауна пресноводных рыб Западной Сибири. Труды Всесоюзного геолого-разведочного объединения. Новосибирск. Вып. 359: 44-89.

Ядренкина Е.Н. Структурно-функциональная организация рыбного населения в заморных озерах Западной Сибири. Автореферат дисс. доктора биол. наук. Томск : ТГУ, -2011.- 41 с.

SOCIOLOGIA / СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

«NUDGE» – ТЕОРИЯ «МЯГКОГО ПОДТАЛКИВАНИЯ»

Жильцов Владимир Анатольевич

К.психол. н., доцент, доцент кафедры менеджмента экономического факультета РУДН

Пахомов Алексей Петрович

К.психол. н., доцент кафедры менеджмента экономического факультета РУДН

Статья посвящена анализу возможностей относительно нового направления в управлении мышлением и принятием решения человека. Показаны генезис этого направления, основы формирования теории «Мягкого подталкивания», связь с «Теорией перспектив» Канемана и Тверски, основные компоненты, типология мышления и принятия решения, возможности использования в менеджменте теории «Мягкого подталкивания». Предлагаются авторские варианты использования теории «мягкого подталкивания».

Ключевые слова: Nudge, Теория перспектив, Мягкое подталкивание, реальности мышления и принятия решения, эвристики, менеджмент.

«NUDGE» - THEORY OF "SOFT JOGGING"

Zhiltsov Vladimir A.,

Candidate of Psychology, associate professor, (sub)department of management, department of economics, RUPF.

Pakhomov Alexey P.,

Candidate of Psychology, associate professor, (sub)department of management, department of economics, RUPF

This article is devoted analysis of relatively new approach in thinking and decision making management. The genesis of this approach, basis of Nudge, logical connection with Tversky, Amos, and Daniel Kahneman "Prospect Theory", basic components of thinking and decision making typology, possibility of using of Nudge in management are shown. Offers more options for the use of the theory of "gentle nudges".

Keywords: Nudge, "Prospect Theory", heuristics, reality of thinking and decision making, management.

Теория «Мягкого Подталкивания» (Nudge theory)

Введение

Актуальность данной статьи определяется тем, что, во-первых, в настоящее время авторам данной статьи не удается отследить достаточно большого массива новых идей и направлений в теории и практике менеджмента, и в этом смысле теория «Мягкого подталкивания» является до некоторой степени новым словом; а, во-вторых, авторы данной статьи считают для себя возможным особым образом относиться к работам Г. Саймона и Л. Канемана, А. Тверски. Такое особое отношение автора определяется уважением к построению теорий менеджмента на основе получения огромных объемов эмпирического материала. Рассматриваемая теория в самой значительной степени основана на работах Л. Канемана, А. Тверски, что предполагает большую убедительность.

Теория «Мягкого Подталкивания» (Nudge theory) (ТМП) стала достаточно известна с выходом в 2008 г. книги «Повышение эффективности решений в здравоохранении, благополучии и счастливой жизни», написанной американскими академиками Тейлером и Санстейном (Richard H. Thaler and Cass R. Sunstein) [2].

ТМП изначально была предложена в рамках идеи «поведенческой экономики», но затем была адаптирована и широко применялась для расширения человеческих возможностей и для стимулирования изменений у людей. Практически все аспекты идеи «поведенческой экономики» и соответствующие публикации принадлежат совместному труду Нобелевского лауреата Д. Канемана и А. Тверски. Од-

ному из авторов данной статьи посчастливилось обсуждать с А. Тверски многие идеи, лежащие в основе концепции «поведенческой экономики» в 70-х годах прошлого века. Нобелевским лауреатом А. Тверски не стал, т.к. не дожил до этой возможности.

Общие положения ТМП

ТМП используется для открытия, понимания и объяснения разного рода воздействий на поведение людей, в особенности вредных воздействий, которые имеют место и при проведении консультаций, и получают из-за решений на уровне правительств, и при ЧП и т.д.

Разработку ТМП связывают с именами американских академиков Тейлера и Санстейна, которые построили большую часть своей теории на работах по «эвристикам» Д. Канемана и А. Тверски, которые опубликовали свои идеи в психологических журналах в 70-х годах прошлого века [1], [3].

Канеман и Тверски разработали «Теорию шансов» (ТШ) или как ее иногда называют «Теория перспективы» (автор статьи считает, что первый вариант названия точнее отражает содержание этой теории и предлагает пользоваться им). ТШ стала рассматриваться как значительный вклад в понимание человеческого мышления и процессов принятия решения, особенно в «поведенческую экономику».

По Википедии: «Теория перспективы является теорией поведенческой экономики, которая описывает способ, которым люди делают выбор между вероятностными альтернативами с риском, где вероятность исходов известна. Теория утверждает, что люди делают выбор на основе потенциаль-

ной ценности потерь и выигрышей, а не на конечном исходе, и что люди оценивают эти потери и выигрыши на основе определенных эвристик. Модель является дескриптивной, она пытается смоделировать выборы в реальной жизни, а не оптимальные решения. Теория была разработана Канеманом и Тверски как психологически более аккуратное описание принятия решения по сравнению с теорией ожидаемой полезности. В оригинальной формулировке термин 'prospect' относится к лотерее.)»

ТМП стремится улучшить понимание влияния указанных «эвристик» на поведение человека, научить управлять ими. По ТМП центральным моментом в поведении человека является принятие решения о выборе из доступных альтернатив. И тогда по ТМП людям можно помочь думать лучшим образом и принимать лучшие решения, предлагая им определенным образом сформированные альтернативы выборов.

В основном ТМП имеет дело с тем, как организация альтернатив для выборов влияет на принятие решения. По ТМП предполагается, что организация альтернатив должна основываться на том, как в действительности люди мыслят и принимают решение, т. е. инстинктивно или, скорее, иррационально, а не логично и рационально. Хотя по традиции существует вера в то, что люди обычно думают и принимают решение именно логично и рационально.

В этом отношении ТМП радикально отличается от других теорий и подходов к достижению изменений в людях, таких как традиционные методы прямого инструктирования, принуждения, наказания и пр. Использование ТМП основано на непрямом стимулировании. В ТМП призывается избегать прямого инструктирования или принуждения. ТМП стремится минимизировать сопротивление изменениям, что обычно вырастает из-за использования директивных методов и других авторитарных методов изменения поведения человека.

Тейлер и Санстейн приводят простые примеры иллюстрации различий между традиционным понуждением к изменениям и использованием методов ТМП. В первом случае мы говорим ребенку, что комнату надо убирать, а во втором мы играем с ребенком в уборку комнаты; в первом случае подсчитываем калории, во втором используем маленькие тарелки.

Тейлер и Санстейн считают, что ТМП связана с исследованиями в областях лидерства, мотивации, управления изменениями и многими аспектами саморазвития. Так ТМП связана с такими направлениями как менеджмент, психологический контракт, и этика бизнеса, со многими моделями менеджмента и мотивации, например, с классическими теориями мотивации Маслоу, МакГрегора, Герцберга.

ТМП появилась в первом десятилетии 21-го века как новый подход к исследованию воздействий на население со стороны финансовой системы, пенсионного обеспечения, медицинских услуг и ко всему, что может улучшить качество жизни людей. Это положение является важным, т.к. ТМП изначально развивалась именно как этический концепт улучшения общества, а не как механизм коммерческой эксплуатации населения или манипуляции им со стороны властей. С самого начала ТМП имела большое прикладное значение.

В настоящее время принципы и методы ТМП имеют все возрастающее значение в бизнесе, в коммуникациях, менеджменте, маркетинге, групповой мотивации, лидерстве,

политике, экономике, образовании и т.д., то есть, в любой ситуации, где кто-то стремится повлиять на одного человека или группу людей, например, группу потребителей или даже на самого себя, имея целью улучшение личного благополучия.

Возможно наиболее интересное доказательство того, что ТМП получила большое значение для управления изменениями в обществе, состоит в том, что правительства США и Великобритании очень быстро организовали департаменты по использованию методов ТМП для оказания помощи в изменении поведения в социуме.

Определения ТМП

Nudge [verb] – умеренно побуждать кого-либо за локоть для того, чтобы привлечь внимание. – Мягко побуждать делать что-то.

Nudge [noun] - "A light touch or push." Легкое касание или подталкивание. (Oxford English Dictionary)

Тейлер и Санстейн в своей книге не дали точного определения ТМП, но некоторое определение в их книге есть, и оно приводится в Википедии: «Мы будем использовать термин «Мягкое Подталкивание (nudge)». Этот термин является некоторым аспектом архитектуры выбора, который изменяет поведение людей в предсказуемой форме без запрещения любой опции или значительного изменения экономических стимулов людей. Если использовать мягкое подталкивание в чистом виде, то легко и просто можно избежать вмешательства с элементами побуждения. Мягкое подталкивание не является понуждением. Мягким подталкиванием можно считать положить фрукт на уровень глаз. Запрет на выбрасывание пищи не считается МП...». Это из предпоследнего параграфа введения в книгу «Nudge», в котором описывается сценарий создания выборов в кафетерии).

Википедия дает и собственное определение ТМП:

«ТМП является концептом в поведенческой науке, теории политики и экономике, который утверждает, что позитивное подкрепление и косвенные предложения (попытки достигнуть согласия без понуждения) могут повлиять на мотивы, стимулы и принятие решения группой и индивидом, по крайней мере, так же эффективно – если не более эффективно – как и прямое инструктирование, воздействие закона или понуждение» (Wikipedia, 2013-2014)

Важную роль в ТМП играет, как было сказано выше, дизайн или в терминах авторов теории «архитектура» альтернатив выборов. В терминологии ТМП термин «архитектор выбора» означает кого-то, кто управляет применением ТМП. Тейлер и Санстейн использовали термин «архитектор выбора» в отношении лидера или менеджера, который использует методы ТМП, стремясь изменить поведение человека или группы. Архитектор выбора должен действовать с большой ответственностью и честностью.

Термин «архитектор выбора» подчеркивает, что возможность изменений дается дизайном выборов для людей, который стимулирует их к принятию решения, в идеальном случае к позитивным исходам, либо к выбору по усмотрению «архитектора» (при манипулятивном варианте).

Суждение о том, что исходы именно позитивны, должно быть сделано людьми, с которыми происходят изменения. То есть, «архитектор выбора» не является носителем истины в конечной инстанции; полезны ли, хороши ли получившиеся изменения в людях – люди сами должны оценить это.

Тейлер и Санстейн не делали специальных отсылок к тому, как управлять ролью и деятельностью «архитекто-

ра выбора», но необходимость действовать с соблюдением требованием этических правил (общечеловеческих, религиозных, профессиональных и т.д.) и с соответствующей ответственностью, подразумевается в полной мере.

С этой точки зрения стиль работы и репутация «архитектора выбора», это то, как он воспринимается людьми, которых мягко подталкивают, может быть является самым важным фактором, влияющим на успех применения ТМП. В большинстве ситуаций применения ТМП у людей, которых мягко подталкивают, к «архитектору выбора» формируются отношения того или иного сорта. Эти отношения влияют и на готовность людей к кооперации, и на позитивную реакцию на то, что их мягко подталкивают.

Эти отношения являются важным аспектом роли «архитектора выбора» и его ответственности, и потому эффективный «архитектор выбора» должен быть определен шире, чем просто «применяющий процесс мягкого подталкивания». Надо было бы расширить это понятие до включения определения того, как люди относятся к «власти мягкого подталкивания». Нам видится что ТМП в большей степени присуща лицам, которые уже обладают позицией лидера в определенном сообществе или претендуют на нее.

Таким образом, восприятие стиля и репутации «архитектора выбора» потенциально включает в себя проблемы лидерства, этики, честности, эмпатии, доверия и т.п. и другие концепты, которые формируют отношения между людьми.

Тейлер и Санстайн явно подразумевают, что часть роли «архитектора выбора» состоит в анализе уже сложившегося мягкого подталкивания и в разработке нового применения этой технологии. Поэтому роль «архитектора выбора» может и должна быть расширена до высокой степени ответственности за идентификацию или устранение уже сложившегося бесполезного мягкого подталкивания. Последнее, по нашему мнению, является признаком целенаправленного использования «архитектором выбора» эффективных способов ТМП.

«Люди и иконы»

Тейлер и Санстайн рассматривали два различных типа людей, относительно которых были проиллюстрированы два различных типа мышления и принятия решения. Тейлер и Санстайн показали контраст между иррациональным, бестолковым, но часто встречающимся поведением людей и рациональным, умным, но не часто встречающимся логичным поведением, показав два воображаемых типа людей, которые они назвали «человек» и «икона».

«Люди» это «реальные» люди, которые принимают «реальные» человеческие решения (или терпят неудачу в их принятии), побуждаются широким спектром человеческих проблем и таких факторов, как инертность, самоуверенность, эгоизм, ложные предположения и т.д. Эта точка зрения на людей и общество с позиций реализма.

«Иконы» – воображаемый тип людей, представленный в умах экономистов, менеджеров, политиков, академиков и т.д. «Иконы» всегда думают логично и рационально, и на них не влияют различные эвристические факторы, такие как инертность, самоуверенность и др., которые обычно вынуждают «людей» вести себя иррациональными, бесполезными, деструктивными, небрежными и прочими способами. «Иконы» – это взгляд на людей и общество с нереалистичных позиций.

В рамках ТМП признается, что в действительности «Иконы», как тип поведения в обществе, не существуют, а существуют «Люди». С этой точки зрения, утверждают Тейлер и Санстайн, можно увидеть, как и почему ТМП обладает жизненной и необходимой методологией и почему у стратегии принуждения для изменения поведения, наблюдается тенденция быть неудачной. По мнению Тейлера и Санстайна определенное число людей и в корпорациях, и в правительстве абсолютно точно понимают, что человек часто думает и принимает решения на инстинктивном уровне и иррационально, и они эксплуатируют эти слабости, используя методы ТМП в своих корыстных целях.

По Тейлер, Санстайн и Канеман, Тверски «Люди» характеризуются автоматичностью мышления, а «Иконы» – рефлексивностью мышления, т.е. существуют 2 различные системы мышления.

Это эквивалентно в широком смысле концепции Канемана, в которой можно найти следующее: первая система мышления – автоматизм, инстинктивность, быстрота, предвзятость, неточность, иррациональность и т.д.: вторая система – глубокомыслие, рефлексивность, расчетливость, медленность, рациональность, логичность, критичность и т.д.

Тейлер и Санстайн предположили, что люди часто используют рефлексивное принятие решения даже в очень ответственных ситуациях таких, как голосование, инвестирование, крупные покупки и т.д.

Надо сказать, что первая или автоматическая система мышления не плоха и не тупа. Напротив, эта система окажется очень полезной в одних ситуациях, а в других, где требуется принимать рациональные взвешенные решения, может быть бесполезной.

Тенденция для людей вести себя и думать как «Люди», а не как роботы «Иконы», есть главный фактор успеха человека как вида. Первые люди, которые были способны думать быстро и инстинктивно, имели преимущество перед теми, кто так делать не мог. И эта способность становилась доминирующей у людей в результате естественного отбора потому, что они выживали и были более успешными.

Канеман подчеркивал, что система мышления №1 является более высокой формой интеллекта, чем система мышления №2, потому что система №1 дает людям возможность делать быстрые оценки ситуации, на основе ментального анализа и отсылок к опыту, знаниям. Для многих ситуаций принятия решения особенно в доисторические времена, когда жизнь была очень проста и не наполнена объективно вредными дистракторами такими как, например, реклама, СМИ, способность делать быстрые оценивание на уровне инстинкта и принятие решения было жизненно важно.

Эти два разных метода мышления и принятия решения не хороши или плохи сами по себе. Ситуации часто требуют одного и другого, и люди в наше время часто испытывают трудности, балансируя на желании использовать и тот, и другой метод.

В настоящее время перед людьми часто встает необходимость принимать решение, которое может иметь последствия куда большие, чем в прошедшие времена. Нам представляется, что первый тип мышления и второй тип мышления в современных дискуссиях сравнивают с «софтом» и «хардом», используя термины компьютерных технологий. И здесь можно говорить о том что не может программное обеспечение («софт») работать отдельно от

материального воплощения – компьютера(харда)). Так и система мышления №1 (по Канеману) возникает в ходе развития психики человека на базе системы мышления №2.

Эвристики

Тейлер и Санстайн предлагают эмпирические доказательства того, что принимаемые людьми решения в целом не разумны, не логичны и обычно бесполезны или даже вредны. Это очень важное утверждение, доказанное существованием очень многих иррациональных тенденций (или, как говорят Тейлер и Санстайн, «ошибочностей») у людей, а причины для «ошибочности» коренятся в оценке людьми ситуации и принятия в ней решения. Эта ошибочность обычно связана с естественным поведением человека и имеет большое значение и в деятельности в качестве мягко подталкиваемого, и во вкладе в эффекты подталкивания. Тейлер и Санстайн относятся к областям «ошибочности» человека как к «эвристикам», которые в контексте ТМП в основном означают различные внутренние отсылки и специфические реакции, которые люди используют при оценке событий, формировании точек зрения и принятии решения.

Надо сказать, что в различной степени эти эвристики уже используются случайно, по неосторожности или умышленно корпорациями, правительствами, СМИ, религией, лидерами и т.д. Многие наделенные властью лица, используя методы ТМП, не знают о существовании термина «эвристики», но они, тем не менее, будут по-всякому использовать эти методы для влияния на людей.

«Эвристики» играют важную роль в ТМП, они здесь равны «мягким подталкиваниям». Тейлер и Санстайн использовали «Правило большого пальца» для того, чтобы ввести «эвристики» в контекст ТМП и объяснить это понятие. Заметим, что «Правило большого пальца» - общее, практическое указание, метод (а не строгое правило), основанный на опыте или общеизвестных вещах. Кроме того, общее по сло-

варю значение «эвристики» шире и менее специфично для мышления человека и принятия им решения по сравнению с более техническим значением эвристики в психологии и ТМП, которое относится в большей степени к неудачам в мышлении и принятии решения, которые обычно вытекают из человеческой слабости, привычек и т.п.

Слово «эвристика» в своем базисном значении означает само-открытие (с греческого *heuriskein* – «найти»), хотя в контексте ТМП это понятие (которое используется и в единственном, и во множественном числе) более широко отнесено к различным внутренним отсылкам и реакциям, которые люди используют для оценивания, формирования точки зрения, и принятия решения. По своей природе эвристическое мышление имеет тенденцию быть личностным, эмоциональным, субъективным и инстинктивным.

Старая и хорошо известная проблема Monty Hall 'closed door' является ярким примером неудачи в эвристическом мышлении человека. Эвристическое мышление также имеет тенденцию вести к необоснованным предположениям, спонтанным реакциям, использованию традиций и т.д.

Описанные выше эвристики мышления и принятия решения существовали много лет под другими терминами в работах по теории психологии и принятия решения. Помимо работ Тейлера и Санстайна они появились в трудах Канемана и Тверски. Тейлер и Санстайн очень удачно их применили и дали им названия, связали их воедино, объяснили и применили в ТМП не как отдельные методики, а как набор инструментов.

Мы можем дополнить еще одно качество «эвристик». «Эвристики» - это индивидуальное творчество людей, осуществляющих пробы ТМП в своей практике в различных условиях. Благодаря этому находятся успешный индивидуальный набор инструментов (таблица 1).

Таблица 1.

Основные эвристики инструментов теории мягкого подталкивания (ТМП)

Инструмент	Ключевые качества	Использование	Место приложения:
1.Якорение и подстройка (сравнение и угадывание)	Использование известного и сравнимого «факта» для подстраивания его к угадываемому неизвестному. Сравнимая отсылка обычно не обладает достаточно хорошим сходством Оценки сходства обычно очень не точны, что ведет к неверному угадыванию, на основе которого принимается решение На этот метод мышления могут сильно воздействовать СМИ, дезинформация, мифы и т.п.	Предоставление сотрудникам возможности фактического сравнения и релевантных референтных точек.	маркетинг, обучение, менеджмент
2.Доступность (воспринимаемая известность, частота появления информации, редкость, обычность)	Воспринимаемые обычность и хорошее знакомство формируют основу для доверия. В действительности обычность и хорошее знакомство могут быть далеки от воспринимаемых, и потому это качество предполагает плохую основу для формирования истинного доверия к информации. На восприятие информации сильно влияют СМИ	Предоставление статистики, которая создаст истинную шкалу частоты или редкости фактов, событий.	Маркетинг, обучение.

Продолжение таблицы 1

3.Репрезентативность (стереотипизация, сравнение)	Люди обращаются к своим стереотипам или предположениям в поисках отсылок для понимания неизвестного Большая субъективность, восприимчивость к дезинформации, очень ненадежная основа для формирования мнений и принятия решений На такое мышление влияет раскрутка в СМИ стереотипов и предубеждений.	Предоставление сотрудникам разъяснение фактов для разрушения стереотипов и ложных предположения и замены их точными сравнениями.	Маркетинг, обучение, продажи, пропаганда
4.Оптимизм и самоуверенность (недо- и переоценка, самодовольство, игнорирование или принятие риска)	У людей наблюдается тенденция недооценивать расходы, временные рамки, сложность и трудность ответов на незнакомые вызовы У людей есть тенденция переоценивать вознаграждения и простоту незнакомых задач. Эвристика обычно игнорирует, отрицает, недооценивает или оправдывает риск.	Позволить сотрудникам быть гибкими в своем мышлении. Защищать их от тенденции предпочитать «надеяться», вместо «рассуждать». Использовать обратную связь. Не предполагать, что люди понимают правильно все, что вы объясняете.	Эмпатия, психологический контракт, лидерство
5.Неприятие потерь (упорствование, сопротивление)	У людей есть тенденция приписывать более высокую ценность тому, чем они уже владеют, чем тому, чем они не владеют У людей есть тенденция сопротивляться потере чего-то, чем они уже владеют, или обмену этого чего-то на что-то менее ценное другое Эвристика вызывает инертность и тенденцию к бездействию Эвристика «Неприятие потерь» является главной причиной избегания риска, что также порождает инертность	Фокусирование на улучшениях. Пояснение актуальной ценности владения чем-либо. Объяснение актуальных рисков	Продажи, маркетинг, лидерство, теория Маслоу, НЛП.
6.Склонность к статус кво (инертность, сопротивление изменениям, невмешательство)	Боязнь перемен, особенно возможной неопределенности Инертность - это когда люди считают, что проще ничего не делать, чем что-то менять, это мощнейший эффект и он во всех поколениях использовался лидерами разного толка. Боязнь ошибки, препятствий, отвержения и т.п. также могут внести свой вклад в инертность, степень которой зависит от личностных характеристик, жизненного опыта и ситуации.	Использование статус кво для получения позитивного эффекта. Облегчение ситуации при принятии полезного выбора. Затруднение ситуации для неверного мышления и принятия вредных решений. Объяснение неэтичности эксплуатации инертности.	Эмпатия, лидерство, транзактный анализ (ТА), НЛП.
7.Структурирование (ориентация, акцентуация, презентация).	Способ презентации или ориентации информации может менять ее воспринимаемое значение, природу Эвристика включает в себя позитивную или негативную акцентуацию, сопоставление, ассоциацию или другие способы деформации привлекательности или непривлекательности чего-либо. Метод описание альтернативы может полностью изменить способ, которым люди воспринимают значение, смысл альтернативы.	Создание таких сообщений, чтобы выборы были более позитивными и имели позитивные объяснения. Осторожное использование слов. Понимание значения ваших сообщения для сотрудников. Корректировка ваших сообщений в зависимости от такого понимания.	Продажи, маркетинг, закупки, фасилитация, ТА, НЛП, язык тела

Продолжение таблицы 1

<p>8.Соблазн (жадность, эгоизм, вознаграждение сразу, не способность отсрочить удовольствие)</p>	<p>Тенденция получать вознаграждение сразу, а не потом, и это не зависимо от того, реальна ли ценность этого вознаграждения или только воспринимаема Выборы, которые воспринимаются как простые, или как те, которые будут проще сделать, чем другие, привлекают больше Тенденция вести себя в соответствии с максимумом: «Синица в руке лучше, чем журавль в небе», то есть у людей есть соблазн иметь что-то сейчас же, а не нечто большее в будущем Люди соблазняются различными вещами в соответствии со свойствами личности и с ситуацией.</p>	<p>Объяснение долгосрочных рисков при принятии скоропалительных решений с быстрыми выгодами. Объяснение неэтичности использование слабости к соблазнам</p>	<p>Психологический контракт, закупки НЛП, лидерство, фасилитация.</p>
<p>9.Легкомыслие (небрежность, несконцентрированность)</p>	<p>Люди иногда формируют точки зрения и принимают решения небрежно, без нужной концентрации Дистракторы, иллюзии или трудности могут быть главными факторами в снижении сконцентрированности Простая человеческая неточность или другие общечеловеческие слабости могут быть причиной упущений и ошибок.</p>	<p>Объяснение, дизайн и создание предпочтения сообщениям так, чтобы важное было ясным и не могло быть нераспознанным. Перевод сложного в простое. Использование обратной связи</p>	<p>Обучение, маркетинг, ТА.</p>
<p>10.Стратегии самоконтроля (привычки и традиции для преодоления слабости)</p>	<p>Люди часто понимают, что у них есть некоторая эвристика слабости, к которой они относятся как к плохой привычке Люди придумывают приемы и методы защиты от своих воспринимаемых слабостей Стратегии, которые люди используют для защиты себя от своих слабостей, становятся новыми эвристиками потенциальной слабости.</p>	<p>Открытие и понимание стратегий самоконтроля используемых сотрудниками. Создание предложений, которые соответствовали бы привычкам сотрудников и способам, каким они предпочитают действовать.</p>	<p>НЛП, закупки, фасилитация.</p>
<p>11.Следование за толпой (конформизм, инстинкт стадности).</p>	<p>Следование за толпой, не задавая вопросов, вызывается инстинктом стадности и сопровождается, например, следованием моде, причудами, капризами и мифами. Эта тенденция вызывается потребностью людей в принятии, избегании риска, страха изоляции и т.д. СМИ и лидеры, облачая свои интересы в нужные им верования, обычно помогают выстраивать и поддерживать ложные, но нужные им, групповые верования. Многие культуральные факторы усиливают эти эффекты, в частности, современные информационные технологии.</p>	<p>Избегание размещения полезных выборов способом, который выглядит неконформистским или изолирует людей. Создание у сотрудников уверенности и веры в себя, чтобы сделать их менее зависимыми от конформизма.</p>	<p>Лидерство, уверенность в себе. менеджмент.</p>
<p>12.Эффект «В свете прожектора» (тревожность, давление, «все смотрят на меня», страх совершить ошибку)</p>	<p>У людей есть тенденция воображать, что их собственные действия и решения слишком заметны для группы. Рассматриваемый эффект может порождать вредное давление на мышление и влиять на принятие решения Главным фактором эффекта является страх замешательства, критики, изоляции, совершить ошибку и т.д. Эффект определяется тенденцией у людей переоценивать видимость и значимость своих собственных действий и решений, что было названо Тейлером и Санстайном эффектом «в свете прожектора». В соответствии с этикой «архитектор выборов» должен избегать демонстрации бесполезных для людей «норм».</p>	<p>Создание ощущения атмосферы теплоты и релаксации в коммуникациях. Избегание давления.</p>	<p>Эмпатия, ТА, НЛП, администрирование.</p>

Конец таблицы 1

13. Предначальный период (подготовка людей к мышлению и принятию решения).	Людам можно помочь подойти к выбору в подготовленном к этому состоянию Предначальный период имеет место перед получением опыта выбора. Многие люди нуждаются в этом эффекте и получают выгоду от него Ответственность «архитектора выбора» распространяется на аттитюды людей как на часть дизайна выбора.	Помощь в визуализации позитивной деятельности и ее результатах. Помощь в принятии решения. Избегание принятия решения за сотрудников.	Закупки, фасилитация, НЛП, обучение, лидерство, менеджмент.
14. Совместимость стимула и реакции (язык, идентификация, соответствует ли знак значению выбора?)	Совместимость стимула и реакции относится к тому, насколько надежно соответствие знака и означаемого отражает, репрезентирует значение выбора. Этот эвристический концепт накрывает многие другие эвристики Наблюдаются культуральные различия – означаемое и знак могут означать разные вещи в разных культурах.	Соответствующий дизайн сообщений. Понимание влияния такого дизайна на мышление. Использование опытных разработчиков дизайна для важной информации.	Маркетинг, эргономика, реклама, язык тела, НЛП, ТА.
15. Обратная связь (информация о результатах, поступающая в течение процесса мышления и принятия решения, возможная коррекция и полезный опыт)	Обратная связь означает помощь людям ответственно понять их ситуацию, мышление и принятие решения в течение процессов мышления и принятия решения. Люди открыты для помощи от обратной связи во время принятия решения и мышления Обратная связь относительно искусный и утонченный аспект формирования выборов Обратная связь является очень важным элементом оптимизации и повышения эффективности ТМП	По возможности создание обратной связи в процессе выбора. Разработка процессов, предоставляющих обратную связь.	Эмпатия, НЛП, ТА, закупки, администрирование, менеджмент проектов.

В терминологии ТМП «якорь» относится к отысканию человеком референтной точки при попытке ответить на вопрос, ответ на который неизвестен и должен быть выведен методом дедукции. Проще говоря, якорь является клеем, сигналом, стартовой точкой или указателем, который может быть использован для того, чтобы помочь сформировать ответ. Термины «якорение и подстройка» были введены Канеманом и Тверски.

Большинство людей обычно делают это естественно, когда им задают вопрос, например, сколько стоит что-то полностью новое для них. Или просят оценить время, которое необходимо для выполнения абсолютно незнакомого задания. Когда людей просят ответить на требующий подсчета вопрос (например, сколько людей живет в данном городе), у них есть тенденция сначала установить внутреннюю якорную отсылку (другой город, о котором есть информация) и потом они подстраивают эту величину под ответ на вопрос до тех пор, пока не почувствуют себя комфортно со своим угадыванием неизвестного им ответа.

В контексте ТМП якоря работают как подталкивания. Однако использование якоря не самый надежный способ достичь точной оценки чего-либо. И наоборот: воспринимаемые необычность или редкость информации имеют тенденцию порождать восприятие с малой известностью, с низким уровнем доверия, что может не соответствовать действительности.

Тейлер и Санстайн использовали термин «доступность» относя его тому, насколько обычным воспринимается нечто. Тейлер и Санстайн приводят пример доступности в СМИ информации об убийствах в сравнении с доступностью информации о суицидах. Искаженная доступность ведет к некорректной вере у большинства людей в то, что убийства являются более обычным случаем, чем самоубий-

ства, хотя верно противоположное. По тем же эвристическим причинам большинство людей испытывают большее опасение летать на самолете, чем вести машину, хотя статистика говорит, что ездить на машине опаснее. Восприятие частоты появления или доступности информации является важной эвристикой в ТМП.

Эвристика «доступность» в некоторых ситуациях равна «осведомленность» (нечто выглядит хорошо знакомым) и это сильно связано с доверием. Концепт брендинга и осознание бренда является примером используемой эвристики «доступности». Корпорации тратят миллиарды на создание и поддержание «осведомленности» об их брендах потому, что это усиливает чувство доверия и воспринимаемого ощущения надежности товаров и услуг тогда, когда в бренде захочется посомневаться. Кстати этот эффект предлагает пример двух или более действующих совместно эвристик потому, что осведомленность о бренде потенциально действует совместно с эвристикой «следовать с толпой». Предубеждения на основе «репрезентативности» часто встречаются в мышлении людей, когда имеет место стереотипизация и дискриминация по признакам расы, религии, пола, возраста и т.д.

Эвристика «репрезентативность» иногда ведет к путанице между причиной и следствием. Может появиться и ложная корреляция, например, в виде общего заблуждения, состоящего в том, что люди считают холодную погоду причиной своей простуды, хотя простуда появляется из-за вируса, передаваемого от человека к человеку.

Эта тенденция ведет к самодовольству, инертности, экстравагантности, неумению управлять бюджетом, постановке бессмысленных целей и т.д. Эвристика «Оптимизм» тесно связана с риском или как результат заниженной оценки риска, или как причина игнорирования или оправдания

рискантности.

Оптимизм как тенденции являются причиной для некоторых следующих особенностей поведения: надеяться на пенсию, а не делать сбережения; избегать медицинского обследования, а лечиться только когда прижмет; откладывать ремонт крыши до тех пор, пока уже и подставка тазов не помогает

Оттягивать и отсрочивать то, что требует срочности в проведении необходимых работ всякого вида

«Кто-нибудь должен был сказать мне ...» - обычная реакция на проблемы, появляющиеся из-за этой эвристики. Эвристика «Оптимизм» противоположна инстинкту эвристики «неприятие потерь».

Тейлер и Санстайн считают, что у большинства людей наблюдается основательное «неприятие потерь», так что оценивание и принятие решения имеют тенденцию к избеганию воспринимаемой потери, даже если «потеря» может сверхкомпенсироваться различными приобретениями.

Эвристика «Неприятие потерь» порождает растущее ощущение риска. Большинство людей имеют тенденцию избегать риска. Мышление начинает управляться ощущением, что изменения ведут к ухудшению ситуации, и поэтому принимаемые решения направлены на сохранение, консервацию текущей ситуации, и это тесно связано с эвристикой «Статус кво». Эвристика «Неприятие потерь» - это инстинкт противоположный эвристике «Оптимизм» и она ведет к избеганию риска, а эвристика «Оптимизм» игнорирует, минимизирует или оправдывает риск.

Склонность к статус кво может сочетаться с ленью, отвращением к сложности, к прикладыванию усилий и т.п. Тейлер и Санстайн относятся к склонности к статус кво как к тенденции желать сохранить чего-либо в существующей форме и сопротивляться изменениям.

Авторы ТМП считают, что инертность порождена тенденцией людей избегать изменений, усилий, риска и т.п., что в свою очередь относится к нежеланию тратить время на сложные проблемы и к ощущению дискомфорта, когда приходится иметь дело с тем, что что-то меняется. Инертность особенно влияет на принятие решения по введению новых технологий или на стремление делать профессиональную карьеру.

Не трудно представить, как эта простая, но очень мощная эвристика - инертность или «ничегонеделание» - использовалась и будет широко использоваться для неэтичных целей.

Тейлер и Санстайн предполагают, что «Структурирование» является сильно действующей эвристикой при оценке людьми альтернатив и принятии решения. Классическим примером структурирования являются альтернативы «стакан на половину полон» или «стакан на половину пуст». Другой пример, когда тренер в перерыве между таймами говорит: «Теперь идите и выигрывайте», а не «Не проиграйте эту игру», то он занимается структурированием одной и той же инструкции способом, который с большей вероятностью даст хороший результат.

Людей обычно привлекают выборы, которые предлагают быстрое получение вознаграждения. То, что рассматривается в качестве вознаграждения, может иметь самые разные формы, например, материальные, финансовые, много благ за малое усилие, признание, благодарность, избегание усилий, власть, защищенность, безопасность, любовь и принятие, еда, секс, кров и т.д. Каждый день миллионы умных

зрелых людей участвуют в розыгрыше лотерей, понимая ничтожную вероятность выигрыша. Это они делают в основном из-за того, что эвристика «соблазна» мощнее фактов и логики. Перечисленное выше может быть напрямую связано с теориями Маслоу и Герцберга.

Эвристика «легкомыслие» может быть связана с ощущениями от трудностей и сложностей, со стрессом, ленью, тревогой, необразованностью и т.п. Тенденция у людей пропускать важные детали используется властями, руководством и другими заинтересованными лицами. Например, предлагаемый ритейлером дисконт может быть дистрактором, отвлекающим от более важных деталей. Когда ритейлер преувеличивает дисконт, устанавливая искусственно высокие цены предыдущих продаж, он умышленно пытается создать и использовать человеческое легкомыслие.

Люди часто демонстрируют легкомыслие, когда не читают условия, написанные мелким шрифтом. Легкомыслие обычно приводит людей к принятию бесполезных или вредных решений или «незамечанию» необходимости принятия решений.

Люди вместо того, чтобы признавать свою уязвимость от эвристики «слабость», предпочитают отделяться в таких выражениях как: «Я сам себе главный враг», «Я должен был понять, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой» и т.п. Многие вырабатывают собственные тактики преодоления слабостей. При этом значительная часть этих тактик потом становятся дополнительными эвристиками.

Вот некоторые примеры эвристик самоконтроля, которые люди используют для борьбы с эвристикой слабости: ежеминутный взгляд на часы для того, чтобы противостоять привычке опаздывать; использование одного и того же ПИН-кода во всех случаях жизни из-за опасений забыть эти коды, если они будут разными; установка дедлайна раньше, чем это будет актуальным, чтобы не пропустить.

«Архитектор выбора» должен понять, когда такие тактики могут появиться в поведении человека и принимать их в расчет, когда формируются предложения выборов. Примером группового мышления кроме парадокса Абилина является, например, ситуация в классе, когда никто не просит прояснить условия сложной задачи, полагая, что всем все абсолютно понятно, хотя в действительности никто ничего не понял. Можно считать, что конформизм являлся способом реализации инстинкта выживания в древние времена и потому существует на генетическом уровне. Действительно, побуждение человека к конформизму столь мощно, что неконформисты обычно высмеиваются или преследуются, и такое поведение можно наблюдать как у малых детей, так и у взрослых зрелых мужчин.

«В свете прожектора» сильно связан с эвристикой «конформизм».

Из-за способа, которым люди организуют «предначальный период», они становятся «мягче» или «тверже» перед включенностью в ситуацию и это изменяет возможность понимания их точки зрения, что связано с теорией фасилитации. В большинстве случаев реклама стремится использовать эффект «предначального периода» часто с самого начала показывая привлекательные сексапильные образы людей, завлекательные пейзажи, милых щенков, котят и т.п. В некоторых психологических концепциях определенные слова уже давно рекомендуют или избегать использовать или, наоборот, использовать широко. Например: слово «как» вероятнее даст позитивный ответ, чем слово «поче-

му»; использование одного ясного позитивного послания работает лучше, чем послания, в которых есть более чем одно главное.

Использование Тейлером и Санстайном термина «архитектура выбора» для этой области эвристик слегка запутано и не совместимо с термином «архитектор выбора», который приложим ко всем остальным эвристикам.

Совместимость стимула с реакцией относится к тому соответствует ли вид сообщения его смыслу. Обычно зеленое значит «Идти» или «ОК», а красное означает «Стоп» или «Опасность». Слова, написанные заглавными буквами, обычно подчеркивают важность, приоритет и т.д., даже если эти слова не являются важными. Отсюда наше нежелание читать написанное мелким шрифтом, что используется нечестными людьми. Рамка прямоугольника на белой бумаге провоцирует вписать в него что-либо. Если на двери, которую надо толкать, есть крупная ручка, то хочется дверь потянуть.

Тейлер и Санстайн считают, что обратная связь является главным и сложным аспектом эвристик и частью «архитектуры выбора». Люди обычно способны хорошо реагировать на получение обратной связи о своих действиях и решениях. Обратная связь может быть точной, но если она получена неверным способом, то нет уверенности в том, что обратная связь будет принята. А иногда плохо сформированная

обратная связь может ухудшить ситуацию.

Инструментарий ТМП можно использовать различными способами:

- Как помощь для обучения ТМП и соответствующим концептам
- Для помощи творческого формирования (например, в случае «мозгового штурма») альтернативных подходов и идей
- Для анализа существующих бесполезных эвристик, которые надо убрать или пересмотреть
- Для разработки ТМП-подходов в оказании помощи людям принимать улучшенные решения и индивидуально, и в группах, что является альтернативой традиционному авторитарному менеджменту и методикам лидерства

Итак, главное: традиционный менеджмент предполагает понуждение сотрудников в той или иной форме, и направлен на человека или группу людей, от которых требуются изменения. В отличие от традиционного менеджмента использование ТМП занимается дизайном альтернатив для свободного выбора и направлено на ситуацию, в которой действуют люди. В таком концепте управление со стороны «архитектора выборов» - то есть менеджмент, администрирование, лидерство, управление социо-техническими системами разделено между собой на основе различий в использовании тех или иных инструментов ТМП.

Библиографический список

References

1. Kahneman, Daniel, and Amos Tversky (1979) «Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk», *Econometrica*, XLVII (1979), 263—291
2. Thaler Richard H., Sunstein Cass R. *Nudge : improving decisions about health, wealth, and happiness*. Soundview Executive Book Summaries. Norwood, Mass. ©2010.
3. Tversky, Amos, and Daniel Kahneman (1992): «Advances in Prospect Theory: Cumulative Representation of Uncertainty», *Journal of Risk and Uncertainty*, 5, 297—323.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА» В УСЛОВИЯХ ВУЗОВСКОЙ СИСТЕМЫ

Замараева Зинаида Петровна,

*доктор социологических наук, доцент, зав. кафедрой социальной работы и конфликтологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет,*

В статье обращается внимание на один из важных компонентов образования в области социальной работы — обучение практикой, активное внедрение которого в учебный процесс предполагает соблюдение необходимых норм и правил организации. Однако, как показывает отечественный опыт, для более эффективного обучения и приобретения студентами специальности «Социальная работа» профессиональных знаний и навыков в данной области, необходимо постоянно совершенствовать программы практического обучения. В качестве примера автором статьи приводится опыт Пермского государственного национального исследовательского университета и Российского государственного социального университета.

Ключевые слова: образование, программы обучения практикой, социальная работа.

PRACTICAL TRAINING STUDENTS DIRECTION "SOCIAL WORK" IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM

Zamaraeva ZP,

*Doctor of Social Sciences, Associate Professor,
Head. the Department of Social Work and Conflict Perm State National Research University*

The article draws attention to an important component of education in social work - teaching practice, which is the active introduction into the educational process presupposes respect for the necessary rules and regulations of the organization. However, as the Russian experience, for more effective learning and the students of specialty "Social work" of professional knowledge and skills in this area, you need to constantly improve the practical training program. As an example, the author of the article is the experience of the Perm State National Research University and the Russian State Social University.

Keywords: education, training programs, practice, social work.

Важным элементом конкурентоспособного образования в сфере подготовки специалистов по направлению «Социальная работа» в настоящее время является внедрение в учебный процесс и использование современных методов, форм обучения, к которым мы относим программы практического образования.

Однако необходимо отметить, что в вузовской системе России, несмотря на структурные и содержательные изменения, складывается противоречивая ситуация, которая с одной стороны отражает стремление постоянно совершенствовать программы обучения, за счет обновления системы государственных стандартов, с другой стороны, данные требования слабо отражаются на разработке практико-ориентированных программ подготовки студентов, остро востребованных профессиональной сферой.

Таким образом, актуальность представленного в статье материала обусловила выбор темы, определила цель статьи, продиктованную необходимостью проведения анализа практического обучения студентов направления подготовки «Социальная работа» на этапе вузовской подготовки, сложившегося противоречия и тенденций активизации данного процесса.

Вопросы практического обучения студентов, в разрезе обозначенного противоречия, обсуждаются в современной научной социологической, педагогической литературе такими авторами как С.И. Григорьев, И.В. Жуланова, Н.П. Клушина, И.В. Исаев, Н.В. Кузьмина, В.С. Ткаченко, В.Р. Шмидт, Е.И. Холостова, Е.Ярская-Смирнова и др.

Нельзя не согласиться с мнением И.В. Жулановой, которая полагает, что процесс практического обучения студентов должен реализовываться в условиях специально построенной системы. Этот вывод подтвердили и данные

проведенных нами социологических опросов. Среди ключевых направлений обозначенного ею подхода, выделены следующие - использование разнообразных форм супервизии со стороны преподавателей вузов, предоставление возможности проходить практическое обучение в актуальных и востребованных специальностью организациях и учреждениях, обновление ряда учебных курсов, включение в их состав части практических заданий, академических и практико-ориентированных методов подготовки специалистов для системы социальной работы, обеспечение баз практики высококвалифицированными кадрами, готовыми, в том числе, к работе со студентами, реализация практики в формате инновационной социально-проектной работы, сфокусированной на четко определенные проблемы адресатов социальной работы [4].

Интересной представляется точка зрения И.Ф. Исаева, Н.В. Кузьминой, которые анализируют практику как комплексную педагогическую систему, включающую компоненты деятельностно-креативного, мотивационно-ценностного, содержательно-информационного и контрольно-оценочного характера. Компонент содержательно-информационного характера, по их мнению, может быть направлен на обеспечение студентов теоретическими знаниями, умениями и компетенциями, а также опытом непосредственно практической работы, что способствует развитию социально-значимых качеств индивида, формированию его профессиональной компетентности практически в любой сфере труда. Функции мотивации, ценностной ориентации, целеполагания, как они полагают, выполняет мотивационно-ценностный компонент, ключевым мотивом которого является формирование позитивного отношения учащихся к осваиваемым знаниям, умениям, навыкам. Де-

ятельность-креативный компонент, согласно концепции авторов, способствует обеспечению активного включения учащихся в познавательную и исследовательскую деятельность. Его реализация достигается за счет практики аудиторных занятий, в рамках которых проводится обсуждение и решение тех или иных проблемных ситуаций, имеющих непосредственное отношение к реальным условиям. При выполнении информационной, аналитической, контролирующей, оценочной функций значительная роль отводится, как полагают авторы, контрольно-оценочному компоненту [6].

Однако отметим, что такая структура организации практики с обозначением основных направлений и компонентов деятельности, на наш взгляд, не указывает на систему взаимодействия с профессиональной сферой и включенность студента в процесс подготовки его как будущего специалиста.

В отличие от предыдущих авторов, при исследовании данной проблемы, В.Р. Шмидт отмечает, что результативность работы любой системы опосредована тем, как и в каких условиях происходит ее функционирование, т.к. от того, насколько адекватным будет выбор условий, во многом зависят как показатели обучения, так и качество организации практики. К основным условиям он относит методы рефлексии условий социальной среды, межпрофессиональное и междисциплинарное решение профессиональных задач, формирование индивидуально-стилевых основ профессиональной деятельности и др. [20].

Следует особо подчеркнуть, что формирование индивидуально-стилевых основ профессиональной деятельности студентов в условиях стандартизации высшего образования в большей степени доступно именно в период практического обучения. Только в процессе организации практики студент начинает формировать профессионально-личностную модель поведения, т.к. именно в этих условиях ему удается воспроизвести конструкт деятельности в производственной среде. Реальная профессиональная среда в данном случае выступает образующей нитью, которая связывает все знания, полученные в рамках теоретического обучения.

Таким образом, рассмотрев лишь некоторые подходы современных исследователей на систему практического обучения в высшем образовании, а также отдельные результаты исследований, посвященные данному вопросу, можно предположить, что эффективность практического обучения студентов направления подготовки «Социальная работа» во многом определяется не только соблюдением условий, продиктованных соответствующими образовательными стандартами со стороны вузовской системы, но и активным включением в реализацию практической работы мотивированных и подготовленных специалистов, занятых в социальной практике и др.

Основной задачей автор считает формирование условий для планомерного взаимодействия вузовской системы и потенциальных работодателей, создание современной, мобильной площадки практического обучения, которая послужит для студентов возможностью профессионально-личностного становления, о чем свидетельствуют приведенные эмпирические данные, ориентированные на цель статьи, полученные в ходе социологических исследований, проведенных Пермским государственным университетом и Российским государственным социальным университетом [6].

Целью опросов, организованных в Пермском университете, стало выявление степени мотивации у студентов при прохождении практики, а также значение и роль практики в образовательном процессе. Применение такого подхода, позволило оценить изменение приоритетов студентов при прохождении практики, а также ответить на вопрос – как изменилась роль практической подготовки в рамках учебного процесса студентов.

Результаты проведенных исследований позволили осуществить следующие наблюдения и выводы [11].

Несмотря на то, что места прохождения практики четко регламентируются, студенты все же имеют свободу выбора учреждений и организаций, о специфике деятельности которых им хотелось бы больше узнать. В процессе определения места прохождения практики студентами, они отдают предпочтение краевым, муниципальным, районным управлениям и организациям социальной защиты. Данный выбор можно объяснить потребностью в получении практических знаний для последующего трудоустройства (40%).

Студентов напрягает степень ответственности по результатам прохождения практики: опасаются этого лишь десятая часть всех опрошенных. Но, при этом, они отлично осознают возможные неприятности, такие, например, как лишение стипендии (40% респондентов), потеря возможности получить хорошую оценку (40% респондентов), возникновение рисков при переводе на следующий курс (50% респондентов), необходимость вновь проходить практику (52% респондентов).

Студенты достаточно высоко оценивают те задания, которые дают им на практике и отмечают, что все это помогает им понять специфику работы органов управления в сфере социальной защиты населения и особенности деятельности в учреждениях социального обслуживания (большинство опрошенных - 100%).

В результате студенты, получающие в перспективе квалификацию «Специалист по социальной работе» в городе Перми, оценили прохождение практики на четыре балла из семи возможных. Аналогичную оценку они дают уровню полезности и эффективности практики для самих себя, как учебной, так и исследовательской деятельности.

В то же время, указываются причины, препятствующие эффективному прохождению практики. Особо выделено негативное отношение и недоверие со стороны сотрудников учреждений и организаций к их профессиональному опыту. Такие ситуации зачастую выступают факторами снижения мотивации к практическому обучению и дальнейшей деятельности в профильных организациях, что одновременно является реальными барьерами, иницирующими использование студентами общекультурных компетенций делового общения, внутрикорпоративного сотрудничества и профессиональной самоактуализации [11].

Интересные данные были получены при проведении анкетного опроса в рамках внедрения экспериментальной модели организации практики студентов специальности «Социальная работа», разработанной в Российском государственном социальном университете в процессе реализации канадско-российской программы по социальной работе с людьми, имеющими инвалидность (2003-2007 гг.) [6]. Важно отметить, что данная ситуация сохранила свою актуальность и в современной реальности.

При подготовке к внедрению эксперимента, организаторами были сформулированы требования, которым от-

водилось серьезное значение при организации практики. В частности, непрерывность практики мог бы обеспечить специально сформированный график ее организации, проведение идентификации целевой группы студентов, привлечение специалистов учреждений социального обслуживания в качестве инструкторов, организация специальной подготовки выбранных инструкторов по практике, регулярная оценка хода экспериментальной работы в режиме мониторинга.

Исследовательская экспертиза эффективности адаптации модели непрерывной практики студентов позволила сформулировать несколько важных выводов.

Во-первых – речь идет о восприятии сотрудниками сферы практики студентов не только в качестве учащихся, но и в роли будущих профессионалов.

Во-вторых – качество организации практики. В этой части отмечается, что серьезное влияние на ее качество оказывает указание цели и задач, для которых обязательным условием является то, как будет осуществлено их достижение, т.е. детальная разработка критериев оценки прохождения практического обучения студентов, формирование индивидуального задания по практике, разработанного и представленного совместно с инструктором практического курса, учет степени вовлечения в коллективную деятельность, как студента, так и инструктора. Процедура оценки достигнутых по итогам практики результатов должна стать обоюдно обязательной, как студента, так и инструктора практического обучения и обязана носить непрерывный характер в течение всего периода практического обучения.

В-третьих, необходимо отметить, что оценка образовательного процесса включает сразу два компонента: первый и основной компонент основывается на потребности обучающихся в приобретении знаний, практических навыков, освоении профессиональных ролей и умений; второй – идентифицирует оптимальные методы обучения студента с учетом его индивидуальных особенностей.

Для участия в эксперименте был определен состав студентов. В учреждениях социального обслуживания населения, входящих в Северо-Восточный округ города Москвы, из числа специалистов подобран инструкторский состав, который прошел необходимую подготовку.

По результатам внедрения экспериментальной модели, его участники отметили, что эффективное междисциплинарное взаимодействие со специалистами учреждения позволило студентам освоить технологии социальной работы с людьми, имеющими инвалидность.

Обучающимися осуществлялось исследование реальных ситуаций инвалидов и их семей, содержание индивидуальной программы. Все это в совокупности создавало для практикантов уникальную, с точки зрения воспроизведения реальной профессиональной деятельности, возможность отработки технологий социальной работы, подробно изученных в ходе теоретического обучения.

В центре «Бибирево» Северо-Восточного округа города Москвы студентам было предложено принять участие в работе клуба молодых инвалидов.

В центре «Медведково» Северо-Восточного округа города Москвы участникам эксперимента, из числа студентов, была предоставлена возможность осуществлять клубную работу, в рамках которой проводились творческие мероприятия, сценарирование, их организация и содержание были полностью включены в профессиональные компетен-

ции. Но при этом, максимально обрабатывались и традиционные формы деятельности учреждения, например, такие как патронаж детей-инвалидов на дому.

Опыт прохождения практики в отделении первичного приема, информации, анализа и прогнозирования, позволил практикантам значительно повысить свой информационно-коммуникативный уровень и овладеть методами и навыками работы со служебной информацией, что, безусловно, может быть использовано в сфере их будущей профессиональной деятельности [6]. Студенты, занимались диагностикой семейной и образовательной среды несовершеннолетних, находящихся на обслуживании в центре. Данные, полученные в процессе исследования, были использованы при составлении индивидуальных программ в работе с семьями, ориентированными на решение социальных проблем и их интеграцию в более благоприятные социальные взаимоотношения и связи.

На основе состоявшегося эксперимента, проведен опрос студентов, участников проекта. В результате проведенного исследования выявлено, что описанный выше подход при организации практического обучения, является привлекательным для студентов (91%, из числа участвующих в опросе 32 респондентов).

Существенно изменилось не только их отношение к людям с инвалидностью, но изменилось в целом восприятие профессии, возросло ее понимание. Многие проявили готовность применять полученную информацию в своей практической деятельности [6].

По итогам проведенного анализа организации практической подготовки будущих специалистов по социальной работе, автор данной статьи предлагает следующие выводы:

Организация практического обучения по направлению подготовки «Социальная работа» требует паритетного участия в данном процессе, как представителей вуза, так и представителей сферы практики, что обусловлено особенностью развития практической деятельности в области социальной работы – высокой интенсивностью и динамичностью переструктурирования и функционально-ролевого распределения среди учреждений, организаций и ведомств, чьи полномочия и компетентность связаны с социальной работой.

Организация практического обучения студентов должна быть ориентирована на создание условий, в которых формируется реальная возможность осознания себя не только частью коллектива, но, в последующем, и реальным субъектом профессиональной деятельности, способным заниматься, с одной стороны, отработкой известных алгоритмов и методик работы, с другой стороны – участвовать в создании полезного, с точки зрения ценностей профессии, продукта (формы организации работы с клиентами, практики межпрофессионального и межорганизационного взаимодействия, рекомендации по совершенствованию технологических процессов в работе с клиентами и т.д.).

Несмотря на регламентацию процедурных аспектов прохождения практики, студентам должен быть предложен гибкий механизм освоения содержания программы практического обучения. Это может быть достигнуто за счет использования при планировании практического обучения и контроле его результатов индивидуального профессионального маршрута обучающегося, в разработке которого помимо руководителя со стороны вуза и куратора со сторо-

ны базы практики, будет принимать активное участие и сам студент. Тем самым, возможно обеспечить поддержание интереса к профессии, который будет основываться на личной мотивации и исследовательском поиске студента.

Список литературы:

1. Андреев А.Л. О модернизации образования в России. Историко-социологический анализ/А.Л. Андреев//Социологические исследования. 2011. №9. С.120.
2. Бурлакова И.И. Вопросы качества высшего профессионального образования и Болонский процесс/И.И. Бурлакова//Право и образование.2010. №1. С. 28-34.
3. Григорьев С.И. Базовые критерии оценки качества образования и ключевые социальные компетенции: дискуссии на пороге реального вхождения России в Болонский процесс и принятия образовательных госстандартов третьего поколения/С.И.Григорьев. //Вестник УМО вузов России по образованию в области социальной работы. 2006. №1.
4. Жуланова И.В. Проблема практико-ориентированного обучения в вузе. - М., 2007.
5. Замараева З.П. Ресурсно-потенциальный подход в современной системе социальной защиты и социального обслуживания населения России: /Профессиональная библиотека работника социальной службы 2014. №2. М.: Социальное обслуживание. 2014. 260 с.
6. Замараева З.П. Институционализация социальной защиты населения в условиях современной России. Автореферат на соиск.учен.ст. докт. соц.наук. М. 2007.
7. Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации / Т.И. Заславская. М., 2004.
8. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества / Т.И. Заславская. М., 2003.
9. Зборовский Г.Е. Знание и образование в социологии: теория и реальность. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2013. 484 с.
10. Здравомыслов А.Г. Потребности, интересы, ценности /А.Г. Здравомыслов. М., 1986.
11. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования/И.А. Зимняя//Высшее образование сегодня. 2003. №5.
12. Керженцев В.С., Григорьева М.И. Организация практики студентов: проблемы и перспективы. /Материалы международной научно-практической конференции.//Практика - путь к профессионализму: партнерство университетов и социальных учреждений в практическом обучении социальных работников. - Екатеринбург, 29-30 ноября 2004.
13. Клушина Н.П., Ткаченко В.С. Организация практики студентов по социальной работе. М.: Гуманитар. изд. центр «Владос», 2004.
14. Ковалев В.Н. Социолог в проблемных ситуациях исследовательского поиска / В.Н. Ковалев. М., 2007.
15. Миронова Е. А. Стратегия активизации людей с ограниченными возможностями здоровья: социологический анализ: автореф. дис... канд. соц. наук / Е.А. Миронова. Н. Новгород, 2004.
16. Никитина Н.Н. Студенты педагогического вуза о реформах и инновациях в сфере образования/Н.Н. Никитина//Высшее образование в России. 2009. №4. С. 51.
17. Турчинов А.И. Профессионализация и кадровая политика (проблемы развития теории и практики). М.: РАГС, 1995.
18. Хейнсон Рой. Учебный курс «Социальная работа и люди с инвалидностью: модель практики». Материалы курсов в рамках Канадско-российской программы по инвалидности. - М., 2006.
19. Холостова Е.И. Профессионализм в социальной работе. М., 2006.
20. Холостова Е.И. Эффективность деятельности учреждений социального обслуживания семьи и детей. М., 1997.
21. Шмидт В.Р. Проблемы взаимодействия специалистов вузов и социальных учреждений при организации и проведении практики студентов./Практика – путь к профессионализму: партнерство университетов и социальных учреждений в практическом обучении социальных работников.//Материалы международной научно-практической конференции. - Екатеринбург, 29-30 ноября 2004.

ПУБЛИЧНОСТЬ ИНТИМНОГО В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Мельников Михаил Васильевич*Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии
Новосибирского государственного технического университета***Лоренгель Мария Викторовна***Студентка Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета*

Статья посвящена анализу отношения новосибирцев к некоторым формам публичного и визуального выражения интимных чувств и сексуальных отношений. Для анализа применяется дихотомия частного и публичного и понятие социальной приватизации. Представлен обзор современных подходов социологического изучения частного и публичного. Доказывается, что проявление публичности интимного в сексуальной сфере представляет собой форму приватизации публичного пространства. Делается вывод, что отношение к публичности интимного зависит от пола респондента, образа формы проявления публичности интимного в общественном мнении, а также от постановки вопроса.

Ключевые слова: интимность, публичность, сексуальность, публичность интимного, частное и публичное, приватизация публичного пространства

THE PUBLICITY OF INTIMACY IN CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

Melnikov M. V.*PhD in Sociology Associate Professor, Novosibirsk State Technical University***Loirengel M. V.***Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering*

The article carries out analysis of the attitude of Novosibirsk inhabitants to some forms of the public and visual expression of the intimacy senses and sexual relationship. For analysis the author use the dichotomy of private and public and the concept of social privatization. The author performed the review of contemporary approaches of sociological studies of the private and public. It is proved that expression of the publicity of intimacy in sexual sphere is a form of the privatization of the public space. It is concluded that the attitude to the publicity of intimacy depends on the respondent's gender, the image of the form of the publicity intimacy in a public opinion, and the statement of a question.

Key words: intimacy, publicity, sexuality, publicity of intimacy, private and public, privatization of public space

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ. Грант 16-03-00348, «Приватизация публичного пространства: социальные истоки, формы и последствия» (2016 – 2018).

Постановка проблемы. Необходимость социологического изучения публичности интимного в современном обществе обусловлена потребностью объяснить на конкретном примере процесс социальной приватизации или приватизации общества, выражением которого является приватизация публичного (общественного) пространства. В общем виде сущность и направленность социальной приватизации можно определить как движение общества в сторону, противоположную политизации, социализации и обобществлению. Приватизация общества приводит к отчуждению человека от политических, социальных и общественных дел и интересов и доминированию частных интересов. Приватизация публичного пространства представляет собой его присвоение, превращение из открыто-публичного, общедоступного в частное, личное, ограниченное для общего пользования [9, с.152; 16]. Эта приватизация, подобно приватизации общественной собственности 1990-х годов, нередко осуществляется как несогласованный, ненормативный, нелегитимный захват и потому вызывает критику в свой адрес [8]. В случае с публичностью интимного приватизация публичного пространства осуществляется как перенос в публичное пространство социальных практик, интеракций, отношений между людьми, которые составляют интимную и сексуальную сферу. Нередко этот перенос осуществляется особо вызывающим и демонстративным образом, игнорируя и дискредитируя легитимный нормативный порядок публичной общественной жизни, мораль и нравственность.

Изучение причин появления публичности интимного и отношения к нему в современном обществе позволит лучше понять, как социальная приватизация воздействует на одну из основных сторон жизни человека - чувственную.

Степень изученности проблемы. Для того чтобы изучить отношение к публичности интимного в современном обществе необходимо коснуться изучения социологами публичного и частного, с которым интимность неразрывно связана. Научное изучение публичного и частного, в том числе социологическое изучение обычно выполняется как изучение отношений между публичным и частным, или дихотомии публичного и частного. Начиная с работ Р. фон Иеринга, социологи рассматривают публичное и частное как две области социального бытия, противопоставляемые друг другу [7, с.281]. Публичное рассматривается как открытое, доступное и предназначенное для всех. Например, городская площадь, городской пляж, парк. Частное рассматривается как всё то, что каждый имеет исключительно для себя, а также как всё, что вообще замкнуто, закрыто, ограничено для всеобщего доступа и пользования. Между ними существует строгая граница. Такой взгляд разделяется и многими современными социологами и философами. Р. Рорти считает публичное и частное двумя одинаково важными, но несоизмеримыми сферами [18]. Другие исследователи доказывают, что в условиях доминирования потоковых и сетевых отношений граница между публичным и частным становится все более условной [13]. Урри и Шелер, а также З. Бауман [2, с.135], Дж. Бейли [15] и К. Мюллер [19] пишут, что в обществе происходит переход к доминированию частных интересов, аполитичности, ослаблению социальной солидарности, общих норм и правил.

Другими словами, процесс социальной приватизации. Некогда Г. Зиммель отмечал: «общая схема культурной дифференциации выглядит так: все, что относится к публичному, становится все более публичным, а все, что относится к индивидуальному, становится все более приватным» [22, с.469]. Но в современном обществе индивидуальное и приватное нередко становится более публичным. Примером этого является публичность интимного.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Г. Зиммель писал о двух измерениях чувственного восприятия находящихся рядом с нами людей в виде нашей положительной или отрицательной реакции на их присутствие. Взаимодействие этих измерений имеет фундаментальное социологическое значение [6]. Приложение слов Зиммеля к интимной сфере требует прояснения смысла интимности. Социологи трактуют интимность как «сексуальные и личные отношения, характеризуемые близостью и открытостью» [3, с.258]. Э. Гидденс отметил, что «интимность - это, помимо всего прочего, дело эмоциональной коммуникации - как с другими, так и с собой - в контексте межличностного равенства» [4, с.147]. Интимность невозможна без доверия, искренности, исповедальности. Измерение чувственного восприятия нами какого-либо человека, наши отношения с которым можно рассматривать как интимные, будет с учетом этих характеристик интимности включать в себя оценку степени близости, открытости, искренности, незащитности. Всё это составляет содержание нашей положительной реакции на присутствие возле нас человека, с которым мы установили интимные отношения.

Но хотя человеку нужна интимность, установление с кем-либо интимных отношений связано с рядом рисков. К ним можно отнести риск предательства доверия одним из людей, находящихся в интимных отношениях, другого человека и риск предания интимных отношений огласке. Последний риск может быть связан как с предательством доверия, так и с вмешательством каких-то внешних сил, заинтересованных в огласке. В связи с этими и другими угрозами интимность нуждается в закрытости, приватности, секретности.

Половая, собственно, сексуальная связь при всей обычно присущей ей интимности зачастую не основана на любви, не предполагает и не нуждается в доверии. Но именно с сексуальными отношениями чаще всего связывают мир интимных отношений. В связи с чем, к объектам, для изучения которых применяются слова «интимный», «интимность», могут быть отнесены:

- всё, связанное с предельно-личным, сокровенно-доверительным и незащитным состоянием человека и возможным его выражением другому человеку;
- более узкая и конкретная сторона этого состояния, сущность которой составляют сексуальность и эротизм.

Под публичностью интимного и в первом, и во втором случае подразумевается внешнее выражение - как непровольное, так и осознанное - тех сторон и состояний человека, которые принято держать в себе и открывать не всем подряд, а самым близким людям. Примером, подходящим под первый случай, можно рассматривать высокую степень доверительности одного человека другому, возможно, не заслуживающего этого доверия. В случае с сексуальностью показателями публичности интимного являются:

- поцелуи, объятия и другие проявления любовной привязанности и сексуального влечения в открытых для

общего доступа местах;

- открытая одежда, чаще у девушек и женщин, которая оголяет достаточно интимные участки тела: бедра, ягодицы, грудь;
- появление на открытых пляжах без купальников и плавок;
- занятие сексом в открытых местах, осуществляемое нередко в присутствии других людей, невольных свидетелей этой практики.

С целью изучения отношения россиян к публичности интимного на примере сексуальной сферы в российском обществе авторами было проведено социологическое исследование. Теоретическим объектом являлась публичность интимного в современном обществе. Эмпирический объект - жители Новосибирска в возрасте от 18 до 45 лет. Ограничение респондентов по возрасту связано с тем, что интерес к интимно-сексуальным отношениям у людей молодого и среднего возраста является особенно высоким. Предмет исследования - отношение новосибирцев к публичности интимного. В анкетном опросе участвовали 100 человек. Для изучения объекта было введено четыре критерия публичности интимного: 1) оголяющая достаточно интимные части тела одежда; 2) публичные ласки (поцелуи, объятия); 3) отдых на пляже без купальников и плавок; 4) секс в общественных местах.

Описание и объяснение результатов исследования. В начале респондентам был задан вопрос: «Приходилось ли Вам видеть в Новосибирске людей, которые, как Вам кажется, были одеты неприлично?» 23% опрошенных ответили, что им часто приходится видеть неприлично одетых людей, 66% ответили, что видели людей, одетых подобным образом иногда, 8%, что не видели их вообще, и 3% затруднились с ответом. Но как понимали респонденты слова «неприлично одет (а)»? Участники опроса имели возможность самостоятельно сформулировать свой ответ на этот открытый вопрос. Обобщение полученных ответов и объединение их в логически однородные группы позволило увидеть, что чаще всего (29%) респонденты заявляли, что под «неприлично одетым (ой)» можно подразумевать человека, одетого «откровенно». Респонденты поясняли, что они понимают под этим человека в чрезмерно открытой одежде, сильно обнажающей, если это женщина, грудь и ноги. Далее следовал (24%) вариант «одет (а) неряшливо», то есть грязно и неопрятно. Столько же раз респонденты выбирали вариант ответа «одет (а) неуместно, неподобающе месту и времени». Достаточно часто респонденты выбирали варианты «одет (а) вульгарно» - 20% и «одет (а) вызывающе» - 19%. Вариант «одет (а) безвкусно» выбрали 8% опрошенных. Содержание этого варианта ответа имеет сходство с содержанием варианта «одет (а) вульгарно». Слово *vulgaris* может быть переведено с латинского языка как «обычный», «общедоступный», «(просто) народный» и «дешевый». Исследователи не просили пояснить респондентов, каким содержанием они наделяют слово «вульгарно». Но так как с его помощью люди старались охарактеризовать свое понимание слов «неприлично одет (а)», можно предположить, что «одеваться вульгарно» для новосибирцев не то же самое, что «одеваться как все», «носить недорогую и немодную одежду». Вариант «одет (а) вызывающе» близок по содержанию и к «одет (а) откровенно», и к «одет (а) безвкусно». В первом случае имеется в виду вызов приличиям, во втором - вызов вкусу. Но с вызовом приличиям мы также имеем дело и в случае

с грязно и неопрятно одетыми людьми. Но это вызов другим приличиям, нежели в случае с «откровенной одеждой». Грязная одежда бросает вызов чистоте, а одежда, почти открывающая интимные части тела человека, - нравственности. 2% респондентов ответили, что для них нет понятия «неприлично одет (а)».

Обратим внимание на примечательные различия в ответах мужчин и женщин. Мужчины чаще вкладывали в слова «неприлично одет (а)» смыслы «неряшливо» - 54%, «безвкусно» - 50% и «неуместно, неподобающе месту и времени» - 42%. У женщин преобладали варианты: «вульгарно» - 70%, «вызывающе» - 63% и «откровенно» - 62%. Эти различия можно объяснить следующим образом. Мужчины снисходительнее относятся к одежде, посредством которой люди вольно или невольно демонстрируют признаки своего пола, символизирующие сексуальность и возможный призыв к сексуальным отношениям. Вероятно, эта снисходительность проявляется, в основном, по отношению к женщинам. Для многих мужчин полуголая, фактически, женщина не всегда «одета неприлично», когда она «одета откровенно». Меньшая снисходительность мужчин к людям, одетым неряшливо, безвкусно и неуместно, может быть связана, если мужчины имели в виду женщин, с осуждением мужчинами женщин, не прилагающих усилий показать мужчинам свою сексуальную привлекательность с помощью одежды. Если же мужчины имели в виду неряшливо и т.д. одетых мужчин, то их порицание обуславливалось распространенными представлениями по поводу надлежащего внешнего вида мужчины, который должен быть ухоженным, опрятным, стильным. Что касается ответов, полученных от женщин, то они, осуждая чаще людей, одетых вульгарно, вызывающе и откровенно, могли иметь в виду, прежде всего, других женщин. В этом осуждении скрывается, как мы полагаем, ревность и негодование по поводу женщин, которые, стремясь привлечь к себе внимание мужчин, демонстрируют им свое голое тело. Осуждающие женщины рассматривают откровенно одетых женщин как людей, применяющих нечестные, в их представлении как приличных и воспитанных женщин, средства конкуренции на рынке сексуально-половых отношений. Возможно, что осуждающие женщины в силу своей воспитанности и привитой им традиционной пуританской морали не могут осмелиться одеться подобным образом, то есть откровенно и вызывающе, хотя и хотели бы это сделать.

Далее респондентам был предложен вопрос: «Почему люди одеваются подобным образом?» Респонденты имели возможность выбрать более одного варианта ответа. По мнению большинства (64%) «неприлично одетые» люди делают это потому, что пытаются привлечь внимание людей противоположного пола. Здесь имеются в виду женщины, ибо именно они склонны, по их признанию, привлекать к себе внимание мужчин посредством выделения тем или иным образом своих груди, ягодиц, бедер. Немного реже (60%) выбирали вариант ответа, что людям нравится такой стиль одежды. Больше трети опрошенных (32%) поддержали вариант, что люди «неприлично одеваются», так как хотят выделиться из толпы. 24% считают, что таким образом люди пытаются следовать моде. 4% затруднились ответить на этот вопрос.

Следующие вопросы были посвящены отношению респондентов к людям, публично демонстрирующим свои чувства друг другу. В формулировке вопросов пояснялось, что имеются в виду поцелуи и объятия. На вопрос, часто ли

респонденты видели таких людей, 25% заявили, что видели людей, открыто демонстрирующих свои чувства, практически каждый день. 46% отметили, что видели таких людей часто, а 28% были свидетелями наблюдателями подобных сцен время от времени. Только один человек из опрошенных никогда не встречал людей, публично демонстрирующих свои чувства друг другу.

Чаще всего (70%) респонденты встречались с такими проявлениями интимного на улицах Новосибирска. Далее следовали такие общественные места города, как кафе, бары и рестораны - 52%. 48% респондентов видели целующихся и обнимающихся людей в общественном транспорте, а 32% - в других открытых для общего доступа местах. 3% респондентов выбрали вариант «другое», не пояснив, что они имеют в виду. Обращает на себя внимание большой отрыв в поддержке респондентами варианта ответа «на улице» от других вариантов ответов. Это может быть связано с тем, что опрос проводился в начале короткого сибирского лета, когда первые теплые дни стали подходящим поводом для проявления влюбленными чувств, питаемых ими друг к другу. Но объяснение может быть связано также с тем, что респонденты, люди молодого и среднего возраста, чаще находились в начале лета на улице, и потому чаще видели проявление чувств под открытым небом. С возрастом респондентов может быть связано и большое число случаев проявления интимных чувств, замеченное ими в «третьих местах» (по Р. Ольденбургу). Вероятно, респонденты имели в виду недорогие кафе и т.д. для молодежи, поскольку в статусных заведениях существуют правила, ограничивающие проявление почтенной публикой интимных чувств. С другой стороны, даже в общедоступных кафе и заведениях фаст-фуда демонстрация публичных ласк затруднена и ограничена правилами поведения посетителей. Поэтому проявлять свои чувства людям приходится чаще на улице. По поводу 48%, полученных вариантом «в общественном транспорте», выскажемся, что респонденты могли иметь в виду маршрутные автобусы и троллейбусы, преимущественно, в вечерние часы, когда молодые пары ищут место для отдыха и, нередко, проведения ночи. В метро, пригородных электропоездах и, особенно, маршрутных такси, публичные поцелуи и объятия крайне редки.

Среди причин, побуждающих людей проявлять жаркие страсти в открытых местах, обратим внимание на следующие причины. Во-первых, поскольку имеются в виду, в основном, влюбленные или сексуально привлекающие друг друга молодые люди, их чувства могут быть настолько сильными, что юноши и девушки не могут и не стесняются держать их втайне от посторонних. Во-вторых, и тоже в связи с возрастом и общественным положением влюбленных, у них может отсутствовать более подходящее место, где они бы могли целоваться и обниматься. Демонстрация своей страсти незнакомым людям, а не родителям, соседям и друзьям, может рассматриваться влюбленными более приемлемой и удобной для них. В-третьих, для объяснения публичности страстных поцелуев и объятий можно использовать понятие «межпространство». Согласно Дж. Урри, межпространство - это новый вид социального пространства, находящийся в промежутках между домом, работой и социальной жизнью [11, с.332]. Межпространства (кафе, рестораны, клубы, улицы, площади и другие общественные пространства, находящиеся под открытым небом) возникают в результате размывания границы между временем пути

и временем дела. В рамках межпространства время пути превращается во время дела. В изучаемом нами объекте время пути влюбленной пары по городу превращается ими во время дела, которым они хотят немедленно заниматься - целоваться и обниматься.

Далее респондентам был задан вопрос: «Почему люди ведут себя подобным образом?» Имелась возможность выбрать более одного подходящего ответа. Чаще всего (60%) респонденты выбирали ответ, что люди не стесняются других. Поскольку мы не просили респондентов пояснять, какой смысл они вкладывали в слова «не стесняются других», интерпретация ответов может быть сложной. Те, кто целуется и обнимается друг с другом в присутствии посторонних, могут не считать подобное проявление своих чувств нарушением общественных норм. Тем более что во многих обществах отсутствуют четкие предписания, установленные культурой, по поводу того, как «правильно» проявлять на публике чувства любви и сексуального влечения к другому человеку. Поскольку сама норма имеет размытый характер, к тем, кто трактует ее еще произвольнее, чем большинство, общество и публика относятся без лишней строгости. Но с другой стороны, на примере публичных поцелуев и объятий мы, может быть, встречаемся с игнорированием испытываемыми любовную страсть людьми негативного отношения к их действиям со стороны случайных свидетелей. Переходим к другим вариантам ответов. 43% ответили, что влюбленные не могут сдерживать своих чувств. Во многом близкими по смыслу являются два варианта ответа: «желание показать свои чувства» (21%) и «им нравится, когда на них смотрят» (15%). Еще 16% заявили, что люди, ведущие себя подобным образом, раскрепощеннее остальных. 6% респондентов связывают публичные поцелуи и объятия с попыткой самоутвердиться. Затруднились выбрать определенный ответ 5% опрошенных.

Еще один вопрос был посвящен чувствам, которые испытывают респонденты при виде людей, ведущих себя подобным образом. 41% раз респонденты выбирали вариант ответа «ничего, мне все равно». Достаточно много респондентов положительно относятся к интимности публичного в виде поцелуев и объятий. К ним относятся те, кому приятно видеть любящих друг друга людей (29%), и те, кто испытывает к ним зависть (9%). Примечательно, что 38%, полученные при выборе двух этих вариантов ответа, весьма близки к 36%, полученным при выборе вариантов ответов «желание показать свои чувства» и «им нравится, когда на них смотрят» в вопросе о причинах публичной демонстрации интимных чувств. Меньшая часть респондентов осудила такое поведение. 12% назвали его недопустимым. У 5% респондентов оно даже вызывает отвращение. 9% ответили, что испытывают что-то другое, но не пояснили, что имеют в виду. 4% затруднились с выбором ответа.

По поводу ответов, в которых присутствует слово «чувства», отметим следующее. Как показали результаты всероссийского опроса, проведенного ФОМ летом 2007 года, 57% опрошенных заявили, что им симпатичней, ближе, приятней те люди, которые сдерживают свои позитивные и негативные эмоции. С другой стороны, 64% опрошенных также заявили, что в их окружении, среди близких и знакомых респондентам людей принято открыто проявлять свои положительные эмоции, а еще 63% назвали себя эмоциональными людьми [12]. Полученные ФОМ результаты помогают понять и объяснить содержание ответов респон-

дентов нашего опроса. Поцелуи и объятия могут символизировать испытываемые человеком положительные эмоции и чувства от общения с дорогим для него человеком. Публичное выражение этих чувств может быть принятым и в окружении респондентов, и ими самими. По поводу того, что многим респондентам ФОМ ближе эмоционально сдержанные люди, поясним, что в опросе ФОМ, судя по ответам, полученным на открытые вопросы, под эмоциями понимались особенности вербальной реакции на ситуации с участием других людей, в которых могли оказываться респонденты. Но содержание опубликованных в отчете ФОМ ответов свидетельствует, что под ситуациями понимались не публичные выражения интимного, близкого к сексуальной сфере, а мелкие конфликты.

Переходим к вопросам, посвященным еще одному показателю публичности интимного - отдыху на пляже без плавок и купальника. Обоснованность присутствия вопросов на эту тему в нашем исследовании обусловлена тем, что прикрытие одеждой половых органов является одной из древнейших культурных традиций. В американском разговорном языке для именовании половых органов используется слово *privates (one's)* [1, с.279]. Само значение этого слова указывает на закрытость, недоступность, секретность. Тем не менее, в последние годы достаточно распространенным является натурализм (нудизм). Но, возможно, его лучшие годы уже позади. По данным, полученным в США, средний возраст нудистов превышает 35 лет и продолжает расти. The Wall Street Journal информирует, что за последние десятилетия количество членов в крупнейших нудистских организациях США не изменяется либо постепенно снижается [10].

Отношение новосибирцев к натуралистам оказалось достаточно сложным. Ответы на вопрос «Можно ли назвать мужчин, загорающих на открытых пляжах без плавок, и женщин, загорающих на открытых пляжах топ-лесс или вообще без купальников, развратными» распределились следующим образом.

Вариант «да» поддержали 14%, «скорее да, чем нет» - 24%, вариант «нет» - 18%, «скорее нет, чем да» - 33%. Оставшиеся 11% затруднились с ответом. Заметно, что отдых без какой-либо одежды на публичных пляжах вызывает у респондентов больше осуждения, чем люди, целующиеся и обнимающиеся в присутствии посторонней публики. Для объяснения этого отношения можно использовать подход Н. Элиаса, согласно которому обнажение в присутствии других, равных по рангу или статусу, рассматривается и осуждается как признак непочтительности, неуважения к ним [14, с.295].

Много места в анкете занимали вопросы, посвященные занятиям сексом в местах, открытых и доступных для общего посещения. Несмотря на то, что публичный секс (*public sex*) может быть заметным для многих людей в обычной повседневной жизни, он остаётся незамеченным и невидимым для многих учёных. Информации о нём нельзя обнаружить в посвящённых сексу работах Э. Гидденса, Г. Маркузе, В. Райха, П.А. Сорокина, Э. Фромма, М. Фуко. Не могут дать ему определённой оценки и участники российских опросов. В ходе одного из них к наиболее табуированным видам ненормативных сексуальных практик респонденты отнесли гомосексуальные контакты - 14,6%, сексуальное насилие - 13,3% и инцест - 13,0%. Публичный секс (в анкете «Сексуальные ласки в общественных местах») отнесли к таковому только 4,6% опрошенных [5, с.111]. Столь невысокий про-

цент может быть связан как с тем, что участники опроса не считают сексуальные ласки в общественных местах чем-то особенно ненормальным, так и с тем, что респонденты могли иметь в виду под сексуальными ласками не сам половой акт, а те же поцелуи и объятия. Еще одно объяснение может состоять в том, что публичный секс крайне редко является объектом общественного внимания и предметом обсуждения в российской прессе. У респондентов отсутствует определенное представление о публичном сексе и сформировавшееся под влиянием СМИ отношение к нему. Другие ненормативные сексуальные практики респондентам более понятны, поскольку часто становились объектом обсуждения в популярных передачах, и потому их оценка менее трудна.

Вопрос, заданный нами, был прямолинейным. В нем упоминались не люди, занятые некими сексуальными ласками в общественных местах, а люди, занимающиеся сексом в открытых для других людей местах. Оказалось, что 81% опрошенных новосибирцев знают о существовании такого явления. Что касается того, как должны реагировать люди, ставшие свидетелями, публичного секса, на происходящее, то картина достаточно противоречива. 33% опрошенных считают, что посторонние должны проходить мимо занимающейся сексом пары, так как это их не касается. Половая принадлежность респондентов не выявила существенных различий в выборе именно этого варианта ответа. 19% считают, что в этом случае следует делать замечание. Женщины выбирали такой ответ чаще мужчин - 63% и 37% соответственно. Еще 14% считают нужным вызвать полицию. Немало было тех (30%), кто затруднился с выбором ответа. Среди них - 67% женщин и 33% мужчин. 4% считают, что подобное поведение нужно одобрить. Для уточнения отношения респондентов к публичному сексу им был задан вопрос «Необходимо ли наказывать людей, занимающихся публичным сексом»? 44% выбрали вариант ответа «да, ибо они развращают общество». 28% считают, что наказывать таких людей не нужно, ибо они вправе делать то, что им нравится. Еще 28% затруднились с ответом.

Стоит отметить, что публичный секс не является, возможно, пока, распространенным в России и конкретно в Новосибирске так, как он распространен в ряде других стран. В ходе опроса двух тысяч жителей Великобритании телеканалом «Алиби» 43% респондентов сообщили, что они занимались сексом в публичных местах [20]. Среди американцев, опрошенных ABC News "Primetime Live", публичным сексом занимались 57% респондентов [21]. В еще одном опросе на эту тему, проведенном компанией сексуальных игрушек Adam & Eve, 52% американцев из тысячи опрошенных занимались публичным сексом. Чаще всего - в автомобиле, в лесу и парке [16]. Среди участников нашего исследования 78% респондентов никогда не встречались с публичным сексом, что называется, лицом к лицу. Однако 21% указали, что им приходилось видеть такое явление. Из них 9% видели людей, занимающихся сексом в публичных местах, только один раз, 9% - более одного раза, но менее пяти раз, а 3% - более пяти раз.

Пожалуй, самый «неудобный» вопрос для респондентов нашего исследования звучал так: «Испытывали ли Вы когда-нибудь желание заняться сексом с близким для Вас человеком (любимым), в месте, где вас могут увидеть другие люди»? 26% опрошенных новосибирцев допускают для себя возможность заняться сексом в открытом месте. Из них 16%

выбрали вариант ответа «да», а 10% - «скорее да, чем нет». Это число близко к 27% жителей канадского города Ванкувера, признавших в ходе опроса, проведенного Vancouver magazine в том, что занимались публичным сексом в различных местах своего города, даже на одном из кладбищ [23]. Возможно, близость этих цифр является случайной. Но позволительно заметить, что различия в сексуальной культуре молодых поколений жителей мегаполисов в разных странах становятся менее значительными. Любопытно, что мужчины чаще женщин выбирали вариант ответа с безоговорочным «да» (я испытываю желание заняться сексом в публичном месте) - 75% по сравнению с 25% у женщин. Зато женщины гораздо чаще выбирали вариант «скорее да, чем нет» - 80% по сравнению с 20% у мужчин. Среди респондентов, выбравших отрицательные ответы, оказалось больше тех, кто выбрал краткое «нет» - 42%. 17% предпочли менее определенный ответ «скорее нет, чем да». И здесь выявлены различия в выборе вариантов ответа женщинами и мужчинами. Женщины чаще выбирали безусловное «нет» - 65%, тогда как мужчины - вариант «скорее нет, чем да» - 59%. Затруднились с ответом 14%. Причем, у женщин выбор варианта ответа вызывал затруднение гораздо чаще, чем у мужчин.

Итак, немалая часть наших респондентов исключает для себя возможность заняться публичным сексом. Полученные ответы могут указывать на присущую многим россиянам, особенно, женщинам скромность, стеснительность и стыдливость. Но, во-первых, наличие этих качеств не означает, что у респондентов действительно НЕТ или не было желания заняться сексом с любимым человеком, в месте, где их могли увидеть другие люди. Среди респондентов могли оказаться люди, которые постеснялись признаться в том, что они хотели бы заняться сексом в публичном месте. Во-вторых, возможно мы получили бы другие ответы, если пояснили бы респондентам формулировку вопроса, который был таким: «Испытывали ли Вы когда-нибудь желание заняться сексом с близким для Вас человеком (любимым), в месте, где вас могут увидеть другие люди»? Мы не спрашивали людей об их желании заняться сексом с любимым человеком непременно на глазах у других людей. Публичный секс - это секс в публичных, или общественных местах. Но секс в публичном месте не всегда происходит в присутствии публики или в ожидании ее появления. Наверное, надо было пояснить респондентам, что мы имели в виду возможность неожиданного для них появления посторонних в тех местах, которые респонденты могли выбрать для занятий сексом.

Респондентам был задан и другой вопрос: «Если Вы испытывали желание заняться публичным сексом, но сдерживали его, то по какой причине»? 52% не испытывали такого желания. Среди тех, кто признал его наличие, чаще всего (20%) отвечали, что постыдились этого, так как было очень многолюдно. 11% заявили, что с их желанием был не согласен партнер. 4% побоялись наказания. Два респондента выбрали варианты ответа «вокруг были незнакомые люди» и «переборол(а) желание». Примечательно, что 11 респондентов признались в том, что они не сдержали своего желания заняться сексом в общественном месте. Среди них 8 мужчин и 3 женщины.

Достаточно определенный ответ был получен от респондентов на вопрос: «А распространение публичного секса может или не может рассматриваться как показатель

упадка общественной нравственности?» 76% респондентов дали утвердительный ответ, причем 43% - безоговорочное «да», а еще 33% выбрали вариант «скорее да, чем нет». Женщины чаще мужчин признают публичный секс показателем упадка общественной нравственности - 50% против 26% у мужчин. 14% всех опрошенных не согласились признавать публичный секс показателем упадка общественной нравственности. Ответы «нет» и «скорее нет, чем да» чаще давали мужчины - 14% и 12% по сравнению с 0% и 5% у женщин.

Выводы и заключение. По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в российском обществе нет единого мнения по поводу того, как относиться к данным проявлениям публичности интимности: принять их как новую форму поведения или же взять под контроль и ограничивать в открытом проявлении. Каждый человек имеет право одеваться так, как считает лучшим или более подходящим для себя. Но при этом нужно понимать, в каком месте человек находится. Откровенный внешний вид допустим на частных вечеринках, в клубах, любых закрытых для широкого доступа местах, но не в открытом публичном пространстве, где могут находиться люди, имеющие иные культурные ценности и представления о нормальном и нравственном. К поцелуям на публике респонденты относятся как к явлению, существующему длительное время, к которому люди уже успели привыкнуть. Публичные поцелуи и объятия не нуждаются в жестком контроле со стороны общества. Но секс в публичных местах нельзя принимать за явление, которое считалось бы нормальным для современного общества. По крайней мере, российского общества.

Большинство опрошенных, люди разного пола и возраста, считают его показателем упадка общественной нравственности. Возможно, потому, что в публичном сексе они видят пример того, как приватный мир и частное пространство осуществляют своеобразную атаку на публичное пространство, ее особую приватизацию. Публичный секс является собой пример демонстративного разрыва общественного договора, благодаря которому существует общество, пренебрежения формальными и неформальными общественными институтами. Из ответов респондентов следует, что данное явление негативно влияет на существующие в обществе правила поведения, нормы и ценности. Но при этом меньше половины респондентов выступают за необходимость наказания для людей, занимающихся публичным сексом. Большинство хотя и считают его безупречным с точки зрения общественной нравственности явлением, не поддерживают необходимость наказания людей, занимающихся публичным сексом. Следует отметить и другое. Проявлять публично свою сексуальность, а точнее, делать то, что запрещено или вызывает осуждение и неодобрение, значит идти против установленного порядка поведения в публичных местах и шире – в пространствах. Это поведение можно рассматривать как способ борьбы с традициями, подрыванием авторитетом власти. Ведь все мы люди и всегда есть то, что нас не устраивает. Соответственно, публичность интимного можно рассматривать как один из способов противостояния устоявшемуся порядку и не безразличия человека к существующей системе. Вот только нужно думать о том, какие последствия принесет данный способ борьбы.

Список литературы:

1. Англо-русский толковый словарь американского разговорного языка / Составитель R.M. Harmon. Перевод под ред. Елдырина К.Л., Харина Л.А. – М.: Видар, 1999. – 416 с.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество / З.Бауман. - М.: Логос, 2002. – 390 с.
3. Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 1 (А-О): Пер. с англ. – М.: Вече, АСТ, 1999. – 544 с.
4. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / Э. Гидденс. - СПб.: Питер, 2004. – 208 с.
5. Зайцева Е.В. Сексуальная культура жителей современного мегаполиса / Е.В. Зайцева. – Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2007. – 203 с.
6. Зиммель Г. Из «Экскурса о социологии чувств» [Электронный ресурс] / Г. Зиммель // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/7.html> (дата обращения: 26.07.2016).
7. Иеринг Р. ф. Избранные труды. В 2 т. Т. 1 / Р. ф. Иеринг. – СПб.: Изд-во Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 618 с.
8. Мельников М. В. Критическая оценка приватизации собственности в России в 1990-е годы и ее влияние на применение термина «приватизация» по отношению к некоторым объектам / М.В. Мельников // Символ науки. Международный научный журнал. 2015. - № 7. – С. 180 - 184
9. Мельников М. В. Приватное и публичное в историческом процесс. Теоретико-социологический анализ: монография / М. В. Мельников. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2016. – 396 с.
10. Нудисты обнаружили, что состарились [Электронный ресурс] // Газета.ру. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/social/2011/05/03/kz_3602257.shtml (дата обращения: 26.07.2016).
11. Урри Дж. Мобильности / Дж. Урри. - М.: Праксис, 2012. – 576 с.
12. Чувства и эмоции в нашей жизни. Опрос ФОМ [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение»: web-сайт. – Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0723/domt0723_6/d072325 (дата обращения: 26.07.2016).
13. Шелер М. Мобильные трансформации «публичной» и «приватной» жизни / М. Шелер, Дж. Урри // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология. – 2004. - № 3. - С.55-61.
14. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Том 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации / Н. Элиас. - М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 382 с.
15. Bailey J. Some meanings of the “private” in sociological thought / J. Bailey // Sociology. Cambridge, 2000. – Vol.34, № 3. – P.381-401.
16. How To Have Sex In Public [Electronic resource] // ASCMEN. - Available at: http://www.askmen.com/dating/love_tip_250/251_love_tip.html(accessed: 26.07.2016).

17. Kohn M. *Brave new neighborhoods: the privatization of public space* / M. Kohn. – New York; London: Routledge, 2005. – 256 p.
18. Monteiro N. P. *No Knights in the Bazaar!? The Role of the Private / Public Distinction in Richard Rorty's Political Philosophy: prepared for presentation at the political theory workshop The University of Chicago, 14 April 2003* / N. P. Monteiro. – Chicago: University of Chicago, 2003.
19. Muller C. "It's not about privacy, it's about control!". *Critical remarks on CCTV and the public/private dichotomy from a Sociological Perspective. Presentation at the Conference "CCTV and Social Control: The politic and the practice of video surveillance – European and Global perspectives. 8th /9 th January 2004 in Sheffield (UK)* / C. Muller. - Available at: <http://www.socio5.ch/pub/sheffield-privacy.pdf> (accessed: 26.04.2014).
20. *Over HALF Brits having sex in a public place and breaking the law...are YOU?* [Electronic resource] / Daily Express. - Available at: <http://www.express.co.uk/life-style/food/589371/Laws-Britain-sex-public-place-illegal> (accessed: 26.07.2016).
21. *POLL: American Sex Survey* [Electronic resource] / ABC. News. - Available at: <http://abcnews.go.com/Primetime/PollVault/story?id=156921> (accessed: 26.07.2016).
22. Simmel G. "The Sociology of Secrecy and of Secret Societies" / G. Simmel // *American Journal of Sociology*. - 1906. – Vol. 11. - P.441-498.
23. *Where Vancouverites like to have sex in public (map)* [Electronic resource] / Vancouver magazine. – Available at: <http://vanmag.com/best-of-the-city/where-vancouverites-like-to-have-sex-in-public-mapped> (accessed: 26.07.2016).

#11, 2016 część 3

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Warszawa, Polska)

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

#11, 2016 part 3

East European Scientific Journal
(Warsaw, Poland)

The journal is registered and published in Poland. The journal is registered and published in Poland. Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)

Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)

Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)

Kehan Schreiner(Hebrew University)

Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Anthony Maverick(Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)

Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)

Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)

Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

**Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie 85/21,
02-001 Warszawa, Polska»**

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe

**Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa,
Polska**

E-mail: info@eesa-journal.com , <http://eesa-journal.com/>

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)

Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)

Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)

Kehan Schreiner(Hebrew University)

Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Anthony Maverick(Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)

Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)

Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)

Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

**Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-001
Warsaw, Poland»**

East European Scientific Journal

Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland

E-mail: info@eesa-journal.com , <http://eesa-journal.com/>